

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

МНЕНИЕ ИСТОРИКА:

*Оттепель 1855–1857 гг: от Николаевского времени
к эпохе Великих реформ*

— ◆ —
Епископат и русская знать XVI в.

Чиновники Российской империи

*Граф М.М. Сперанский
в общественном мнении 1860-х гг.*

*Аграрная политика самодержавия
в отечественной историографии 1960–2010-х гг.*

Депутаты и цензура в годы Первой мировой войны

Дискуссия о профсоюзах на Урале

Судьба первого пятилетнего плана

Экономическая политика Н.С. Хрущёва

Обсуждаем книгу

А.В. Островский.

Россия. Самодержавие. Революция

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА

4

июль
август

2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.К. Сорокин,
В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, В. Дённингхаус, С.В. Журавлев, В.В. Зверев,
Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин,
Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова,
А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Епископат и военно-служилая знать в России XVI в.

Андрей Усачёв

Episcopate and military service nobility in Russia of the 16th century

Andrey Usachev

(*Russian State University for the Humanities, Moscow;*

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia)

DOI: 10.31857/S086956872204001X, EDN: FYMTMG

В России периода Средневековья и раннего Нового времени постриг принимало значительное число лиц, представлявших все слои населения, но иерархами становились единицы. Пожизненный статус архиерея, подкреплённый соответствующими финансовыми и административными возможностями, придавал его носителю социальный «вес» ничуть не ниже члена Боярской думы¹. При этом, в отличие от погружённых в самую гущу политических событий членов Государева двора и тем более Боярской думы, архиереи в целом оказывались более устойчивы к стремительно меняющейся придворной конъюнктуре и капризам самодержца, временами «перебравшего людишек» даже самого знатного происхождения. Неизбежен вопрос: в какой мере эта заманчивая социальная перспектива побуждала русских аристократов обращать взор в сторону Церкви? В поисках ответа обратимся к персональному составу архиереев XVI столетия, но прежде выясним, сколько в Русской церкви того времени было архиереев знатного происхождения.

За этот период различные кафедры Московской митрополии занимали не менее 120 архиереев (некоторых поставили в XV в., иные скончались уже в XVII в.). С той или иной степенью гипотетичности статус устанавливается у 35 лиц. Из среды служилых «по отчеству» вышли 13 архиереев (несколько больше трети). Хотя эта цифра и уступает числу иерархов, вышедших из белого духовства (19), она значительна. Каков был их статус в миру?

Характеризуя рассматриваемую группу, обращу внимание на исключительно важный социальный факт: большинство из этих иерархов происходили из провинциальных служилых родов средней руки, некоторые представляли старомосковскую знать. Таковы в XV–XVI вв. Заболотские (смоленский епископ Гурий в 1539–1555 гг.), Курцевы (новгородский архиепископ Серапион в 1551–1552 гг.), Пушкины (сарский и подонский епископ Варлаам в 1583–1586 гг.), Сандыревы-Полевы (казанский архиепископ Герман в 1564–1567 гг.),

© 2022 г. А.С. Усачёв

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218.

¹ Судя по размеру вкладов архиереев, их финансовый потенциал сопоставим с возможностями членов Боярской думы. Так, московский митрополит Даниил только в Иосифо-Волоколамский монастырь дал вкладов не менее чем на 590 руб.; суздальский, а затем полоцкий владыка Трифон (Ступишин) – на 500 руб.; тверской владыка Акакий – на 310 руб.; рязанский епископ Леонид (Протасов) – на 1 240 руб. (Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 146).

Санины (ростовский архиепископ Вассиан в 1506–1515 гг.), Скрипицыны (митрополит Иоасаф в 1539–1542 гг.), Стремоуховы (суздальский епископ Семион в 1509–1515 гг.), Ступишины (суздальский епископ в 1549–1551 гг., полоцкий архиепископ Трифон в 1563–1566 гг.), Топорковы (коломенский епископ Вассиан в 1525–1542 гг.) и Хворостинины (казанский архиепископ Тихон в 1575–1576 гг.). Выходцы из этих родов не только не получали думных чинов², но и далеко не всегда входили в состав Государева двора. Значимые служебные назначения были для них редкостью (самое заметное исключение – царский казначей Н.А. Фуников-Курцев).

Часть архиереев в миру принадлежала к аристократическим родам – княжеским – кн. Стригины-Оболенские (тверской епископ Вассиан в 1477–1508 гг.), старомосковским – Кольчевы (митрополит Филипп в 1566–1568 гг.) и выехавшим из-за рубежа – Траханиоты (тверской епископ Нил в 1509–1521 гг.). Их представители входили в Боярскую думу. Впрочем, за исключением кн. Оболенских, речь не шла о родах, её формирующих. Лишь отдельные – сравнительно немногочисленные – Кольчевы и Траханиоты – получали думные чины. Несмотря на личное, порой немалое влияние отдельных представителей этих родов, их политический и социальный вес в целом несопоставим с влиянием кн. Патрикеевых, Мстиславских, Воротыньских, Шуйских, Курбских, Сицких. По уровню влияния и богатства они уступали и родам старомосковской знати – Челядниным, Захарьиным-Кошкиным, Шереметевым, Морозовым, Сабуровым.

Эта картина в корне отлична от той, что имела место в странах латинского Запада. Ещё с эпохи поздней Античности ядро епископата здесь составляли выходцы из имперской или местной знати (сенаторы и куриалы)³. Социальный состав руководителей католической Церкви в период Средневековья также был весьма аристократичен. Это обуславливалось тем, что майорат лишал или, по крайней мере, значительно ограничивал социально-экономические и политические перспективы младших отпрысков даже самых знатных и влиятельных родов. Стремясь сохранить дарованное происхождением положение в обществе, младшие сыновья, а иногда и располагавшие ещё более туманными социальными перспективами бастарды простых рыцарей, аристократов, а порой и монархов нередко вынужденно избирали духовную карьеру. Самое общее представление о соотношении наиболее образованных представителей (как правило, младших) родов европейской знати, избравших церковную карьеру, и тех, кто остался в миру, дают сведения о выпускниках старейших английских университетов – Оксфорда и Кембриджа. До конца XV в. их закончили 88 человек из английской титулованной знати. Из них лишь шестеро остались мирянами⁴.

Ряд значимых английских, французских, испанских, итальянских, немецких, польских, литовских, венгерских и шведских родов (включая королевские) «отметился» по меньшей мере одним-двумя епископами, архиеписко-

² Лишь в самом конце XVI в. один из Пушкиных – Евстафий Михайлович – после почти 30-летней службы сумел занять низшую ступень в иерархии Боярской думы, став думным дворянином (*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 64).

³ *Rapp C.* Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in a Time of Transition. Berkeley, 2005. P. 183–195.

⁴ *Стасевич В.А.* Титулованная знать при ранних Тюдорах. СПб., 2020. С. 265.

пами и кардиналами. В некоторых землях Германии ограничивался доступ на вершину церковной иерархии выходцев не только из простолюдинов, но даже из семей низшего дворянства, и это привело к тому, что, по словам Т.Н. Таценко, к XVI в., а скорее даже и раньше, церковные капитулы в Германии приобрели закрытый аристократический характер, туда допускались члены семей лишь высшего титулованного дворянства, княжеских родов⁵. Среди иерархов без труда обнаруживаются выходцы из таких родов как Альба, Мендоса, Гонзага, Плантагенет, Стаффорд, Бофорт, Амбуаз, Бурбон, Гиз, Ришельё, Нассау, Изенбург, Гогенцоллерн, Виттельсбах, Меттерних, Ваза, Гедройц, Гольшанские, Радзивилл, Кишка, Конецпольские, Сапега, Тышкевич, Чарторийские, Ягеллон и Батори.

Избирая римских пап, конклав (его члены порой зарабатывали на продаже голосов на выборах состоятельным кандидатам), как правило⁶, предпочитал потомков наиболее знатных и состоятельных родов (по преимуществу итальянских) — Бофор, Колонна, Борджиа, Медичи и др. Из едва ли не самого знатного и влиятельного римского рода эпохи Средневековья и Нового времени — Орсини — вышли пять римских пап и около трёх десятков кардиналов. Для более раннего и более позднего периода в целом характерна та же тенденция. В ряде случаев происхождение избавляло отпрысков знатных родов от восхождения по всем ступеням духовной иерархии — епископами и кардиналами они нередко становились, едва достигнув дееспособного возраста, а порой и раньше.

В России XVI в. сложилась принципиально иная ситуация: выходцев из аристократии в составе епископата оказались единицы. С чем это могло быть связано? Безусловно, немалую роль играла традиция. Тесная генеалогическая связь церковной и политической элит никогда не была характерна для Русской церкви. Во многом это обуславливалось традициями Восточной Церкви, где, в отличие от Западной, в гораздо бóльшей степени действовали меритократические критерии отбора кандидатов на замещение вакантных кафедр. Сращиванию политической и церковной элит в период создания и первых столетий существования Русской митрополии не способствовало и то, что значительная часть архиереев присылалась из Константинополя. В домонгольский период из 23 митрополитов лишь двое — Иларион и Климент Смолятич — не являлись греками. Имели греческое происхождение и некоторые епископы (особенно в первые десятилетия после крещения Руси)⁷.

Из 121 известного нам архиерея в XIV—XV вв. (имеющиеся перечни содержат ряд лакун) происходили из знатных родов очень немногие. Тверской епископ Андрей (1289—1316) являлся сыном литовского князя Герденя, некоторое время правившего в Полоцке. Митрополит Алексий (1354—1378) происходил из известного московского боярского рода Бяконтовых. Возможно, ростовский архиепископ Арсений (около 1370 г.) являлся потомком ростовских князей (характер его родства с известными представителями этого княжеского

⁵ Таценко Т.Н. Немецкое дворянство XVI в. // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 164.

⁶ Речь идёт о преобладающей тенденции. Отдельные папы не могли похвастаться знатными и состоятельными родичами. Например, Николай V (1447—1455) был сыном врача. Явно не принадлежали к аристократии Адриан VI (1522—1523) и Пий V (1566—1572).

⁷ Шапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 169—179, 191—213.

рода до конца не ясен)⁸. К разорившемуся роду ростовских бояр принадлежал ростовский архиепископ Фёдор (1390–1395). Из среды небогатых вотчинников Солигалича вышел рязанский епископ (между 1410 и 1431–1448 гг.), а затем митрополит всея Руси (1448–1461) Иона. Выходцем из землевладельцев Углича являлся его преемник на митрополичьей кафедре Феодосий (Бывальцев) (1461–1464). Тверской владыка Геннадий (Кожин) (1461–1477) происходил из кашинского служилого рода средней руки. Самыми знатными архиереями XV в. были выходцы из рода служилых кн. Оболенских – ростовский архиепископ Иоасаф (1481–1488) и тверской епископ Вассиан (1477–1508). Даже принимая во внимание то, что происхождение большинства руководителей Церкви неизвестно – источниковая база по XIV–XV вв. существенно скромнее, нежели по последующему периоду, – очевидно, что девять архиереев из не менее чем 121 – не так много.

Однако традиции было недостаточно для игнорирования знатными лицами духовной карьеры, дающей исключительно высокий статус, относительную стабильность положения и немалые возможности. В XVI в. численность знати резко возросла, в то время как материальное благосостояние большинства её представителей существенно снизилось. Тем не менее и тогда «честные мужи», судя по числу архиереев из их числа, в отличие от своих европейских визави, не слишком стремились покорять вершину церковно-административного олимпа. Обращу внимание на социальные причины, по которым, на мой взгляд, подавляющее большинство представителей русской знати не желало принимать постриг в раннем возрасте и с течением времени становиться архиереями⁹ (уход от мира в старости был общей практикой).

В условиях отсутствия майората земельные владения представителей русской знати могли многократно дробиться (запрет на подобную практику ввёл лишь указ Петра I о единонаследии 1714 г.). Плодовитость русских аристократов приводила к тому, что уже через несколько поколений многочисленные потомки даже Рюриковичей – наследников великих и удельных князей XIII–XV вв. – с экономической точки зрения мельчали. В XV–XVI вв. наблюдаем многие десятки и даже сотни взрослых представителей родов или пронизанных родственными связями территориальных корпораций (ростовской, ярославской, суздальской, стародубской и др.). Слова Ивана IV во Втором послании кн. А.М. Курбскому о том, что «Божиим милосердием... у меня *Прозоровских было не одно сто* (курсив мой. – А.У.)»¹⁰, отражали не только его презрительное отношение к служилым людям даже очень знатного происхождения, но и генеалогическую реальность.

Источники XV–XVI вв. упоминают 672 потомков ярославских князей (Курбских, Прозоровских, Сицких, Ушатых, Шаховских). Подавляющее большинство из них служили московским великим и удельным князьям. Аналогичную картину дают результаты исследования генеалогии многочисленных в XV–XVI вв. кн. Оболенских (Курлятевых, Репниных, Стригиных, Телепнёвых):

⁸ *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 2. СПб., 1891. С. 52–54.

⁹ О продолжительности иноческого «стажа» и возрасте, в котором, как правило, в России XV–XVI вв. становились руководителями Церкви, см.: *Усачёв А.С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // *Российская история.* 2017. № 5. С. 106–109.

¹⁰ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1979. С. 104.

источники упоминают не менее 339 представителей этого рода, в большинстве состоящих на службе московских князей¹¹. Многочисленны были и роды нетитулованной знати. Например, одних только взрослых мужских представителей рода Пушкиных в XVI в. насчитывалось не менее 90¹². Счёт отпрыскам даже сравнительно малочисленных родов также шёл на десятки. Источники конца XV–XVI вв. фиксируют 22 представителей не самых многочисленных кн. Палецких¹³.

Очевидно, что в подобной ситуации независимо от размера земельных владений родовой корпорации в целом, о сохранении прежнего объёма земельных владений большинством потомков даже некогда крупных землевладельцев речи не шло. С этим и связано то, что, судя по дошедшим источникам, русская знать не отличалась расточительством, характерным для элиты Англии, Франции или Польско-Литовского государства. Дело не только в природной скромности или какой-то особой склонности к аскезе русских аристократов — у подавляющего большинства из них просто не было достаточных средств. Тесть кн. Ивана Меньшого Михайловича Мезецкого — состоятельный благовещенский протопоп, духовник Василия III Василий Кузьмич — «кормил» зятя 13 лет. Необходимые князю для службы доспехи, коней, одежду ему лично и его боевым холопам приобретал тесть, вдобавок к тому потративший не менее 1 тыс. руб. на покрытие долгов и выкуп владельческих прав у родичей своего знатного, но обедневшего зятя¹⁴. Как сообщает С. Герберштейн, выходец из рода ярославских князей И.И. Засекин, «который от имени своего государя был послом у цесаря Карла в Испаниях... был настолько беден, что взял займы... на дорогу платье и колпак»¹⁵. Порой даже члену Боярской думы не хватало средств на то, чтобы снарядить на «государеву службу» себя и своих боевых холопов. Одному из кн. Шуйских — Александру Борисовичу Горбатову (в недалёком будущем *de facto* командующему в победоносном Казанском походе 1552 г.) — в 1540-е гг., снаряжаясь в поход, пришлось заложить платье жены¹⁶. Роскошь стала входить в быт русского аристократа позднее — во второй половине XVII в.¹⁷ Однако при этом значительная часть потомков измельчавших родов вотчины (порой весьма незначительного размера) всё-таки наследовали. Тем самым они сохраняли свой дарованный происхождением статус, если не имущественный, то, по крайней мере, социальный.

Другое обстоятельство, оказавшее существенное — возможно, определяющее — влияние на социальный состав русского епископата и церковной элиты

¹¹ Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 19–137.

¹² Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 92–120.

¹³ Сергеев А.В. Политическая деятельность и землевладение княжеской аристократии Московского государства XVI в.: князья Палецкие // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3(77). С. 43–59.

¹⁴ Назаров В.Д. Великокняжеский духовник в семейном портрете и в контексте кремлёвского сообщества // Кремль в истории России: к 500-летию Александровского кремля. Материалы международной научно-практической конференции, 11–13 ноября 2013 г., г. Александров. Т. 1. Владимир, 2014. С. 13–14.

¹⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 359.

¹⁶ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 82–83.

¹⁷ Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 491–494.

в целом. Сравнительно недавно сложившееся Русское государство остро нуждалось в служилых людях для обслуживания его военных и административных нужд, резко возросших во второй половине XV в. В условиях Средневековья это были служилые люди «по отечеству», на протяжении ряда поколений несшие военную и административную службу. Именно представители этого слоя в эпоху Средневековья составляли главную ударную силу армий всех государств Европы — тяжеловооружённую конницу рыцарского типа («кованую рать» русских источников XV—XVII вв.).

В Русском государстве численность русских «честных мужей» в период Средневековья была заметно ниже, нежели число дворянства крупнейших государств Западной и Центральной Европы. Среди прочего это обуславливалось общей скудостью демографических ресурсов в стране в то время. Численность её населения в XVI в. историки оценивают от 2,5–2,9 до 8–11 млн человек¹⁸. Во Франции середины XVI в. проживало около 18 млн человек. Численность населения не самой крупной страны Европы — Венгрии — в XVI в. составляла около 3–3,5 млн человек, Польши (без Великого княжества Литовского) к 1500 г. — 7,5 млн, в 1650 г. — порядка 11 млн человек¹⁹.

Однако дело было не столько в численности населения страны, сколько в нехватке людей того слоя, в представителях которого так нуждался великий князь. В России на начало XVI в., согласно С.Б. Веселовскому, насчитывалось около 20 тыс. светских феодалов. На протяжении столетия цифра, конечно, несколько возросла и могла достигнуть 25 тыс. человек²⁰. В зимнем походе 1562–1563 гг. русского войска на Полоцк приняли участие, возможно, до 18 тыс. служилых людей «по отечеству»²¹. Примерно такую же цифру привёл и Герберштейн, побывавший в России в первой четверти XVI в. По его данным, ежегодно великий князь Василий III в ожидании нападения войск крымского хана выставлял на южной границе 20 тыс. воинов. Альберт Кампенский в сочинении о России (около 1523–1525 гг.) сообщил, что в Московском княжестве насчитывалось «тридцать тысяч бояр, то есть знатных людей, выступающих на войну конными»²². Примерно таково же было количество служилых людей «по отечеству» в 1632 г.²³

¹⁸ *Копанев А.И.* Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 233–254; *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет: (XVI — начало XX вв.). М., 1973. С. 26–27; *Kaštanov S.M.* Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert // Jahrbucher für Gechichte Osteuropas. Bd. 43. Wiesbaden, 1995. Hf. 3. S. 321–346.

¹⁹ *Пименова Л.А.* Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство... С. 70; *Гусарова Т.П.* Дворянство Венгрии в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство... С. 184; *Дмитриев М.В.* Польская шляхта в XVI–XVIII вв. // Европейское дворянство... С. 193.

²⁰ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 32; *Бенцианов М.М.* Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV — середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 266.

²¹ Приведённая цифра отражает численность поместной конницы, принявшей участие в этом походе (*Курбатов О.А.* Отклик на статью А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооружённых сил Российского государства в XVI в.» // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2(5–6). С. 109–112).

²² *Герберштейн С.* Указ. соч. Т. 1. С. 241; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 102.

²³ Государев двор в 1632 г. насчитывал 2 769 человек, служилые корпорации различных уездов — около 25 тыс. (*Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018. С. 415–416).

В далеко не самой крупной и густонаселённой стране этого периода — Англии — в XVI в. только эсквайрами себя именовали 40–50 тыс. человек. В последней четверти XVI в. сопоставимой являлась численность дворянства в гораздо более густонаселённой, но разорённой в ходе длительных гражданских войн Франции — от 30 до 50 тыс. Количество испанского и, что для нас особенно важно, польского дворянства была существенно выше. На 1591 г. только в Кастилии насчитывалось 134,2 тыс. дворянских семей, что составляло около 10,2% её населения. Примерно такое же соотношение характерно и для Польши, где шляхта могла составлять от 8 до 10% всех жителей страны (в 1500 г. — 7,5 млн, в 1650 г. — 11 млн) (в прочих государствах Европы дворян было от 1 до 3% от общей численности населения)²⁴. Если это действительно так, то число взрослых польских шляхтичей мужского пола могло в 5–6 раз превышать количество русских служилых людей «по отчеству».

В условиях активизации внешней политики государства великокняжеская власть нуждалась в значительном увеличении армии, ядро которой составляла дворянская конница. Поддержание её на определённом уровне требовалось для обеспечения по меньшей мере военного паритета с главным противником на западных рубежах — Великим княжеством Литовским, нередко имевшим военную поддержку состоявшей с ним в унии Польши с её многочисленной шляхтой. Значительные силы требовались и для несения регулярной — с первой четверти XVI в. ежегодной — службы на границах страны.

В XV в. начался процесс формирования бюрократического аппарата, основу которого до XVII в. составляли выходцы из родов служилых людей «по отчеству». Счёт дьякам и подьячим в XVI в. шёл на сотни²⁵. Ряд представителей служилых родов назначались на административную службу, тем самым отвлекаясь от службы военной. К этому следует прибавить и возросшую «нагрузку» по управлению значительной территорией, что требовало привлечения многих сотен наместников, волостелей и городских воевод, сочетавших воинскую службу с административной²⁶. Несмотря на то что последняя давала им возможность улучшить материальное положение (нередко она рассматривалась как награда за верность на поле боя), она отвлекала значительное число служилых людей от воинской службы.

Как видим, с одной стороны, Россия располагала более малочисленным слоем профессиональных воинов и управленцев, нежели прочие крупные государства Европы. С другой, учитывая размер подведомственной территории и протяжённость границ (особенно южной), социальная «нагрузка» на него оказалась существенно выше, чем в других европейских странах. Именно

²⁴ Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI — начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство... С. 25; Пименова Л.А. Дворянство Франции... С. 69–70; Ведюшкин В.А. Идальго и кабальеро: испанское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство... С. 101; Дмитриев М.В. Польская шляхта... С. 193–194.

²⁵ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 518–533, 585–636; Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 814–854; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011; Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орёл, 2013; Савосичев А.Ю. Новые верники Грозного царя. Орёл, 2015.

²⁶ О численности и персональном составе этой группы лиц см.: Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., 2000.

поэтому великокняжеская власть рассматривала повышение численности соответствующего социального слоя как свою едва ли не главную внутри- и особенно внешнеполитическую задачу. Не позднее последней четверти XV в. она приступила к осуществлению комплекса мероприятий, направленных на её решение — формированию особой служебной организации. Специально не рассматривая историю её создания и функционирования²⁷, остановлюсь лишь на фактах, которые могли оказать влияние на социальный состав церковной элиты.

Главной среди соответствующих мер, принимаемых в условиях недостаточной развитости товарно-денежных отношений, было создание поместной системы, позволявшей выходцам из мельчающих служилых родов сохранить свой статус и материальное положение. Это являлось необходимым условием для обеспечения армии и государственного аппарата кадрами, с малых лет обученными основам воинского и административного ремесла. По сути, речь шла о заключении взаимовыгодного союза между представителями знати и великокняжеской властью. Первые получали гарантированную властью широко понимаемую «службу» и связанный с ней высокий статус в обществе, вторая — необходимых ей в условиях хронического дефицита людских ресурсов квалифицированных потомственных специалистов.

Во многом этим и определялась ситуация, немислимая в других странах Западной, Центральной и Восточной Европы раннего Нового времени: почти все или большинство «честных мужей» различного статуса поступали на службу к государю, за что получали гарантированное содержание. Для России раннего Нового времени не характерно наличие более или менее значительного числа «безработных» дворян и детей боярских. Конечно, процесс включения в служебную организацию землевладельцев был растянут во времени и имел региональную специфику. До середины XVI в. ещё сохранялись мелкие вотчинники, не служившие великому князю, а находившиеся на службе крупных землевладельцев или не служившие вовсе. По данным писцовых книг, в 1551–1554 гг. значительная часть мелких тверских вотчинников ещё не была обременена обязательной службой русскому государю²⁸. По подсчётам М.М. Крома, из 1173 землевладельцев Тверского уезда лишь 489 служили великому князю; 168 — тверскому епископу и светским лицам, 220 не служили никому²⁹.

Как видим, русский служилый человек «по отечеству» (как, впрочем, и иные, менее привилегированные категории служилых людей) получал социальные гарантии, которых не имел его европейский визави. По мнению Б.Н. Флори, в Московской Руси XVI–XVII вв. сохранились элементы сложившейся ещё в XI–XIII вв. у западных и восточных славян «служебной организа-

²⁷ О формировании и функционировании этой системы во второй половине XV – XVII в. см.: *Рождественский С.В.* Указ. соч.; *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 212–216, 281–325; *Флоря Б.Н.* Служебная организация и её наследие в Московской Руси XVI–XVII вв. // *Zbornik filozofske fakulty University Komenskeho. Historica.* XLIII. Bratislava, 1997. С. 183–188; *Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории).* СПб., 2006; *Бенцианов М.М.* Дети боярские «наугородские помещики»... С. 241–277; *Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019; *Бенцианов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. М., 2021; *Козляков В.Н.* Служилые люди...

²⁸ *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение... Т. 1. С. 212–213.

²⁹ *Кром М.М.* Частная служба в России XVI века // *Русское Средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексева.* М., 2012. С. 427.

ции». Это касалось и иных необходимых государю профессионалов. Примерно 50 слобод (Денежная, Пушкарская, Бронная, Хамовная, Печатных мастеров, Гончарная и др.), подчинённых ряду ведомств (в первую очередь дворцовому) и населённых специалистами, из поколения в поколение обслуживающими нужды русского государя в раннее Новое время, историк сопоставил с категориями зависимого от киевского князя населения XI–XIII вв. (бобровники, бортники). По мнению Флори, в России в XVI–XVII вв. шла «реанимация» «служебной организации», в других странах уже ушедшей в прошлое³⁰. В прочих странах Европы ситуация была иной.

Десятки тысяч безземельных рыцарей в Европе эпохи Средневековья и раннего Нового времени – пожалуй, самый «взрывоопасный» элемент феодального общества, – стремясь поддержать свой если не социальный, то, по крайней мере, материальный статус, были вынуждены отправляться в крестовые походы, в Новый свет, заниматься разбоем, пополнять ряды наёмников или порывать со своей средой.

В раннее Новое время ослабление связей со своей средой – как генеалогических, так и по роду занятий – было характерно не только для младших потомков знатных родов, но и для старших, в той или иной мере сохранявших свои социальные позиции. Например, во второй половине XVI в. 78% аристократических семейств Англии занимались предпринимательством, принимая участие в паевых товариществах, организации горнорудного производства, финансировании торговых компаний или даже пиратства. Разорившиеся английские лорды порой уговаривали состоятельных горожан отдавать дочерей за своих сыновей. Представителей французского дворянства в XV–XVI вв. от участия в коммерции не удерживали даже многократные королевские запреты³¹. Неудивительно, что выходцы из знатных и влиятельных родов Европы, стремясь сохранить дарованный происхождением статус, шли в Церковь, пополняя число аббатов, епископов, кардиналов и римских пап.

В России раннего Нового времени социальных причин для массового исхода аристократов в Церковь не имелось. Благодаря комплексу мероприятий, проводившихся с эпохи Ивана III, возникли условия для удержания их почти всех (в случае с представителями родов «первой строки» – всех) в рамках соответствующей социальной страты. Конечно, какая-то более или менее значительная часть измельчавших вотчинников пополняла штаты слуг более состоятельных светских землевладельцев, а также удельных князей, иерархов Церкви и монастырей. Однако, по сути, род их занятий не менялся: они по-прежнему выполняли преимущественно военно-административные поручения и вместе со своими патронами по первому зову великого князя отправлялись в поход³². В отличие от Гизов, Меттернихов, Гольшанских, Радзивиллов или Борджиа, основным занятием русских аристократов являлась служба государю – военная

³⁰ Флоря Б.Н. «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74; Флоря Б.Н. Служебная организация и её наследие... С. 183–188.

³¹ Дмитриева О.В. Английское дворянство... С. 18, 19; Пименова Л.А. Дворянство Франции... С. 66–68.

³² Веселовский С.Б. Феодальное землевладение... Т. 1. С. 221–230; Панях В.М. Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967. С. 74–78; Пономарёва И.Г. Слуги Троице-Макарьева Калязина монастыря // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 85–87; Кром М.М. Частная служба... С. 422–432.

и административная. Очевидно, что в Русском государстве можно говорить о принципиально ином уровне слияния подавляющего большинства «честных» родов со службой (находившиеся на менее «престижной» службе — удельным князьям или иерархам Церкви — лица нередко переходили на службу великому князю, при этом представители одного рода могли одновременно служить как великим, так и удельным князьям³³). Именно этим и обусловлен социальный феномен эпохи раннего Нового времени, не характерный для прочих стран Европы: в последних речь идёт о знати, в России — о *служилой* знати. Если на Западе Европы служба аристократа монарху являлась *привилегией*, то на Востоке стала *обязанностью*³⁴.

Конечно, путь к формированию этого явления русской социальной действительности был непрост. Наряду с борьбой с проявлениями глухого ропота некоторых относительно состоятельных представителей знати (И.Н. Берсенья-Беклемишева и иных), недовольных значительным увеличением объёма служебной «нагрузки»³⁵, великокняжеской власти приходилось решать и экономические проблемы. В конце XV — XVI в. она предпринимала титанические усилия для наделения землёй служилых людей, постоянно изыскивая для этого новые возможности. Главным ресурсом являлся фонд «чёрных» земель, которых в Русском государстве в рассматриваемый период имелось существенно больше, чем, например, в Польше³⁶. Использовались и иные источники. В конце XV в. были задействованы ресурсы владычной кафедры недавно присоединённого Новгорода, а также конфискованные вотчины его крупных землевладельцев³⁷. Это дало возможность довести численность новгородских помещиков примерно до 1,3 тыс. человек. В середине XVI в. их насчитывалось уже не менее 4119 (возможно, до 5,5–6 тыс.) человек³⁸.

Дефицит служилых людей был настолько велик, что власти, стремившейся в кратчайшие сроки повысить численность военно-служилой страты общества, пришлось пойти на некоторую генеалогическую девальвацию её статуса. На территории Новгородской земли испомещали не только «честных мужей», но и их располагавших боевым опытом послужилцев (нередко разорившихся выходцев из той же социальной среды), чей статус был ниже (в тот период распустили двory ряда представителей аристократии — кн. Патрикеевых, Рязполовских и др.). В конце XV в. более 10% новгородских помещиков составили представители этого слоя³⁹. В XVI — начале XVII в. испомещали лиц, не

³³ Например, Колычевы служили как великому князю, так и старицким князьям (Зимин А.А. Колычевы и русское боярство в XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 55–71).

³⁴ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 113.

³⁵ Хорошкевич А.Л. Великий князь и его подданные в первой четверти XVI в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Международная конференция — Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1994. С. 169–173.

³⁶ Флоря Б.Н. Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4(46). С. 12.

³⁷ В этот период примерно 87% новгородских земельных владений сменили хозяев (Правящая элита Русского государства... С. 158).

³⁸ Бенцианов М.М. Дети боярские «наугородские помещики»... С. 265–266.

³⁹ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение... Т. 1. С. 223–230; Панях В.М. Кабальное холопство... С. 74–78; Бенцианов М.М. Дети боярские «наугородские помещики»... С. 251–255.

являвшихся потомственными служилыми людьми, и в других уездах. Лишь после Смуты служилым людям «по отечеству» удалось добиться от правительства запрета на верстание в дети боярские служилых людей «по прибору» и выходцев из податных слоёв населения⁴⁰.

В поместную раздачу «государь всея Руси» был не прочь пустить и немалые монастырские вотчины. На Соборе 1503 г. Иван III поставил вопрос о возможности их конфискации. Однако внезапный недуг (по-видимому, инсульт), сразивший государя в самый разгар напряжённых споров о возможности конфискации владений Церкви, истолкованный как Божья кара⁴¹, снял с повестки эту перспективу. Тем не менее с середины XVI в. правительство ограничивало рост земельных владений Церкви, особенно в последние годы разорительной для служилых землевладельцев Ливонской войны⁴².

Однако оставались и иные ресурсы — как внутренние, так и внешние. О последних красочно писал в 1540-е гг. Иван Пересветов, ратуя за наделение русских «воинников» казанской «подрайской землицей»⁴³. В поместную раздачу стали поступать вотчины, конфискованные у репрессированных лиц. Кроме того, служилые люди получали поместья в недавно присоединённом Среднем Поволжье, а также на территориях Ливонии и Великого княжества Литовского, временно входивших в состав России в годы Ливонской войны. С реалиями формирования поместной системы связаны многочисленные факты землевладения представителей одного рода в различных регионах страны. Согласно наблюдениям Веселовского, на территориях, присоединённых к Русскому государству с конца XV в. (Новгород, Псков, Смоленск, Дорогобуж, Торопец, Великие Луки, Орёл), вотчин почти не было. Львиная доля земель здесь поступила в поместную раздачу⁴⁴.

И всё же внутренних демографических ресурсов не хватало, поэтому с последней четверти XV в. стали системно проводиться мероприятия, направленные на увеличение численности столь необходимого власти социального слоя путём привлечения на службу иноземцев. Если выходцев из стран Европы было сравнительно немного (несколько сотен преимущественно узких специалистов в артиллерии, инженерном деле, градостроительстве и медицине)⁴⁵, то выходцев с Востока (в первую очередь татар) оказалось значительное число. Демонстрируя чудеса политической гибкости и конфессиональной толерантности, власти, не требуя срочного и поголовного крещения, испомещали их как на территории Среднего Поволжья и в Мещере, так и в центральных уездах

⁴⁰ Козляков В.Н. Служилые люди... С. 152, 208.

⁴¹ Усачёв А.С. Об одной аналогии рассказу о болезни Ивана III в 1503 г. // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 343–349.

⁴² Рождественский С.В. Указ. соч. С. 113–120; Веселовский С.Б. Феодалное землевладение... Т. 1. С. 99–109; Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб., 2020. С. 61–62.

⁴³ Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 182, 208.

⁴⁴ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение... Т. 1. С. 321–326.

⁴⁵ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998; Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2015; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004; Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.

государства, а также в Новгородской земле⁴⁶. Стремясь увеличить численность поместной конницы, правители «Третьего Рима» — главные гаранты чистоты вселенского православия — не останавливались и перед прямым нарушением канонов, воспрещавших отдавать православных в «порабощение» иноверцам (число крестившихся татар на русской службе до середины XVII в. оставалось сравнительно небольшим)⁴⁷. Благодаря этому к концу XVI в. тысячи служилых татар составляли до 10% русской поместной конницы⁴⁸.

Специально не рассматривая очевидных внешнеполитических следствий формирования служебной организации Русского государства (к середине XVI в. этот процесс в целом завершился), зафиксирую важный результат её создания и функционирования: социальные причины для раннего ухода в Церковь у представителей знати отсутствовали. В отдельных случаях имелись причины политические. Например, постриг Вассиана (Патрикеева) обусловила опала кн. Патрикеевых и Ряполовских. Очевидна и связь пострига Филарета (Романова) с опалой Романовых при Борисе Годунове. По тем или иным причинам негодный к военной службе — великому князю, значимому светскому или духовному лицу — служилый человек мог влиться в стремительно разрастающийся бюрократический аппарат. Весьма заманчивые служебные перспективы, гарантированные местничеством, побуждали представителей знатных родов, стремящихся сохранить или повысить свой статус, обращать взор не на Церковь, а на Государев двор, вбиравший в себя многие сотни молодых выходцев из наиболее «честных» родов. Если говорить о представителях самых знатных и влиятельных семейств (кн. Патрикеевы, Бельские, Мстиславские, Воротынские и Шуйские), то своё место в Боярской думе они, по сути, с гарантией получали едва ли не сразу по достижении дееспособного возраста. Занимавший несколько десятилетий и сопряжённый с различными лишениями путь от инока до архиерея в подобной социальной ситуации не являлся заманчивой перспективой для аристократа.

С этим, по крайней мере отчасти, можно связать любопытный демографический казус. Судя по имеющимся отрывочным данным, 11 из 13 архиереев соответствующего происхождения решение об уходе от мира приняли во второй половине XV — первой трети XVI в. Видимо, в Церковь в относительно раннем возрасте в середине — второй половине XVI в. пришли лишь Тихон (Хворостинин) и Варлаам (Пушкин). Трудно удержаться от соблазна связать это с завершением процесса формирования служебной организации в середине XVI в. Во всяком случае, несомненным фактом является резкое снижение интереса к церковной карьере у представителей знати в XVII в. Если в XV—XVI вв. кафедры

⁴⁶ *Гурлянд И.Я.* Романовские мурзы и их служилые татары. Тверь, 1904; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV—XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011; *Беляков А.В.* Землевладение ногайских мирз и князей в России второй половины XVI—XVII вв. // Сборник статей по русской истории в честь А.И. Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., 2019. С. 85—106; *Селин А.А.* Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI — начало XVII в.) // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3. С. 93—110; *Моисеев М.В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2(6). С. 236—247.

⁴⁷ *Усачёв А.С.* Состав заказчиков рукописных книг XVI в. и проблемы формирования русской военно-служилой элиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3(77). С. 75—80.

⁴⁸ *Беляков А.В.* «...И бе их столько, еже несть числа»: форум // Петербургские славянские и балканские исследования = *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1—2(5—6). С. 127.

занимали, пусть и не слишком часто, выходцы из аристократических родов (кн. Оболенских, Траханиотовых, Колычевых), то в XVII в. представителей сопоставимых по происхождению и социальному весу родов в роли архиереев не оказалось (единственное исключение — вынужденно принявший постриг Филарет Романов). Как число происходящих из этой среды архиереев XVII в., так и их статус в миру были существенно ниже по сравнению с XVI в. Митрополитов тобольского Игнатия (Римского-Корсакова) (1692–1701) и псковского Иосифа (Римского-Корсакова) (1698–1717), а также патриарха Иоакима (Савёлова) (1674–1690) с точки зрения статуса в миру стоит сопоставлять не с кн. Стригиными-Оболенскими или Колычевыми, а скорее со Скрипицыными, Стремоуховыми или Заболоцкими. Выходца из литовско-русского княжеского рода Курцевичей Иосифа, занимавшего Суздальскую кафедру в 1626–1634 гг., впервые на кафедру (Владимирскую и Брестскую) поставили на территории Речи Посполитой (1621)⁴⁹.

На снижение притягательности пути в Церковь представителей знати указывает и характер эволюции социального статуса преподобных. Согласно подсчётам Е.В. Романенко, из 48 преподобных XV–XVI вв., чей статус в миру известен, бояр, детей боярских и дворян было 13 человек, крестьян — 14, простолюдинов — двое, горожан и ремесленников — 10, купцов — пятеро, представителей белого духовенства — четверо. В XVII в. сложилась принципиально иная картина: из 22 преподобных знатными являлись лишь двое, по столько же происходили из среды состоятельных горожан и из купцов, а 16 — из крестьян. Романенко связывает ослабление интереса представителей знати к иноческой жизни с комплексом лишивших их «надёжной перспективы» мероприятий последней четверти XVI в., направленных на ограничение роста монастырского землевладения⁵⁰. На мой взгляд, причина скорее в ином: функционирование созданной во второй половине XV — середине XVI в. служебной организации, гарантировавшей «трудоустройство», высокий статус и материальное обеспечение всех взрослых выходцев мужского пола из соответствующей страты, снижало их потребность в поиске иных социальных полей для самореализации.

Причины ухода в Церковь в раннем возрасте очень немногих представителей знати в рассматриваемый и более ранний период следует искать не в социальной сфере, а в области религиозного сознания. Это наглядно демонстрирует судьба самого знатного архиерея XVI в. — тверского епископа Вассиана (1477–1508) (в миру — кн. Василий Иванович Стригин-Оболенский). Это единственный известный пример того, как знатный человек, занявший в Церкви значимое место, в миру мог рассчитывать на такое же или даже более высокое положение. Потомок черниговских князей, внук и сын ближайших к Василию II и Ивану III бояр, старший сын полководца кн. Ивана Стриги, как показывает судьба его младших братьев, неизбежно занял бы одно из первых мест в Думе. Однако он избрал иной путь и, уходя в Церковь, явно не стремился сохранить или повысить дарованный происхождением и без того высокий

⁴⁹ Устинова И.А. Из практики архиерейских поставлений в XVII в.: традиции и новации // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (24–25 ноября 2020 г.). М., 2020. С. 58–64.

⁵⁰ Романенко Е.В. Основатели монастырей на Руси: их социальный и образовательный статус (XIV–XVII вв.) // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М., 2020. С. 37, 38.

статус⁵¹. Сходным образом обстояло дело и с митрополитом Филиппом (Колычевым) (1566–1568). Представитель новгородской ветви «крепкого» старомосковского рода, имевший неплохие служебные перспективы (два его дяди и два двоюродных брата в 1540–1560-е гг. входили в Думу), судя по всему, с юности тяготел к церковной карьере. В зрелом по меркам Средневековья 27-летнем возрасте он ещё не был женат. Это, а также место пострига – отдалённый Соловецкий монастырь, не являвшийся ни обителью элиты, ни «кузницей» архиереев, – убеждает в искренности стремления аристократа уйти от мира⁵².

Резюмируя, отмечу, что относительно невысокая доля аристократов среди русских архиереев XVI в. обусловлена двумя обстоятельствами. В первую очередь, это связано с традициями Русской церкви, заложенными ещё в первые десятилетия её существования под влиянием практики восточного христианства, для которого генеалогическая уния епископата и политической элиты не характерна. Вторым обстоятельством являлась сравнительная малочисленность необходимого русским государям в XV–XVI вв. слоя служилых людей «по отечеству», способных защищать и управлять обширным, но ещё достаточно рыхлым в административном отношении государством. Великокняжеская власть, предпринимая все возможные усилия, чтобы удержать всех или, по крайней мере, большинство представителей «класса служилых землевладельцев» на своей орбите, в целом успешно решала две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, она не допускала их окончательного измельчания, разорения и «вымывания» из соответствующего слоя⁵³, с другой – самыми различными методами накрепко «привязывала» их к служебной организации. Даже отъезды на богомолья (особенно в отдалённые обители) контролировались властью: служилые люди должны были подавать челобитные, отпрашиваясь со службы. Временные отлучки по другим «уважительным» причинам (смерть близкого родственника, пожар в поместье и т.д.) также подлежали согласованию, причём возраст и состояние здоровья вескими причинами для ухода со службы признавались не всегда. Источники содержат сведения о паническом страхе дворян перед неявкой на службу, что в перспективе приводило большинство из них к утрате единственного источника доходов – жалованья и поместья⁵⁴. Демографическая ситуация не оставляла власти выбора – наличие значительного числа свободных от службы потомственных воинов и управленцев для неё являлось непозволительной роскошью.

Своего апогея процесс прикрепления всех без исключения дворян к службе государю достиг в период правления Петра I. Если его предшественники предпочитали использовать сравнительно «мягкие» механизмы принуждения к службе, повышая поместные и денежные оклады, раскрывая перед провинциальным служилым человеком заманчивую перспективу попадания в состав

⁵¹ Усачёв А.С. «Честные и благородные люди» в Русской церкви XV–XVI вв. Особенности самоидентификации // Диалог со временем. Вып. 77. М., 2021. С. 323–324.

⁵² Усачёв А.С. Время и причины ухода Фёдора Колычева в Соловецкий монастырь // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 1. С. 319–334.

⁵³ Это достигалось, в частности, запретами на закабаление детей боярских состоятельными землевладельцами (Панеях В.М. Кабальное холопство... С. 78).

⁵⁴ Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 213–396; Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования Алексея Михайловича (1645 г.) / Публ. Е.Н. Горбатова // Российская генеалогия. Вып. 4. М., 2018. С. 19–98; Козляков В.Н. Служилые люди... С. 161–162, 164, 198.

«выбора» и, соответственно, Государева двора, то Пётр гораздо чаще использовал более жёсткие методы. Под страхом конфискации владений он обязал всех дворян служить с 15 лет, являясь на смотры в ещё более раннем возрасте (лица, информировавшие власти о «нетчиках», получали часть их имущества). Серьёзным «стимулом» к службе являлся и запрет на покупку земельных владений лицами, не располагавшими значимым «стажем» на военной или гражданской службе⁵⁵. Итоги анализа правового — прямо скажем, незавидного — положения дворянства петровской эпохи дали основания Е. В. Анисимову не только задаться вопросом о том, «можно ли назвать господствующим классом-сословием» «забюрократизированное, зарегламентированное дворянство, обязанное учиться, чтобы затем служить, служить и служить», но и дать на него отрицательный ответ⁵⁶. По предположению Н. Н. Петрухинцева, желая развеять возможные иллюзии представителей русской знати относительно их социальных перспектив в рамках «регулярного государства», Пётр I, поначалу использовавший термин «шляхетство», от него отказался. Слишком явные ассоциации с «шляхетскими вольностями» соседней Речи Посполитой «Отцу Отечеству» были ни к чему⁵⁷.

Ситуация изменилась лишь во второй половине XVIII в. «Манифест о вольности» дворянства и развившая его основные положения «Жалованная грамота» предоставили дворянам право самим определять свою судьбу. Служба для них стала необязательной. Освобождение дворянства от обязательной службы запустило процесс постепенного выветривания из социальной почвы гумуса, породившего служебную организацию, с известными модификациями функционировавшую со второй половины XV до второй половины XVIII в. Конечно, в силу ограниченности своих имущественных возможностей далеко не все представители благородного сословия поспешили воспользоваться дарованным правом покинуть полки и коллегии⁵⁸. Как правило, службу оставляли состоятельные лица, не удерживаемые её экономическими выгодами. Однако в XVIII в. и позднее после секуляризации и ослабления роли Церкви в обществе духовная карьера их уже не прельщала⁵⁹. Покинувшие службу дворяне сосредоточились на обустройстве имений, светской жизни в салонах, общественной и литературной деятельности⁶⁰.

⁵⁵ Анисимов Е. В. *Время петровских реформ*. Л., 1989. С. 304–312; Павленко Н. И. *Пётр Великий*. М., 1990. С. 493–496.

⁵⁶ Анисимов Е. В. *Время петровских реформ*. С. 310–313.

⁵⁷ Петрухинцев Н. Н. *Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 256–281.

⁵⁸ Фаизова И. В. *«Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии*. М., 1999.

⁵⁹ Запальский Г. М. *Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // Монастырская культура...* С. 279–287.

⁶⁰ О размывании традиционных ценностных ориентиров дворян и постепенном выходе их аксиологического горизонта за пределы успешной карьеры на службе государю см.: Марасинова Е. Н. *Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки)*. М., 1999.

Служебные назначения представителей правлящей элиты России 1725–1762 гг.

Сергей Черников

Service appointments of the Russian ruling elite officials (1725–1762)

Sergey Chernikov

(Lipetsk State Technical University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722040021, EDN: FYOQUU

История государственного управления России раннего Нового времени и дворянская служба уже давно находятся в центре внимания отечественной и зарубежной историографии¹. Хорошо известно, что часть административного аппарата XVII–XVIII вв., непосредственно связанная с делопроизводством, комплектовалась на профессиональной основе (дьяки, подьячие в приказных учреждениях; секретари, канцеляристы, копиисты в коллегиях и канцеляриях), а средние и высшие должности в гражданской сфере, как правило, занимали дворяне, до этого длительное время находившиеся на военной службе. Так, по данным Р. Крамми, более половины думных людей XVII в. до своего пожалования в Думу служили в армии².

© 2022 г. С.В. Черников

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00011, и РФФИ, проект № 16-01-00001.

¹ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866; Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. I. СПб., 1868; Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. I. М., 1876; Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902; Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М., 1913; Т. 2. Л., 1941; Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 206–242; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987; Torke H.-J. Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 13. Berlin, 1967; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century / Ed. by W. Pintner and D. Rowney. Chapel Hill, 1980; Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick (NJ), 1982; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999; Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М., 2007; Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. и И.В. Бабич. М., 2008; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.

² Crumme R. The Origins of the Noble Official: The Boyar Elite, 1613–1689 // Russian Officialdom... P. 62–65. О «неразделённости» службы в Московском государстве на военную и гражданскую см.: Седов П.В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 77.

В следующем столетии ситуация изменилась мало. Согласно подсчётам С.М. Троицкого, В. Пинтнера и Л.Ф. Писарьковой, в XVIII в. доля бывших военнослужащих среди чиновников 1–8 классов в центральном аппарате составляла 37–40%, а в местных учреждениях — 74–84%³. По данным И.В. Фаизовой, в 1762–1771 гг. ряды чиновников пополнила пятая часть дворян, уволенных из армии⁴. Помимо традиционного перевода «к делам» офицеров-ветеранов, дворяне в XVIII в. привлекались к выполнению гражданских поручений непосредственно в период армейской службы. По мнению исследователей, постепенный отход от практики замещения высших и средних гражданских должностей отставными генералами и офицерами начался только в первых десятилетиях XIX в. Тогда же стала расти доля дворян, получивших необходимую профессиональную подготовку и сделавших карьеру исключительно на статской службе⁵.

Принято считать, что совмещение военных и гражданских назначений было особенно распространено в первой половине XVIII в. Б. Михан-Уотерс отмечала, что, несмотря на наличие в Табели о рангах параллельных служилых иерархий, реальные границы между ними оставались прозрачными, а перемещение дворян внутри сетки чинов и должностей «по горизонтали» происходило столь же часто, как и «по вертикали». По подсчётам автора, «смешанная» карьера была характерна для 68% правящего слоя 1730 г., а переход с военной на гражданскую службу и затем вновь на военную был «на удивление частым»⁶. К схожим выводам на основе анализа биографий лиц, назначавшихся в «комиссии» петровского времени, пришла М.В. Бабиц⁷.

Очевидно, что образование профессиональной бюрократии в XIX столетии было бы невозможно без аналогичной «специализации» в военной сфере: отхода от характерной для XVIII в. практики переводов офицеров и генералов к «делам» и оформления военной карьеры в самостоятельный вид службы. Именно этой проблеме, на примере правящего слоя России 1725–1762 гг., посвящена настоящая работа. Сразу отмечу, что в качестве представителей элиты указанного периода в статье рассматриваются лица, достигшие чинов 1–5 классов Табели о рангах, находившиеся на действительной службе (армейской, морской, статской, придворной или дипломатической), а также члены высших органов власти, руководители центральных и губернских учреждений, состоявшие, как правило, в тех же рангах⁸. По моим подсчётам, в состав правящего слоя в изучаемый период входили 1 162 человека, в том числе 775 русских (67%) и 387 иностранцев (33%). Подробные сведения о чиновничестве

³ Писарькова Л.Ф. Государственное управление... С. 217 (данные 1726 г.); Троицкий С.М. Указ. соч. С. 278 (1755 г.); Pintner W. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom... P. 213 (конец XVIII — начало XIX в.). См. также: Givens R. Eighteenth-Century Nobiliary Career Patterns and Provincial Government // Russian Officialdom... P. 115–116, 122–125; Смирнов Ю.Н. Русская гвардия в XVIII веке. Куйбышев, 1989. С. 49; Областные правители... С. 15.

⁴ Фаизова И.В. «Манифест о вольности»... С. 90, 126–127, 154–155.

⁵ Russian Officialdom... P. 224, 374–375; Писарькова Л.Ф. Государственное управление... С. 442–443; Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy... P. 162.

⁶ Meehan-Waters B. Social and Career Characteristics of the Administrative Elite, 1689–1761 // Russian Officialdom... P. 89–91, 101; Meehan-Waters B. Autocracy and Aristocracy... P. 51–52, 162.

⁷ Бабиц М.В. Государственные учреждения... С. 156.

⁸ Подробнее см.: Черников С.В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты первой четверти XVIII века: традиции и новации // Cahiers du Monde Russe. Vol. 51. 2010. № 2–3. P. 268–269.

и служебных назначениях имеются для подавляющего большинства из них — 1079 лиц⁹.

Основой для статьи стала биографическая база данных по правящей элите России 1725–1762 гг., составленная мною в первую очередь по неопубликованным коллекциям документов из фондов РГАДА и РГВИА¹⁰. В них отложились многочисленные перечни высших должностных лиц, материалы переписей чиновников, послужные списки военных, дела об отставках, жаловании, чинопроизводстве, взысканиях и награждениях. Перечисленные источники позволяют ответить на ряд важных вопросов. Как менялся профиль службы представителей элиты этого времени и какую роль «смешанная» служба играла на разных этапах карьеры? Насколько часто военнослужащие переводились из армии к «делам»? Какие изменения произошли в чинопроизводстве и практике отставок военных? Главный вопрос — когда в среде правящей элиты началось выделение военной и гражданской службы как независимых друг от друга видов деятельности?

Перейдём к рассмотрению поставленных вопросов. Таблица 1 содержит общие данные о карьере представителей элиты 1725–1762 гг. При расчётах служба в армии и на флоте была отнесена к «военному» типу карьеры, а стат-

⁹ Непосредственно в «генеральских» рангах на службу поступили 36 из 1 079 человек. Из-за уточнения биографических данных по ряду лиц в моих работах последних лет приводятся незначительно отличающиеся друг от друга (на 1–5 человек) показатели численности правящего слоя 1725–1762 гг. На итоговые выводы эти разночтения не влияют.

¹⁰ Основные источники: РГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 3, д. 1; ф. 16, оп. 1, д. 20 (ч. 1–9), 36, 38, 81, 101, 134 (ч. 1–5), 135, 140, 141, 168 (ч. 7), 223, 228, 570; ф. 20, оп. 1, д. 16 (ч. 1–2), 20, 21 (ч. 1–2), 50 (ч. 1–6), 61, 70–73, 75, 79 (ч. 1–2), 151, 177 (ч. 1, 3–5), 218, 219 (ч. 1); ф. 177, 1735 г., д. 10, 13; 1736 г., д. 9, 10а; 1737 г., д. 13а; 1738 г., д. 20; 1739 г., д. 17; ф. 188, оп. 1, д. 1389; ф. 198, оп. 1, д. 91; ф. 199, портф. 240, д. 15, 16; портф. 246, д. 9, 10, 14; ф. 203, оп. 1, д. 1; ф. 210, оп. 21, д. 1087; оп. 22, д. 209; ф. 248, д. 21, 33, 46, 241, 380, 386–391, 394, 398, 400, 412, 413, 415, 418, 420–421, 424, 426, 428–430, 432, 437, 439–442, 451, 455, 460, 463, 464, 467, 496, 528, 543, 544, 568, 583, 595, 605–606, 608, 618, 623, 625, 628, 633–634, 654, 661, 673, 689, 715, 725, 742, 768, 778, 780, 788, 904, 985, 1088, 1090, 1097, 1107, 1109, 1110, 1121, 1132, 1134, 1137, 1141, 1142, 1145, 1150, 1152, 1155, 1176, 1179, 1248, 1514, 1515, 1519, 1522, 1563, 1580, 1725, 1899–1905, 1933–1942, 1947, 1950–1952, 2117, 2189–2198, 2484, 2499, 2534, 2604–2605, 2666, 2731, 2733, 2735, 2770, 2802, 2806, 2812, 2856, 2884–2885, 2887, 2889–2890, 2894, 2949, 3013, 3015, 3019–3021, 3024, 3027, 3083, 3085, 3088, 3140, 3144, 3147, 3148, 3210, 3212–3213, 3216, 3219, 3279, 3283, 3288, 3291, 3321, 3342, 3346, 3348, 3423, 3484, 3524, 3530, 3838, 4342, 5950, 5952, 5958–5959, 5962, 5964, 5971–5974, 5993, 5995, 6003–6005, 6007, 6410, 6416, 7301–7304, 7307–7308, 7313, 7326, 7458, 7465, 7469, 8110, 8111, 8114, 8120, 8122 (ч. 1–3), 8123, 8286–8292; оп. 106, д. 628, 833, 1186, 1225; оп. 109, д. 4; оп. 110, д. 304; оп. 113, д. 109, 109а, 110, 238, 437, 479, 599, 641, 671, 727, 745, 800, 873, 900, 906, 1079, 1082, 1092, 1096, 1107, 1111, 1123, 1157, 1233, 1345–1347, 1349, 1353, 1354, 1357, 1365, 1465 (ч. 1–2), 1530, 1635, 1637, 1662; оп. 118, д. 57; оп. 120, д. 311; оп. 121, д. 1160; оп. 122, д. 345 (ч. 1); ф. 263, оп. 1, ч. 2, д. 1043; ф. 286, оп. 1, д. 1, 7, 9, 14, 17, 19, 26, 27, 31, 32, 34–36, 38, 39, 45, 49, 51 (ч. 1–2), 61, 63, 74, 75, 78, 79, 82, 84, 86, 93, 106, 108, 111, 112, 114, 117, 119–122, 125, 131, 133, 136, 139, 143, 145, 148, 160, 167, 170, 172, 181, 182, 185, 192, 197, 208, 214 (ч. 1–2), 215, 216, 220, 222, 228, 231, 232, 237–239, 241, 241а, 242, 245, 247, 254, 258, 259 (ч. 1–3), 260, 262–264, 267, 271, 273–275, 282, 287, 288, 306, 309, 310, 323, 331, 335, 336, 339, 340, 347, 363, 368, 386, 393, 395, 397, 403, 404, 418 (ч. 1–2), 419–421, 423, 424 (ч. 1–2), 436–442, 446–447, 456–457, 460, 468–471, 477, 484, 493, 496, 500–504, 506–507, 509, 510 (ч. 1–2), 511, 512, 514–516, 522, 523, 525, 893, 894, 897, 934, 947, 990, 1034, 1036, 1121, 1125, 1133; оп. 2, д. 6; ф. 342, оп. 1, д. 9 (ч. 2); ф. 350, оп. 3, д. 1; ф. 400, оп. 4, ч. 1, д. 638, 2171, 2174, 2175; оп. 11, ч. 3, д. 58 (ч. 1–2); ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34742, 34746, 34748; ч. 79, д. 35058; РГВИА, ф. 23, оп. 1, д. 45; оп. 2, д. 4; оп. 3, д. 8, 17, 20, 49, 51, 54, 55, 57, 94, 137; оп. 4, д. 1, 3, 60, 62, 73–75, 92, 104, 201, 203, 311; ф. 489, оп. 1, д. 7006–7007, 7010, 7122, 7134, 7339, 7386–7388, 7391, 7395; ф. 490, оп. 2, д. 6–8, 11, 13, 19–21, 25, 28, 33–35, 37, 38, 40–42, 44, 45, 47, 50–53, 55, 56, 58; оп. 3, д. 1, 4, 45, 46, 205–210; ф. 846, оп. 16, д. 81 (ч. 2).

ская, придворная и дипломатическая — к «гражданскому». Если дворянин хотя бы один раз переводился, временно или на постоянной основе, с военной на гражданскую службу либо наоборот, то карьера рассматривалась мною как «смешанная».

Таблица 1

Профиль службы представителей элиты 1725–1762 гг., %

Вид службы	1725–1730	1730–1735	1736–1741	1741–1746	1747–1751	1752–1756	1757–1762	1725–1762
Все (русские и иноземцы)								
Военная	18	18	19	18	22	28	33	28
Гражданская	16	18	15	16	17	13	12	14
Смешанная	66	64	66	66	61	59	55	58
Русские								
Военная	5	5	10	10	14	19	23	17
Гражданская	17	15	11	14	17	14	12	13
Смешанная	78	80	79	76	69	67	65	70
Иноземцы								
Военная	45	40	40	36	41	46	52	48
Гражданская	14	25	20	18	16	15	12	18
Смешанная	41	35	40	46	43	39	36	34

Подсчитано по: см. сноску 10.

Как следует из таблицы, «смешанная» служба была характерна для 58% правящего слоя 1725–1762 гг., в том числе для 70% русских и 34% иноземцев. Обратим внимание на русскую часть элиты. На протяжении изучаемого периода доля военнослужащих выросла с 5 до 19–23%, а количество совмещавших военную службу с гражданской, напротив, сократилось — с 78–80 до 67–65%. Несмотря на это, «смешанная» карьера даже в середине XVIII в. оставалась доминирующей. Профиль службы иноземцев существенно отличался: значительная часть из них выбирала военную службу (показатели колеблются от 36 до 52%), почти столь же высокой оказалась доля лиц на «смешанной» (35–46%). Гражданская служба как среди русских, так и среди иноземцев была мало популярна.

В таблице 2 приведены данные о первых назначениях будущих представителей элиты 1725–1762 гг. при поступлении на службу. Если карьера дворянина начиналась в учебном заведении, например в Шляхетском кадетском корпусе, при расчётах учитывался первый чин на действительной службе.

Из таблицы следует, что три четверти служилых людей (77% русских и столько же иноземцев) начинали свою карьеру в армии или на флоте и только четверть — в гражданской сфере. Показатели по гражданским видам службы у иноземцев очень близки, русские же предпочитали службу придворную (15%). Наряду с Н.А. Возжинским, А.Г. Жеребцовым, А.Г. Разумовским,

В.Е. Скворцовым, П.С. Сумароковым, И.И. Шуваловым и многими другими, чья дальнейшая карьера проходила по преимуществу при дворе, здесь свою службу также начинали губернаторы С.И. Измайлов, А.Н. Квашнин-Самарин, И.И. Юшков, коллежские президенты В.М. Еропкин, Д.И. Кочетов, герольд-мейстер Ф.П. Квашнин-Самарин, генералы К.Б. Бороздин, В.А. Лопухин, А.П. Мельгунов, В.В. Нарышкин, П.И. Стрешнев, А.С. Шепелев. Поступили на службу пажами, перевелись в армию и впоследствии дослужились до генеральских рангов иноземцы И.М. Бенкендорф, Ф.И. Вадковский, А.П. Ганнибал, П.А. Дивиер. Сыновья и близкие родственники ряда высших сановников начинали карьеру на дипломатическом поприще. Среди них А.А. Бестужев-Рюмин, И.И. Бецкой, Ф.М. Воейков, М.Н. Волконский, А.М., С.Д., С.М. Голицыны, А.И. Головин, С.П. Долгоруков, А.Б. Куракин, П.И. Мусин-Пушкин, А.И. Неплюев, З.Г. Чернышёв.

Таблица 2

**Первые назначения при поступлении на службу,
лиц (доля, %)**

Вид службы	Все	Русские	Иноземцы
Армия	716 (66)	454 (65)	262 (69)
Флот	112 (11)	81 (12)	31 (8)
Придворная служба	130 (12)	109 (15)	21 (6)
Врачи, в том числе придворные	20 (2)	0 (0)	20 (5)
Дипломатическая служба	25 (2)	19 (2)	6 (2)
Статская служба (за исключением канцелярских служащих)	33 (3)	6 (1)	27 (7)
Канцелярские служащие	45 (4)	33 (5)	12 (3)
Всего	1 081 (100)	702 (100)	379 (100)

Подсчитано по: см. сноску 10.

На канцелярских должностях служили только 5% русских (более половины из них по происхождению недворяне) и 3% иноземцев. Подьячими, копиястами, «писчиками», протоколистами, канцеляристами начинали, например, будущие руководители императорского Кабинета А.В. Макаров, И.А. Черкасов, кабинет-секретарь Я.И. Бахирев, сенатские обер-секретари И.С. Ермолаев, И.К. Кирилов, Д.И. Неужин и А.С. Сверчков, глава Петербургской типографии М.П. Аврамов, советники Коллегии иностранных дел И.О. Пуговишников, И.И. Топильский и И.Ю. Юрьев, руководители Соляной конторы А.С. Боев, М.С. Кузьмин и П.Я. Стечкин, вице-президент Вотчинной коллегии Ф.С. Мануков, обер-прокурор Сената А.С. Маслов, астраханский губернатор В.В. Неронов, сержант лейб-кампании, генерал-майор М.М. Ивинский. В походной канцелярии Я.В. Брюса на секретарской должности начал свою службу будущий президент Берг-коллегии А.Ф. Томилов. Писарями, канцеляристами, секретарями, переводчиками, в том числе в армии и на флоте, в мо-

лодости служили вице-канцлер А.И. Остерман, вице-президент Юстиц-коллегии Ф.И. Эмме, почт-директор Ф.Ю. Аш, генералы И. Брахвелът, И. Жандр, Г.Х. Мейер и М.И. Стоянов.

Как развивалась дальнейшая карьера служилых людей и какую роль совмещение военных и гражданских назначений играло на разных этапах карьеры? Выделим два периода: 1) от поступления на службу до получения первого «генеральского» чина и 2) службу в чинах 1–5 классов. Согласно моим расчётам, русские поступали на службу в 17-летнем возрасте и достигали первого «генеральского» ранга в среднем к 46 годам. У иноземцев, часть которых начинала свою карьеру за границей, средний возраст поступления на российскую службу был выше (25 лет), но «генеральские» ранги они получали раньше русских (44 года). Таким образом, первый этап карьеры у русских занимал примерно 30 лет, а у иноземцев – около 20 лет. Общие данные об их службе за этот период приведены в таблице 3.

Таблица 3

**Профиль службы на раннем этапе карьеры,
лиц (доля, %)**

Вид службы		Все	Русские	Иноземцы
Военная		520 (50)	295 (42)	225 (67)
Гражданская		153 (15)	98 (14)	55 (16)
Смешанная		370 (35)	312 (44)	58 (17)
Переводов к «делам»	один раз	174 (16)	136 (19)	38 (11)
	дважды	83 (8)	71 (10)	12 (4)
	три и более раз	113 (11)	105 (15)	8 (2)
Всего		1043 (100)	705 (100)	338 (100)

Подсчитано по: см. сноску 10.

Напомню, что карьера 77% русских и иноземцев начиналась в армии и на флоте. В течение первого периода службы доля военных среди русских из-за переводов к «делам» снизилась на 35%, а среди иноземцев – лишь на 10%. На смешанной службе состояло 44% русских и только 17% иноземцев. Гражданская карьера была наименее престижной, её выбрали 14% русских служилых людей и 16% иноземцев. Полученные показатели можно сравнить с общими сведениями по российскому офицерскому корпусу. По данным Г.В. Калашникова, в 1725–1745 гг. гражданские назначения получали не более 13% армейских офицеров¹¹. Ежегодно у «дел» находились лишь 4,5% офицеров (в начале периода – 10–12%, в конце – 1–2%). Подавляющее большинство офицеров в течение года не отлучались из полка (64%), либо направлялись в командировки, непосредственно связанные с комплектованием армии и её материальным

¹¹ Калашников Г.В. Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 7, 54, 259, 263. Автор проанализировал сведения о 5 279 офицерах и учёл в общей сложности 700 случаев «гражданских» назначений. Однако в этой работе нет данных о том, как часто офицеры переводились к «делам» (однократно или по несколько раз). Поэтому рассчитанный мной показатель (13% офицеров, получавших гражданские назначения) максимально возможный.

обеспечением, — сбор подушной подати, рекрут и т.д. (24,5%)¹². Таким образом, «универсальный» тип службы был более характерен для будущих представителей элиты в начале их карьеры (35%), чем для российской офицерской среды в целом (13%), но и в том и в другом случае лица со «смешанной» карьерой составляли меньшинство.

Обратим особое внимание, что практика переводов военных к «делам» была очень далека от устоявшихся представлений о непрерывных перемещениях дворян с армейской службы на гражданскую. Как следует из таблицы 3, в течение первых 30 лет карьеры только 15% русских получали подобные назначения свыше двух раз, 10% — дважды и 19% — однократно, а 42% военных не переводились к «делам» вовсе. Биографии ряда высокопоставленных лиц, привлекавшие внимание исследователей, действительно насыщены самыми разнообразными поручениями и назначениями. Неординарными административными способностями, по всей видимости, обладали А.П. Баскаков, И.И. Бахметев, А.Б. Бутурлин, М.Я. Волков, М.М. Голицын (младший), С.А. Кольчев, М.А. Матюшкин, А.Д. Меншиков, Б.-Х. Миних, П.И. Мусин-Пушкин, В.Я. Новосильцев, А.Л. Плещеев, А.И. Румянцев, С.А. Салтыков, Н.Ю. Трубецкой, Г.А. Урусов, А.И. Ушаков, Г.П. Чернышёв, А.Г. Шамордин, Б.Г. Юсупов, П.И. Ягужинский и некоторые другие деятели петровского и послепетровского времени. Вместе с тем наиболее «типичными» для этой эпохи были лица «второго плана», которые за весь период военной службы назначались к «делам» не более одного–двух раз (или совсем обходились без таких назначений), либо переводились в гражданскую сферу уже после отставки из армии. Среди них — Л.В. Боборыкин, М.М. Барятинский, Н.М. Болотов, И.Г. Грабленов, А.Р. Давыдов, А.С. Жилин, М.А. Зюзин, А.С. Исаков, С.Ю. Караулов, С.Я. Косицкий, Д.И. Павлов, С.Г. Плаутин, И.М. Протасьев, А.А. Путятин, М.В. Сушков, В.Б. Тенишев, С.И. Ушаков, Ф.Т. Хомяков, А.Г. Щербинин и многие другие.

Так, Алексей Сергеевич Жилин, сын московского дворянина С.Ф. Жилина, поступил на службу в 1704 г., участвовал в сражениях Северной войны, Прутском и Польском походах, дослужившись в драгунских полках до капитана. В 1735 г. он с чином подполковника был переведён в Украинский ландмилицкий корпус, а после завершения Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. уволен в отставку бригадиром и назначен воеводой в Свияжск. Через месяц, не успев вступить в эту должность, он был переведён на новый пост — «главного командира» поташных заводов. В 1751–1753 гг. Жилин состоял при размежевании вотчин императрицы Елизаветы Петровны в Новгородском уезде, а затем его повысили до генерал-майора и назначили на должность астраханского губернатора¹³.

Схожим образом развивалась карьера сына стольника Р.К. Давыдова, Афанасия Романовича. Он начал службу «с солдатства» в 1715 г., принимал участие в Северной войне, Каспийском и Польском походах, а затем в войнах с Турцией и Швецией. Завершив свою военную службу в чине полковника, Давыдов при отставке в 1748 г. был пожалован в бригадиры, спустя год стал генерал-майором и определён к «ремонту и строению» московского кремлёв-

¹² Там же. С. 258–259, 263.

¹³ РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 228, л. 281; д. 231, л. 586–587; д. 262, л. 55; д. 418, ч. 1, л. 88; д. 419, л. 231, 241; д. 507, л. 787, 789–789 об. Сенатский архив. Т. 7. СПб., 1895. С. 646.

ского дворца. В 1759 г. в чине тайного советника его назначили оренбургским губернатором, а затем, уже при Екатерине II, он возглавил московскую контору Дворянского банка¹⁴.

Как отмечалось, совмещение военных и гражданских назначений было свойственно в основном для русских. В таблице 4 приведены данные об их карьере до получения первого «генеральского» ранга, в зависимости от года поступления на службу. Такая группировка наглядно демонстрирует изменения, происходившие в карьере от поколения к поколению.

Таблица 4

**Профиль службы на раннем этапе карьеры
(русские; по году начала службы), %**

Год начала службы	Вид службы			Переводов «к делам» (смешанная служба)		
	военная	гражданская	смешанная	1 раз	2 раза	3 раза и более
До 1691 г.	9	16	75	20	11	44
1691–1700 гг.	42	10	48	16	14	18
1701–1710 гг.	44	13	43	16	9	18
1711–1720 гг.	52	8	40	25	5	10
1721–1730 гг.	43	15	42	24	11	7
после 1730 г.	61	12	27	16	6	5

Подсчитано по: см. сноску 10.

Из таблицы следует, что «смешанная» карьера являлась доминирующей лишь у поступивших на службу до 1691 г. (75%). Для последующих поколений совмещение военных и гражданских назначений характерно в меньшей степени. Среди тех, кто начал служить в 1691–1730 гг., лиц со «смешанной» карьерой насчитывалось 40–48%. После 1730 г. этот показатель опустился до 27%. Доля тех, кто переводился к «делам» неоднократно, также резко снизилась – с 55 до 11%. Одновременно выросло число военных, постоянно служивших в армии или на флоте – с 9 до 61%.

В литературе распространённость «смешанного» типа службы, как правило, связывается с чрезвычайными мерами, которые использовались Петром I при проведении реформ, и усилением роли армии в гражданском управлении¹⁵. В действительности первая четверть XVIII в. не являлась временем расцвета «смешанной» карьеры, напротив, её популярность неуклонно снижалась. К сожалению, нет сопоставимых данных о службе думных чинов в XVII столетии,

¹⁴ РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 50, ч. 4, л. 74 об., 66; ф. 203, оп. 1, д. 1, л. 104 об., 171 об.; ф. 248, д. 3212, л. 403–403 об., 407; д. 3321, л. 66; д. 3342, л. 50, 68, 163, 279, 281; д. 3348, л. 167; оп. 113, д. 1353, л. 14; ф. 286, оп. 1, д. 421, л. 424; д. 439, л. 132–133; д. 525, л. 641об.; РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7010, л. 16; д. 7134, л. 6; д. 7386, л. 10 об., 11; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век / Сост. П. Баранов. Т. 3. СПб., 1878. № 9841, 10434, 10481, 11312, 11327.

¹⁵ Троицкий С.М. Указ. соч. С. 34; Писарькова Л.Ф. Государственное управление... С. 534.

но если исходить из сложившейся в историографии точки зрения об отсутствии в Московской Руси служилой «специализации», петровское царствование следует рассматривать как начало длительного переходного периода от традиционного «смешанного» — иными словами, московского — типа службы к новому, рациональному. Однако даже к середине XVIII в. процесс обособления военной и гражданской карьеры был далёк от завершения.

Как менялся профиль службы при достижении зрелого возраста? Сравним данные о службе на раннем этапе карьеры (табл. 3) и в период после получения первого «генеральского» ранга (табл. 5).

Таблица 5

**Профиль службы в чинах 1–5 классов,
лиц (доля, %)**

Вид службы	Все	Русские	Иноземцы
Военная	356 (33)	158 (22)	198 (53)
Гражданская	443 (41)	344 (49)	99 (27)
Смешанная	280 (26)	204 (29)	76 (20)
Всего	1079 (100)	706 (100)	373 (100)

Подсчитано по: см. сноску 10.

Иноземцы предпочитали оставаться в армии, русские же, напротив, часто покидали военную службу и переводились на гражданскую. У русских изменения в карьере выражены весьма отчётливо: доля военных и лиц на «смешанной» службе с возрастом снижалась (с 42 до 22% и с 44 до 29%, соответственно), а доля гражданских, напротив, резко увеличивалась (с 14 до 49%). Среди иноземцев отток из армии был менее значительным: доля военных сократилась с 67 до 53%, число гражданских выросло с 16 до 27%, доля лиц со «смешанной» карьерой почти не изменилась (17 и 20%, соответственно).

Переводы отставных военных к «делам» в конце карьеры были особенно распространены среди русских дворян. Можно ли утверждать, что эта практика оставалась неизменной на протяжении всего изучаемого периода? Проанализируем данные, представленные в таблице 6.

Как видим, в конце карьеры военную службу с гражданской совмещали от четверти до трети русских представителей элиты (устойчивой тенденции к росту или снижению этого показателя не наблюдается). Численность дворян, служивших в армии и на флоте вплоть до полной отставки или смерти, выросла с 9 до 28–32%, а доля гражданских служащих, напротив, значительно уменьшилась — с 69 до 37%. Таким образом, с течением времени гражданская служба всё реже становилась завершающим этапом карьеры военного. К тому же выводу можно прийти при анализе данных об отставках военнослужащих. По моим подсчётам, за 1725–1762 гг. состоялось 512 отставок с табельным чином 1–5 классов. В 417 случаях (81%) военный получил армейский чин, в 95 случаях (19%) — статский.

В первые пять лет после смерти Петра Великого от полевой службы были уволены 10% отставников, от военной — 77%, полную отставку «от службы и дел» получили лишь 13% лиц. На гражданскую службу перевели 58% отставни-

ков. Как видим, в этот период правительство использовало процедуру отставки для перераспределения дворян между военной и гражданской сферами управления¹⁶. При Анне Иоанновне положение существенно изменилось: в полную отставку были отправлены 57%, а на статскую службу переведено 34%. В 1741–1762 гг. аналогичные показатели составили 67 и 21%. Выявленная динамика отчётливо прослеживается как среди русских военных, так и у иноземцев, но с одним существенным отличием – на гражданскую службу иноземцы переводились гораздо реже. Среди русских полную отставку в 1725–1730 гг. получили 12% отставников, среди иноземцев – 25%, в 1730–1741 гг. – 53 и 70%, в 1741–1762 гг. – 64 и 72%. К гражданским «делам» в 1725–1730 гг. были направлены 63% русских отставников и 25% иноземцев, в 1730–1741 гг. – 39 и 11%, в 1741–1762 гг. – 26 и 9%.

Таблица 6

**Профиль службы в чинах 1–5 классов
(русские; по году начала службы), %**

Год начала службы	Вид службы		
	военная	гражданская	смешанная
До 1691 г.	9	69	22
1691–1700 гг.	17	51	32
1701–1710 гг.	19	52	29
1711–1720 гг.	31	41	28
1721–1730 гг.	32	44	24
После 1730 г.	28	37	35

Подсчитано по: см. сноску 10.

Очевидно, что к середине XVIII столетия заинтересованность верховной власти в пополнении гражданских структур отставными военными значительно снизилась. В этот период отставка использовалась в основном для исключения из состава госаппарата тех, кто в силу возраста, состояния здоровья либо иных причин уже не мог нести службу.

Свидетельством постепенного «обособления» военной и гражданской карьеры также являются изменения в чинопроизводстве. Сравним возраст получения служилыми людьми первого «генеральского» ранга в зависимости от профиля их службы. Сразу замечу, что придворные и дипломаты при расчётах были выделены в отдельную группу, так как их карьера развивалась значительно быстрее и не характерна для остальных гражданских служащих.

Из таблицы 7 следует, что русские представители элиты 1725–1762 гг., служившие при дворе и на дипломатическом поприще, получали свой первый «генеральский» чин в среднем к 40 годам, а иноземцы – в 41. Хорошо заметен

¹⁶ К аналогичному выводу при анализе биографий «областных правителей» 1719–1739 гг. пришла М.В. Бабич (*Бабич М.В.* Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 94).

рост скорости карьеры у русских придворных и дипломатов: если представители элиты послепетровского времени достигали высших чинов в 43 года, то к концу елизаветинского царствования этот показатель снизился до 35 лет.

Таблица 7

**Средний возраст при получении представителями элиты 1725–1762 гг.
первого «генеральского» ранга, лет**

Вид службы	1725– 1730	1730– 1735	1736– 1741	1741– 1746	1747– 1751	1752– 1756	1757– 1762	1725– 1762
Русские								
Военная	49	49	51	47	45	46	44	48
Гражданская *	52	52	55	56	48	54	54	54
Смешанная *	46	46	50	49	48	51	51	51
Придворная и дипломатическая	43	43	41	38	35	35	35	40
Все	46	46	47	44	42	44	43	46
Начали служить после 1700 г., % от численности правящего слоя данного периода	34	48	68	88	94	98	99	81
Иноземцы								
Военная	45	46	42	42	41	44	44	44
Гражданская *	59	58	55	55	48	56	49	53
Смешанная *	42	45	46	47	52	52	49	48
Придворная и дипломатическая	40	39	38	39	40	40	43	41
Все	44	45	42	42	42	45	44	44
Начали служить после 1700 г., % от численности правящего слоя данного периода	65	76	85	91	95	99	100	90

Подсчитано по: см. сноску 10.

* За исключением лиц, состоявших на придворной или дипломатической службе.

Другие виды гражданской службы почти не давали шансов на стремительную карьеру. Средний возраст получения первого «генеральского» ранга русскими и иноземцами, находившимися у «дел», составлял 53–54 года. Продвижение по чиновной лестнице в армии и на флоте шло быстрее: русские достигали генеральских чинов в 48 лет, а иноземцы – в 44 года. Обратим внимание, что возраст получения первого «генеральского» ранга русскими военными за 1725–1762 гг. снизился с 49 до 44 лет, и иноземцы к концу изучаемого периода утратили те преимущества в продвижении по службе, которыми обладали ранее.

Интересные результаты даёт сравнение карьерного роста военных и лиц, совмещавших военную службу с гражданской. Как следует из таблицы 7,

русские представители элиты 1725–1741 гг., переводившиеся из армии к «делам», достигали генеральских чинов на 1–3 года раньше своих сослуживцев, не получавших таких назначений. При Елизавете армейская служба стала более выгодной: в 1741–1746 гг. военные опережали по скорости карьеры представителей элиты со «смешанным» профилем на 2 года, а в 1757–1762 гг. — на 7 лет. Аналогичные изменения, но со второй половины царствования Анны Иоанновны, мы видим у иностранцев: отставание военных на 1–3 года затем сменялось их преимуществом от 4 до 11 лет.

Успешное развитие карьеры военных, назначавшихся к гражданским делам в период петровских реформ, уже отмечалось в литературе, хотя и без соответствующих расчётов. Как писала Бабич, в первой четверти XVIII в. существовала «приоритетная потребность... в руководителях универсального типа». Продвижение служилых людей определялось, наряду с другими причинами, наличием навыков «общеадминистративного характера» и способностью выполнять самые разные поручения¹⁷. Мои данные подтверждают эту точку зрения: подавляющее большинство представителей элиты 1725–1741 гг. поступили на службу в царствование Петра I. Однако не менее важно, что рациональные принципы чиновничества, оформившиеся во время Северной войны и закреплённые в Табели о рангах 1722 г., в итоге сделали традиционный для Московского государства «универсальный» тип службы невыгодным для военных. Этот результат петровских реформ, как следует из таблицы 7, становился всё более явным благодаря смене поколений: по мере сокращения количества служивших в рамках «старой» чиновной иерархии и роста числа поступивших на службу после 1700 г. Дополнительные расчёты подтверждают мой вывод. Русские представители элиты, поступившие на службу в XVII в., получали свой первый «генеральский» ранг на военной службе в 57 лет, на «смешанной» — в 54 года, а поступившие на службу после 1700 г. — в 45 лет и 51 год; у иностранцев, начавших карьеру в XVII в. — в 50 и 50 лет, а у поступивших на службу после 1700 г. — в 43 года и 48 лет соответственно.

Перемены также произошли в правилах и практике чиновничества. Как известно, служившая иерархия, созданная Петром Великим, не предполагала строгого соответствия табельного чина и выполняемых должностных обязанностей. По моим данным, в первые 10–15 лет после принятия Табели о рангах генералы, переводившиеся к «делам», как правило, не получали статских чинов. Например, в 1730–1731 гг. при армии служило менее половины всех генералов (44–46%), около трети состояли у «дел», ещё 20% совмещали армейскую службу с гражданской. При Анне Иоанновне, после утверждения нового армейского штата 1731 г. и принятия указа 14 ноября 1735 г. (о повышении отставных военных, при назначении «к делам», статскими рангами), ситуация стала меняться. В итоге к концу правления Елизаветы доля генералов, состоявших на армейской службе, возросла до 72–78% (включая совмещавших её с гражданской — до 83–84%), а численность «гражданского» генералитета сократилась до 15–16%.

* * *

Подведём основные итоги. Согласно устоявшемуся мнению, отставные военные являлись главным источником замещения руководящих должностей

¹⁷ Бабич М.В. Государственные учреждения... С. 156, 158, 160.

в гражданском аппарате управления первой половины XVIII в. Мои расчёты подтверждают эту точку зрения: «смешанный» тип карьеры был характерен для 58% представителей элиты 1725–1762 гг., в первую очередь для русских (70%) и гораздо реже для иностранцев (34%). Даже в середине XVIII в. перемещение военных на гражданскую службу оставалось обычной практикой. Наиболее почётными вехами на жизненном пути дворян считались походы, «акции» и баталии, а пребывание у «дел» становилось обязанностью тех, кто был неспособен к полковой службе из-за ран, старости или болезней.

Вместе с тем анализ показал, что в русской служилой среде уже в это время начинался процесс «специализации» – обособления военной карьеры от гражданской. Принципы чиновничества, сложившиеся в период Северной войны и закреплённые в Табели о рангах, сделали совмещение военных и гражданских назначений невыгодным для карьерного роста. Если русские служилые люди со «смешанным» профилем службы, начинавшие свою карьеру в XVII в., достигали «генеральских» рангов в среднем на 3 года раньше военных, то у поступивших на службу после 1700 г. наблюдалась обратная картина: по скорости карьеры военные на 6 лет опережали сослуживцев, переводившихся к «делам».

В изучаемый период сократилось количество временных назначений военных на гражданскую службу. «Смешанный» тип карьеры в молодом и зрелом возрасте преобладал только у тех из них, кто начал службу до 1691 г. (75% лиц). Сорок лет спустя, среди поступивших на службу после 1730 г., доля лиц со «смешанной» карьерой опустилась до 27%. Значительно уменьшилось количество военных, которые назначались к «делам» неоднократно. Из-за изменений в практике отставок снизилось число переводов на гражданскую службу в конце карьеры. Так, в 1725–1730 гг. полную отставку получили лишь 12% отставников, большинство же (63%) были определены к «делам». В 1741–1762 гг. ситуация стала прямо противоположной – 64% и 26% соответственно.

Приведённые данные наглядно показывают, насколько существенными были изменения в карьере и служебных назначениях дворянства в 1725–1762 гг. Русские представители элиты петровского времени, как и первых лет после его смерти, начинали свою службу в рамках «старой» чиновной иерархии, но даже в «регулярстве» их карьера во многом соответствовала «идеальному» московскому типу «смешанной» службы. Практика совмещения военных и гражданских назначений впоследствии не исчезла, однако служебный путь елизаветинской элиты уже являлся продуктом созданной Петром рациональной системы с относительно редкими переводами к гражданским делам, в основном в конце карьеры, и предпочтением военной службы перед «смешанной».

Кадровое обеспечение органов управления Таврической области в 1784–1796 гг.

Александр Кравчук

Staffing Support in Taurida Oblast (1784–1796)

Alexandr Kravchuk

*(Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
Simferopol, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722040033, EDN: FZCWRY

Изучение событий, связанных с формированием и функционированием системы местного управления в Тавриде после ликвидации Крымского ханства, позволяет не только восстановить ход региональной истории, но и лучше понять политику, проводившуюся российскими властями на окраинах. Трансформация административной системы отражала эволюцию представлений правящих кругов империи о регионе и происходящих в нём процессах. Между тем пристальное внимание к Екатерине II и руководителям края – князьям Г.А. Потёмкину и П.А. Зубову сформировало у исследователей ошибочное ощущение, будто все инициативы, исходившие от высших сановников, и принятые законы получали воплощение в реальной жизни. На практике же нормативные акты и проекты нередко терялись в канцеляриях, отвечавшие за их осуществление чиновники, непосредственно взаимодействовавшие с населением, сталкивались с непреодолимыми сложностями, и в итоге задуманное так и оставалось на бумаге.

Ещё в конце XIX – начале XX в. Н.Н. Мурзакевич, Г.К. Киреенко, Ф.Ф. Лашков, Е.А. Загоровский рассмотрели историю организации местной администрации Тавриды и первые шаги по хозяйственному обустройству её территории¹. Многие сделали для освещения данной проблематики и современные учёные². Так, В.А. Кошман проанализировал её юридические аспек-

© 2022 г. А.С. Кравчук

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для молодых российских учёных, проект № МК-3927.2022.2 «Формирование и кадровое обеспечение местных учреждений Новороссийского края и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX вв.».

This work was supported by The Russian presidential grant for young scientist, project № МК-3927.2022.2 «Formation and staffing of local authorities in the Novorossiya Region and Crimea at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries».

¹ *Мурзакевич Н.Н.* Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // Записки Одесского общества истории и древностей. 1881. Т. 12. С. 249–329; *Киреенко Г.К.* Об ордерах князя Потёмкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1897. № 3. С. 1–35; *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения: окончание // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1897. № 26. С. 89–154; *Загоровский Е.А.* Организация управления Новороссией при Потёмкине в 1774–1791 годах. Одесса, 1913.

² *Болотина Н.Ю.* Потёмкин. М., 2014. *Маленко А.Ю.* Григорий Александрович Потёмкин – генерал-губернатор Новороссии и Тавриды. Симферополь, 2018; *Болотина Н.Ю., Непомнящий А.А.* Организация управления и административно-территориальные преобразования. Деятельность

ты³, а Д.А. Прохоров не только попытался проследить практическую реализацию законодательства, регулировавшего создание и комплектование органов управления Таврической обл. (включая и таможенные учреждения), но также показал их взаимодействие с татарским населением⁴. Тем не менее собственно крымское чиновничество до сих пор остаётся почти не изученным. Во многом это обусловлено недостатком источников и их особенностями. Так, формулярные списки, которые практически незаменимы по своей информативности при анализе состава и деятельности российской бюрократии⁵, нередко заполнялись со слов самих служащих⁶. Лишь при Николае I формуляры упорядочили на основе единого делопроизводственного стандарта.

Князя Потёмкин и Зубов уделяли пристальное внимание комплектованию штатов Таврической обл., утверждённых Екатериной II 24 апреля 1784 г.⁷ Значительное число их ордеров связано именно с подбором людей и материальным обеспечением местного чиновничества. Таврическое областное правление открылось 11 июня 1784 г.⁸, однако большинство присутственных мест начали работу только зимой–весной 1787 г.⁹

Согласно штатному расписанию на обеспечение гражданских чинов жалованием и столовыми деньгами области ежегодно выделялось 99181 руб.¹⁰ В её учреждениях создавалось 108 вакансий, в уездах и городах – 279. Число канцелярских служащих зависело от необходимости и суммы, отводившейся на канцелярские расходы. Например, Таврическому областному правлению на них выделялось 8 тыс. руб., из которых, помимо прочего, выплачивались оклады протоколистам, регистраторам, архивариусам, всем состоящим при письменных делах, переплётчикам, сторожам и другим лицам, «коим всем определение числа и жалования по трудам слагается»¹¹.

Фактически замещение вакантных должностей так и не завершилось вплоть до ликвидации Таврической обл. Из-за малочисленности жителей на неопределённое время откладывалось создание совестного суда, административных органов и судов в Днепровском и Мелитопольском уездах. Места землемеров,

светлейшего князя Г.А. Потёмкина // История Крыма в 2 т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. Т. 2. М., 2018. С. 15–21.

³ Кошман В.А. Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь, 2018.

⁴ Прохоров Д.А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. № 5. С. 213–225; Прохоров Д.А. Штаты и деятельность таможенных учреждений Таврической области в конце XVIII века // История и археология Крыма. 2017. № 5. С. 341–370; Прохоров Д.А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Сборник статей. Севастополь, 2017. С. 95–108.

⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 10; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений: 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 14–18.

⁶ Наиболее полную коллекцию формулярных списков лиц, имевших классный чин и включавшихся в адрес-календари, см.: РГИА, ф. 1349. Формуляры канцелярских служащих сохранились лишь фрагментарно: Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК), ф. 799, оп. 1, д. 6, 36, 62, 294, 294а, 314, 329, 354, 426, 427, 453.

⁷ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 37, л. 2–31; Болотина Н.Ю. Потёмкин. С. 251.

⁸ ГА РК, ф. 799, оп. 2, д. 1, л. 1–2.

⁹ Прохоров Д.А. Органы управления... С. 216.

¹⁰ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 37, л. 9.

¹¹ Там же, л. 6 об.

докторов, врачей, подлекарей и лекарских учеников также оставались незанятыми. Сложно определить и количество тех, кто поступал на службу по выборам (они должны были присутствовать во многих местных структурах в качестве заседателей и присяжных). По областным штатам их предусматривалось не менее 104 человек, однако найти столько обывателей, знающих русский язык и способных исполнять соответствующие обязанности, оказалось невозможно. Порою одни и те же люди могли занимать несколько постов. Всё это крайне затрудняет подсчёт общего числа служащих. Притоку свежих сил заметно мешала репутация региона, воспринимавшегося в общественном сознании конца XVIII в. как «гнилое место»¹². Для русских людей Крым оставался «terra incognita», а татарское население считалось враждебно настроенным. Поэтому чиновники пытались остаться в более безопасной Новороссии. Вместе с тем, несмотря на острый дефицит людей, кн. Потёмкин неоднократно требовал найти занятие чиновникам, получавшим жалованье и «не состоящим у дел»¹³.

Обширность территорий, которыми управлял светлейший князь, и особенности его характера и положения в империи, безусловно, создавали благоприятные условия для злоупотреблений и неразберихи среди местной бюрократии. Систему регулярного учёта чиновников наладили уже после его смерти. Впервые их массовая перепись и «истребование с оных формуляров» произошли в 1792–1794 гг.¹⁴, тогда же в Таврическом областном правлении подготовили групповые формулярные списки, содержавшие сведения о большей части должностных лиц. Конечно, сохранившиеся данные не являются полными, однако встречающиеся пробелы отчасти можно устранить при помощи материалов из РГИА и адрес-календарей. Всего удалось выявить формулярные списки 154 человек, т.е. абсолютного большинства служивших в Таврической обл., включая как классных чиновников, так и канцелярских служащих и состоявших на службе по выборам. Их анализ позволяет разобраться в основных принципах и механизмах комплектования органов управления региона.

Одной из особенностей административного аппарата Таврической обл., как и всего Новороссийского края, была его многонациональность. Судя по формулярным спискам, среди местных чиновников преобладали русские (обер-офицерские дети — 15 человек, дворяне — 11, купцы — 4) и украинцы («вольнопределяющиеся малороссияне» — 14, «казацкие дети» (потомки запорожцев) — 10, дворяне — 6, «малороссийские старшинские дети» — 5, «из шляхетства малороссийского» — 2). Не представляется возможным определить национальность выходцев из «духовного звания» (11), «казённых поселян» (6) и «солдатских детей» (2). В целом доля русских среди чиновников составляла 19,5%, украинцев — 24, невыясненного (как русского, так и украинского) происхождения — 12; всего — 55,5% от общего числа местных служащих.

Среди немногочисленных переселенцев, прибывавших в Крым в рассматриваемый период, русские превосходили украинцев почти вдвое¹⁵. Иные пропорции в рядах местной бюрократии, по-видимому, объяснялись тем, что при

¹² Восприятие полуострова стало меняться уже во второй четверти XIX в. Подробнее см.: *Кравчук А. С.* Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь, 2019. С. 67–68, 89–91.

¹³ *Киреенко Г. К.* Указ. соч. С. 7–8.

¹⁴ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 6, 294.

¹⁵ *Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М.* Население Крыма в конце XVII — конце XX века (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003. С. 51.

комплектовании областных органов управления кн. Потёмкин использовал чиновников из Екатеринославского наместничества, поскольку многих из них знал лично. При этом активно привлекались местные уроженцы – представители казацкой старшины, среди которых было немало грамотных людей.

Нельзя не отметить и разнообразие сословных категорий у служащих украинского происхождения. Зачастую они записывались со слов самих бюрократов, которые, идентифицируя себя, пытались как-то зафиксировать имевшиеся у них сословные привилегии. Пестрота определений свидетельствовала о том, что положение данных групп населения ещё не было законодательно закреплено и процесс их интеграции в российское общество продолжался. Характерно, что ряд представителей украинской знати числились как дворяне, те же, кто не получил данный статус, обозначали себя как «малороссийские старшинские дети» или «шляхетство малороссийское».

Значительную долю областного чиновничества (18% от общего числа) составляли крымские татары, которых Екатерина II и кн. Потёмкин также стремились привлечь к делам. 24 апреля 1784 г. императрица повелела, «чтобы не только те места, кои по учреждениям нашим наполняются выбором общества, заняты были жительствоющими в области Таврической, но чтобы и в правлении и палатах в число советников и асессоров определены были несколько человек из них же, кои по их к нам верности и способностям того достойнее будут, да и вообще наше есть желание, чтобы сим новым нашим подданным путь к гражданской службе и к получению в оной чинов открыт был»¹⁶. Безусловно, российские власти остро нуждались в поддержке местного населения, особенно знати, и старались остановить масштабную эмиграцию крымских татар. В итоге в области служили «из мурз таврических» – 15, «рядовых обывателей» – 7, представителей купечества – 4, мещан – 2 человека. Как правило, они находились на «выборных от общества» должностях (71,4%), при этом представителям наиболее влиятельных родов, проявившим лояльность в ходе присоединения Крыма к империи, жаловались гражданские и военные чины, позволявшие занимать административные посты¹⁷.

Заметной группой также являлись греки (14,3%): 15 «рядовых обывателей» и 7 знатных особ. Греческое население (около 1,8 тыс. человек) проживало преимущественно в Керчи, Евпатории, Балаклаве и её окрестностях¹⁸. Чиновники других национальностей встречались реже (11%): пять польских шляхтичей, трое армян, по два немца и турка, а также белорусский дворянин, француз, итальянец, болгарин и серб¹⁹. В результате немалая часть служивших в области не знали ни русского языка, ни канцелярского порядка, что не могло не затруднять работу и вело к злоупотреблениям. Кроме того, почти во всех местных учреждениях возникала необходимость в переводчике, которому полагался оклад 200 руб. в год (тогда как правитель области получал 1 800 руб., председатель палаты гражданских дел – 840 руб., областной казначей – 300 руб.)²⁰.

Благодаря формулярным спискам известен возраст 140 чиновников, которых можно распределить по группам: до 20 лет – 8 человек (5,7%), 21–30 лет –

¹⁶ ПСЗ-I. Т. 22. № 15988.

¹⁷ O'Neill K. Rethinking elite integration: The Crimean Murzas and the evolution of Russian nobility // Cahiers du Monde Russe. Vol. 51. 2010. № 2–3. P. 398–401.

¹⁸ Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма... С. 50.

¹⁹ Не удалось установить национальную принадлежность лишь одного человека.

²⁰ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 37, л. 6–8.

48 человек (34,3%), 31–40 лет – 38 человек (27,1%), 41–50 лет – 24 человека (17,1%), 51–60 лет – 15 человек (10,7%), старше 60 лет – 7 человек (5%). Таким образом, основную массу чиновников (61,4%) составляли люди от 21 до 40 лет (средний возраст – 36,8 лет). Большинство из них не были женаты, и это усложняло их положение на малозаселённой окраине, где традиционно ощущался дефицит женщин.

В то же время в последней четверти XVIII – начале XIX в. широко практиковалось поступление на службу в 14–16 лет²¹. В основном это были дети потомственных канцелярских служителей, чьи семьи остро нуждались в жалованье, а карьера зависела от многолетней выслуги. Например, в 1803 г. в Олонецкой губ. лица младше 15 лет составляли 41,3% канцелярских служителей, ещё 25% находились в возрасте 16–20 лет²². В Таврической обл. самым юным являлся 15-летний регистратор палаты гражданского суда Т.В. Бабанасин. Кроме того, имелось семь человек 18–20 лет. Самыми возрастными были представители крымских татар и казённых поселян – 71-летние ассессор палаты казённых дел Хамит-ага и сельский заседатель совестного суда Ф. Нестеров.

Об уровне подготовки должностных лиц свидетельствовали их чины, стаж работы и образование. При этом, как и в иных частях империи, по штату области каждая должность соответствовала определённому рангу. Всего здесь служило чинов IV класса – 1 (правитель области генерал-майор С.С. Жегулин), V, VI и VII – по 5, VIII – 19, IX – 6, X – 5, XI – 1, XII – 4, XIII – 1, XIV – 18. Статскими советниками являлись поручик правителя (вице-губернатор) К.И. Габлиц и председатель палаты уголовного суда П.Я. Скорняков, а также двое крымских татар – судья совестного суда Мегмет-ага (казнадар) и советник уголовного суда Мегметша Ширинский²³. Чин V класса имел и премьер-майор симферопольский городничий С.Г. Невельский²⁴. В последующие годы число лиц в генеральских чинах среди местных администраторов постепенно увеличивалось²⁵.

Судя по формулярным спискам 1794 г., 73 чиновника (47,4% от общего числа) не служили нигде, кроме Таврической обл., причём некоторые получили первое назначение уже в 1790-е гг. По сути, они не обладали значимым административным опытом, а их компетентность оставляла желать лучшего. 42 человека перевелись из украинских губерний и наместничеств. Ещё десять чиновников ранее служили в Центральной России. Таврические чиновники редко меняли места службы, зачастую такие перемещения были связаны с административными преобразованиями или созданием новых губернских и уездных учреждений. Всего известно о 43 таких переходах, из них дважды поменяли место службы – 25, трижды – 10, четыре раза – 5, пять раз – 2 и шесть раз – 1 человек.

²¹ Лишь в 1827 г. были установлены правила, согласно которым лица, не достигшие 14-летнего возраста, не могли становиться чиновниками, а действительная служба исчислялась с 16 лет (Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. Т. 3. Ч. 3. СПб., 1842. С. 5).

²² Плех О.А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Т. 42. 2020. № 2. С. 62.

²³ РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1798 г., д. 52, л. 45.

²⁴ Там же, 1799 г., д. 57, л. 56.

²⁵ *Nepomnyzhchy A.A., Kravchuk A.S. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Былые годы. 2018. Т. 47. № 1. С. 103–104.*

Особенностью Таврической обл. следует признать невысокий процент армейских и флотских чинов, перешедших на гражданскую службу. Таковых было всего 32 человека (20,8%). Для Российской империи, где армия традиционно являлась ключевым источником пополнения бюрократического аппарата, данный показатель кажется незначительным, особенно если учесть острый кадровый дефицит в регионе и то, что кн. Потёмкин стоял во главе как армии, так и местной администрации. Видимо, сказывалась опасность, исходившая от Османской империи, да и пополнять штаты приходилось не только в Крыму, но и во всём Новороссийском крае²⁶.

Среди офицеров, надевших гражданский мундир в Таврической обл., оказалось немало греков. Почти каждый третий чиновник греческого происхождения ранее служил в армии или флоте. Российские власти, заинтересованные в переселении в недавно завоёванный край единоверцев, активно привлекали туда тех, кто сумел проявить себя в ходе военных кампаний. Так, заседатель первого департамента верхнего земского суда титулярный советник Д.Ф. Волков, несмотря на русскую фамилию, являлся, согласно формулярному списку, выходцем «из греческого дворянства». Свою карьеру он начал в 1764 г. «полковым старшиною» в Войске Запорожском. В 1769 г. его послали к крымскому хану «по комиссии со стороны бывшего Войска Запорожского», доверив тайную миссию «для примечания чинимых тогда к войне приготовлений». Однако Волкова вскоре раскрыли и взяли в плен. Освобождённый в 1771 г. вступившими в Крым войсками Ф.Ф. Щербатова, он «потреблен был в разные времена по знанию турецкого языка для разведывания татарских обращений и намерений по 1773 г.» и вплоть до завершения войны находился при армии кн. Ю.В. Долгорукова. После ликвидации Сечи в 1775 г. Волков получил чин прапорщика, но затем перешёл на статскую службу, и с 1779 г. «был употребляем начальством по разным комиссиям» в Таврической обл. В 1784 г. его произвели в титулярные советники, а в 1788 г. назначили смотрителем евпаторийских соляных озёр. Там он прослужил до 1792 г., когда дворянство избрало его заседателем²⁷.

Не менее насыщенной событиями оказалась жизнь И.Д. Хартулярия. В 1770 г. он при участии гр. А.Г. Орлова поступил на флот, с 1779 г. состоял прапорщиком в Вологодском пехотном, а с 1783 г. — в Екатеринославском гренадерском полку, в 1787 г. получил звание капитана. Хартулярий участвовал в присоединении Крыма, а позднее — во взятии Очакова и Бендер. Полученные ранения не позволили ему продолжить службу, и в 1790 г. он был «отставлен по болезни с награждением секунд-майором»²⁸, но уже в 1793 г. вступил в должность евпаторийского земского судьи, а в 1794 г. занял пост заседателя второго департамента Таврического земского суда.

Среди бывших военных славянского происхождения, пополнивших ряды бюрократии Таврической обл., большинство являлись ветеранами боевых действий второй половины XVIII в. и непосредственными участниками присоединения Крыма к России²⁹. Государство поощряло их пожалованием «пустопорожных» земель на полуострове³⁰. Владеть ими могли только дворяне, которых в регионе служило 94 человека. При этом, согласно формулярным спискам,

²⁶ История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2017. С. 167–168.

²⁷ ГА РК, ф. 799, оп. 1, д. 6, л. 169–172.

²⁸ Там же, л. 193–197.

²⁹ Там же, д. 61, л. 1–6.

³⁰ *Лашков Ф.Ф.* Указ. соч. С. 98–113.

землевладельцами были лишь 15 человек (включая 9 представителей крымско-татарской знати).

Судить об образовании, полученном таврическими чиновниками, весьма затруднительно, поскольку в XVIII в. соответствующие сведения включались в формуляр крайне редко. Среди чиновников области выделялся поручик правителя — известный учёный-энциклопедист К.И. Габлиц, окончивший гимназию при Московском университете, где затем числился студентом медицинского факультета. В 1776 г. он стал членом-корреспондентом Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Из Харьковского коллегиума вышли надсмотрщик крепостных дел в палате гражданского суда губернский регистратор И.М. Григорьев, протоколист палаты гражданского суда коллежский регистратор А.О. Попов и советник соляных дел подполковник А.С. Таранов-Белозёров³¹. Сохранились также обрывочные данные о том, что заседатель второго департамента Таврического земского суда секунд-майор Хартулярий «поступил в 1770 г. в учреждённую в Италии в городе Пизе графом Алексеем Григорьевичем Орловым гимназию»³², а советник Таврической палаты гражданского суда секунд-майор Е.Д. Палатино «вступил при артиллерийском шляхетском кадетском корпусе [в] греческую гимназию в 1775 г., в коей обучался разным наукам, из коей выпущен в 1779 г.»³³.

В формулярный список вносилась и информация о том, состоял ли служащий «под судом». Однако скрыть её было несложно, так как она записывалась со слов самого чиновника, а документально подтверждать требовалось только наличие чина и сословное происхождение. Неудивительно, что компрометирующие отметки делались буквально в единичных случаях. Так, протоколист приказа общественного призрения губернский секретарь Д. Карев привлекался к ответственности «за кражу 25 вёдер горячего вина»³⁴, а председатель второго департамента Таврического областного магистрата титулярный советник Н.Т. Продма «был под следствием за бой мещанина Виноградова, умершего через несколько дней»³⁵, но остался оправдан.

Так или иначе, несмотря на широкомасштабную преобразовательную деятельность кн. Потёмкина, развитие Таврической области не было стремительным. Непосредственная реализация идей, задуманных князем, возлагалась на малочисленное, многонациональное и недостаточно квалифицированное чиновничество, которое к тому же нередко оказывалось на грани выживания, получая мизерное денежное вознаграждение, в непривычных и тяжёлых условиях жизни. Это неминуемо вело к злоупотреблениям, проявившимся, в частности, в ходе разраставшихся земельных тяжб на полуострове в конце XVIII — начале XIX в. Отсутствие сдерживающего влияния дворянского сословия привело к тому, что чиновники активно включились в перераспределение свободного земельного фонда. Значительная часть служащих Таврической обл. имела законное право на владение землёй, и многие пытались воспользоваться благоприятной ситуацией. Тем не менее свою главную задачу местная бюрократия выполнила, постепенно стабилизирував обстановку и предотвратив крупные мятежи, чем способствовала закреплению области в составе Российской империи.

³¹ ГА РК, ф. 801, оп. 1, д. 23, л. 9.

³² Там же, ф. 799, оп. 1, д. 6, л. 191–197.

³³ Там же, л. 29–30.

³⁴ Там же, л. 21–22.

³⁵ Там же, л. 135–136.

«Великий реформатор» или «гениальный бюрократ»: М.М. Сперанский в общественном мнении начала 1860-х гг.

Ирина Ружицкая

«Great Reformer» or «Brilliant Bureaucrat»:
M.M. Speransky in public opinion in the early 1860s

Irina Ruzhitskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722040045, EDN: FZDJCW

«Провозглашённая» весной 1855 г. Ф.И. Тютчевым «оттепель» свидетельствовала об окончании «николаевской» эпохи, и хотя никакого обновления страны в первые годы нового царствования не последовало, с началом реформ на авансцену вышли представители высшего чиновничества, получившие позднее в историографии наименование «либеральных» или «просвещённых» бюрократов. Именно они стали основной движущей силой преобразований Александра II. К их числу принадлежал и барон М.А. Корф, в середине сентября 1861 г. опубликовавший двухтомную биографию гр. М.М. Сперанского¹, которого многие исследователи по праву считают идейным вдохновителем российского правительственного реформизма первой половины XIX в. Однокашник А.С. Пушкина по Царскосельскому лицее, Корф вполне соответствовал тем ожиданиям, которые связывались с воспитанниками этого учебного заведения, созданного по замыслу Сперанского для «подготовки юношей к важным частям службы государственной». Будучи государственным секретарём (1834–1843), а впоследствии главноуправляющим II отделением Собственной е.и.в. канцелярии (1861–1864) и председателем Департамента законов Государственного совета (1864–1872), Корф активно участвовал в подготовке преобразований 1860-х гг. и в известной мере продолжал дело Сперанского, ранее занимавшего эти же посты или исполнявшего те же обязанности². По словам Е.Л. Рудницкой и А.Г. Тартаковского, Корф был среди тех «просвещённых сановников прежнего царствования», которые примкнули «к либеральной бюрократии, включившейся в подготовку буржуазных реформ»³.

Это новое поколение чиновников возникло в немалой степени благодаря усилиям Сперанского. Сам Корф проработал непосредственно под руководством Михаила Михайловича во II отделении Собственной е.и.в. канцелярии пять лет (1826–1831): именно столько понадобилось на создание 15-томного

© 2022 г. И.В. Ружицкая

¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1–2. СПб., 1861.

² Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива? М., 1991. С. 237–239; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы. М., 1993. С. 36.

³ Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г. Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря 1825 г. и его истолкователи. Герцен и Огарёв против барона Корфа. М., 1996. С. 11.

Свода законов, из которых Модест Андреевич подготовил 5. Эти годы прошли в тесном общении и сотрудничестве, которое Корф подробно описал в 1839 г. в «Кратком очерке моей жизни»⁴. За время совместной ежедневной работы они достаточно сблизились: их переписка носила дружеский характер⁵. Сперанский называл Корфа «лучшим своим работником». Тот же неоднократно отмечал, насколько важным для него оказалось знакомство с «гением в полном смысле слова», «едва ли не превзошедшим всех прежних государственных людей наших... имя которого глубоко врезалось в историю», а кончина представляла собой «бедствие государственное». «Светило русской администрации угасло», — записал в день его смерти Корф⁶. Окружающие, и прежде всего Николай I, видели в нём ученика и последователя Сперанского. Неудивительно, что именно Корф стал его биографом.

Однако их взгляды далеко не во всём совпадали. Иные проекты Михаила Михайловича Модест Андреевич жёстко критиковал как «кабинетные», оторванные от жизни или несвоевременные. В конспекте барона об Александре I и Сперанском говорилось: «Оба, без сомнения, одушевлены были одним искренним стремлением к благу России, между тем оба одинаково заблуждались в предызбранности того пути, увлекаясь взаимными суждениями и доводами, от одной теории заимствованными»⁷.

Впрочем, современники часто обвиняли Сперанского в утопизме и во время его наибольшего влияния на императора в 1808–1812 гг., и после возвращения из ссылки в Петербург. Между тем историки нередко видят отражение идей, изложенных Сперанским в 1809 г. во «Введении к Уложению государственных законов», в «Проекте Уложения государственных законов», «Кратком начертании государственного образования» и «Общем обозрении всех преобразований и распределении их по временам», в том политическом строе, который сложился в Российской империи после Манифеста 17 октября 1905 г. (особое значение при этом придаётся строгому разделению в проектах реформатора законодательной, исполнительной и судебной власти).

В 1847 г. в рамках курса правоведения Корф прочёл вел. кн. Константину Николаевичу лекцию «Исторический взгляд на законодательные наши учреждения», рассмотрев в ней планы Сперанского и Александра I, которые «содержали в себе полную систему народного представительства» и предполагали предоставление законодательной власти выборной Государственной думе. Корф, как и другие умеренные реформаторы, так далеко не шёл. По его мнению, «власть законодательная в России так всегда была не разделена с самодержавною, что никакой закон у нас ни прежде не мог, ни теперь не может исходить иначе, как только от верховного начала всех законов — государя», и соответственно «единая истинная власть законодательная — государь», а «необходимость самодержавия для России есть аксиома, как аксиома и то, что без сей связывающей силы громадный её состав мгновенно распадётся в прах». Этим он объяснял и незыблемость самодержавия в России, и невозможность введения «системы народного представительства». «Существо законных установлений» Корф усматривал «единственно в совещательном соображении, т.е. в том, I. Чтобы представить мнение своё по тем законодательным вопросам,

⁴ ОР РНБ, ф. 380, д. 1.

⁵ См.: ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 1415.

⁶ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 275.

⁷ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3204, л. 8.

которые представляются на их обсуждение непосредственно от верховной власти; 2. Чтобы признавать и удостоверить необходимость нового закона, от уполномоченных к тому властей (теперь министров) внесённого; 3. Чтобы обсуживать проект такого закона и представлять его на усмотрение государя»⁸. Как считал барон, сначала Сперанский не мог осознать, «что для России необходимо самодержавие, позднее опыт и глубокое душевное убеждение превратили его в ревностного поборника самодержавия для России»⁹. Впрочем, неизвестно, действительно ли Сперанский, вернувшись в Петербург, думал именно так. С большой долей уверенности можно предполагать, что он до конца жизни надеялся на осуществление проектов 1809 г.

Характерно, что даже в начале 1860-х гг., в обстановке общественного подъёма, Корф не мог предать гласности все собранные им факты: из рукописи по настоянию гр. Д.Н. Блудова и Александра II были изъяты несколько глав, в том числе о «Плане государственного преобразования» и обстоятельствах высылки Сперанского из Петербурга в 1812 г.¹⁰ Иначе «книга совсем и не могла бы явиться в свет»¹¹. Понимая это, барон «охотно принимал на себя» предсказуемый «упрёк о разных умолчаниях в уверенности, что никакой рассудительный человек не вменит их в вину». Оправдывая подобные цезуры, он писал в 1863 г. близкому другу и соратнику А.Ф. Бычкову: «Действительно, мог ли я, в моём общественном положении и в моей истинной и не гонящейся за модными фактами любви к России, проводить и воскрешать перед её глазами — именно в настоящую минуту, когда вся наша атмосфера наполнена несбыточными конституционными мечтами — утопические планы, которыми тешились в этом круге идей полвека тому назад Александр и Сперанский»¹².

Между тем в то время Корф активно участвовал в обсуждении проектов земской и судебной реформ, преобразований в сфере народного просвещения и т.д. А в декабре того же 1863 г. он подготовил для императора «Исторический очерк конституционных начинаний в России». В этой записке «конституционные начинания» усматривались ещё в действиях Боярской думы, а «политические свободы» — при Петре I, подробно анализировались тексты «Всемилоливейшей грамоты, российскому народу жалуемой», и «Введения к Уложению государственных законов». Однако при этом оговаривалось: «Если Сперанский был смел до дерзости в замысле преобразований, то показал гораздо более осмотрительности в исполнении; он понял светлым своим умом, что неизмеримо легче было написать, чем осуществить написанное; понял и то, как опасно превратить вдруг вековые основы монархии и поверья народа, и как при внезапности переворота действительные последствия могут выйти совсем наперекор надеждам». Именно поэтому он сам отказался от полномасштабной реализации своих замыслов, и их постигла та же судьба, что и «кондиции»

⁸ Там же, л. 2, 9, 14–15. Эта фраза почти дословно повторяла мысли Сперанского конца 1826 — начала 1827 г.: «Существо законодательных наших установлений состоит единственно в сощещательном соображении, т.е. в том, 1) чтобы признать и удостоверить необходимость нового закона; 2) чтобы составить проект закона и представить его на усмотрение единой истинной власти — законодательной власти государя» (*Сперанский М.М.* О государственных установлениях // План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. М., 2004. С. 148).

⁹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3204, л. 2, 7, 9, 14–15.

¹⁰ Несколько данных к истории книги бар. М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова) / Сообщ. И.А. Бычков // Русская старина. 1902. № 1. С. 141–174.

¹¹ *Бычков А.Ф.* Граф М.А. Корф // Древняя и новая Россия. 1876. № 4. С. 335.

¹² Несколько данных к истории книги бар. М.А. Корфа... С. 172–173.

Анны Иоанновны, и «Наказ» Екатерины II. Роль Александра I тут явно ступень вывალась. Завершая обзор «конституционных начинаний» в России, связанных с «прочными учреждениями для ограничения самодержавной власти», Корф заключал, что в изменившейся к началу 1860-х гг. общественной атмосфере такие шаги «в разуме времени» и создание высших представительных законосовещательных институтов уже не противоречат сложившимся политическим обстоятельствам¹³. Тем самым в его позиции и внутренних убеждениях имелась некоторая двойственность, проявившаяся и в работе над книгой о Сперанском.

Кроме того, отсутствие в биографии целого ряда сюжетов связано с тем, что основная часть текста была создана ещё в конце 1847 г. Судя по записям в дневнике Корфа, этому предшествовала многомесячная работа¹⁴. В предисловии же к первому тому сообщалось, что дочь гр. Сперанского Е.М. Фролова-Багреева, отдавая в Императорскую Публичную библиотеку оставшиеся после отца бумаги и письма, желала видеть их изданными. При подготовке публикации Корф сначала «почёл нужным» сделать «объяснительные примечания», но вскоре решил заменить их «последовательным рассказом, который служил бы введением и ключом к содержанию писем». Этот текст Модест Андреевич «извлёк из материалов, собранных им для обширной биографии Сперанского, написать которую он было вздумал лет шестнадцать тому назад»¹⁵. Тем не менее это не помешало ему в 1868 г. опубликовать бумаги Сперанского без каких-либо подробных комментариев¹⁶.

Несмотря на цезуры, читательский интерес к работе Корфа оказался очень высок. «Книга моя была прочтена всеми, кто только читает в России», — сообщал он Бычкову. Более того, ей «выпала довольно редкая для сочинений на русском языке участь: быть прочитанной и в высшем обществе, и даже всеми так называемыми государственными людьми», при этом избегнув их «острацизма»¹⁷. Сразу после её выхода на страницах столичных изданий развернулась бурная полемика. По словам Корфа, «не было ни одной газеты, большой или мелкой, как ни одного толстого журнала, которые не поспешили бы заявить своё мнение о “Жизни графа Сперанского”». Сам автор довольно точно описал процесс обсуждения своей книги: «Одни выдавали меня за пристрастного сторонника Сперанского, который, по их уверениям, совсем и не стоит биографии; другие называли врагом его, не довольно признающим достоинства единственного нашего государственного человека; те утверждали, что целью моей было возвести его на незаслуженный пьедестал, эти — что я хлопочу только о том, как бы свергнуть его с пьедестала. Были и такие, которым хотелось уверить, что публика ничем не больше узнаёт Сперанского после моей биографии, чем прежде»¹⁸.

Но всё же большинство рецензентов высоко оценили вышедший труд¹⁹. Так, М.Н. Лонгинов, отдавая должное «добросовестности и беспристрастии автора», утверждал, что «уже один факт появления такой книги, как сочинение барона Корфа», представляет огромный «общественный интерес», и обращал

¹³ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2748.

¹⁴ Там же, д. 1817, ч. 10.

¹⁵ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. IV.

¹⁶ Русский архив. 1868. № 7–8. Стб. 1103–1212; № 11. Стб. 1681–1811.

¹⁷ Несколько данных к истории книги бар. М.А. Корфа... С. 172.

¹⁸ Бычков А.Ф. Указ. соч. С. 334.

¹⁹ Сын Отечества. 1861. 15 октября. № 42; Наше время. 1862. 14 марта. № 56; Северная пчела. 1862. № 21.

внимание читателей на «богатство материала... ясность, выразительность, правильность языка» и множество «совершенно новых подробностей»²⁰. Однако Корф не обольщался подобными отзывами, связывая их со своим высоким положением в империи и прямым указанием на титульном листе, что его произведение «печатается с высочайшего соизволения».

Ещё до публикации, 23 мая 1861 г., он делился с Г.С. Батеньковым своими опасениями, предвидя болезненную реакцию части сановников, придерживавшихся, по его выражению, «карамзинского мнения» и «ищущих единственного якоря спасения в неподвижности, исторической тайне»²¹. Впоследствии он сетовал на то, что «при нынешнем направлении и тоне» критики, говоря о его книге, публицисты «под шумок» пропагандируют свои взгляды²². Действительно, затронутые бароном сюжеты открывали широкий простор для рассуждений о путях переустройства русского общества, о типах реформаторов и характере преобразований. Пресса спешила высказаться на столь животрепещущую тему. Ф.М. Дмитриев резонно заметил, что освещение деятельности Сперанского представляло для людей 1860-х гг. «практический интерес»²³. Я.К. Грот назвал вышедшую биографию «памятником нового духа, повеявшего на Россию с первых лет царствования Александра II»²⁴. При этом даже те, кто в целом высоко оценивал рецензируемое издание, нередко критически высказывались об идеях самого Сперанского. Его объявляли «крайним прогрессистом» (М.Н. Катков), реформатором «слишком поспешным и опрометчивым» (М.П. Погодин), в нём видели человека, «вознамерившегося перенести идеи французской революции на русскую почву», радуясь крушению его планов и отрицая их прогрессивный характер²⁵.

В частности, в «Санкт-Петербургских ведомостях» отмечали, что сравнение гр. Сперанского с бароном Г.-Ф.-К. фон Штейном в книге Корфа — отнюдь не в пользу Михаила Михайловича. Прусский государственный деятель шёл «снизу», начав «свои преобразования с действительных нужд», исходя «из интересов человека» и закрепляя уже «фактически свершившееся». В результате им была выполнена «великая социальная задача». Сперанский же, напротив, «всю силу своих способностей устремил на изобретение и устройство формы», испытывая «пристрастие к формам, бюрократизму и административной регламентации», «что ненавидел и гнал Штейн». В статье даже говорилось, будто Сперанский считал, что «русскому человеку ничего, кроме форм, не нужно; если облагодетельствовать его новым уложением, взятым из французского, то он сам собою представит такую массу зрелости, такое политическое образование и крепость исторических основ», какие позволят избежать «разыгравшихся страстей», как это случилось во Франции. Поэтому рецензент признавал Сперанского всего лишь «гениальным бюрократом», не являвшимся ни новатором, ни сколько-нибудь значительной для общественной жизни фигурой²⁶.

²⁰ Русский вестник. 1861. № 11. С. 92, 94.

²¹ *Сладкевич Н.Г.* Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Л., 1962. С. 253.

²² Несколько данных к истории книги бар. М.А. Корфа... С. 145–146, 172.

²³ *Дмитриев Ф.* Сперанский // Наше время. 1862. 18 января. № 13. С. 51.

²⁴ *Грот Я.К.* Воспоминания о графе М.А. Корфе // Русская старина. 1876. № 2. С. 425.

²⁵ [*Катков М.Н.*] Кое-что о прогрессе // Русский вестник. 1861. № 10. С. 123; *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям. Ч. II. М., 1866. С. 84.

²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1861. 25 октября. № 236.

В «Библиотеке для чтения» появилась рецензия «Реформатор без реформы», где указывалось, что «барон Корф не сообщает ни одной черты из проекта общей реформы», задуманной Сперанским, о замыслах которого можно судить лишь по отрывку из его пермского письма 1813 г. к Александру I и по реализованным частям плана, прежде всего — по финансовой реформе. Однако и в них нет ничего «не только нового, но и смелого». Тем не менее рецензент неожиданно и парадоксально заключал: «Велики были ошибки этого замечательного человека, страшно обманулся он в своих главных верованиях, но он был звеном в непрерывной цепи лучших людей отечества, этих дорогих нам реформаторов, хотя и оставшихся без реформ». При этом автор с явной симпатией отзывался о книге Корфа, в которой «часто высказываются очень светлые взгляды»: «Несмотря на то что она не передаёт нам главного содержания жизни Сперанского, написана она старательно и потребовала больших трудов. Всего более приятно нам сказать, что слог барона Корфа перешёл в наш обыкновенный язык»²⁷.

В «Современнике» Н.Г. Чернышевский констатировал: «Если барон Корф находит неуместным знакомить нас в пересматриваемой нами теперь книге с характером общего плана преобразований, предположенных Сперанским во время его силы пред государем, то само собою разумеется, что мы должны согласиться с бароном Корфом относительно неуместности подобных объяснений: но можно сказать, что это обстоятельство отнимает у нас возможность рассуждать о Сперанском как о государственном человеке. Оставляя в неизвестности главные его мысли и основное его стремление, мы не в силах сказать что-нибудь положительное о нём как о реформаторе». Под видом критического разбора книги он посвятил около сотни страниц рассуждениям об условиях, необходимых для успешной реализации реформаторских проектов в России. Причину неудачи, постигшей «русского реформатора», Чернышевский видел в том, что Сперанский «был русский сановник, и, конечно, никогда не приходила ему в голову мысль прибегнуть к замыслам или мерам, несогласным с законными приёмами и обязанностями его положения». Так, будучи «отчасти приверженцем той политической системы, которая преобразовала Францию», он «желал... изменять не одни второстепенные подробности и не одни внешние формы прежнего государственного быта, а и некоторые существенные черты его», но в то же время оставался «искренно предан императору и преобразовывать государство хотел не низвержением его, а именно его властью». Неудивительно, что для радикального критика «реформаторская деятельность» Сперанского была «жалка, а сам он странен или даже нелеп». При этом «сущность ошибки состояла в том, что Сперанский не понимал недостаточности средств своих для осуществления задуманных преобразований», хотя планы его, как признавал Чернышевский, были «действительно громадные». Таким образом, иронизировал, завершая свой очерк, Николай Гаврилович, «читатель видит, что мы столь же строги к Сперанскому, как и сам барон Корф, и главный упрёк Сперанскому от нас тот же самый, какой делается ему бароном Корфом: Сперанский был увлекающийся мечтатель. Нам очень приятно, что мы могли сойтись в этом выводе с автором пересмотренной нами книги»²⁸.

²⁷ Библиотека для чтения. 1862. № 2. С. 64–66, 87.

²⁸ Чернышевский Н.Г. Русский реформатор // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. VII. М., 1950. С. 804–805. Первая публикация (без подписи автора): Современник. 1861. № X. С. 211–250.

Откликнулся на «прекрасную книгу барона М.А. Корфа о Сперанском» и М.Н. Катков. Отметив, что «такие книги — редкость в нашей литературе», он обнаружил в ней много фактов, свидетельствующих о несвоевременности для России преобразований, опирающихся на «внешний» опыт, в особенности — французский. Катков не сомневался ни в глубоком уме, ни в способностях Сперанского, ни в том, что «не могла не оставить значительных следов жизнь такого человека», хотя «следов этих окажется, может быть, более на других путях, чем на той триумфальной дороге преобразователя, по которой пронёсся он с громом». Однако московский журналист видел в нём только «ловкого канцелярского чиновника, хотя бы и очень гениального, но не знавшего ни русских законов, ни потребностей русской жизни». Именно поэтому «крайний прогрессист», пытавшийся опереться на зарубежные образцы, не мог добиться успеха, несмотря на свои выдающиеся качества и желание принести пользу своему отечеству. Катков с сарказмом писал о желании сотрудников Александра I «поставить Россию на путь *безостановочного прогресса*» и искренне радовался тому, что «преобразованиям этим не суждено было сбыться», поскольку, «если б они сбылись в то время, то они были бы чем угодно, *только не прогрессом*». Ему казалось, что «наше общественное развитие будет и плодотворнее, и охранительнее вместе в той мере, в какой мы будем сознавать, что прогресс совершается в жизни и для жизни, не в облаках, а на земле, не в воздушных постройках, а в данных действительного опыта». Соответственно, следовало «искать элементов прогресса в самой действительности»²⁹.

«Жизнь графа Сперанского», конечно, имела немало недостатков, многие из них были неизбежны в тех условиях, в которых она создавалась. Не следует забывать, что она являлась «первой связной и достоверной биографией Сперанского, составленною на основе многих письменных документов, едва ли кому-либо другому доступных»³⁰. Кн. Н.А. Орлов писал Корфу из-за границы после её публикации: «Ваша книга составит эпоху в исторической литературе нашей. Со всех сторон России мне пишут о ней, и люди всех оттенков и партий оценивают Ваш труд, называя его единственным... и талантливым историческим произведением. Это единодушие лучше всяких похвал». Князь хорошо понимал, с какими трудностями приходилось сталкиваться автору: «Многие жалеют, что Вы не поместили всего проекта преобразований Сперанского. Я не виню Вас в том и писал спрашивающим, что это было бы в настоящее время невозможно»³¹. Далеко не случайно за свой труд Корф был удостоен полной Демидовской премии, которая вручалась тем, кто много сделал «для содействия к преуспеянию наук, словесности и промышленности в своём отечестве».

Сам Модест Андреевич придавал данному произведению большое значение. «Написав и издав эту книгу, — делился он своими мыслями с Бычковым, — я прожил на свете не совсем бесполезно и, думаю, совершил вместе и подвиг гражданского мужества, ибо легко предстать, как возопиют камарилла и длинный ея хвост. “Камениями побивют”, как говаривал Сперанский. А передовая партия всё-таки будет недовольна за умолчания и выставку напоказ императора Николая I»³². Ещё более определённо он высказался в письме, отправленном 3 июня 1862 г. кн. В.Ф. Одоевскому: «Устройство библиотеки,

²⁹ [Катков М.Н.] Кое-что о прогрессе. С. 107, 123.

³⁰ Бычков А.Ф. Указ. соч. С. 336.

³¹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2688, л. 5–5 об.

³² Несколько данных к истории книги бар. М.А. Корфа... С. 146.

издание моего Сперанского и ещё это дело (отстаивание в Совете министров проекта отмены телесных наказаний), после этого мне можно будет спокойно вложить меч в ножны и надеяться на справедливость, по крайней мере, потомства, если не современников»³³.

Труд Корфа сыграл определённую роль в формировании либеральной концепции переустройства России. Его обращение к личности Сперанского свидетельствовало о глубоком интересе к реформам и реформаторам. Поэтому нельзя согласиться с тем, что, работая над «Жизнью графа Сперанского», Корф лишь «играл в умеренный либерализм»³⁴. Обсуждение биографии человека, чьё имя неразрывно связано с преобразованиями первой половины XIX в., опубликованной в то время, когда процесс реформирования империи набирал обороты, стало важным событием в общественной жизни начала 1860-х гг. и вылилось в дискуссию о том, нужны ли России перемены того или иного масштаба, и какими качествами должны обладать те, кто будет их осуществлять.

³³ Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914. СПб., 1914. С. 332.

³⁴ Сладкевич Н.Г. Указ. соч. С. 253.

Оттепель 1855–1857 гг.: от николаевского времени к эпохе Великих реформ

Александр Шевырёв

The Thaw of 1855–1857: From the Epoch of Nicholas I to the Epoch of Great Reforms

Alexander Shevyrev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722040057, EDN: FZLASL

Смена царствования в самодержавной монархии – всегда значимый, заметный и ощущаемый современниками исторический рубеж. Окончание длительной войны с сильными противниками, независимо от результата – победы или поражения – тоже воспринимается обычно как крупная веха. В 1855–1856 гг. сложилась довольно уникальная ситуация, когда два таких события оказались в непосредственной близости, почти наложились друг на друга, вызвав своеобразную интерференцию разграничительных волн. Цензор А.В. Никитенко написал в дневнике в день кончины Николая I: «В настоящих обстоятельствах смерть его является особенно важным событием, которое может повести к неожиданным результатам. Для России, очевидно, наступает новая эпоха. Император умер, да здравствует император! Длинная и, надо таки сознаться, безотрадная страница в истории русского царства дописана до конца. Новая страница перевёртывается в ней рукою времени: какие события занесёт в неё новая царственная рука, какие надежды осуществит она?»¹.

Между этим днём и окончанием Крымской войны 18 марта 1856 г. прошло чуть больше года. И два этих события в сознании современников, а затем и историков оказались тесно связанными между собой. Признание поражения для многих знаменовало тогда «крах николаевщины», и сам император на смертном одре признавался сыну, что сдаёт ему команду «не в том порядке, как желал». Исход борьбы к тому времени уже вполне обозначился: проигранные сражения на реке Альме в сентябре и у Инкермана в октябре 1854 г., неудачный штурм Евпатории в феврале 1855 г., самоубийство Черноморского флота и бездействие русских кораблей на Балтике, международная изоляция России – всё это почти не оставляло надежд на благоприятный финал.

В самом начале нового царствования было произнесено слово «оттепель», которое впоследствии будут употреблять применительно к двум историческим периодам в середине XIX и XX в. Как это чаще всего бывает с историческими понятиями, точного определения их содержания и даже хронологических рамок не существует. «Хрущёвской оттепелю» называют и время от смерти

© 2022 г. А.П. Шевырёв

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многоотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

¹ *Никитенко А.В.* Дневник. В 3 т. Т. 1. Л., 1955. С. 402–403.

И.В. Сталина до отставки Н.С. Хрущёва, и более узкий промежуток 1953–1955 гг. (тогда её именуют «маленковской»). С хронологическими рамками «оттепели» XIX в. ясности не больше. При толковании исторических терминов плодотворнее всего учитывать те смыслы, которые связывали с ней современники. И тогда становится более понятным их содержание, а исходя из их содержания, и нужно искать тот рубеж, за которым это понятие утрачивает своё значение.

Выражение «оттепель» зафиксировано 8 апреля 1855 г. в письме И.С. Аксакова своему отцу С.Т. Аксакову: «Вот вам слово Ф.И. Тютчева о современном положении: он называет его *оттепелью*»². Два дня спустя эту новость, очевидно, услышанную от отца, занесла в свой дневник В.С. Аксакова: «Тютчев Ф.И. прекрасно назвал настоящее время *оттепелью*. Именно так. Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если эта оттепель временная и потом всё опять закуёт мороз, то ещё тяжелее покажется»³. В восприятии как Аксаковых, так и Тютчева образ «оттепели» выражал и надежды, и сомнения. Её характерным признаком являлась неопределённость происходящего в тот переходный период, когда намерения только что вступившего на престол монарха ещё не были вполне понятны обществу. Даже год спустя, 18 февраля 1856 г., в годовщину смерти Николая I чиновник Морского министерства кн. Д.А. Оболенский сетовал: «Сколько обманутых надежд и сколько несдержанных обещаний. Определить характер первого года нового царствования весьма трудно. Преобразования коснулись только мундиров, и из этого никак нельзя заключить, чтобы это было бы только началом или введением к каким-нибудь более важным изменениям»⁴.

Очевидная для современников неизбежность поражения России как раз и порождала те надежды на перемены, которые кн. Оболенский признавал обманутыми. Крымская война в историографии рассматривалась как одна из важнейших причин крестьянской и других Великих реформ. В этом проявляли единодушие и дореволюционные, и советские, и зарубежные историки. О том, что она обнаружила «все язвы нашего общественного строя» и доказала «полную несостоятельность той государственной системы, под владычеством которой так долго изнывало и задыхалось наше отечество», писал А.А. Корнилов⁵. Косвенно признавал её главным фактором освобождения крестьян П.Б. Струве, отмечавший живучесть и эффективность крепостного хозяйства, но указывавший на экономическую необходимость его ликвидации вследствие того, что «на Россию надвинулась западно-европейская техника во всех её формах: в форме техники промышленной и, в особенности, в форме техники транспортной и военной»⁶.

Советские историки следовали за ленинским определением причин крестьянской реформы, среди которых были и «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма», и Крымская война, которая «показала гнилость и бессилие крепостной России», и возроставшие с каждым деся-

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1. Т. 3. М., 1892. С. 115.

³ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. СПб., 1913. С. 102.

⁴ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Отв. ред. В.Г. Чернуха. СПб., 2005. С. 115.

⁵ Корнилов А.А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 22.

⁶ Струве П.Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С. 155.

тилетием «крестьянские “бунты”»⁷. Значимость этих трёх факторов варьировалась в работах отечественных исследователей середины XX в. от ортодоксальной характеристики «реформы 1861 года как побочного продукта революционной борьбы»⁸ до допущения более активной роли государства в выборе реформаторского курса под воздействием именно Крымской войны, которая «вскрыла всё несовершенство крепостнической системы как в экономическом, так и в политическом отношении и оказала огромное влияние на отмену крепостного права»⁹. В зарубежной историографии вариации относительно значения политических, социальных и экономических факторов были ещё шире, и некоторые учёные выводили преобразования 1860-х гг. непосредственно из Крымской войны, как это делал, например, А. Рибер в своём обширном предисловии к публикации писем Александра II к кн. А.И. Барятинскому¹⁰. Т. Эммонс утверждал, что «озабоченность экономическим развитием и желание укрепить социальную и политическую стабильность» обусловили мотивацию освобождения крестьян, но «оба фактора были прямо связаны с поражением России в Крымской войне»¹¹.

Крымская война стала «событием, которое потрясло мировоззрение целого поколения»¹², нанеся сокрушительный удар по престижу николаевского режима. Величие империи оказалось поколеблено в глазах современников не только неудачами на театрах военных действий, но в ещё большей степени — их причинами. «Зачем встретили войну без винтовых кораблей и штуцеров?» — вопрошал курляндский губернатор П.А. Валуев в конце августа 1855 г.¹³ Действительно, в русском флоте не было ни одного корабля, имевшего паровую машину с винтом. А парусные эскадры, лишённые свободы манёвра, не могли рассчитывать на успех в бою против английских и французских паровых судов. Немногочисленные колёсные пароходо-фрегаты также заведомо уступали винтовым кораблям ввиду высокой уязвимости больших колёс и малого числа артиллерии на борту. Бессилие Балтийского флота, который не решался выйти в открытое море, укрываясь за спасительной линией кронштадтских фортов, жители Петербурга наблюдали своими глазами. Страна знала и о вынужденном затоплении Черноморского флота, ещё в 1849 г. эффектно представлявшегося императору на смотре как грозная сила, а спустя четыре года подтвердившего свою победную мощь в Синопском бою.

⁷ Ленин В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Ленин В.И. ПСС. Т. 20. М., 1973. С. 173.

⁸ Нечкина М.В. Реформа 1861 года как побочный продукт революционной борьбы (К методологии изучения реформы) // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962.

⁹ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 63. О различиях в оценке предпосылок крестьянской реформы см.: Ведерников В.В. Великая реформа или революционная ситуация? (к оценке движущих сил преобразований в отечественной историографии 1871—1986 гг.) // Александр П. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. Сборник статей. СПб., 2012. С. 32—47; Дмитриев А. После освобождения: «Великие реформы» и хрущёвская оттепель в перспективе российской исторической мысли // Новое литературное обозрение. 2016. № 6. С. 129—166.

¹⁰ Rieber A.J. The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatiniskii. 1857—1864 / Ed. by A.J. Rieber // Études sur l'histoire, l'économie et la sociologie des pays slaves. Т. XII. Paris, 1966. P. 17—18, 23—30.

¹¹ Emmons T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Stanford, 1968. P. 48.

¹² Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 185.

¹³ Дума русского во второй половине 1855 года // Русская старина. 1893. № 9. С. 506.

В сухопутных сражениях сказывался недостаток у русских войск нарезных ружей, обладавших большей дальностью и точностью стрельбы. Отдельные части и стрелки имели на вооружении штуцера, но они трудно и медленно заряжались, тогда как многие солдаты противника уже вели огонь из винтовок, конструкция которых позволяла производить перезарядку со скоростью гладкоствольных ружей. Благодаря этому англичане и французы получали очевидное преимущество на поле боя.

Ещё более наглядной для русского общества была отсталость России в сфере логистики. «Кто бы мог прежде поверить, — вопрошал осенью 1854 г. М.П. Погодин в одном из своих писем, — чтоб легче было подвозить запасы в Крым из Лондона, чем нам из-под боку?»¹⁴. Транспортная система страны оставалась архаичной. Россия была седьмой страной в мире (после Англии, США, Франции, Бельгии, Саксонии и Баварии), приступившей к железнодорожному строительству и построившей самую протяжённую к тому времени линию. Однако все железнодорожные коммуникации империи в начале 1850-х гг. сводились к этой магистрали, связавшей Петербург с Москвой, пригородной Царскосельской дороге и небольшому участку рельсового пути от Варшавы до австрийской границы. Между тем противники России располагали уже железнодорожными сетями, соединявшими промышленные центры с важнейшими портами, откуда многочисленные торговые суда перебрасывали войска и припасы в Крым. Более разветвлённой была сеть шоссейных дорог. Но шоссе, которое шло из Москвы на юг, заканчивалось в Орле. Из-за слаборазвитой телеграфной связи коммуникацию Петербурга с командованием в Крыму обеспечивали фельдъегери по дорогам, часть из которых сезонно становились непроезжими. Известие о смерти Николая I в Севастополе получили от неприятеля, узнавшего о случившемся по телеграфу благодаря подводному кабелю, проложенному к Балаклаве по дну Чёрного моря.

В современной историографии значение Крымской войны как фактора дискредитации николаевского режима ставится под сомнение. Л.В. Выскочков полагает, что «Крымская война, несмотря на поражение, не была “позорной войной”, николаевская армия, вопреки распространённому мнению, не была “бессильной”». В доказательство этого производится сопоставление цифр людских потерь и финансовых затрат России и противостоявшей ей коалиции и на их основании делается вывод о том, что «победа досталась союзникам непомерно дорогой ценой», а «масштабные цели, которые ставили Англия и Франция, не были достигнуты»¹⁵. Сравнивая потенциалы сторон к концу 1855 г., М.М. Шевченко считает, что «положение России в тот момент выглядело хотя и тяжёлым, но отнюдь не безнадежным». И лишь поскольку «для русского правительства с начала восточного кризиса развитие политических и военных событий преподнесло уже слишком много неожиданностей, чтобы идти ещё на один беспрецедентный риск», «Александр II согласился признать Крымскую войну проигранной»¹⁶.

¹⁴ Погодин М.П. Историко-политические письма в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 282.

¹⁵ Выскочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 911.

¹⁶ Шевченко М.М. «Пока Европа в соединении, мы с ней бороться не в силах». Русская стратегия в Крымской войне и общественное мнение // Родина. 2009. № 8. С. 90.

Действительно, Крымская война «по своей неблагоприятности была уникальной, единственной в новой и новейшей истории, которую Россия вела без единого союзника в Европе». Вполне справедливо и то, что «ни одна империя в мире не могла выиграть и никогда не выигрывала войны с коалицией в состоянии политической изоляции со стороны всех великих держав», а «прочная дипломатическая изоляция России предопределила неудачный исход войны». Конечно, будет преувеличением считать, что «Россия проиграла союзникам из-за нехватки нарезного стрелкового оружия», хотя «в 1870 году вооружённость всей французской пехоты лучшей тогда в мире винтовкой Шаспо не помешает Франции быть наголову разгромленной Пруссией»¹⁷. Но исход войны вряд ли определяется когда-либо действием одного фактора. Поражение России стало следствием сцепления целого ряда причин, действие которых усиливалось тем, что все они исходили как бы из одного источника. Ведь и дипломатическая изоляция являлась одним из провалов николаевской политики, что, в частности, отмечал Погодин в апреле 1854 г.: «Вот результаты нашей политики! Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будет нарушаться»¹⁸.

В любом случае, сколь объективны бы ни были наблюдения историков о соотношении сил противников в Крымской войне, необходимо учесть, что при оценке ситуации и при принятии решений современники событий руководствовались только теми фактами, которые были им известны. Поэтому, если в 1863 г. Александр II и признавал Парижский мир своей трусостью¹⁹, то делал он это ретроспективно. А в 1856 г. «дальнейшие военные действия могли лишь увеличить размер проигрыша». Так или иначе, «выход из войны был политическим решением Александра II, не ответственного за её начало»²⁰.

Прозрение общества, даже весьма консервативной его части, совпало со смертью Николая I. Надежды на благие перемены усиливались и тем, что правительственная политика в сфере образования, цензуры и полицейского контроля под воздействием европейских революций 1848 г. достигла максимальной жёсткости, и последние годы его правления вошли в историю под именем «мрачного семилетия». Это было время подавленного настроения и нравственных терзаний в общественных кругах. «Конечно, только изверг мог бы радоваться бедствиям России, — вспоминал Е.М. Феоктистов, возвращавшийся тогда среди московских профессоров и журналистов, — но Россия неразрывно была связана с императором Николаем, а одна мысль о том, что Николай выйдет из войны победителем, приводила в трепет. Торжество его было бы торжеством системы, которая глубоко оскорбляла все лучшие чувства и помыслы образованных людей и с каждым днём становилась невыносимее; ненависть к Николаю не имела границ»²¹. По свидетельству К.Н. Бестужева-Рюмина, М.Н. Катков в те дни с восторгом выбирал из иностранных газет «места, где говорилось о наших поражениях», а преподаватель словесности А.Д. Галахов «пропускал уроки, хотя только и существовал ими, если этой ценою можно было купить

¹⁷ Шевченко М.М. Конец одного Величия... С. 189.

¹⁸ Погодин М.П. Указ. соч. С. 91.

¹⁹ Шевченко М.М. «Пока Европа в соединении, мы с ней бороться не в силах»... С. 91.

²⁰ Выскочков Л.В. Николай I и его эпоха... С. 930.

²¹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 105.

возможность услышать весточку о том, где и как нас поколотили. В тогдашних поражениях видели единственно удар ненавистному правительству»²².

С другой стороны, «мрачное семилетие» — это период апогея громко декларируемой уверенности российской власти в своём превосходстве над гибнущим Западом. Как верно подметил И.А. Христофоров, «подняв ставки до небес, Николай I отрезал себе пути к отступлению. Любая серьёзная неудача автоматически приобретала вселенский характер и означала приговор всей его системе»²³.

В силу этих обстоятельств смерть Николая I вызвала в обществе не только естественную скорбь, но и вздох облегчения. «Все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать..., — признавалась два дня спустя в дневнике Аксакова. — Ни злобы, ни неприязни против виновника этого положения. Его жалеют как человека, но даже говорят, что несмотря на всё сожаление о нём, никто, если спросить себя откровенно, не пожелал бы, чтобы он воскрес»²⁴.

Приняв страну в состоянии уже полупроигранной войны, Александр II не нёс ответственности за грядущее поражение. В этих условиях он получил огромный кредит доверия. В Москве К.С. Аксаков уже 21 февраля 1855 г. обнаружил к новому монарху «такое искреннее тёплое сочувствие и такое желание восстановить доверие между ним и нами, что даже почти странно было видеть людей, большей частью до тех пор смотревших на власть как на враждебную им силу, привыкших постоянно в продолжение по крайней мере 30 лет не доверять ей и избегать даже с ней сближения. Эти самые люди вдруг с детской доверчивостью и любовью и надеждой обращаются к новому государю, не получивши от него ещё никакого доказательства, которое бы оправдывало их надежды... Они, которые до сих пор так недоверчиво смотрели на всякое даже участие в деятельности общественной, на всякое изъявление государственного сочувствия к державному лицу»²⁵.

Правда, в обществе надеялись, что молодой император проявит бóльшую энергию, чем его покойный отец. Основание для такой надежды давала прозвучавшая в его речах перед дворянством и дипломатическим корпусом «твёрдая решимость не соглашаться ни за что на какие-либо дальнейшие уступки»²⁶. Вынесенный же вследствие военных неудач приговор «николаевщине» развязывал ему руки для пересмотра внутриполитического курса. Однако в отличие от Александра I, сразу же отменившего самые одиозные меры, принятые Павлом I, Александр II не торопился демонстрировать наступление новой эпохи. «Первый месяц царствования не ознаменовался никакими событиями ни в административном, ни в политическом отношении», — констатировал кн. Оболенский 10 марта. В глаза всем бросались лишь изменения в обмундировании, и «благомыслящие люди» удивлялись, «как можно в такое время заниматься таким вздором и как можно теперь придумывать новые издержки»²⁷. Только в конце 1855 г. были преодолены наиболее тяжёлые последствия «мрачного

²² *Шмуцло Е.* Очерк жизни и научной деятельности К.Н. Бестужева-Рюмина. Юрьев, 1899. С. 58.

²³ Реформы в России. С древнейших времён до конца XX в. В 4 т. Т. 3. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2016. С. 27.

²⁴ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. С. 77.

²⁵ Там же. С. 77.

²⁶ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 63.

²⁷ Там же. С. 64–65.

семилетия» – упразднён Бутурлинский комитет и отменены ограничения на число студентов в университетах.

Не спешил император и с кадровыми перестановками, хотя их ждали с первых дней его воцарения: в начале марта К.Д. Кавелин сообщил Т.Н. Грановскому про разговоры о том, «что Бибикову плохо и что его заменят Игнатьевым; это было бы истинным успехом. То же говорят о замене Брока (Княжевичем, а кто называет Чевкина), о смене гр. Клейнмихеля, о неудовольствии с Киселёвым... Бродят слухи о замене Орлова Барятинским, который на Кавказе, а Чернышёва – Орловым»²⁸. Но лишь в августе последовало увольнение министра внутренних дел Д.Г. Бибикова, в октябре – главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями гр. П.А. Клейнмихеля. При этом Бибиков был известен как решительный сторонник ограничения помещичьей власти, а сменивший его С.С. Ланской слыл гуманным консерватором. Про отставку же гр. Клейнмихеля Никитенко саркастически заметил, что она «за недостатком настоящих побед, составляет истинное общественное торжество»²⁹. Прочие увольнения состоялись уже по окончании войны: в апреле 1856 г. министр иностранных дел гр. К.В. Нессельроде передал свой пост кн. А.М. Горчакову, а военный министр кн. В.А. Долгоруков – Н.О. Сухозанету. Тогда же гр. А.Ф. Орлов покинул III отделение Собственной е.и.в. канцелярии, став председателем Государственного совета и Комитета министров. Летом ушёл в отставку и начальник штаба Отдельного корпуса жандармов Л.В. Дубельт. Должность шефа жандармов, остававшуюся несколько месяцев вакантной, в июне принял кн. Долгоруков.

Однако одно знаковое назначение произошло уже в первые дни нового царствования, и оно и внушало надежды на грядущие перемены: 23 февраля Александр II уволил в отставку начальника Главного морского штаба кн. А.С. Меншикова и повелел своему брату вел. кн. Константину Николаевичу «по званию генерал-адмирала управлять как флотом, так и Морским министерством». 27-летний великий князь хорошо был известен в обществе. Он фактически возглавлял морское ведомство с 1853 г. и заслужил репутацию человека, способного на неординарные действия. В своей записке, обличавшей господствующий формализм в административной системе империи, Валуев с сочувствием отзывался о Морском министерстве, которое «ныне руководствуется другими правилами и не обнаруживает, подобно другим ведомствам, беспредельного равнодушия ко всему, что думает, чувствует или знает Россия». В частности, публикуя на страницах своего журнала «Морской сборник» имена погибших защитников Севастополя, оно «первое осознало, что семейства жертв, павших в борьбе за отечество, имеют право оплакивать эти жертвы и ими гордиться без произвольных отсрочек»³⁰.

Несмотря на почти полное отсутствие видимых изменений в политике нового монарха, в обществе с первых дней его царствования нарастало ощущение, что стужа «мрачного семилетия» закончилась. Видимым признаком новой эпохи стала гласность (это слово и в XX в. станет признаком начала политических перемен). Потребность в ней объяснялась осознанием того, что официальная информация, как открытая, так и закрытая, нисколько не отра-

²⁸ К.Д. Кавелин о смерти Николая I. Письма к Т.Н. Грановскому // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959. С. 610.

²⁹ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 422.

³⁰ Дума русского... С. 513.

жала реальность. «Всё и во всём ложь, — ворчал в дневнике 16 марта 1855 г. Никитенко, — ложь в сапоге, который жмёт ногу, вместо того, чтобы служить ей обувью; ложь в шляпе, которая не защищает головы от холода; ложь в кургузом нелепом фраке, который покрывает зад и оставляет открытым перед; ложь в приветной улыбке; в уме, который обманывает и обманывается; в языке, который, по выражению Талейрана, для того, чтобы скрывать свои мысли; ложь в образовании наружном, поверхностном, без глубины, без силы, без истины, — ложь, ложь и ложь, бесконечная цепь лжей. И всего удивительнее в этом порядке вещей то, что он есть ложь и в то же время порядок. Толкуйте тут о необходимости истины, когда без неё так хорошо и с такою пользою для себя можно обходиться»³¹. Этот порядок, обеспечивавший, по словам Валуева, «всеобщую официальную ложь», сложился в своих законченных чертах именно при Николае I. За четверть века его правления сформировалась своя иерархия знания о положении дел в стране, основанная на административной системе и цензурной политике.

Степень компетентности в сфере государственного управления определялась Табелью о рангах с её иерархией чинов, дававших право на занятие соответствующих им должностей. Этот порядок ещё более укрепился после издания в 1834 г. Устава о службе гражданской, который давал большие льготы по образованию при движении вверх по лестнице чинов и тем самым «устанавливал прочную тенденцию к накоплению лиц, интеллектуально развитых, на крупных должностях»³². При этом административная система империи достигла высшей степени централизации. В её разветвлённой структуре «было воплощено своеобразное представление политической элиты о разделении властей», но при этом «все нити управления находились в руках самодержавного монарха», а «институты, занимавшиеся законодательными, исполнительными и судебными вопросами», подчинялись непосредственно ему³³. В иерархической и высокоцентрализованной системе управления чем выше была должность, тем больше был объём доступных знаний, но при этом, как отмечает А.Н. Бикташева, исследовавшая губернаторскую власть в первой половине XIX в. на примере одной губернии, «основными коммуникативными каналами получения знаний о состоянии власти казанских губернских властей служили сенаторские ревизии и сводки жандармских офицеров». Поскольку «в первой четверти XIX в. верховная власть предпочитала гласные источники информации, во второй четверти — тайные донесения», «постепенно сужался круг должностных лиц, имевших доступ к этим сведениям»³⁴.

Ограничение же круга лиц, имевших достаточно знаний для принятия решений, вело к тому, что, как отмечал Валуев, «масса дел, ныне восходящих до главных начальств, превосходит их силы», и поэтому «они, по необходимости, должны предоставлять значительную часть этих дел на произвол своих канцелярий». А это в свою очередь означало, что «судьба представлений губернских начальников и генерал-губернаторов весьма нередко зависит не от гг. мини-

³¹ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 404–405.

³² Шевченко М.М. Конец одного Величия... С. 52.

³³ Барыкина И.Е. Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). СПб., 2018. С. 100.

³⁴ Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века. Бремя власти. Изд. 2. М., 2014. С. 71–78.

стров, но от столоначальников того или другого министерства»³⁵. То же сужение круга лиц, имевших доступ к административной информации, имело следствием широкие возможности передачи этим лицам недостоверных данных. Способы составления и представления чиновниками сведений о положении дел на местах хорошо известны по многочисленным воспоминаниям современников, которые звучат порой почти анекдотично. Недостоверный характер отправляемых бумаг сознавался как их отправителями, так и получателями.

В то же время цензурная политика постепенно закрывала возможности для диалога между властью и обществом. «Цензуру, — справедливо полагает М.М. Шевченко, — высшая бюрократия воспринимала как средство не допустить проникновения любых отголосков общественного мнения в печать»³⁶. Всякое участие частных лиц в обсуждении уничтожения «зол, веками укоренившихся», «бралось под прямое подозрение в политической нелояльности». Особенно «не желала высшая власть и посвящать, пусть хоть в малой степени, в свои сокрытые от публики “виды” кого бы то ни было из среды учёных и литераторов»³⁷. В сложившейся социальной иерархии лица, не имевшие чиновного статуса, не признавались за субъектов, способных владеть знаниями, необходимыми для рассмотрения административных дел. Единственным каналом, по которому обыватель мог поделиться своими наблюдениями с государством, оставался донос, эффективность использования которого возросла после учреждения жандармского надзора. Что касается информации, которая сообщалась читателям газет и журналов о положении в стране, то власть делилась с публикой лишь высочайшими указами и распоряжениями о назначении и перемещении должностных лиц. Безусловно, «бюрократия и интеллигенция никогда не были отделены друг от друга “китайской стеной”»³⁸, но и прямое общение между ними в николаевское время становилось невозможным. Субординация не позволяла чиновнику высказывать в бюрократической среде суждения, распространённые в обществе. Нормы поведения не разрешали ему также рассуждать о действиях правительства в кругу интеллигенции. Да и встречи чиновников и неслужащих в общественных собраниях были регламентированы многочисленными правилами.

Установившаяся преграда была поколеблена неожиданным ходом Крымской войны. Ещё в октябре 1854 г. совершенно уверенный до того в политических ценностях николаевского режима Погодин внезапно признал, что «государь, очарованный блестящими отчётами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недосыгаемую, он не имеет средств ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мысли закрыты; нет ни гласности, ни общественного мнения, ни апелляции, ни протеста, ни контроля»³⁹. Первейшим лекарством «для исцеления всех болезней», а также «для борьбы с внешними врагами, войною и неутралитетом, для борьбы с внутренними врагами, которые для нас гораздо опаснее и вреднее», Погодин называл гласность. Он рассчитывал, что ею «будут вразумляться начальники», «будет приобретать со всех сторон лучшие и вернейшие сведения правительство», «будут делаться известными способней-

³⁵ Дума русского... С. 509–511.

³⁶ Шевченко М.М. Конец одного Величия... С. 53.

³⁷ Там же. С. 46, 48.

³⁸ Там же. С. 181.

³⁹ Погодин М.П. Указ. соч. С. 259–260.

шие люди, казнить злоупотребление», «возродится и утвердится общественное мнение»⁴⁰.

Первым проявлением гласности при Александре II стала циркуляция в обществе рукописных сочинений, как анонимных, так и авторских, в которых политические суждения высказывались если и не с полной откровенностью, то, по крайней мере, с большой смелостью. При отсутствии заметных изменений в цензурной политике в период оттепели гласность обеспечивалась неопределённостью недозволенного. Ещё до ослабления давления со стороны цензоров становилась слабее самоцензура. Авторы рукописных сочинений рассчитывали на безнаказанность выражения критических суждений, а в лучшем случае и на карьерный успех. Рискнул и не прогадал курляндский губернатор Валуев: в анонимной записке «Дума русского во второй половине 1855 года» он раскритиковал сложившуюся административную систему и через два с половиной года стал директором департамента в Министерстве государственных имуществ, а спустя шесть лет занял пост министра внутренних дел. В 1855 г. в обществе уже ходила по рукам записка К.Д. Кавелина об освобождении крестьян. С первых дней нового царствования почувствовал свою востребованность основавший ещё в 1853 г. Вольную русскую типографию в Лондоне А.И. Герцен. «На другой или третий день после смерти Николая мне пришло в голову, — объяснял он своё решение начать выпуск альманаха, — что периодическое обозрение, может, будет иметь больше средств притяжения, нежели одна “типографская возможность”»⁴¹. В августе 1855 г. вышла в свет первая книга «Полярной звезды».

В феврале 1855 г. только что назначенный главой морского ведомства вел. кн. Константин Николаевич привлёк к себе внимание непривычными для николаевской бюрократической системы действиями. Смысл их заключался в признании того, что донесения, передаваемые по официальным каналам, не соответствуют реальному положению дел, поскольку они держатся в тайне, а потому не поддаются верификации. В поисках достоверной информации генерал-адмирал обращался к чиновникам других ведомств, к широкому кругу знакомых с нуждами флота людей и к обществу в целом. Ещё в 1850 г., когда Николай I назначил его председателем Комитета по пересмотру морского устава, великий князь продемонстрировал нестандартный подход к работе, предложив флотским офицерам присылать свои соображения и замечания, касающиеся проекта устава, и распорядившись опубликовать их в «Морском сборнике». В марте 1855 г., всего через месяц после вступления в должность, генерал-адмирал обратился в Министерство народного просвещения с просьбой осмотреть морские учебные заведения и оценить их состояние. Участвовавший в данной работе Никитенко с восхищением отметил в дневнике, что «великий князь не очень доверяет программам и наружному процветанию наук в военно-учебных заведениях», и при этом «у него во всём преобладает стремление к правде и ясности»⁴².

В конце 1855 г. вел. кн. Константин Николаевич издал по морскому ведомству приказ, в котором процитировал несколько ярких фраз из «Думы русского»: «В одной весьма замечательной записке о нынешних тяжёлых обстоятельствах России, при указании причин, которые довели нас до нынешнего

⁴⁰ Там же. С. 267–268.

⁴¹ «Полярная звезда», журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. В 8 кн. Кн. 2. М., 1966. С. 253.

⁴² Никитенко А.В. Указ. соч. С. 409.

бедственного положения, между прочим сказано: “Многочисленность форм подавляет у нас сущность административной деятельности и обеспечивает всеобщую официальную ложь. Взгляните на годовые отчёты, — везде сделано всё возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется, если не вдруг, то по крайней мере постепенно, должный порядок... Сверху — блеск, внизу — гниль. В творениях нашего официального многословия нет места для истины. Она затаена между строками, но кто из официальных читателей может читать между строками?”». Со своей стороны, генерал-адмирал заявлял, что требует от подчинённых в отчётах за истекший год «не похвалы, а истины, и в особенности откровенного и глубоко обдуманного изложения недостатков каждой части управления и сделанных в ней ошибок». И тут же он предупреждал, что «те отчёты, в которых будет нужно читать между строками, будут возвращены мною с большою гласностью»⁴³. Таким образом, гласность провозглашалась не только общественной, но и бюрократической необходимостью.

Приказ быстро разошёлся не только по департаментам министерства, но и в обществе. Никитенко писал в дневнике, что он «производит большой шум в городе. Министрам и всем, подающим отчёты, приказ очень не нравится... Многим вообще не нравится, что начинают подумывать о гласности и об общественном мнении»⁴⁴. Демарш вел. кн. Константина Николаевича был смелым, но в силу его высокого положения не таким рискованным, как поступок Валуева, критиковавшего привычные порядки в анонимной записке. Директор Комиссариатского департамента Морского министерства кн. Оболенский 2 декабря писал в дневнике: «В городе делает много шуму записка великого князя Константина Николаевича... об отчётах... Все думают, что она написана с разрешения государя, но это несправедливо. Все министры принимают её на свой счёт, ежели бы это написать помягче, то, конечно, эффект был бы не тот и никто не обратил бы на записку внимания. Со всех сторон просят копии, и я боюсь, что это кончится какою-нибудь неприятностью». Действительно, вскоре «государь сделал великому князю сильный выговор за то, главное, что циркуляр получил гласность, ходит по рукам и читан был громогласно в Клубе»⁴⁵. Но серьёзных последствий этот упрёк не имел, склонность великого князя к нестандартным административным ходам нисколько не уменьшилась.

Во второй половине 1850-х гг. вокруг вел. кн. Константина Николаевича складывается группировка чиновников, получивших прозвище «константиновцев». В середине 1850-х гг. они служили в Морском министерстве, но некоторые из них были известны великому князю и по Русскому Географическому обществу, в котором он председательствовал с момента основания в 1845 г. Морское ведомство стало для константиновцев стартовой площадкой для успешной карьеры: состоявший долгие годы при великом князе А.В. Головнин в 1861—1866 гг. руководил Министерством народного просвещения, чиновник для особых поручений М.Х. Рейтерн стал в 1862 г. министром финансов, директор канцелярии министерства гр. Д.А. Толстой в 1865 г. получил должность обер-прокурора Святейшего Синода, а годом позже сменил Головнина на министерском посту, чиновник для особых поручений Б.П. Мансуров возглавил

⁴³ Приказ е[го] в[ысочества] генерал-адмирала, данный на имя г[осподина] управляющего Морским министерством вице-адмирала Врангеля в декабре 1855 г. // Русская старина. 1891. № 5. С. 359.

⁴⁴ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 426.

⁴⁵ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 105—106.

в 1860 г. Палестинский комитет, а затем Палестинскую комиссию, кн. Оболенский в 1862 г. был назначен председателем Комиссии по составлению Устава о книгопечатании, а впоследствии являлся товарищем министра государственных имуществ, сменивший его в Комиссариатском департаменте Д.Н. Набоков в конце царствования Александра II был уже министром юстиции.

Константиновцы принадлежали к числу тех деятелей Великих реформ, которые вошли в историю под условным названием либеральной, или просвещённой, бюрократии. К этой когорте также относят Д.А. Милютину, управлявшего военным ведомством в 1861–1881 гг., его брата Н.А. Милютину (в 1859–1861 гг. — товарища министра внутренних дел и одного из главных разработчиков крестьянской реформы), министра юстиции в 1862–1867 гг. Д.Н. Замятнина, активно участвовавшего в подготовке судебной реформы, статс-секретаря Департамента государственной экономии Государственного совета А.П. Заблоцкого-Десятовского, сыгравшего важную роль и в деле освобождения крестьян и, в особенности, в отмене питейных откупов. По сути, этот круг не имел чётких границ: в него с определёнными оговорками можно включить и Валуева, и гр. М.Т. Лорис-Меликова, и А.А. Абазу, и других чиновников.

Выражение «либеральная бюрократия» появилось в трудах П.А. Зайончковского, его учеников и других историков⁴⁶ и обозначало инициаторов и проводников Великих реформ. При этом никто из этих авторов не пытался чётко сформулировать это понятие и обозначить круг лиц, ему соответствующих. Правда, Л.Г. Захарова ещё в конце 1980-х гг. писала о «так называемой либеральной бюрократии» как о сложившемся в 1830–1840-е гг. «слое прогрессивно мыслящих, интеллигентных людей, объединённых сходством взглядов, программы предстоящих преобразований и методов её исполнения», но при этом она признавала, что «термин этот... не представляется вполне точным; само явление ещё нуждается в более развёрнутом определении»⁴⁷. Зарубежными авторами те же деятели характеризовались как «просвещённые бюрократы». Отказ от термина «либеральный» был, очевидно, обусловлен тем, что западные историки считали его неприменимым к российским чиновникам XIX в. Как пояснял А. Рибер, «политический язык, использовавшийся как в XIX в., так и до сих пор, сформирован на основании опыта западноевропейских стран. Если его применять в контексте русской истории, то это лишь сбивает с толку и уводит в сторону от истины»⁴⁸. В.Б. Линкольн, вводя в оборот термин «просвещённая бюрократия», видел его условность. «Начиная с конца 1830-х гг., — писал он, — необычная группа молодых чиновников, которых я именую в своём исследовании просвещёнными бюрократами, появляется в петербургских канцеляриях. У этих людей иное отношение к государственной службе и реформам, чем у большинства правительственных чиновников»⁴⁹.

⁴⁶ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984; Шевырёв А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

⁴⁷ Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 7.

⁴⁸ Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. Сборник. М., 1992. С. 50.

⁴⁹ Lincoln W.B. In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, 1982. P. XIV.

Впоследствии Н.И. Цимбаев выдвинул концепцию, согласно которой либеральная бюрократия — специфически российское, но при этом вневременное явление, возникавшее в истории по меньшей мере четыре раза: при Александре I, при Александре II, в годы нэпа и в начале 1990-х гг. И всякий раз ей были присущи три типологических признака: приход к власти «в такие моменты, когда прежний механизм управления страной давал серьёзные сбои или попросту разрушался», «сознательная, убеждённая ориентация на опыт “передовых стран”, а иногда и на “передовую теорию”» и «опора на государственный аппарат, вера в его исключительные возможности, нежелание и неумение опираться на другие силы общества»⁵⁰.

Но всё же подавляющее большинство исследователей связывают либеральную или просвещённую бюрократию исключительно с XIX в. При этом о «просвещённой бюрократии» пишут чаще, встречая её представителей на протяжении почти целого столетия, тогда как понятие «либеральная бюрократия», как правило, относят только к эпохе Великих реформ. По мнению А.Н. Долгих, «вполне логичным выглядит использование термина “либеральная бюрократия” для пореформенного периода в отношении лиц круга великого князя Константина Николаевича, позднее — С.Ю. Витте и др. ... лиц, которые в той или иной степени разделяли постулаты либерализма, главными из которых... являлись... свобода в разных её видах и собственность». Однако для дореформенного периода «использование терминов “либерализм”, “либеральный”, “либеральная бюрократия” применительно к Российской империи выглядит весьма спорным, так как практически все носители этих идей были помещиками-душевнодателями и не освобождали своих крестьян (за крайне небольшим исключением)»⁵¹. И.В. Ружицкая возражает против противопоставления этих понятий, полагая, что и «непосредственные участники реформ из окружения Константина Николаевича», и «их предшественники и единомышленники в правительственном аппарате первой половины XIX в.» вполне «могут быть названы “просвещёнными” или “либеральными” бюрократами». Но, как считает исследовательница, «“просвещённая бюрократия” термин более удачный, чем бюрократия либеральная, поскольку основой мировоззрения всех представителей этой группы чиновничества была идеология Просвещения, его постулаты определили особенности их поведения и деятельности»⁵².

Подобные терминологические дискуссии обычно навсегда остаются открытыми, поскольку, как справедливо заметил Рибер, «невозможно прийти к какому-либо определённом суждению... на основании абстрактных, “объективных” критериев, так как это предполагает существование некоего единого образного процесса изменения в обществе, что не соответствует исторической реальности»⁵³. Тем не менее можно констатировать, что к середине 1850-х гг. сформировалась группа чиновников, которых объединяло не только несколько внешних признаков, но и общая деятельность. Эти чиновники имели хорошее образование, полученное в университетах, Александровском лицее или Училище правоведения, связи с петербургской и московской интеллигенцией, неред-

⁵⁰ Цимбаев Н.И. Российский феномен «либеральной бюрократии» // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 33–35.

⁵¹ Долгих А.Н. О «либеральной» и «просвещённой» бюрократии в России первой половины XIX в. // История: факты и символы. 2017. № 2(11). С. 97.

⁵² Ружицкая И.В. Просвещённая бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009. С. 4–5.

⁵³ Рибер А.Дж. Указ. соч. С. 51.

ко участвовали в работе Географического общества, а иногда даже пользовались покровительством особ Императорской фамилии — вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Елены Павловны. К концу царствования Николая I они «достигли постов от среднего до высшего уровня с чинами, которые вводили их в высшие 5% русской бюрократии. Их классные чины колебались от седьмого до четвёртого, в то время как большинство их было моложе 35 лет... большинство достигло желанного чина статского советника... С таким чином и при покровительстве могущественных сановников их значительное влияние распространялось за пределы их ведомств на междепартаментские и межведомственные комитеты. Что ещё более важно, они занимали ключевые позиции в администрации»⁵⁴. Именно эти чиновники и стали опорой Александра II при подготовке и реализации реформ 1860–1870-х гг.

Поворот от оттепели к весне наметился вскоре после заключения Парижского трактата. 19 марта в манифесте об окончании войны декларировалось намерение совершенствовать «внутреннее благоустройство», утверждать в судах «правду и милость», развивать «стремление к просвещению и всякой полезной деятельности»⁵⁵. 11 дней спустя, обращаясь к московским дворянам, император упомянул о желательности отмены крепостного права. Наряду с критикой административных порядков, в бесцензурной литературе всё настойчивее поднимался крестьянский вопрос: записки М.П. Позена, К.Д. Кавелина, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелёва, Н.А. Милютина подавались на высочайшее имя, публиковались за границей, распространялись в списках. Вел. кн. Елена Павловна в качестве полтавской помещицы инициировала освобождение крестьян в своём имении Карловка. Сфера гласности расширялась за счёт новых тем, росло и число её каналов. В 1856 г. Герцен начал выпускать в своей Вольной русской типографии «Голоса из России», а в июле 1857 г. приступил к изданию «Колокола». «К исходу 1856 г., — писала Л.Г. Захарова, — стала очевидна необычность складывавшейся в стране общественно-политической ситуации: тревожное настроение в крестьянских массах, ожидавших немедленного освобождения, изменение всей атмосферы в общественной жизни и в официальной правительственной среде, в “верхах”»⁵⁶.

3 января 1857 г. Александр II учредил Секретный комитет по крестьянскому делу. Но «несмотря на весь секрет», уже 16 января о его существовании, по словам кн. Оболенского, «знают весьма многие»⁵⁷. В июле царь вводит в этот комитет, состоявший почти исключительно из николаевских министров, вел. кн. Константина Николаевича. Публикация в ноябре рескрипта виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову об открытии в подведомственных ему губерниях комитетов для подготовки проектов крестьянской реформы свидетельствовала о решительном повороте к отмене крепостного права. К тому же обсуждение главной социальной проблемы России отныне становилось гласным, при всех ограничениях и предосторожностях, и это качественно меняло отношения власти и общества. «Корабль спущен на воду», — писал, торжествуя, в декабре Самарин⁵⁸. Так в конце 1857 г. завершалась оттепель и наступала эпоха Великих реформ.

⁵⁴ *Lincoln W.B.* Op. cit. P. 137.

⁵⁵ ПСЗ-II. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1857. № 30273.

⁵⁶ *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 100.

⁵⁷ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 256.

⁵⁸ Цит. по: *Soroka M., Ruud Ch.* Becoming a Romanov. Grand Duchess Elena of Russia and Her World (1807–1873). Farnham, 2015. P. 258.

Всеволод Воронин

«Оттепель» или династический кризис?

Александр II и великий князь Константин Николаевич в 1855 г.

Vsevolod Voronin (Moscow State Pedagogical University, Russia)

«Thaw» or dynastic crisis? Alexander II

and Grand Duke Konstantin Nikolayevich in 1855

DOI: 10.31857/S0869568722040069, EDN: FZLFXA

В разгар Крымской войны, на рубеже двух царствований, в обществе всё чаще обращали внимание на взаимоотношения двух старших сыновей Николая I. Ещё в начале августа 1851 г., во время военных манёвров гвардии под Петербургом, император, будучи «чрезвычайно доволен» действиями своего второго сына, заметил прусскому офицеру Мюнстеру, что вел. кн. Константин «будет хорошим помощником своему брату»¹, т.е. наследнику престола. Воспитателю великого князя адмиралу Ф.П. Литке Николай I неоднократно повторял: «Саша без Кости не может управлять государством; сколько ни признаю достоинства Саши, он не справится без Кости»². Его способности отец явно считал незаурядными.

Издатель «Русского архива» П.И. Бартенев даже записал удивительный рассказ гр. А.В. Адлерберга о том, что «император Николай, отчаявшись в способности своего старшего сына царствовать, думал объявить [наследником] своего второго сына, необыкновенно даровитого». Для этого царь якобы поддерживал «склонность» Александра «к некоей Калиновской³, жившей на Литейном у сестры своей». В какой-то момент «Александр Николаевич написал к ней письмо, в котором говорил, что пример дяди Константина Павловича у него перед глазами и что он отречётся от наследства, ежели она согласится выйти за него замуж». Цесаревич поручил гр. И.М. Толстому доставить своё письмо «на Литейную», но тот, «убоявшись важности содержания, понёс предварительно показать государю». Разгневанный монарх, надеявшийся, что сын прямо объявит «ему о своём намерении», «вытолкнул» графа «вон из кабинета» со словами: «Дурак, ты мне всё дело испортил»⁴. Не последовав примеру дяди, наследник сохранил права на престол.

10 февраля 1855 г. Николай I простудился, но 13-го всё-таки отправился в Михайловский манеж на военный смотр, после чего окончательно слёг.

© 2022 г. В.Е. Воронин

¹ Головин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича / Под ред. Б.Д. Гальпериной. СПб., 2006. С. 60; Головин А.В. Записки для немногих / Под ред. Б.Д. Гальпериной. СПб., 2004. С. 122. По свидетельству Головина, отцовские слова вдохновили вел. кн. Константина Николаевича (РГАДА, ф. 30, оп. 1, д. 35, л. 109 об.).

² ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, д. 115, л. 58 об. Об этих словах отца вел. кн. Константин Николаевич узнал лишь на склоне лет от академика В.П. Безобразова, работавшего над биографией Ф.П. Литке (там же, л. 58 об.–59). 10 августа 1888 г. великий князь отметил по данному поводу в дневнике, «как хорошо и вдохновенно служилось отцу и брату и как приятно за них проливалась кровь!» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 123, л. 24).

³ Имелась в виду фрейлина вел. кн. Марии Николаевны Ольга (Северина) Осиповна Калиновская (в первом браке – Плаутина, во втором – Огинская).

⁴ Записная книжка П.И. Бартенева 1907–1909 гг. / Публ. Т.А. Лобашковой и С.Д. Воронина // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. XV. М., 2007. С. 464.

С каждым днём его состояние ухудшалось, становясь безнадежным. В последующие дни к нему не допускали никого, кроме императрицы и цесаревича, который тогда же стал принимать доклады министров.

Вел. кн. Константин Николаевич не видел заболевшего отца несколько дней. Управляя морским ведомством, он ежедневно занимался делами флота, а 16 февраля отправился с докладом к брату. Тот отклонил «некоторые представления», но, как стало известно кн. Д.А. Оболенскому, «в заключение сказал ему тоном совершенно необыкновенным, что он, наследник, весьма доволен всеми действиями великого князя по управлению, что ему весьма приятно слышать, что Морское министерство пользуется большим доверием общества, что это видно из того, что охотнее посылаются пожертвования в Морское министерство, чем в Военное, что он совершенно одобряет намерение великого князя действовать с некоторою публичностью... что вообще он, наследник, очень рад, что в публике все улучшения относят к лицу великого князя». По свидетельству Дмитрия Александровича, «слова эти, сказанные положительным и твёрдым голосом, изумили великого князя, и он был от них в восхищении»⁵.

В ночь на 17 февраля вел. кн. Константин Николаевич, находившийся в Кронштадте, узнал «о неудовлетворительном ходе болезни» императора, а утром получил ещё «более тревожное» известие. Адьютант И.А. Шестаков видел его «задумчивым и печальным», но державшим себя в руках. Не желая «производить суматохи», генерал-адмирал нашёл время для осмотра «некоторых работ» и только потом, уже днём, вернулся в Петербург, где не покидал Зимнего дворца до самой кончины Николая I в 12 часов 20 минут пополудни 18 февраля. Тогда великий князь разослал фельдъегерей «во все порты с вестью о новом царствовании и с приказаниями приводить войско и народ к новой присяге»⁶. Вместе с гр. А.Ф. Орловым он являлся исполнителем духовного завещания усопшего императора, оставившего Александру II не только самодержавную власть, но и права «отца семейства», обязывавшие «никогда не терпеть ни семейных ссор, ни чего-либо могущего быть вредным пользе службы, тем паче государства, и... помнить наистрожайше, что он государь, а все прочие члены семейства — подданные»⁷.

Между тем придворные сплетники, по словам А.В. Головнина, «с самого детства» разглядели в вел. кн. Константине Николаевиче «будущего честолюбца»⁸. Слухи о его врождённом властолюбии и соперничестве со старшим братом получили широкое распространение. «О Константине, — вспоминал В.А. Инсарский (близкий в 1850-е гг. к кн. А.И. Барятинскому), — так или иначе, много говорили; о наследнике или вовсе не говорили, или говорили очень мало и в том, что говорили, не было ничего блестящего. Вообще в нём предвидели государя доброго; Константина, напротив, считали человеком, рождённым для больших государственных дел»⁹. Головнину передавали и более крамольные толки: «Рассказывали, будто в разговоре со старшим братом, когда наследник говорил об огромности России и трудности управлять таким

⁵ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Отв. ред. В.Г. Чернуха. СПб., 2005. С. 58.

⁶ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.) / Сост. В.В. Козырь. СПб., 2006. С. 193.

⁷ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 875, л. 6 об.

⁸ Головин А.В. Материалы для жизнеописания... С. 137.

⁹ Записки Василия Антоновича Инсарского // Русская старина. 1895. № 7. С. 40–41.

колоссальным государством, великий князь, будучи ещё ребёнком, предложил цесаревичу разделить с ним империю и т.п.»¹⁰.

Летом 1854 г. в высшем свете почувствовали недоверие Николая I к вел. кн. Константину Николаевичу, по словам фрейлины А.Ф. Тютчевой, «из-за некоторых честолюбивых поползновений»¹¹. Вероятнее всего, повод для этого дал эпизод, описанный Головниным: «Зимой 1854 г. явились таинственно в С[анкт]-Петербург посланцы греков с просьбой к государю императору восстановить Царство Византийское и даровать им в императоры сына его Константина, которому они привезли голубое знамя византийское и чашу с эмблематическими изображениями народов новой империи. Просьба сия была отклонена, и вскоре Промысел показал, что России не предстоит ещё стяжать новую славу в победах или освобождением православных от власти неверных, но тяжкими испытаниями и бедствиями очиститься, узнать себя, своих истинных друзей и врагов, изменить ложное направление и приуготовиться к будущим, отдалённым подвигам». При этом великий князь, «когда представители единовременных племён звали его на царство, указывали воображению его будущую могущественную державу, для которой его желали иметь основателем», лишь «смирался перед неисповедимым Промыслом и с покорностью ждал от событий указания своей будущей деятельности, но оставался верным слугой России, работая неумолимо на её пользу и славу, устраивая морские силы её»¹². Однако подобное ожидание «указания» не могло не вызывать у него свойственные юности мечты, а возможно, и те самые «честолюбивые поползновения».

Между тем на волне неудач России в Крымской войне и недовольства действиями правительства, не разделявшего чрезмерного «энтузиазма» и патриотического подъёма «народа», в славянофильских кружках росли симпатии к вел. кн. Константину Николаевичу. Ещё в 1840-е гг. ему создали репутацию «отчаянного славянофила», «врага иностранцев и особенно немцев», сторонника возвращения «ко временам допетровским» и создания «федеративного союза всех славянских племён», приписывали желание «уничтожить Турцию» и сделаться «византийским императором». А поскольку в молодые годы он демонстрировал, по словам Головнина, «глубокое уважение святой православной Церкви, один во всей семье соблюдал посты, ввёл у себя правильное и длинное богослужение, покупал старинные иконы, отделал две комнаты дворца на древний русский лад, занимался вообще русскими древностями и историей, предпочитал русский обед, русские вина и русский язык иностранным и т.д.», то «любители русской старины, преувеличивая его ревность ко всему народному русскому, стали смотреть на него как на какое-то знамя, как на представителя и вожаго всех русских, разделяющих их убеждения»¹³. При знакомстве с ним в январе 1853 г. молодая фрейлина Тютчева «была лишней раз приятно изумлена» тем, что великий князь заговорил с ней «очень вежливо на хорошем французском языке», тогда как «в обществе он слывет свирепым славянином, говорящим только по-русски и намеренно пренебрегающим всеми формами европейской цивилизации»¹⁴.

¹⁰ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания... С. 137.

¹¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2002. С. 96.

¹² Головнин А.В. Материалы для жизнеописания... С. 84.

¹³ Там же. С. 137–138.

¹⁴ Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 53–54.

В конце 1854 г. славянофилы возмущались тем, что в Петербурге были готовы к уступкам вражеской коалиции и «приняли 4 постыдные условия». В.С. Аксакова прямо утверждала в дневнике: «Положение наше совершенно отчаянное, не внешние враги нам страшны, но внутренние — наше пр[авительство], действующее против народа, парализующее его силы духовные, приносящее в жертву своих личных немецких выгод его душевные стремления, его силы, его кровь». Гр. К.В. Нессельроде и вовсе характеризовался ею как «австр[ийский] агент». На этом фоне заметно выделялся молодой великий князь: помимо «попечения» о раненых моряках, он «призывает всех к деятельности, даёт место мысли, знанию, возбуждает общее участие к общему делу, сообщает всё, что может, во всеуслышание всем, для общего содействия и т.п.». С особым воодушевлением воспринимались сказанные им М.П. Погодину слова о том, что «наследник теперь одного мнения с ним, т.е. желает войны»¹⁵.

11 февраля 1855 г., за неделю до кончины Николая I, Аксакова отметила: «Нового в Петербурге ничего нет. Государь совершенно стоит один, ни с кем из семьи своей не сообщается и действует против желания даже сыновей своих. Наследник, конечно, не имеет твёрдых убеждений, но Константин Николаевич совершенно предан русскому направлению»¹⁶. После внезапной смерти царя Аксаковы «были подавлены огромностью значения этого неожиданного события». Оно вселяло и тревогу, и надежду: «Не пойдёт ли всё прежним или даже худшим порядком, или вдруг переменится всё направление, вся политика?» Впрочем, уже на следующий день о покойном говорили «не только без раздражения, но даже с участием», признавая, что «он действовал добросовестно по своим убеждениям», которые «за грехи России... были ей тяжким бременем». Однако «его система пала вместе с ним»¹⁷.

Теперь Веру Сергеевну страшило другое: «Беда, если Александр не соединится заодно в направлении и всех намерениях с Константином. Константин имеет сильную народность; он известен везде, как русский человек, как христианин, даже раскольники надеются на него. Между ними ходит слух, что он сказал: “Я бы не стал вас притеснять, пусть всякой молится, как хочет!”». Не случайно, когда «на площади в Кремле... сказал кто-то громко, что Константину должно присягать, потому что он посты держит», Аксакова решила: «Это, вероятно, раскольник». При этом особо отмечалось, что «раскольники ожесточены до крайности притеснительными мерами» со стороны МВД. У простого народа имелись также собственные представления о законном порядке престолонаследия. Так, «в народе» «и в деревнях и в Москве» бытовало «мнение, что только тот законный царь, кто родился от царя, а Александр, говорят они, родился от в[еликого] князя»¹⁸. Впрочем, когда в московской церкви Богоявления во время присяги Александру II «какой-то чиновник пришёл да и закричал, что вы присягаете Александру, надобно присягать Константину, да раз десять

¹⁵ Аксакова В.С. Дневники. Письма. / Сост. Т.Ф. Пирожкова. СПб., 2013. С. 93–99.

¹⁶ Там же. С. 129–130.

¹⁷ Там же. С. 139, 145.

¹⁸ Там же. С. 141, 146–148, 151. Позднее молва вложила в уста великого князя слова, которыми он якобы доказывал брату свои права на престол: «Ты... родился ещё тогда, когда отец был только лишь великим князем. Я же родился в пурпуре, и только я один имею право наследовать отцу» (Российские государи. Александр II (1818–1881). Его личность, интимная жизнь и правление. М., 1993 (первое издание: Лондон, 1902). С. 8).

закричал», то его вытащили «за ноги» и отправили «на съезжую»¹⁹. Об этом же можно было услышать «от многих крестьян и женщин даже». Причём столь «странное заключение» воспринималось как «чисто народное» и основанное на представлениях, возникших, как уверяли «люди учёные», ещё «во времена уделов». Припоминали, что нечто подобное наблюдалось и при Александре I, когда среди «простых людей» сложилось убеждение, что права на престол принадлежат вел. кн. Михаилу Павловичу.

В славянофильских кружках, разумеется, мечтали не о воцарении вел. кн. Константина Николаевича, а об усилении его влияния на брата. Их радовали известия о том, что «прежде Александр не разделял вовсе направления и мыслей Константина, и между их приверженцами начинал образовываться довольно сильный дух партии, но с недавних пор, из расчёту или искренно, Александр принял мысли своего брата и вполне разделял его мнения насчёт настоящих обстоятельств». В целом, Аксаковой казалось, что «если Александр хочет приобрести народность и избежать разногласия с Константином, он должен действовать заодно. Иначе чего доброго сравнение может быть невыгодно и даже опасно!». Но её всё же смущало, что «ещё лет 15 тому назад» её брат, Константин Сергеевич, делал предсказания «соперничества между двумя братьями». «Не дай Бог!», — восклицала она в дневнике. По её мнению, «никогда не могло быть это так важно, как теперь. В[еликий] к[нязь] Константин Николаевич имеет опасную народность, и сохрани Бог, если новый государь не будет действовать заодно с ним». «Теперь же эти слухи так неприятны, даже огорчительны, они могут возбудить недоверие государя к подданным, поставить его во враждебные отношения к народу, к так называемым славянофилам (которых уже теперь считают некоторые виновниками этих толков), всего хуже, могут поселить с самого начала неприязнь и недоверие между государем и братом его, что будет пагубно для России во всех отношениях». Наблюдавшееся «брожение умов» заставляло даже подозревать, что, «может быть, и какие-нибудь агенты иностранных держав, поляки стараются произвести всякое смущение и движение в народе»²⁰.

Однако «оттепель» очень скоро принесла свои первые плоды. Несмотря на дурные предзнаменования, включая падение «во время присяги» колокола с колокольни Ивана Великого, Александр II легко сумел покорить сердца московских славянофилов, хотя считалось, что он «долгое время разделял совершенно противоположное направление и именно покровительствовал исключительно немцам и стоял особенно за аристократизм». Стоило ему вступить на престол, всё это тут же забылось и потеряло смысл, поскольку, как объясняла Аксакова, «в русском человеке вовсе нет безусловной оппозиции власти, нет ненависти к власти потому только, что она власть». Оставалось лишь догадываться, «какую любовь и доверие могла бы внушить разумная и любовная власть, когда только от одной надежды на возможность чего-нибудь подобного так искренно возбудилось сочувствие всех»²¹.

Со своей стороны, вел. кн. Константин Николаевич старался положить конец сплетням и пересудам о его разногласиях со старшим братом. 19 февраля 1855 г. он «громким и энергичным голосом» присягнул на верность Алексан-

¹⁹ Аксакова В. С. Указ. соч. С. 142–143.

²⁰ Там же. С. 141–142, 147.

²¹ Там же. С. 145–148.

дру II в церкви Зимнего дворца, и затем, спросив одного из присутствовавших, «хорошо ли его было слышно», добавил: «Я хочу, чтобы знали, что я первый и самый верный из подданных императора». Как полагает Тютчева, великий князь, «очевидно, намекал этими словами на те разговоры, которые шли по поводу его нежелания будто бы подчиняться брату, что, как говорят, возбуждало неудовольствие покойного императора и беспокоило его»²². Впрочем, в его поведении гораздо сильнее проявлялись переживания, вызванные кончиной отца. По наблюдениям кн. Оболенского, на церемонии присяги «он был весьма опечален и взволнован»²³.

Уже весной в Москве убедились, что между сыновьями Николая I установилось полное доверие и взаимопонимание. 6 марта Аксаковой казалось, что «все толки и смущения первой минуты при восшествии нового государя улеглись». Славянофилы не сомневались, что «если новый государь будет заодно действовать с великим князем Константином Николаевичем, можно ожидать много доброго». Аксаковы не переставали тогда «восхищаться распоряжениями» генерал-адмирала, зачитывались «Морским сборником», в котором «с наслаждением» читали не только статьи, но «даже все хозяйственные распоряжения», настолько сильным было производимое впечатление: «Во всём слышится правда, свобода мысли, откровенность, полная доверия; дышится отраднее, точно читаешь об чужом государстве». Удивляло и то, «как такое направление быстро принесло успех, вызвало жизнь, благородное рвение на пользу общую, привлекало к деятельности прекрасных честных людей, как благотворно оно воспитывает всех своим влиянием»²⁴. Особый интерес у Аксаковой вызвали отчёт о действиях Комиссариатского департамента, подготовленный его директором, кн. Оболенским, и составленный Шестаковым «Обзор действий на море в течение настоящей войны»²⁵. «Тут, — писала Вера Сергеевна, — высказаны смело и откровенно все невыгоды *угнетательной системы* в применении её в отношениях начальников морских к их подчинённым, и всё значение и польза нравственных причин, двигающих людьми в исполнение их обязанностей... Это такого рода направление, которое есть ключ ко всем прекрасным преобразованиям. Взывается ко всем за советом, выслушивается со вниманием всякое замечание, жалоба, отдаётся всё на общий суд. Тут со временем, конечно, могут сказаться все народные потребности, и дух народный сам собою выскажется и выработает своё»²⁶.

Правда, опасность возвращения к старому сохранялась. Аксакова 10 апреля не исключала, что «оттепель» окажется «временной», а затем «опять всё закуёт мороз» и «ещё тяжелее покажется». Доходили и вести о «недовольстве новым царствованием» лиц, причислявшихся «к партии великого князя Константина Николаевича»²⁷. Возможно, речь шла о суждениях близкого к славянофилам кн. Оболенского, который саркастически отзывался о затеянном новым монархом «перемене формы обмундирования армии и флота», называя её «вздором», вызывающим только «новые издержки», тогда как «до дел внутреннего управления юный государь, говорят, ещё не касался». Между тем вел. кн. Кон-

²² Тютчева А.Ф. Указ. соч. С. 132.

²³ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 60.

²⁴ Аксакова В.С. Указ. соч. С. 155.

²⁵ Морской сборник. 1855. № 2. Февраль. Учёно-литературный отдел.

²⁶ Аксакова В.С. Указ. соч. С. 156–157.

²⁷ Там же. С. 182–185.

стантин Николаевич с энтузиазмом воспринял замену «формы», и директор Комиссариатского департамента с досадой констатировал, что его начальник «тоже немало тешится новыми мундирами». В этой своей привязанности все Николаевичи, безусловно, составляли одну «партию», с детства питавшую, по выражению кн. Оболенского, «странную любовь или почти мономанию к штанам и мундирам», привитую им отцом²⁸.

21 мая 1855 г., в день именин своего брата, Александр II подписал манифест, объявлявший, что в случае кончины царя до совершеннолетия наследника престола «правителем государства» будет вел. кн. Константин Николаевич²⁹. Такая демонстрация доверия снимала все подозрения и являлась яркой приметой наступавшей «оттепели». Правда, кн. Оболенский, приветствовавший желание императора видеть брата своим ближайшим помощником «в общих делах», опасался и даже был «уверен, что местами народ не поймёт, в чём дело, и выйдет недоразумение, тем более что многие в простом народе уверены, что царствовать должен Константин, потому что он порфирородный»³⁰.

Так или иначе, легенда о притязаниях вел. кн. Константина Николаевича на престол продолжала жить и через много лет. «Константин всю жизнь думал о предстоявшей ему и не постигшей его судьбе, — утверждал Бартенев. — Когда я спросил его, отчего [В.А.] Жуковский в письме к его матери, напечатанном в “Русском архиве”, с особенною нежностью поздравляет её с рождением второго сына, в[еликий] к[нязь] воскликнул: “Да разве Вы не понимаете, что я порфирородный и что моим рождением утверждалась династия”». По словам московского издателя, Николай I перед смертью взял с вел. кн. Константина Николаевича «слово, что он будет всячески помогать брату в делах правления», и вследствие этого «первые годы нового царствования было у нас что-то вроде двоевластия». С этим Бартенев связывал и то, что «Катков в одной передовой статье говорил о толстогубом Отелло и коварном Яго»³¹.

Но многие общественные деятели самых разных взглядов во второй половине 1850-х гг. приветствовали действия вел. кн. Константина Николаевича и положительно оценивали его влияние на брата и на государственные дела. 1 сентября 1855 г., через несколько дней после оставления Севастополя, великие князья Константин и Николай Николаевичи отправились на юг. «Дай Бог ему здоровья, трудится много и полезно», — писал 8 сентября, узнав о прибытии великого князя в Николаев, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и управляющий III отделением Собственной е.и.в. канцелярии Л.В. Дубельт³². В городе генерал-адмирал планировал остаться «до ноября»³³, и за это время им было немало сделано для предотвращения неприятельского нападения на город и порт. В середине сентября туда же прибыл Александр II. Каждое утро царь приходил к брату, делился новостями, советовался и именно ему, по словам Головнина, «прежде других доверенных лиц сообщал свои намерения»³⁴. П.А. Валуев, обличавший «всеобщую официальную ложь», с сочувствием

²⁸ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 64–65.

²⁹ Русский инвалид. 1855. 28 мая. № 115. С. 1(563).

³⁰ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 73, 74.

³¹ Записная книжка П.И. Бартенева... С. 464.

³² Дубельт Л.В. Дневник / Публ. М.В. Сидоровой // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. VI. М., 1995. С. 289.

³³ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 91.

³⁴ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания... С. 97–100.

отзывался о «твёрдой руке генерал-адмирала»³⁵. В октябре 1855 г. К.С. Аксаков рассказывал в семейном кругу о том, «как сильно сочувствие к великому князю Константину Николаевичу в купцах и простом народе», где его ценят как хорошего царского «помощника», хвалят за усердие «к преподобному Сергию» и уважительное отношение к А.П. Ермолову. Более того, «все добрые и хорошие намерения государя приписывают великому князю Константину». Под впечатлением от услышанного В.С. Аксакова заключала: «И дай Бог, чтоб государь с братом постоянно находились в добром союзе, тогда будет хорошо, но иначе — беда»³⁶. «Утешительные слухи» о великом князе поздней осенью 1855 г. дошли даже до декабриста В.И. Штейнгеля, находившегося в тобольской ссылке³⁷.

«Добрый союз» братьев — Александра II и вел. кн. Константина Николаевича не только исключал возможность какого-либо династического кризиса, но и обусловил начало долгожданной для русского общества «оттепели», приближая наступление эпохи Великих реформ.

³⁵ Дума русского во второй половине 1855 года // Русская старина. 1893. № 9. С. 513.

³⁶ Аксакова В.С. Указ. соч. С. 238.

³⁷ Гапачко Л.В., Зейфман Н.В. Из переписки декабристов. Письма М.А. Фонвизина и В.И. Штейнгеля к И.И. Пущину // Записки Отдела рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 36. М., 1975. С. 230.

Фёдор Мелентьев

Оттепель и воспитание наследника престола

*Fedor Melentev (State Archive of the Russian Federation, Moscow;
HSE University, Moscow, Russia)*

The Thaw and education of the Heir to the Throne

DOI: 10.31857/S0869568722040070, EDN: FZNUNY

Современники справедливо полагали, что «оттепелью» начальный период царствования Александра II назвал Ф.И. Тютчев¹, хотя ещё весной 1854 г. его дочь Анна убеждала кн. П.А. Вяземского, будто в николаевской России наступила «настоящая духовная оттепель»². Тютчева связывала её с патриотическим подъёмом, вызванным вступлением Великобритании и Франции в Крымскую войну³. Так или иначе, эта метеорологическая метафора была подхвачена в среде славянофилов, почувствовавших, как писал А.И. Кошелёв И.С. Аксакову 22 августа 1855 г., «оттепель по цензур[ной] части»⁴. Однако широкую из-

© 2022 г. Ф.И. Мелентьев

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX века. Л., 1974. С. 344; Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013. С. 216–217.

² Письма А.Ф. Тютчевой к князю П.А. Вяземскому / Публ. Н.В. Снытко // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. V. М., 1994. С. 109.

³ Крот М.Н., Черницын С.В., Завьялова О.О. Патриотический подъём в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) как фактор модернизационного поворота в России // Былые годы. Т. 43. 2017. Вып. 1. С. 103–111.

⁴ Из переписки московских славянофилов // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 247.

вестность она получила благодаря А.И. Герцену, который в открытом письме к И.С. Тургеневу, написанном в ноябре 1856 г., сокрушался, что правительство не спешит воспользоваться «весенней оттепелью после николаевской зимы»⁵. Учитывая то, какими тиражами произведения основателя Вольной русской типографии выходили в Советском Союзе, М.Я. Геллер предположил, что это выражение И.Г. Эренбург позаимствовал именно у Герцена⁶. Неудивительно, что уже после распада СССР Л.Г. Захарова, характеризуя русское общественное мнение второй половины 1850-х гг., сочла необходимым отметить: «Мы не привносим слова “гласность” и “оттепель” в середину XIX века из современного политического лексикона»⁷.

Статья А.П. Шевырёва является шагом вперёд в изучении оттепели, которую обычно воспринимали в качестве фона или, в лучшем случае, предыстории Великих реформ и до сих пор не анализировали как самостоятельное явление. Исследователь указывает, что характерной чертой оттепели были надежды на перемены к лучшему. Действительно, даже кн. В.П. Мещерский, ставший одним из видных деятелей русского консерватизма, утверждал, «что 1856 год был самым светлым годом царствования Александра II». По словам князя, настроение общества было похоже «на голубое, совсем ясное, весеннее небо... Веяло чем-то радостным, чем-то благодушным, искренним»⁸.

Однако люди, преданные Николаю I (кончина которого, по словам авторов «Очерков истории Ленинграда», «как бы подводила итог прошедшему и облегчала царизму попытку частичной “перестройки”»⁹), относились к происходящему иначе. «Когда по смерти нашего мудрого царя повеяло слабостью и распушенностью, — вспоминала в 1883 г. фрейлина императрицы Александры Фёдоровны баронесса М.П. Фредерикс, — все вздохнули и обрадовались, воображая себе, что, сделавшись самостоятельными, мы со дня на день будем все и образованны. Дали нам и свободу мысли, и свободу действий, и свободу печати; словом, бросились на всё разом, думая этим ускорить развитие России. Бешеный поток этот, которому была внезапно открыта преграда и дана полнейшая воля, понятно, вырвался из своих пределов быстро и жестоко»¹⁰. Если для значительной части образованного общества Николай I представлял как «калмыцкий полубог»¹¹, то дорожившие его памятью (и в первую очередь Александр II) отреагировали на смерть незабвенного императора подобно Тютчеву, который сказал, предвосхитив Ф.В. Ницше: «Как будто вам объявили, что умер Бог»¹².

⁵ Герцен А.И. Ещё вариация на старую тему (Письмо к...) // Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 12. М., 1957. С. 432.

⁶ Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. Лондон, 1974. С. 209. Хотя Эренбург «хорошо знал наследие» Тютчева (*Экзитус С.А. Тютчев. Тайный советник и камергер. М., 2011. С. 254*), неизвестно, был ли советский поэт осведомлён о письме И.С. Аксакова к отцу и о записи в дневнике В.С. Аксаковой.

⁷ Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993. С. 179.

⁸ Мещерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 1. СПб., 1897. С. 62.

⁹ Левин Ш.М., Киреев Н.В. Кризис феодально-крепостнической системы. Общественное движение в Петербурге накануне отмены крепостного права // Очерки истории Ленинграда. Т. 2. М.; Л., 1957. С. 20.

¹⁰ Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Исторический вестник. Т. 71. 1898. № 1. С. 55.

¹¹ К.Д. Кавелин о смерти Николая I. Письма к Т.Н. Грановскому // Литературное наследство. Т. 67. М., 1959. С. 607.

¹² Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. Дневник / Публ. Л.В. Гладковой. М., 2016. С. 206.

Само слово «оттепель», удивившее общество своей меткостью, ни разу не встречается в стихотворениях Тютчева¹³. А поскольку прозвучало оно «в светских салонах»¹⁴, не исключено, что поэт произнёс его на французском языке (ведь он, «по его собственному признанию, твёрже выражал свою мысль по-французски, нежели по-русски»¹⁵). Если это предположение верно, то, скорее всего, Тютчев употребил слово «dégel». При этом сравнение с погодным явлением подчёркивало непредсказуемость политического курса, как бы намекая на его стихийность и независимость от усилий общественности¹⁶. И всё же образованное общество пыталось убедить власть в необходимости реформ. Авторы многочисленных рукописных записок полагали, что как Николай I не понимал истинного положения Российской империи, так и Александр II пребывает в плену стереотипных представлений о стране, и поэтому стремились раскрыть глаза новому императору на происходящее, требуя гласности¹⁷.

Вместе с тем общество хотело повлиять не только на самодержца, но и на других членов Императорской фамилии, причём особое внимание обращалось на воспитание старшего сына Александра II — цесаревича Николая Александровича (1843—1865). Так, ещё в 1847 г. в известном письме к Н.В. Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» В.Г. Белинский с озабоченностью упоминал о слухах, «будто Вы написали эту книгу с целью попасть в наставники к сыну наследника» (т.е. к вел. кн. Николаю Александровичу). Критик считал, что образ России, созданный Гоголем, не должен был лечь в основу мировоззрения будущего императора, обязанного знать о необходимости отмены крепостного права и телесных наказаний¹⁸. Неудивительно поэтому, что вскоре после смерти Николая I в обществе стали обсуждать не только проблему освобождения крестьян, но и изменение подходов к воспитанию наследника престола.

Естественно, что в этих обстоятельствах живой интерес вызывали личности менторов царских сыновей. В конце XVIII — первой четверти XIX в. главный надзор за воспитанием будущего императора вверялся одному человеку — будь то гр. Н.И. Панин¹⁹, гр. Н.И. Салтыков²⁰ или генерал-адъютант М.И. Ламздорф²¹. Но со второй четверти XIX в. при Дворе сложилась двусоставная систе-

¹³ Конкорданс полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева. А—Я / Под ред. А.В. Антюхова. Брянск, 2013.

¹⁴ Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева / Отв. ред. Т.Г. Динесман. Кн. 2. М., 2003. С. 227.

¹⁵ Аксаков И.С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 85. Значительная часть его афоризмов была произнесена по-французски (Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф.И. Тютчева. М., 1922).

¹⁶ Богданов К.А. Погода русской истории. Очерк климатической историософии // Богданов К.А. Переменные величины. Погода русской истории и другие сюжеты. М., 2014. С. 96.

¹⁷ Lovell S. *Glasnost* in practice: Public Speaking in the Era of Alexander II // Past & Present. Vol. 218. 2013. № 1. P. 127–158.

¹⁸ Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю 3(15) июля 1847 г. // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 10. М., 1956. С. 217, 213.

¹⁹ Скоробогатов А.В. Цесаревич Павел Петрович: политический дискурс и социальная практика. М., 2004. С. 52.

²⁰ Аукштывальните А.Д. Н.И. Салтыков и воспитание наследников престола в России второй половины XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2021. Вопреки распространённому мнению, Ф.-С. Лагарп не был назначен главным воспитателем вел. кн. Александра Павловича. Подробнее см.: Андреев А.Ю. Воспитание великих князей Александра и Константина Павловичей глазами Ф.-С. Лагарпа // Филаретовский альманах. Вып. 9. М., 2013. С. 90–122.

²¹ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2003. С. 18–20.

ма воспитания великих князей. Так, в 1827 г. генерал-адъютант П.П. Ушаков стал главным воспитателем вел. кн. Александра Николаевича (непосредственно его военной подготовкой с 1824 г. занимался капитан К.К. Мердер, а с 1834 г. — генерал-адъютант А.А. Кавелин), наставником же в 1826 г. назначили незнатного и штатского человека — В.А. Жуковского²². С тех пор конкуренция между военной и партикулярной составляющими превращается в один из определяющих факторов развития придворной педагогики. По повелению Николая I с 1849 г. заботу о вел. кн. Николае Александровиче и его братьях поручили генерал-майору Н.В. Зиновьеву, а в 1853 г. их наставником (официально — только преподавателем) стал профессор Гельсингфорсского университета Я.К. Грот²³. Но в начале царствования Александра II представителям общественности казалось, что военным не под силу понять «потребности времени» и создать условия, необходимые «для воспитания будущего властителя России»²⁴.

Обсуждение новой программы обучения наследника престола позволяло обратить на себя внимание августейших особ и снискать их благосклонность. Видимо, неслучайно один из её вариантов подготовил кн. А.М. Горчаков. 15 апреля 1856 г. он возглавил Министерство иностранных дел, а уже 28 апреля того же года написал на французском языке «План наставления руководителю образованием великого князя наследника»²⁵. Благодаря С.С. Татищеву в историографии закрепилось мнение, будто этот проект (или инструкцию, как перевёл его название Татишев) кн. Горчаков составил по просьбе императрицы Марии Александровны, хотя подтверждений этому историк не привёл²⁶. Князь развивал «западнический» взгляд на формирование мировоззрения 12-летнего цесаревича, которому предстояло в итоге научиться воспринимать Россию не как «отдельный мир», а как часть Европы. В то же время ему следовало знать о проблемах, стоявших перед империей. Ведь «чем больше он будет любить свою страну, тем меньше он должен представлять в ином свете её недостатки, сильные и слабые стороны сравнительно с друзьями и недругами»²⁷.

Дипломат обращал особое внимание на необходимость вывести великого князя из своего рода изоляции во дворце, расширить его представления о родине и мире. Поэтому он предлагал решиться на такой радикальный шаг, как «несколько месяцев публичного обучения» и освоение в возрасте 16–19 лет «университетского курса». Учитывая закрытость жизни царских детей, это звучало очень смело. Существенное значение придавалось также поездкам по России, в ходе которых надлежало соблюдать «самое строгое и действительное инкогнито»²⁸. Наконец, кн. Горчаков советовал возложить на цесаревича, когда тому будет от 19 до 21 года, «управление какой-либо губернией, без испол-

²² Татищев С.С. Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 6–28, 66–67.

²³ Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов / Сост. С.С. Атапин и др. М., 2002. С. 48, 76.

²⁴ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 132.

²⁵ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2487.

²⁶ Татищев С.С. Детство и юность... С. 105; Чернуха В.Г. Утраченная альтернатива. Наследник престола великий князь Николай Александрович (1843–1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 238.

²⁷ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2487, л. 4, 3. Здесь и далее перевод Татищева уточнён по подлиннику.

²⁸ Там же, л. 6–6 об. Татишев утверждал, что наследника уже тогда собирались отправить путешествовать и по «чужим странам» (Татищев С.С. Детство и юность... С. 109), но в тексте «плана» об этом не говорилось.

нительной ответственности»²⁹. Как бы то ни было, министр, к тому времени без малого 40 лет служивший за границей, настаивал на том, что для понимания страны будущему самодержцу нужно ближе познакомиться с русской провинцией.

Обычно в историографии утверждается, что кн. Горчаков хотел «демократизировать» образование наследника престола и переориентировать его с военного на светское³⁰. Между тем исследователи не уточняют значение этой «демократизации» (слово эпохи перестройки!) и не обращают внимание на то, что «план» предназначался для наставника, а не для воспитателя цесаревича. Именно поэтому о военной стороне дела в «плане» практически ничего не говорилось, хотя её наличие подразумевалось. Речь шла скорее о том, чтобы общее руководство обучением великого князя передали от генерала штатскому лицу. Обеспечить это предстояло 49-летнему дипломату В.П. Титову, рекомендованному на должность наставника великих князей (Грот стал его помощником, заняв должность наблюдателя за учебными занятиями³¹). Титов считался протеже вел. кн. Ольги Николаевны³² и человеком, близким к кн. Горчакову (они вместе представляли Россию на Венской конференции 1855 г.³³). Александр II с недоверием отнёсся к его кандидатуре, однако не препятствовал желанию императрицы Марии Александровны³⁴. Зато в обществе и при дворе в приглашении Титова, приступившего к своим обязанностям в мае 1856 г., но официально назначенного лишь 1 декабря, усматривали ещё одно свидетельство смягчения политического курса³⁵.

Как и кн. Горчаков, Титов стремился к расширению кругозора наследника престола³⁶. Ему импонировала идея направить цесаревича в университет, причём непременно в Москву³⁷, где сам Владимир Павлович обучался в благородном пансионе в 1818–1823 гг. Предполагалось, что переезд великого князя

²⁹ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2487, л. 7. Татищев, вероятно, под влиянием Н.П. Барсукова, цитировавшего дневник П.А. Валуева, даже считал, что речь шла о руководстве «отдельной областью империи в звании генерал-губернатора» (*Татищев С.С. Детство и юность... С. 109; Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 15. СПб., 1901. С. 80; Дневник графа Петра Александровича Валуева. 1856 г. // Русская старина. Т. 70. 1891. № 6. С. 611*).

³⁰ *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С. 238; *Мелентьев Ф.И.* Воспитание и образование наследника престола в проектах В.П. Титова 1856–1858 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1(5). С. 17; *Сидорова А.Н.* «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019. С. 229.

³¹ *Грот Я.К.* Автобиографические заметки. 1852–1880 // Труды Я.К. Грота. Т. 5. СПб., 1903. С. 33.

³² Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826–1865. М., 1896. С. 35.

³³ Существовали даже их парные портреты в качестве уполномоченных на этой конференции (Русский художественный листок. 1855. № 28).

³⁴ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2475, ч. 1, л. 159–159 об.

³⁵ *Кавелин К.Д.* Из дневника (1857) // Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Т. 2. СПб., 1898. Стб. 1161.

³⁶ О педагогических взглядах Титова см.: *Глинский Б.Б.* Наставник царских детей // Исторический вестник. Т. 63. 1896. № 1. С. 255–262; *Каменский Е.С.* «От детства до присяги». (Из жизни августейших детей императора Александра II) // Исторический вестник. Т. 143. 1916. № 1. С. 115–117; *Чернуха В.Г.* Указ. соч.; *Подделкова П.Е.* Проект особого учебного решения для великих князей // Молодёжь и наука: реальность и будущее. Материалы IV международной научно-практической конференции. Т. 1. Невинномысск, 2011. С. 39–41; *Мелентьев Ф.И.* Воспитание и образование наследника престола...; *Сидорова А.Н.* «Образовать в детях ум, сердце и душу»... С. 232–245.

³⁷ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Отв. ред. В.Г. Чернуха. СПб., 2005. С. 133.

в Первопрестольную поможет ему избавиться от придворных влияний и лучше узнать страну.

Уже весной 1856 г. Титов думал о том, как обеспечить великим князьям возможность «ближайшего ознакомления с Россией вне Петербурга», дабы они «могли видеть в настоящем свете жизнь народную и все её нужды»³⁸. Интерес к провинции был созвучен с настроениями оттепели, как и привлечение к занятиям с наследником престола молодых либеральных профессоров И.К. Бабста и К.Д. Кавелина (4 марта 1855 г. окрестившего Николая I «калмыцким полубогом») ³⁹, а также известного писателя И.А. Гончарова, печатавшего тогда в «Морском сборнике» свои очерки о плавании на фрегате «Паллада»⁴⁰.

М.П. Погодин, узнав о назначении Титова, 9 декабря 1856 г. написал ему письмо, в котором изложил собственный взгляд на великокняжеское воспитание, чрезмерно, по его мнению, военизированное⁴¹ и изолированное от общества. «Бедные дети, — сокрушался московский историк, — не получают никакого понятия о народе, которым управлять предназначаются, не узнают ни его нужд, ни средств их удовлетворения». Михаилу Петровичу казалось, что их представления о жизни существенно расширились бы, если они «пожили бы в уездном городе, в селе, на фабрике»⁴². Эти рассуждения сопровождалась резкой критикой придворной атмосферы и перекликались с тем, о чём Погодин писал на излёте Крымской войны⁴³. Появление письма в «Русском заграничном сборнике» в марте 1858 г. ненадолго опередило статью Н.Г. Чернышевского «О новых условиях сельского быта», в которой приводились обширные извлечения из составленной ещё в 1855 г. записки Кавелина об освобождении крестьян⁴⁴. В результате журналистской бестактности в апреле Константина Дмитриевича удалили от наследника престола. Вскоре лишился своего поста и Титов. Неудивительно, что в обществе решили, будто влияние противников отмены крепостного права в императорском окружении усилилось⁴⁵.

Герцен, ещё 15 февраля 1858 г. восторженно восклицавший, что Александр II, подписав рескрипт В.И. Назимову, открыл «новую эру для России», 1 ноября того же года сетовал в открытом письме к императрице Марии Александровне: «Первые всходы, после суровой и продолжительной зимы — поблёкли, едва дав ростки... Мы поддались весеннему веянию, — раскрыли давно закалившиеся сердца чувствам, незнакомым с детства... но нам не было суждено видеть исполнение ни этих мечтаний, ни других». Теперь Герцен возмущался

³⁸ Там же. С. 130.

³⁹ Характерно, что Александр II возложил на Титова личную ответственность за «направление» деятельности Кавелина (*Татищев С.С. Детство и юность... С. 152*).

⁴⁰ *Балакин А.Ю.* Гончаров — учитель царских детей // *Балакин А.Ю.* Разыскания в области биографии и творчества И.А. Гончарова. М., 2018. С. 181–195.

⁴¹ Погодин включил в это письмо выписку из воспоминаний Я.Я. Штелина о военном воспитании Петра III, опущенную Барсуковым, по книге которого цитируется в литературе письмо к Титову (*[Погодин М.П.] Письмо к наставнику с.и.в. государя наследника // Русский заграничный сборник. 1858. Ч. 1. Тетрадь 3. С. 5–6; Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 82*).

⁴² *[Погодин М.П.] Указ. соч. С. 10, 11.*

⁴³ *Ведерников В.В.* Историко-политические письма и записки М.П. Погодина как ранняя программа реформ // Александр II и его время. К 200-летию со дня рождения. СПб., 2019. С. 103–114.

⁴⁴ *[Чернышевский Н.Г.] О новых условиях сельского быта. Статья вторая // Современник. 1858. № 4. С. 493–539.*

⁴⁵ Об этом, в частности, писал 18(30) мая 1858 г. Герцену Тургенев (*Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 321*).

тем, что Титова сменил «бездарный немецкий школяр» А.Т. Гримм, жаловался на Зиновьева и призывал «сыскать на место людей, оттёртых им и интригой Чёрного Кабинета — русских, образованных, любящих отечество и *не носящих эполет*»⁴⁶.

Завершение оттепели А.П. Шевырёв убедительно датирует концом 1857 г., хотя иные исследователи растягивают её до 1862—1863 гг.⁴⁷ Тем же, кто внимательно следил за ходом воспитания наследника престола, могло показаться, что весной 1858 г. её сменили «заморозки». Однако многое из того, о чём мечтали кн. Горчаков, Титов, Погодин и Герцен, воплотилось в жизнь в эпоху Великих реформ. Гр. С.Г. Строганов, назначенный попечителем цесаревича в 1859 г., реализовал придворный университетский проект: вел. кн. Николаю Александровичу, а затем и его брату — вел. кн. Александру Александровичу во дворце читали курсы лекций как петербургские, так и московские профессора (в том числе и К.П. Победоносцев, ставший позднее советником двух последних императоров⁴⁸). Кроме того, граф расширил круг общения своего подопечного и придал его путешествиям преимущественно образовательный, а не церемониальный характер. Однако уже к будущему Николаю II штатских наставников не назначали; обучение своего старшего внука Александр II оставил в руках военного воспитателя генерал-майора Г.Г. Даниловича⁴⁹. Таким образом, оттепель была не только кануном Великих реформ, но и временем смелых поисков и экспериментов в «царской педагогике».

⁴⁶ Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва / Под ред. М.В. Нечкиной. Вып. I. М., 1960. С. 67, 217—218. См. также: *Секиринский С.С.* Если бы преемником Александра II стал его первенец (или нечто об августейшем воспитании и образовании) // Социум. 1991. № 10/11. С. 53; *Чернуха В.Г.* Указ. соч. С. 242; *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 140—141; *Сидорова А.Н.* «Образовать в детях ум, сердце и душу»... С. 254—257.

⁴⁷ См., например: *Кириллов А.К.* Секреты Полишинеля: когда закончилась «оттепель» XIX столетия? // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 48—52; *Должиков В.А.* М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850—1860-х гг.). Барнаул, 2018. С. 21, 100.

⁴⁸ Подробнее см.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 60—70.

⁴⁹ *Фирсов С.Л.* Николай II. Пленник самодержавия. М., 2010. С. 35—37.

Елена Стафёрова
Пролог Великих реформ
(штрихи к портрету бюрократов-реформаторов 1860-х гг.)

Elena Stafierova (Moscow, Russia)
Prologue of the Great Reforms
(touches to the portrait of reform bureaucrats of the 1860s)

DOI: 10.31857/S0869568722040082, EDN: FZOJWQ

Статья А.П. Шевырёва посвящена относительно кратковременному, но крайне насыщенному и напряжённому периоду российской истории XIX в. В 1855—1857 гг. внимание нового императора поглощала война и связанные

с ней внешнеполитические заботы, ещё не было никаких заявлений о серьёзных переменах во внутренней политике, и только по редким отставкам и назначениям сановников современники пытались угадать намерения монарха. Но в то же время в обществе отчётливо ощущалось дыхание перемен. Неопределённость границ дозволенного вдохновляла и внушала смелые надежды намного больше, чем конкретные официальные послабления.

Период «оттепели» интересен как пролог Великих реформ со всеми их удачами и противоречиями. В статье уделяется серьёзное внимание деятельности либеральной (или просвещённой) бюрократии, отмечается, с одной стороны, отсутствие среди исследователей единого терминологического обозначения данной группировки, с другой стороны, плодотворность изучения круга бюрократов-реформаторов в целом, а также воззрений, представлений, программных высказываний отдельных её представителей. В этом смысле показательны упомянутые Шевырёвым «константиновцы», представлявшие собой, согласно характеристике одного из исследователей, «пример переходной формы от сообщества “клиентов” влиятельного покровителя к группировке, отстаивающей политические интересы»¹. Она завершила своё формирование в период «оттепели», оказала существенное влияние на подготовку и проведение Великих реформ, привлекла к себе общественное внимание и довольно быстро перестала существовать как единое целое. Историки не раз указывали на то, что, к примеру, в 1867–1868 гг. суждения «константиновца» А.В. Головнина о представительном учреждении с законодательными правами существенно расходились с его же идеями, сформулированными в период «оттепели». Надо отметить, что мысль о представительстве обсуждалась им в 1850–1860-х гг. в многочисленных диалогах и переписке с самыми разными собеседниками.

Головнин не только привлекал в окружение великого князя талантливых чиновников, но уже к 1857 г. сформулировал реформаторскую программу, которую официально приписал своему патрону. Основными её звеньями были гласность, децентрализация и другие административные улучшения, налоговая, судебная и полицейская реформы, веротерпимость, отмена крепостного права. Осуществление этих мер Головнин связывал с личным влиянием вел. кн. Константина Николаевича и возглавляемого им ведомства на императора и высших правительственных лиц, а также с приготовлением «всеми зависящими от него способами свободных людей для действия сообразно с помянутой целью в разных частях управления и употребляя своё влияние, чтобы доставлять им необходимое для этого положение»². Неудивительно, что в данной программе, рассчитанной на поддержку царя, не было и не могло быть даже намёка на представительство.

Во второй половине 1850-х гг. она последовательно выполнялась: морское ведомство демонстрировало пример нового стиля работы, выступало инициатором преобразований, в министерстве сформировался круг активных, реформаторски мыслящих чиновников. После отмены крепостного права началось постепенное обновление высшей бюрократии. Вел. кн. Константин Николаевич стал председателем Главного комитета об устройстве сельского состояния, и сложилась ситуация, когда «константиновцы» получили возможность

¹ *Рибер А.Дж.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. Сборник. М., 1992. С. 52.

² *Головнин А.В.* Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича / Под ред. Б.Д. Гальпериной. СПб., 2006. С. 154–155.

занять ключевые государственные должности. Поэтому когда летом 1861 г. кн. П.В. Долгоруков заявил в газете «Будущность» о том, что Головнин, в отличие от Н.А. Милютина и кн. Д.А. Оболенского, является сторонником конституционного устройства, Александр Васильевич не на шутку встревожился. Подобные рассуждения в эмигрантской печати серьёзно осложняли положение «константиновцев», вызывая у Александра II недоверие к своему брату и сотруднику.

Головнин, путешествовавший тогда по Европе, в письмах к вел. кн. Константину Николаевичу доказывал гибельность введения конституции в России, ссылаясь на ведущих политических мыслителей Европы. Так, он приводил размышления Т. Бокля, писавшего в «Истории цивилизации» о том, что конституционные учреждения вырабатываются исторически и не могут быть перенесены на иную почву. Головнин полагал, что в этом случае «у нас явились бы только наружные внешние формы конституционного правления, а не дух его, внутренний смысл его, явилось бы правление олигархическое и вслед затем сильная реакция и военный деспотизм как спасение против анархии и олигархов». В том же письме он утверждал, что четвёртая глава трактата Д.С. Милля «Размышления о представительном правлении», где перечислялись условия, при которых представительное правление невозможно, «точно писана для современной России». Ведь большинство русских сословий «весьма справедливо увидят под формой народного представительства только царство дворян». Поэтому «кроме нескольких олигархов, крепостников, плантаторов и мечтателей у нас масса народа сделает всё что возможно для ниспровержения конституции»³.

Лично увидевшись с кн. Долгоруковым в августе 1861 г., Головнин убеждал его в искренней лояльности великого князя императору, взывал к авторитету Бокля и Милля и уверял, «что у нас конституция невозможна и была бы большим несчастьем для России». Однако, прибыв в октябре из Англии в Париж, Александр Васильевич узнал от И.С. Тургенева, что кн. Долгоруков не только повсеместно «довольно верно» рассказывает содержание их недавнего разговора, но и заявляет, будто секретарь вел. кн. Константина Николаевича «принуждён своим положением говорить таким образом»⁴. Головнину пришлось вновь встречаться с князем 27 октября (8 ноября) и «при свидетеле» повторить ему свои доводы. На этот раз, как в тот же день сообщал Головнин вел. кн. Константину Николаевичу, собеседник заверил его, что «перестает... рассчитывать» на конституционные инициативы царского брата. Более того, он «должен теперь высказать своей партии, что на Вас нельзя надеяться», и намерен опубликовать статью, в которой отдаёт «справедливость уму, способностям, характеру и познаниям» генерал-адмирала, и в то же время подтвердит его приверженность самодержавию. «Этой статьёй, — пояснял Александр Васильевич, — Долгоруков хочет сказать своим единомышленникам, что он ошибался, рассчитывая на Вас, и что теперь они должны искать Бернадотта»⁵. Характерно, что ранее памфлетист вынашивал планы, которые буквально «ужаснули» Головина: «Обратиться к вел[ико]му князю К[онстантину] Н[иколаевичу] и как новому Луи-Филиппу предложить корону с условием подписания конституционной хартии, исключив от престола старшую линию»⁶.

³ РГАВМФ, ф. 224, д. 335, л. 78–78 об.

⁴ Там же, л. 135 об.–136.

⁵ Там же, л. 144 об.–145.

⁶ Там же, л. 175.

4 декабря 1861 г. в «Будущности» появилась статья кн. Долгорукова «Великий князь Константин Николаевич». В ней говорилось, что «Морское министерство являет в русской администрации зрелище европейского оазиса в азиатской степи», высоко оценивалась роль великого князя в реформах, но сам он характеризовался как «деспот в душе», «враг конституции и поборник самодержавия». О «константиновцах» кн. Долгоруков язвительно написал: «В Петербурге есть целый кружок людей, большая часть коих умны, образованны, способны и честны на деньги. Члены этого кружка более или менее группируются вокруг великого князя Константина Николаевича. Они в правлении конституционном могли бы принести России величайшую пользу. Но самолюбие, честолюбие, тщеславие и ненасытимая жажда власти делают их врагами конституции и поборниками просвещённого деспотизма; по их словам, Россия не созрела до конституционного правления»⁷. Теперь Головнин мог быть спокоен: издатель «Будущности» снял с «константиновцев» нежелательные подозрения.

Но перед этим Александр Васильевич 14(26) ноября 1861 г. был вынужден коснуться вопроса о представительстве в беседе с императором. В ходе длинного и обстоятельного разговора он с разрешения великого князя рассказал не только о ходе работ в Морском министерстве, но и о своих беседах с кн. Долгоруковым. Настаивая на глубокой преданности великого князя как идее самодержавия, так и лично монарху, Головнин выбирал выражения особенно тщательно. При этом Александр II, услышав, что «дарование конституции даже самым мирным путём, волею самого государя, было бы для России большим несчастием, ибо повело бы государство к хаосу, анархии и военному диктаторству», заметил: «Тогда и случилось бы распадение». Головнин хорошо понимал, с какой неприязнью царь относился к перспективе ограничения своей власти, но последовательное проведение преобразований, напротив, её укрепляло, и «никогда ещё русский государь не был так могуч, как теперь, ибо миллионы крестьян и армия, состоящая из крестьян, обожают его вследствие освобождения крестьян, и достаточно, что крестьяне и солдаты вообразили, что помещики и офицеры сговариваются ограничить власть государя, чтоб крестьяне перебили первых, а солдаты перевязали бы последних». Во время беседы император дважды возвращался к мысли «о необходимости изменить у нас систему воспитания»⁸. Возможно, именно после этой аудиенции он решил заменить гр. Е. В. Путятину Головниным на посту министра народного просвещения⁹. Во всяком случае, уже в начале декабря Александр II сообщил о таком намерении вернувшемуся в Россию вел. кн. Константину Николаевичу.

Четыре с половиной года министерской деятельности Головнина (1861–1866) совпали с наивысшим взлётом «константиновцев» и началом их упадка. Для Головнина это было горячее время. Нужно было проводить комплексные реформы системы образования, только намеченные предшественниками, воплощать в жизнь тот стиль управления, который был выработан в Морском министерстве, налаживать связи с печатью, находить способы влияния на общественное мнение¹⁰. В переписке со своим патроном, занимавшим в 1862–

⁷ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. М., 1992. С. 348, 449–350.

⁸ РГАВМФ, ф. 224, д. 335, л. 175–176.

⁹ Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864 / Под ред. С. В. Мироненко. М., 2019. С. 333.

¹⁰ Подробнее см.: Стафёрова Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. С. 169–187, 287–301.

1863 г. пост наместника в Царстве Польском, он критически отзывался о настойчивых, но безуспешных попытках министра внутренних дел П.А. Валуева заинтересовать императора идеей объединённого общей программой правительства, опирающегося на выборное представительство. Головнин связывал подобные планы с надеждами дворянства на реванш после крестьянской реформы. Их осуществление, полагал он, повело бы «прямо к аристократической конституции, т.е. самому худшему образу правительства для России». По мнению Головнина, Валуеву была «нужна аристократия, ограничивающая Тамерлана и стоящая между царём и народом». Решительно дистанцируясь от этих замыслов, Александр Васильевич признавался 11 декабря 1862 г. великому князю: «Я не верю ни в какие конституции, если они не в нравах народа и не выработались исторически, а у нас ни народ, ни войско не поймут ограничения власти государя в пользу ненавистных баричей»¹¹.

Но в 1863–1864 гг. в письмах Головнина начинают звучать иные ноты. На него явно повлияли как неудачи либеральной политики вел. кн. Константина Николаевича в Царстве Польском, так и те изменения, которые происходили в России вследствие восстания 1863 г. В своих рассуждениях министр учитывал теперь не только позицию дворянства, войска и народа, но и наличие «общественности», в которой он усматривал серьёзную силу. Популярность статей М.Н. Каткова и одобрение публикой действий М.Н. Муравьёва в Северо-Западном крае и гр. Ф.Ф. Берга в Царстве Польском Головнин объяснял тем, что «общество желает участия в политических и административных делах и, не находя законного, правильно организованного средства, т.е. представительства, ищет этого участия другими путями и ошибается в выборе своих героев»¹².

Очень осторожно и постепенно Александр Васильевич приучал вел. кн. Константина Николаевича к мысли об изменении своего стойкого неприятия «конституционных затей». Суровые меры генерал-губернаторов в Вильно, Киеве и Казани, огромные полномочия наместника на Кавказе, неизбежно приводившие к злоупотреблениям, компрометировали в его глазах престиж самодержавной власти. При этих условиях Головнину казалось, что создание представительного учреждения позволило бы «ограничить произвол сатрапов», «ввести более законности в весь ход государственного организма, узнавать настоящие потребности и желания народа и общества и отвратить неправильные способы выражения этих желаний». Оно смогло бы также «предотвратить реакцию против произвола властей, который терпится теперь вследствие патриотического временного настроения». «Если б у нас была палата, — писал он 25 ноября 1863 г. великому князю, незадолго до этого уволенному с поста наместника, — то история с Вами не могла бы случиться, ибо Вы имели бы возможность публично оправдаться и защитить себя пред обвинениями со стороны общества». Кроме того, выборное представительство обеспечило бы более рациональное распределение расходов бюджета: «При существовании палаты не могло бы случиться, что при бюджете в 300 м[иллионов] р[ублей] тратится на народное образование 5 м[иллионов], вместо 30 м[иллионов], которые следовало бы давать по примеру других государств». Головнин не скрывал, что эти новые для него мысли «подрывают» его прежние убеждения¹³. Таким образом, «след-

¹¹ РГАВМФ, ф. 224, д. 336, л. 71–71 об.

¹² Там же, д. 337, л. 157–159.

¹³ Там же.

ствием Польского восстания была и корректировка Головным политической программы великого князя»¹⁴.

Но вел. кн. Константин Николаевич скептически воспринимал размышления своего сотрудника и друга, ответив ему, что «мы ещё не зрелы для центрального представительства»¹⁵. Головнин не спорил, но соглашался с оговорками: «Конечно, — писал он 5 января 1864 г., — следует ждать развития земских учреждений и большей образованности во всех сословиях, дабы не только дворянские, но и все другие интересы нашли в центральном правительстве своих представителей. До того времени, а это время придёт при следующем за нами поколении, следует переносить существующие неудобства и благодарить Провидение, что они не слишком значительны вследствие счастливой случайности, которая вручила власть нынешнему государю, а не другой личности. Но неудобства всё же велики». В этом убеждал Головнина и его собственный опыт: внося законопроекты в Государственный совет, где с 1865 г. председательствовал вел. кн. Константин Николаевич, он не раз сталкивался там с некомпетентной или неконструктивной критикой, и сетовал на то, что министр на заседаниях «является каким-то подсудимым, который будто обвиняется в преступлении, или каким-то зверьком, на которого только ленивый не нападает». Между тем как «в других государствах, когда министр представляет проект в палаты, его защищают все остальные министры, вся правительственная партия между членами, а нападает оппозиция. У нас все нападают, кроме спящих, и те, проснувшись, вотируют против проекта»¹⁶.

26 декабря 1865 г. Головнин размышлял в письме к кн. Н.А. Орлову о предполагаемом намерении Александра II «избрать первого министра и предоставить ему выбрать себе товарищей-министров, во всём согласных с воззрениями и системою этого первого министра». Александр Васильевич считал, что это «возможно только при палате представителей народа», а её образование казалось ему пока ещё преждевременным. При отсутствии же представительства «лица, несогласные с помянутыми воззрениями и системою, станут в оппозиции и будут критиковать все действия нового министерства, а критиковать куда как легко. Оппозиция, не имея правильного поля действий в парламенте, обратится в интригу». Поэтому до созыва выборных он предпочитал сохранить порядок, при котором «нет министерства, т.е. собрания администраторов, действующих по одной системе, одному плану..., но есть министры с самыми разнообразными взглядами и системами». Его преимущество заключалось в том, что хотя «теперь между министрами мало согласия, но зато разные мнения и разные взгляды свободно доходят до государя и он между ними выбирает»¹⁷. Соответственно главной гарантией реформаторского курса по-прежнему оставалась твёрдая позиция императора.

Отставка Головнина в апреле 1866 г. показала всю уязвимость его надежд на Александра II. Летом того же года подавленный своей неудачей сановник отдыхал во французском курортном городе Трувиле, где встречался с Ф. Гизо и А. Тьером, которого уверял в том, что ограничение самодержавия будет «не-

¹⁴ Шевырёв А.П. Между Варшавой и Петербургом: великий князь Константин Николаевич, А.В. Головнин и Польское восстание 1863 г. // Польское Январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши. М., 2014. С. 226.

¹⁵ ОР РНБ, ф. 208, оп. 1, д. 56, л. 17.

¹⁶ РГАВМФ, ф. 224, д. 338, л. 2, 42.

¹⁷ РГИА, ф. 851, оп. 1, д. 11, л. 165, 166.

своевременным и вредным для России», а её центральное представительство неизбежно окажется олигархическим. «При первом столкновении его с правительством, — предсказывал Александр Васильевич, — было бы достаточно роты гвардейского полка, чтоб арестовать представителей, разослать их по крепостям и восстановить автократию. Посему всякая попытка к введению в России конституции принесла бы более вреда, чем пользы». Но предположение, что если бы император считал конституцию полезной, то «сам даровал бы оную», вызвало у Тьера возражение: «Не верьте этому. Автократы все одинаковы. Они добровольно не расстанутся с властью»¹⁸. Впрочем, сам Головнин признавал, что мысли, высказанные им Тьеру, не выражали в полной мере его взглядов¹⁹.

В 1866 г. задумался о целесообразности привлечения выборных к законодательной деятельности и вел. кн. Константин Николаевич. Проект, который он готовил вместе с государственным секретарём кн. С.Н. Урусовым при участии Валуева, предусматривал создание при Государственном совете двух депутатских собраний, избираемых дворянством и земством²⁰. Со своей запиской великий князь ознакомил Головнина только в конце декабря 1866 г., уже после её представления Александру II. Александр Васильевич осторожно указал на то, что «предполагаемые в ней учреждения есть меч обоюдоострый», и рекомендовал её составителю прочесть появившееся к тому времени сочинение Б.Н. Чичерина «О народном представительстве», где «изложены все неудобства народного представительства в форме собраний совещательных»²¹. В этой книге московский правовед доказывал, что «от представительного собрания нельзя требовать, чтобы оно ограничивалось одною мыслью, не имея воли. Если правительство считает нужным собрать вокруг себя народное представительство, то последнему надобно предоставить и влияние на решение дел. Это тем более необходимо, что народное представительство непременно сознает себя независимую силу»²². Ссылаясь на данное мнение, Головнин, в сущности, с ним солидаризировался.

К этому времени в своих размышлениях он шёл уже гораздо дальше, чем вел. кн. Константин Николаевич. Об этом свидетельствует его записка «Разница в направлении государственной деятельности в первой и во второй половине нынешнего царствования», датированная мартом 1867 г.²³, и пространные мемуары, в которые он в конце 1860-х гг. включил разделы «Март 1867 г.» и «1868 г. Март. Апрель»²⁴. В них, как обычно, отстаивая принципы гласности и законности, Головнин пишет об ответственности самодержца и его ближайшего окружения и нарастающем недоумении своих современников, которым «приходилось предполагать: или что государь, подписавший совершившиеся преобразования, неясно представлял себе последствия оных, т.е. не понимал, что подписывает, или что в настоящее время ему представляют эти последствия в превратном виде и преувеличивают неудобства, составляющие непереносимое последствие всяких

¹⁸ Головнин А.В. Записки для немногих / Под ред. Б.Д. Гальпериной. СПб., 2004. С. 382.

¹⁹ Письма А.В. Головнина к Н.В. Ханькову // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 361.

²⁰ По словам современного исследователя, это был «гораздо более продворянский проект, нежели проект П.А. Валуева 1863 г.» (Воронин В.Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х — середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009. С. 102–103).

²¹ Головнин А.В. Записки для немногих. С. 400.

²² Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 99.

²³ ОР РНБ, ф. 208, д. 236.

²⁴ Головнин А.В. Записки для немногих. С. 411–427, 437–452.

реформ»²⁵. Его оценки звучали как никогда сурово и нелицеприятно: «В настоящее время очевидно, что государь сам ясно не знает, чего он хочет и чего должен хотеть, и выбирает министров не потому, что такой-то соединяет необходимые условия для достижения предположенной цели, а следуя разным влияниям, в числе коих большое влияние для удаления министров имеет пресса. Он берёт людей самых разнообразных взглядов и убеждений и оставляет каждого действовать по своему взгляду, доколе придворные интриги, доносы тайной полиции и газетные статьи не убедят его, что избранный не годится для должности, на которую назначен. Тогда он увольняется и так же легко берётся другой»²⁶.

Основные элементы программы, сформулированной им в 1867–1868 гг., Головнин высказывал и ранее: законность, веротерпимость, уменьшение административного произвола, расширение круга деятельности земских учреждений, упразднение III отделения Собственной е.и.в. канцелярии и Корпуса жандармов, развитие просвещения, сокращение непроизводительных расходов. Но теперь, помимо доброй воли царя, требовались «гарантии исполнения: призвание в Государственный совет депутатов от земских учреждений и свобода печати»²⁷. «Дабы все вышепоказанные меры могли быть приняты и осуществлены, — писал Александр Васильевич, — и дабы была гарантия в их прочности и постоянстве, необходимо: 1) дать свободу печати с отменой системы административных взысканий и с тем, чтобы уклонения печати или преступления её наказывались не иначе, как по суду присяжных и 2) присоединить к Государственному совету представителей земских собраний с полной публичностью прений, правом членов делать вопросы министрам и с тем, чтобы без согласия этого собрания не издавались и не изменялись законы и не утверждался бы государственный бюджет»²⁸. Следовало также «избрать одно лицо (например, государственного канцлера князя Горчакова), которому поручить составить единомышленное министерство», после чего «все доклады, представляемые государю отдельными министрами, обсуждать предварительно в собрании министров под председательством князя Горчакова и значительно уменьшить число дел, восходящих до государя». Этому правительству и предстояло, по мнению Головнина, «составить и внести в Государственный совет проект учреждения центрального народного представительства» с законодательными полномочиями²⁹.

В «Записках» Головнин пояснял, что мысль о представительных учреждениях неизбежно появляется «при виде необузданности, изменчивости и шаткости направления центрального правительства». Однако прочность конституционно-го правления могла быть обеспечена лишь «по мере того, что состав общества будет более и более изменяться, что покорные, равнодушные, хладнокровные люди прежнего времени будут сходить со сцены и заменяться людьми свежими, желающими самоуправления местного и участия в делах центрального правительства и готовыми на жертвования для достижения этих целей, по мере того будет прочнее охрана представительства народного. Невозможно предвидеть, когда оно у нас явится, но весьма желательно, чтоб это случилось без государственного переворота, без потрясений, без революции, ибо эти насильственные

²⁵ Там же. С. 437.

²⁶ Там же. С. 447.

²⁷ Там же. С. 420.

²⁸ ОР РНБ, ф. 208, д. 236, л. 19.

²⁹ Головнин А.В. Записки для немногих. С. 447.

способы преобразования формы правления слишком тяжелы для современников и требуют от них в пользу следующих поколений слишком больших жертв»³⁰.

Конечно, столь радикальный замысел остался необнародованным. Даже сам Головнин впоследствии к нему уже не возвращался. В 1877 г., размышляя о необходимых переменах, он предлагал только «присоединить к Государственному совету членов по выбору земств, сделав заседания Совета, подобно собраниям Сената, публичными»³¹. В «Записке о более существенных причинах распространения революционной пропаганды в России», написанной в апреле 1880 г., рекомендовалось реорганизовать Совет министров, «придав ему вполне значение ответственного перед государем императором кабинета»³². Вместе с тем Головнин продолжал обсуждать идеи представительства в многочисленных диалогах с разными лицами.

Таким образом, на эволюцию воззрений одного из наиболее ярких идеологов, принадлежавших к числу «константиновцев», заметно влияли как меняющиеся отношения с патроном и императором, так и горький опыт разочарований, приобретённый на государственной службе. Сначала он связывал успех желанных преобразований только с волей и решимостью монарха и поэтому видел в представительных учреждениях исключительно продворянский, тормозящий реформаторскую деятельность институт. Затем, по мере того как таяли его надежды на последовательность самодержца и уменьшалось былое влияние на великого князя, Головнин стал внимательнее присматриваться к пробуждающемуся обществу и поверил в способность выборных направлять правительственную деятельность в законные и предсказуемые рамки. В целом, проделанный им путь представляется весьма характерным для деятелей 1860-х гг., часто болезненно переживавших столкновение своих программных установок с реальной действительностью.

³⁰ Там же. С. 446.

³¹ Там же. С. 504.

³² *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 202.

Андрей Мамонов
Несостоявшийся идеолог «оттепели» М.П. Позен

Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
The failed ideologist of the «thaw» M.P. Posen

DOI: 10.31857/S0869568722040094, EDN: FZSKGK

Размышляя об «оттепели» середины 1850-х гг., А.П. Шевырёв справедливо указывает на то, что «её характерным признаком являлась неопределённость происходящего в тот переходный период, когда намерения только что вступившего на престол монарха ещё не были вполне понятны обществу». Эта обстановка позволяла надеяться на реализацию самых смелых и неожиданных проектов и замыслов. В историографии традиционно основное внимание уделяется мнениям, формировавшимся в столичных интеллектуальных кружках

и в эмиграции — в среде славянофилов и западников от М.П. Погодина до А.И. Герцена. Оставленное ими публицистическое, эпистолярное и мемуарное наследие настолько обширно, глубоко и богато, что поневоле пленяет и увлекает исследователей, диктует им свой взгляд на изучаемую эпоху и зачастую заслоняет от них всё, совершавшееся вне довольно малочисленного «образованного меньшинства». Мы до сих пор слышим преимущественно те «голоса из России», которые воспроизводились в Лондоне, у нас по-прежнему «Герцен под локтем» и Аксаковы на уме.

Однако, при всей ценности сочинений западников и славянофилов середины XIX в., составляющих золотой фонд русской общественной мысли, не следует забывать, что, оказывая влияние на читающую публику и в том числе — на «просвещённую бюрократию» среднего звена (сыгравшую затем ключевую роль в подготовке Великих реформ 1860–1870-х гг.), они всё же не являлись властителями дум ни широких слоёв провинциального дворянства, ни высшей аристократии, за исключением единичных её представителей, ни подавляющего большинства чиновничества, ни тем более — Александра II и его ближайшего окружения, определявших направление, цели и методы правительственной политики. Впрочем, во всех этих сферах тогда скорее ощущался острый дефицит идей (при заметном оживлении высказываний), нежели избыток хорошо продуманных и аргументированных позиций. Всё та же «неопределённость» сказывалась и здесь... По-своему ею пытались воспользоваться и те, кто выражал надежды и чаяния складывавшейся «общественности», и те, кому хотелось говорить от имени власти, будучи при этом не рупором и толкователем её воли, а идеологом и вдохновителем её действий.

К их числу принадлежал и М.П. Позен. Больше всего он известен как автор одного из первых проектов крестьянской реформы, рассматривавшихся в начале 1857 г., и как оппонент Н.А. Милютина и его единомышленников¹. Отчасти такое представление связано с попытками самого Михаила Павловича опровергнуть обвинения, выдвинутые против него на рубеже 1850–1860-х гг.² Между тем его записки 1855–1856 гг., оставшиеся неопубликованными³, свидетельствуют о том, что он отнюдь не ограничивался поисками решения крестьянского вопроса.

В правящих кругах Российской империи Позен был весьма оригинальной и незаурядной фигурой. Родившись в 1798 г. в семье врача и получив лишь домашнее образование, он отказался от иудаизма, принял лютеранское крещение и в 19 лет поступил на службу в Департамент народного просвещения, входивший тогда в состав «сугубого министерства» кн. А.Н. Голицына. В 1823 г.

¹ Подробнее о роли М.П. Позена в подготовке крестьянской реформы см.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984; *Литвинова Т.Ф.* «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 2019. С. 521–617. См. также: *Литвинова Т.Ф.* Прижизненная репутация и историографическая судьба М.П. Позена // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 4(4).

² С этой целью им были напечатаны «Бумаги по крестьянскому делу М.П. Позена» (Dresde, 1864), сразу же появившиеся и на французском языке: *Memoirs relatifs a l'abolition du servage en Russie.* Par M.P. Posen. Dresde, 1864.

³ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2509. В научных трудах эти тексты практически не рассматривались, в лучшем случае упоминалось об отдельных их положениях или давалась краткая характеристика всего комплекса: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 39–40; *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 30.

молодой чиновник, занимавший уже должность столоначальника, перевёлся в Министерство финансов (которое незадолго до того возглавил Е.Ф. Канкрин) и сравнительно быстро выдвинулся в начальники отделения, хотя современникам позднее казалось, будто «он долго там прозябал незамеченным»⁴. В начале апреля 1828 г. Михаил Павлович покинул финансовое ведомство и устроился чиновником для особых поручений при гр. А.И. Чернышёве, управлявшем с 1827 г. Военным министерством. По словам барона М.А. Корфа, «тут в самое короткое время он умел сделать самую блистательную карьеру. При тонком уме, живом воображении и хорошем перо, он тотчас завладел Чернышёвым, умел приобрести всю его доверенность и ещё в средних чинах был употребляем ко всем важнейшим мерам и особенно ко всем новым предположениям по Военному министерству». В мае 1832 г. его назначили старшим чиновником Военно-походной канцелярии императора, которой руководил гр. В.Ф. Адлерберг, друг детства Николая I. Теперь, сопровождая монарха, Позен (с конца 1834 по 1841 г. — управляющий канцелярией в чине действительного статского советника) «сам объявлял уже высочайшие повеления гр. Чернышёву». В 1836 г. царь пожаловал его в статс-секретари.

Но даже такое положение Михаила Павловича не удовлетворяло. «Оставайся он при одной службе, — писал Корф 17 февраля 1839 г., — и, может быть, эта милость и сила сохранились бы и росли по-прежнему, но он вздумал сделаться богатым, и этого завистливая толпа уже не вытерпела. Ещё в меньшее время, нежели надобно ему было для создания своей карьеры, он создал себе огромное состояние. По словам его, которые и мне кажутся правдоподобными, ему посчастливилось несколько смелых спекуляций, участие в золотых промыслах, в винных откупах и пр[оч]. Но многочисленные враги и завистники тотчас обратили обогащение его в сильнейшее против него орудие, приписали оное злонамеренному употреблению власти, нашли неприличие даже в тех его операциях, которые общее мнение дозволяет каждому, и, не умев повредить репутации его ума и дарований, успели очернить его характер не только в глазах публики, но и самого государя, которого милость к нему с тех пор быстро уменьшилась. Имя Позена теперь приобрело чрезвычайную популярность во всех классах, но в дурном смысле: вельможи и сильные считают каким-то тоном аффектировать к нему высшее презрение, а маленькие и слабые довольствуются завистью, злословием и беспрестанным рассеиванием на его счёт нелепых, но тем не менее остающих вредное впечатление слухов»⁵.

Позен жил тогда «довольно открыто на Мойке (близ Синего моста) в собственном доме»⁶, давал балы и обеды, приобрёл «знаменитую и великолепную дачу покойной барина Пашкова», и теперь, проезжая по Петергофской дороге, Николай I всякий раз видел столб с указателем «Дача. Приют статс-секретаря Позена»⁷. Корф, считавший Михаила Павловича, «по виденным... не раз опытом, человеком добрым, благонамеренным и даже благородным», в феврале 1839 г. был уверен, что «блистательная его карьера уже кончилась» и «для него не воссияет уже никогда солнце милости». В этом убеждало и то, что сам «По-

⁴ Корф М.А. Дневники 1838 и 1839 гг. / Публ. И.В. Ружицкой. М., 2010. С. 283. См. также: Давидович И. Позен Михаил Павлович // Русский биографический словарь. Т. Плавильщиков—Примо. СПб., 1905. С. 265–266.

⁵ Корф М.А. Дневники... С. 283–284.

⁶ Из воспоминаний А.А. Харитонова // Русская старина. Т. 41. 1894. № 2. С. 101.

⁷ Корф М.А. Дневники... С. 284, 443.

зен давно уже поговаривает об отставке»⁸. Однако вместо намечавшегося, казалось, падения в судьбе статс-секретаря начался новый взлёт. В 1839—1840 гг. за подготовку преобразований на Кавказе и работу над «Сводом военных постановлений» он получил без соблюдения установленного срока ордена Св. Анны 1-й ст. и Св. Владимира 2-й ст., в 1842 г. был произведён в тайные советники и в том же году назначен управляющим временным VI отделением Собственной е.и.в. канцелярии, которое занималось закавказскими делами и фактически подчинялось кн. Чернышёву. При этом к 1843 г. Позен хотя и в присутствии князя, но уже представлял императору собственные доклады⁹.

А.А. Харитонов, служивший в VI отделении, полагал, что «Позену готовилась... блестящая будущность, потому что государь Николай Павлович знал его близко, любил его доклады и высоко ценил его способности; в обществе предвидели в нём будущего министра финансов, чего и сам Канкрин опасался, употребив все старания к тому, чтобы Позен не заступил его место»¹⁰. Со своей стороны, Фишер утверждал, что «когда Чернышёв своею пронырливостью и бесстыдно-ловким пером Позена проложил себе дорогу к государю, начались проекты и преобразования, которых заднею мыслью была систематическая нажива на казённых заготовлениях». При этом «проекты Позена с изумительною наглостью были названы в докладах и положениях “мыслями, преподанными Вашим императорским величеством”, и под этою фирмою они не могли уже подвергаться той резкой критике, какой заслуживали»¹¹.

Катастрофа надвигалась медленно, но разразилась внезапно. Ещё весной 1843 г. Михаил Павлович, всё более тяготившийся опекой со стороны кн. Чернышёва, был освобождён от занятий по Военному министерству «великолепным рескриптом, в котором ему воздаётся хвала за все его подвиги»¹². Тем временем новым покровителем статс-секретаря стал гр. А.Ф. Орлов, с сентября 1844 г. возглавлявший III отделение Собственной е.и.в. канцелярии. Он «не доверял во многих случаях управлявшему этим отделением генералу Дубельту и нуждался в хорошем сотруднике по некоторым важным делам, которые тогда поручались шефу жандармов. Таким сотрудником явился Позен, к которому гр. А.Ф. Орлов начал обращаться за советом и содействием, как лицу, знакомому со вкусами и взглядами государя на внутреннюю политику и притом владеющему хорошим пером. Кончилось тем, что всеподданнейшие доклады по важнейшим делам, имевшим государственное значение, составлялись им, Позеном, так сказать, инкогнито и подносились государю от графа Орлова как его собственные»¹³.

Одновременно, надеясь отстранить военного министра от кавказских дел, Позен, воспользовавшись тем, что Николай I искал замену А.И. Нейдгардту, командовавшему войсками на Кавказе, предложил послать туда гр. М.С. Во-

⁸ Там же. С. 284. См. также: Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 343. В мемуарах (точнее, в выдержках из дневника, представленных царю в 1857 г.) барон не только сохранил, но ещё более усилил комплиментарную оценку Позена словами «умный, даже необыкновенно умный». О мемуарах Корфа см.: Долгих Е.В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М., 2006. С. 36.

⁹ Корф М.А. Дневник. Год 1843 / Публ. И.В. Ружицкой. М., 2004. С. 98.

¹⁰ Из воспоминаний А.А. Харитонова. С. 107.

¹¹ Записки сенатора К.И. Фишера // Исторический вестник. Т. 112. № 5. С. 430—431.

¹² Корф М.А. Дневник. Год 1843. С. 229.

¹³ Из воспоминаний А.А. Харитонова. С. 108. Со своей стороны, в 1844 г. Позен объяснял подчинённому, «что таким лицам, как граф А.Ф. Орлов, не отказывают ни в чём» (Там же. С. 102).

ронцова, предоставив ему широкие полномочия и статус наместника. Император с радостью согласился и «удивлялся даже, как он сам прежде всего не остановил на нём своего внимания»¹⁴. Михаил Павлович явно не ожидал от такой комбинации подвоха, ведь ранее, будучи в Петербурге, граф, не боясь скомпрометировать себя в высшем обществе, ездил к нему на дачу, дабы поздравить с днём рождения¹⁵.

Однако в январе 1845 г. гр. Воронцов внезапно придал небольшому разногласию о редакции рескрипта, очерчивавшего его права в крае, политическое значение и характер нанесённого ему будто бы личного оскорбления, исключавшего в дальнейшем возможность их совместной службы с Позеном. Кн. Чернышёв, похоже, не без удовольствия отступился от бывшего сотрудника. Император, узнав о случившемся, отказался принять своего статс-секретаря. Напрасно графы Орлов и Адлерберг, к которым сразу же обратился Позен, советовали ему «перенести с твёрдостью минутное неудовольствие государя». Послушавшись гр. А.А. Закревского, Михаил Павлович решил подать в отставку, даже не объясняя «никаких побудительных причин». Неудивительно, что Николай I, не допуская подобных демаршей (что испытал на себе в 1831 г. и гр. Закревский), «остался недоволен таким холодным прощением и написал резолюцию твёрдым карандашом: уволить»¹⁶. По мнению Корфа, царь мог усмотреть в данном поступке статс-секретаря либо «оппозицию», либо «неблагодарность», которая «в понятиях и чувствах императора Николая была самым чёрным из всех пороков»¹⁷.

Разумеется, неожиданная опала высокопоставленного чиновника вызвала в обществе «бесконечные толки». Но, как отмечал общавшийся с Позеном А.В. Никитенко, «дело между тем очень просто объясняется пословицей: “два медведя в одной берлоге не могут жить”». Позен настолько умен и сознателен, что не мог занимать важное место без влияния, а граф Воронцов не мог допустить, чтобы между ним и государем состоял посредником умный человек»¹⁸.

Пожив немного в столице, Позен решил заняться своими поместьями в Полтавской (более 4 тыс. крепостных) и Московской (свыше 1,5 тыс. крестьян) губерниях. Там он вновь проявил предпринимательские способности, создавал хлебные магазины, устроил на свои средства «крестьянский банк», развивал кустарные промыслы, стал крупнейшим сахарозаводчиком Полтавщины¹⁹. Корф, видимо, уже в 1850-е гг. (когда им делались для императора выписки из дневника) отметил, что Михаил Павлович «совсем переселился в полтавское своё имение, которое вскоре довёл до самого цветущего состояния, приобретя с тем вместе общее в крае уважение»²⁰. Всё это укрепляло репутацию «полтавского помещика Позена» в Петербурге, куда он, несомненно, собирался вернуться.

¹⁴ Там же. С. 104.

¹⁵ Записки сенатора К.И. Фишера // Исторический вестник. Т. 111. № 2. С. 449; Т. 112. № 5. С. 435.

¹⁶ Из воспоминаний А.А. Харитоновой. С. 105–107. См. также: Воспоминания М.П. Щербина // Русский архив. 1876. № 11. С. 301–302.

¹⁷ Корф М.А. Записки. С. 343–347.

¹⁸ Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т. 1. Л., 1955. С. 287.

¹⁹ Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда»... С. 483–485, 491, 533–536.

²⁰ Корф М.А. Записки. С. 346.

Крымская война, казалось, устраняла на его пути все препятствия. В 1854 г. кн. Воронцов покинул Кавказ, поражения в Крыму дискредитировали кн. Меншикова, вынудив его отойти от активной государственной деятельности. 18 февраля скончался Николай I. Наиболее влиятельными советниками нового монарха стали давние покровители Позена — графы Орлов и Адлерберг (к тому времени уже министр императорского двора). Заметно укрепились также позиции Я.И. Ростовцева, с которым Михаил Павлович был дружен даже после отставки. В Москве в начале апреля о бывшем статс-секретаре вновь заговорили как о будущем министре финансов²¹.

7 мая 1855 г., явно желая напомнить о себе и блеснуть, как прежде, пером, Позен составляет программную записку «О предметах государственного управления, требующих ближайшего внимания самодержавной власти». Любопытно, что в ней отнюдь не драматизировались обстоятельства военного времени. Похоже, сильного впечатления на автора они не произвели и представлялись ему чем-то преходящим. Он словно бы смотрел поверх текущих событий. «Тайна внутренней политики, — писал Михаил Павлович, — заключается в том, чтобы действиями правительства возбудить и утвердить в народе: любовь к государю; доверие к властям, от него постановленным; уважение к закону»²².

Примером успешного решения этих задач Позен считал действия Екатерины II. Прославляя её «ангельскую доброту, справедливость, доступность, умение выбирать и ценить людей и самое тёплое сочувствие к нуждам народным», автор напоминает, что и в то время случались «ошибки» и «бедствия», велись «изнурительные войны» и вводились «тяжкие налоги», однако и через 50 лет «память о ней живёт с любовью и благодарностью в сердцах всех русских и все считают её царствование золотым веком России». Разумеется, столь идиллическая картина имела весьма опосредованное отношение к реалиям прошлого (как и к чувствам подавляющего большинства населения). Но с её помощью изначально менялся символический исторический образец. Для николаевского царствования таковым всегда оставался Пётр I — сурово казнящий «буйного стрелца» или недостойного сына «вечный работник» со «всеобъемлющей душой», лично направляющий «бег державный» и прикованный чувством долга к «рулю родного корабля». И, напротив, было известно, что «покойный государь Николай Павлович враждебно относился к памяти своей бабки» и даже «не любил, чтобы при разрешении государственных вопросов делались ссылки на указы или распоряжения Екатерины»²³. Скорее всего, Позен сознательно смещал акценты, и набор качеств, приписанных «эталонной» императрице, также не был случайным. Но не исключено, что при обращении к Екатерине учитывались и другие аллюзии. Ведь пушкинское поколение, к которому принадлежал и Позен, не забывало, что «попали в честь тогда Орловы»... Мостик между эпохами перебрасывался естественно и непринуждённо.

«Доверие к власти» в записке предлагалось обеспечить «хорошим выбором лиц», не только имеющих «ум и сердце», но и помнящих, что «они поставлены государем для народа, а не народ для них», чуждых «самовластия, произвола, пристрастия» и т.п. Уважение к законам достигалось «величайшею осмотрительностью» при их издании, «равною обязательною силою для всего народа»,

²¹ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / Публ. Т.Ф. Пирожковой. М., 1994. С. 335.

²² ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2509, л. 1.

²³ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Под ред. В.Г. Чернухи. СПб., 2005. С. 339.

способностью обеспечить «каждому подданному личную безопасность и неприкосновенность собственности». Требовалось также, чтобы они «истекали не из отвлечённых теорий, а основывались на современном состоянии нравов»²⁴.

Однако, указывал Позен, «прежде всего необходимо, чтобы во всех основных распоряжениях правительства были система и единство, дабы народ постигал дух управления» и не опасался произвола, который «чрезвычайно усилился» после «упразднения коллегий и введения министерского порядка управления». Именно тогда «законы, часто издаваемые и пополняемые, потеряли силу», а «всякое сопротивление» стало отождествляться с «государственной изменой». Со своей стороны, Михаил Петрович утверждал: «Одни безумцы могут полагать, чтобы в нынешней России был возможен какой-нибудь другой порядок управления, кроме самодержавного. Все мы глубоко убеждены, что пространная, разноплеменная и разнородная Россия должна управляться сильною рукою самодержавия; но, благоговей перед самодержавием в священной особе монарха, каждый желает однако, чтобы власти, посредствующие между государем и народом, действовали не иначе, как в законе и под строгим контролем». Между тем «на практике» не только министры и генерал-губернаторы, но и низшие чиновники, по наблюдениям автора, ничем себя не ограничивали. В результате, «каждый теснит того, кто ему по силам», а «вся тягость самовласти обрушивается на людей бедных и незащищенных, именно на большую массу народа». И это лишь облегчалось возможностью испрашивать высочайшие повеления «по предметам самым мелочным, недостойным внимания монарха», но «самым стеснительным для народа»²⁵.

Позен был уверен в необходимости «для поддержания власти самодержавной во всём могущественном её достоинстве» оставить в ведении монарха «одни важные предметы управления» и не выставлять его «грозою для народа», сделав исключительно «эмблему правоты, кротости и милосердия», так, чтобы «во всех делах карал и преследовал закон, а миловал государь». Но на это, естественно, не приходилось рассчитывать при «настоящем, разобщённом порядке министерского управления». Решительно отвергалось в записке и «крайне ошибочное» мнение, будто «для водворения единства в действиях» нужно наделить соответствующими функциями главу правительства. Позен настаивал на том, что «должность первого министра несколько не свойственна самодержавному порядку управления и, конечно, может произвести более зла, чем добра». По его словам, «истину эту во всей силе постигал» Николай I, который «во всё своё царствование не только не соединил всей исполнительной власти в одном лице; но, сколько известно, всячески устранял вмешательство и влияние одного министра на часть другого». Вместо этого для «сосредоточенного надзора» была учреждена Собственная е.и.в. канцелярия, хотя в силу обстоятельств второй половины 1820-х гг. она и не получила «прочного, систематического устройства»²⁶.

Именно этому институту Позен предлагал дать самое широкое развитие, превратив его, по сути, в ключевой элемент государственного управления. Императору рекомендовалось образовать «под своим ближайшим направлением»

²⁴ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2509, л. 1–2.

²⁵ Там же, л. 2–3.

²⁶ Там же, л. 3–4. Как писал Позен, «она устроилась первоначально и потом распространялась случайно, по мере представлявшейся настоятельности в скорейшем приведении в порядок той или другой части» (Там же, л. 5).

две канцелярии — военную и гражданскую, сосредоточив в них «важнейшие предметы». Так, в ведении Гражданской канцелярии находился бы «личный состав управления, или часть инспекторская» (включая наблюдение за служащими «с той минуты, когда чиновник, выйдя из разряда канцелярского, становится действующим лицом в механизме управления»). Ей же поручалось обеспечить «общее направление действий высших управлений» и надзор за центральными и губернскими учреждениями, а также принимать «жалобы и прошения по делам административным и тяжёлым»²⁷.

Это позволило бы, как считал Позен, устранить недостатки существующей системы, при которой «каждое министерство и управление действует по особому им принятому плану, а часто и без всякого плана», что вызывает конфликты не только между ведомствами, но и внутри них²⁸. К тому же «особого надзора за действиями лиц и мест высшего управления не установлено», отчёты их «не подвергаются взаимному сличению и проверке», а «самые проекты новых постановлений нередко составляются людьми весьма мало опытными, которые вводят в наше законодательство постановления, по духу и форме явно противные основным началам государства самодержавного». Ссылаясь на опыт VI отделения, Позен указывал: «В отвращение сего необходимо принять правилом, чтобы всё то, что должно быть издано в виде закона, соображалось предварительно под непосредственным высочайшим надзором в общих государственных видах и после поступало на дальнейшее рассмотрение куда следует»²⁹.

Гражданская канцелярия могла бы также «приблизить губернские управления к самодержавной власти и подчинить их непосредственному высочайшему надзору, по крайней мере по общему ходу управления». Тем самым изменилась бы ситуация, когда «самое звание губернатора, прежде столь почётное, потеряло значение», и «губернатор из лица самостоятельного и ответственного сделался простым чиновником министерства». Вместе с тем следовало «упразднить вовсе звания генерал-губернаторов во внутренних губерниях, а оставить только в одних пограничных»³⁰.

Критикуя Комиссию прошений, которая после преобразования в 1830-е гг. «образовала какую-то особую инстанцию», чьи решения «не считаются уже исходящими прямо от государя», Михаил Павлович писал: «Полезно, чтобы рассмотрение просьб было сосредоточено в собственной Канцелярии его императорского величества, с одной стороны, для того, чтобы открыть подданным в крайних их нуждах ближайший путь к престолу, а с другой, и потому, что внимательным рассмотрением просьб и систематическим соображением предметов, по которым просьбы поступают, власть самодержавная ближе всего может узнать нужды народа, видеть, как идёт управление и как отправляется суд». Правда, он не уточнял, как при неизбежном наплыве просителей и запутанности их дел канцелярия сможет избежать повторения судьбы той же Комиссии прошений, при том, что «порядок приёма просьб на высочайшее имя останется

²⁷ Там же, л. 6–11.

²⁸ «Сенат, Комитет министров и Государственный совет, — отмечалось в записке, — не могут отратить этого вредного противуречия, потому что и они рассматривают новые законодательные и административные меры не в общей связи и не в систематическом порядке, а по мере того, как доходят до них разные случаи» (Там же, л. 7).

²⁹ Там же, л. 7–8.

³⁰ Там же, л. 8.

ныне существующий», а их рассмотрение будет производиться «каждый раз по высочайшим назначениям»³¹.

Естественно, новые задачи требовали реорганизации сложившихся структур. Гражданскую канцелярию предполагалось образовать из четырёх отделений. К первому из них переходили функции I отделения Собственной е.и.в. канцелярии и Инспекторского департамента (исключая «взыскание податей и дела арестантские»), но они существенно расширились и включали бы теперь не только «содержание верных сведений о высших чинах гражданского ведомства от I до 5 класса включительно», но и «назначение к должностям по министерскому управлению от начальников отделений и выше, а по губернскому от прокуроров и выше», «производство в чины за выслугу лет и за отличие», «предварительное соображение предположений министерств и главных управлений по изданию новых и изменению существующих штатов», «награды орденами, деньгами и проч.»³².

Дела II отделения Собственной е.и.в. канцелярии подлежали передаче в Департамент законов Государственного совета, а на второе отделение Гражданской канцелярии возлагалась ответственность за «общее направление действий высших установлений по указаниям самодержавной власти». В частности, ему поручалась «поверка ежегодных отчётов министерств и главных управлений о действиях их, сличение отчётов каждого министерства с другими и с собственными его отчётами за прежние годы», «наблюдение за успехом выполнения представляемых министрами ежегодных планов или отчётов о видах», «дела по ревизии высших установлений»³³.

Причиной создания III отделения Собственной е.и.в. канцелярии в своё время стало, по мнению Позена, «преступное движение нескольких буйных голов». «Нет сомнения, — писал он, — что в общей системе государственного управления нужна и хорошо устроенная тайная полиция; но нет ни надобности, ни пользы, чтобы дела эти были так близки священной особе монарха и чтобы народ думал, что они направляются самим государем. Всего удобнее передать эти дела просто в управление шефа жандармов, а III отделение канцелярии назначить для дел по губернскому управлению». К их числу относилось бы «рассмотрение и поверка губернаторских отчётов», а также проведение ревизий. Во главе данного подразделения Позен видел «одного из лучших губернаторов»³⁴.

На четвёртое отделение возлагалось ведение переписки «по жалобам и прошениям», тогда как «для дел воспитательных и благотворительных» создавалась бы некая «особенная канцелярия его величества». V отделение Собственной е.и.в. канцелярии упразднялось, поскольку «давно кончило своё дело и неизвестно, для чего оно существует»³⁵.

Возглавлять Гражданскую канцелярию должен был статс-секретарь, а её отделения — статс-секретари или их помощники («не ниже 4 класса»); также при ней состояли бы «несколько статс-секретарей для исполнения особых поручений». При этом оговаривалось, что «управляющий Канцеляриею не имеет лично никакой власти. Он есть ближайший секретарь государя императора и не делает ничего без предварительного высочайшего соизволения».

³¹ Там же, л. 8–10, 15.

³² Там же, л. 13.

³³ Там же, л. 14.

³⁴ Там же, л. 5, 14–15.

³⁵ Там же, л. 15.

Дополнительных расходов на намеченную реформу, по расчётам Позена, не предусматривалось³⁶.

Одновременно им задумывалась трансформация Военно-походной канцелярии в независимую от министерства Канцелярию по военной части «из двух отделений: 1) по делам военно-сухопутного управления; и 2) по делам морского ведомства». В ней «сосредоточивались бы секретные сведения о высших лицах», а также «протесты высших начальников войск против распоряжений самого министра». Там же «хранились бы и поверялись его отчёты о действиях министерства и планы управления». Во главе её находился бы генерал-адъютант, не имевший лично «никакой власти», а все генерал-адъютанты, генералы Свиты его величества и флигель-адъютанты «считались при этой канцелярии»³⁷.

В целом, это был стройный, но более чем фантастический план (особенно для военного времени), предусматривавший, по сути, создание параллельной администрации, контролирующей ведомства и даже руководящей ими. Попытка его реализации неизбежно парализовала и дезорганизовала бы министерскую систему. Впрочем, достаточного числа людей, необходимых для такого эксперимента, скорее всего, просто бы не нашлось. Однако размышления автора записки указывали на проблему, стоявшую тогда перед его высокопоставленными читателями: кто и как будет контролировать и направлять бюрократический аппарат после того, как Николая I с его авторитетом и волей не стало? Характерно, что записка готовилась, по-видимому, изначально для графов Орлова и Адлерберга, пользовавшихся огромным влиянием, но стоявших несколько в стороне от наиболее крупных министерств и смутно представлявших себе их работу.

Так или иначе, Позену удалось обратить на себя внимание. Неизвестно, когда и как его сочинение попало к царю, но оно сохранилось среди бумаг, им точно прочитанных. Более того, вечером 9 января 1856 г., в напряжённой обстановке ожидания начала переговоров о мире или возобновления боевых действий, Александр II принял Позена, с которым толковал «о внутр[еннем] сост[оянии] России], опас[ности] от славян — и направ[лении] граж[данского] воспит[ания] в универ[ситетах] — об освоб[ождении] крест[ьян] и финан[совых] мер[ах]»³⁸. Похоже, разговор ободрил Михаила Павловича, и уже 16 января император «чит[ал] интер[есную] зап[иску] Позена»³⁹. Трудно сказать, было ли это рассуждение «О предметах государственного управления» или иной, несохранившийся текст, но с середины января до конца февраля Позен подал монарху ещё одну рукопись (на этот раз без названия). В ней содержались краткие советы об объявлении мира особым манифестом, о расформировании ополчения и шести казачьих полков, о роспуске по домам всех отставных и бессрочноотпускных солдат, об упразднении всех штабов командующих армиями, за исключением Кавказа и Царства Польского, о продлении телеграфных линий, «назначении новой народной переписи» и т.д. Но основное внимание уделялось плану строительства железной дороги между Одессой и Москвой при помощи как «наших банков» и частных компаний, так и расквартированных

³⁶ Там же, л. 12–13, 16.

³⁷ Там же, л. 11–12.

³⁸ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 310, с. 3. Столь развёрнутая характеристика разговора делалась им лишь в исключительных случаях.

³⁹ Там же, с. 6.

на юге войск (их силы, в частности, предлагалось использовать на участке от Одессы до Кременчуга)⁴⁰.

Масштаб задуманного впечатлял, но Позен на этом отнюдь не останавливался. 10 марта, пользуясь предоставленным ему правом посылать свои соображения непосредственно императору, он завёл в письме речь о «необходимости, прежде приступа к мерам улучшения по всем частям государственного устройства, определить систему всех предполагаемых улучшений», а 7 апреля направил Александру II пространную «записку о способах определения и о сущности этой системы». Решая столь претенциозную задачу, Михаил Павлович заявлял, что не имеет никаких амбиций и честолюбивых помыслов. «Расчёты мои с миром давно кончены, — уверял он царя в сопроводительном письме, — долг к отечеству честно выполнен почти тридцатилетнею трудовою службою, семейство устроено, дела в порядке». Однако именно это парадоксальным образом превращало его прожектёрство в своего рода миссию: «Может быть, Богу угодно было продлить мою жизнь только для того, чтобы исполнить святой долг к государю, принявшему бремя правления в столь тяжких обстоятельствах»⁴¹.

Позен исходил из того, что «положение государства не может быть упрочено частными, случайными мерами улучшения. Необходимо определить твёрдую систему для всего государственного устройства и затем для осуществления этой системы предпринимать постепенные меры улучшения, не ломая ничего и не допуская никаких крутых переворотов». Впрочем, как полагал автор записки, и ломать было нечего, поскольку «в настоящее время у нас нет системы». Она была у Петра I (хотя и «не без погрешностей») и у Екатерины II. Александр I, «увлечённый духом времени», попытался осуществить «такие преобразования, для которых Россия далеко не созрела тогда, да не готова и теперь». Ему это не удалось, но учреждение министерств и Государственного совета, не соответствовавшее «ни духу основных законов наших, ни формам среднего и низшего управления, оставленным без изменения», вызвало «совокупно с другими причинами... то расстройство, в котором нашёл государство» Николай I. Убедившись «в необходимости определить общую систему государственного устройства», он не сумел этого достичь. Напротив, «правительство начало издавать закон за законом... без связи в целом, без гармонии в частях, иногда и без практического взгляда на возможность исполнения». Административная система разрасталась и усложнялась: «Каждому захотелось действовать, иметь влияние. Отсюда излишняя централизация, вредное многоделие и всемертвящие формализм и механизм». В ведомствах, действующих совершенно бесконтрольно, часто «с переменою главного лица изменяется и система», в высших комитетах важнейшие дела оставлены «на произвол безответственных канцелярий»⁴².

Для «определения и начертания системы» Позен на этот раз предлагал учредить под председательством царя комитет из всех министров, главноуправляющих и некоторых других «сановников» для рассмотрения «общего обзора состояния вверенной каждому части», «обзора недостатков, существующих по вверенной каждому части», «системы, которой каждый предполагает следовать по своему управлению, и цели, к которой он полагает вести», а также «программы предполагаемых им в этой системе улучшений, изменений и преоб-

⁴⁰ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2509, л. 55–64.

⁴¹ Там же, л. 66–67.

⁴² Там же, л. 17–24.

разований, с указанием и порядка, в каком меры эти будут следовать одна за другою». В результате их обсуждения на 10–12 заседаниях в течение полугода надо было «начертить из них одну общую систему и общую программу всех необходимых улучшений». В дальнейшем самодержцу оставалось бы только наблюдать за её исполнением по отчётам⁴³.

При этом полностью исключалось «изменение в чём-нибудь основной идеи государственного устройства», которая «должна остаться неприкосновенною; но её надобно уяснить, провести через все фазы правительственной деятельности и положить в основание всех правительственных мер: по законодательству, внешней политике и внутреннему управлению». «Основная идея государственного устройства нашего, — писал Позен, — есть: по вере — православие и веротерпимость, по форме правления — самодержавие, по правам состояний — разделение народа на сословия, порождённые историческим развитием нашим. Простые эти начала выражались в последнее время словами: православие, самодержавие и народность». Однако эти понятия нуждались в уточнении, поскольку нередко использовались превратно. Так, «во имя православия допускались гонения, притеснения и насильственные обращения», а «в видах мнимого охранения самодержавия» — «произвол и самовластие лиц исполнительных», «наконец, под предлогом народности развились у нас идеи самые утопические, с примесью коммунизма и социализма»⁴⁴.

По мнению Позена, православие «как господствующая вера» нуждалось в защите «от всякого отступничества и вторжения ересей». Но и «другие вероисповедания пользуются свободою и покровительством закона», даже «секты, прежде возникшие и не противные гражданскому устройству нашему, терпимы», а «обращение в православие иноверцев и сектаторов... должно быть чисто духовное, не насильственное и не вынуждаемое приманками земных благ»⁴⁵.

Рассуждая о самодержавии, Позен утверждал, что «оно осуществляется только в священной особе монарха», в руках которого «сосредотачивается власть законодательная и исполнительная без всякого ограничения». Но она «принадлежит ему как помазаннику Божьему» и «никогда не передаётся подданному, какого бы он ни был высокого звания и достоинства», а «все орудия, самодержавием употребляемые, действуют в назначенных пределах, не отступают от закона, дают отчёт в своих действиях и подлежат за них ответственности». Поэтому «к разрешению самодержавной власти» Позен относил «только главные и высшие вопросы»⁴⁶.

В число «главных начал», между «самодержавием» и «народностью», Позен включал «человечество». «Прежде чем думать о народности, — полагал он, — надобно, кажется, позаботиться о человечестве. Во всех правительственных мерах прежде всего должно быть уважено достоинство человека. К его благу, частному и общему, должны быть устремлены все действия правительства». Вместе с тем именно «устанавливаемая система должна показать ясно, в чём именно заключается наша народность». Михаил Павлович настаивал на том, что «тут не должно быть места никаким отвлечённостям» и «не следует также слишком увлекаться отдалёнными историческими преданиями». Со своей стороны, он считал, что «народность наша заключается в вере, форме правления,

⁴³ Там же, л. 25–27.

⁴⁴ Там же, л. 27–28.

⁴⁵ Там же, л. 28–29.

⁴⁶ Там же, л. 29.

языке, нравах, а частью даже и в обычаях» и «эти главные и отличительные свойства нашей народности должны быть охраняемы и правительственными постановлениями»⁴⁷.

Опираясь на эти «главные начала» («веру, самодержавие, человечество и народность»), правительству предстояло обеспечить как «внутреннее благосостояние» империи, так и её «внешнюю безопасность». О дипломатии и организации войск Позен писал бегло и глухо, указав только на необходимость «определить соразмерность между военными силами морскими и сухопутными», выяснить, насколько целесообразно «содержать значительный военный флот и важные приморские укрепления», и предложив продумать, учитывая «опыт последней войны», численность, состав, способы комплектования и обеспечения армии и т.п.⁴⁸

Программа «внутреннего благоустройства» развивалась гораздо подробнее. Прежде всего отмечалось, что «законы наши, определяющие права состояний, требуют пересмотра и усовершенствования». Причём особое внимание следовало уделить нуждам «низшего сословия — поселян», половина которого, «помещичьи крестьяне», «почти не имеет никаких гражданских прав». Позен констатировал, что «прежняя идея патриархальности устарела и уступила место убеждению в крайней нравственной несправедливости этого порядка вещей», изменения которого желают «не одни крестьяне, но и многие помещики». При этом «крепостное право лежит тяжким бременем на всём государственном устройстве нашем»: «навлекает на нас справедливые упреки всех образованных народов», позволяет «волновать крестьян и возбуждать беспорядки», «мешает успехам ума и талантов», вредит «вере и нравственности». Поэтому признавалось желательным, «чтобы... в системе правительства было предположено уничтожение крепостного права и предписано изыскать удобные основания для исполнения сего, вдруг или хотя постепенно, во всяком однако же случае мерами лёгкими, без общего потрясения и без разорения для дворянства»⁴⁹.

Беспокойство вызывало также отсутствие «общей системы народного просвещения» при наличии собственных училищ у всех министерств. Для координации их действий Позен предлагал «образовать особую комиссию из главных лиц, заведывающих учебною частью по ведомствам духовному, гражданскому и военному, и нескольких посторонних особ». Основная задача образования сводилась им к тому, чтобы получивший его «сделался хорошим гражданином в смысле русского гражданского устройства». В записке также намечалось «усовершенствование» судебных учреждений (которые «должны иметь основанием русскую жизнь и русские нравы») и «облегчение самого судопроизводства», говорилось о назревшем «соединении тайной и явной полиции в одно отдельное высшее управление»⁵⁰.

Характеризуя положение различных отраслей экономики и обстоятельства, мешающие их росту (крепостное право, косвенные налоги, «отсутствие частного кредита, вследствие неудовлетворительного состояния частей судебной и полицейской»), Позен доказывал, что, несмотря на возможность и необхо-

⁴⁷ Там же, л. 29–30.

⁴⁸ Там же, л. 30–32. Особо упоминались при этом только военные поселения, которые «если теперь ещё не вредны, то, конечно, бесполезны», и кантонисты, представляющие «бремя для государства» и «рассадник пролетариев» (Там же, л. 32).

⁴⁹ Там же, л. 32–36.

⁵⁰ Там же, л. 37–43.

димось технических заимствований, «промышленность наша должна быть чисто русская и основываться на том, чтобы развить внутреннее благосостояние и поставить себя и в этом отношении в наименьшей зависимости от других государств». Более того, «и финансы наши должны быть устроены на началах чисто русских. Подати и налоги должны быть строго применены к общему устройству сословий, несущих эти повинности, и к выгодам промышленности, а система денежная и кредитная должна иметь в основании обширность государства, промышленные его способы, нравы жителей и форму правления». Михаил Павлович напоминал про «новейшие события», показавшие, что именно на «развитие промышленности и богатства народного» опираются «и наша сила, и влияние». Но поскольку «непосредственное вмешательство правительства в дела промышленности не может принести никакой пользы», ему следует только «устранять всё то, что препятствует её успехам». Прежде всего это касалось изменения законов «о горнозаводском производстве», регулирования налогообложения, денежного обращения и банковской деятельности, ожидавшей «совершенного преобразования» и централизации «под одно управление», а также устранения бюджетного дефицита и скорейшего строительства железных дорог⁵¹.

В правящих кругах записка «О системе улучшений по основным предметам государственного управления» была воспринята крайне сдержанно. Кн. В.А. Долгоруков 27 июня 1856 г. (в первый же день после своего назначения шефом жандармов) сделал запись: «Из прилагаемой записки, представленной т[айным] с[оветником] Позеном, извлечение относительно железных дорог сообщено по высочайшему повелению ген[ерал]-ад[ьютанту] Чевкину. Прочее содержание оной принято к сведению»⁵². Подобная реакция была вполне естественна. Графы Орлов и Адлерберг, на которых собственно и мог рассчитывать Позен, добившись прочного положения при новом императоре, желали прежде всего отдыха от колоссального напряжения, в котором они находились при Николае I. Позеновские же инициативы сулили им исключительно ненужные хлопоты.

Однако Александр II настойчиво проявлял интерес к подобным программным документам. 18 декабря он вновь принял Михаила Павловича и уже на следующий день перед сном «чит[ал] зап[иску] Позена»⁵³. На этот раз она была посвящена освобождению крестьян и развивала идеи, высказанные в апреле⁵⁴. 3 января 1857 г. император созвал Секретный комитет по крестьянскому делу, на первом же заседании которого читалась записка Позена⁵⁵. Но опытные сановники и тут не растерялись: ловкое противопоставление предложений Позена и товарища министра внутренних дел А.И. Лёвшина должно было закончиться взаимной аннигиляцией обоих проектов. Возможно, и Михаил Павлович пред-

⁵¹ Там же, л. 38–41, 43–47.

⁵² Там же, л. 65.

⁵³ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 310, с. 113.

⁵⁴ Первая записка о мерах освобождения крепостных крестьян // Бумаги по крестьянскому делу М.П. Позена. Dresde, 1864. С. 2–30. Вместе с тем Позен интересовался тогда не только крестьянским делом. В конце 1850-х гг. он также изложил царю свои соображения о продвижении России в Азию — «от пределов Турции до Тихого океана» (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2509, л. 48–54).

⁵⁵ Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 54–91; *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 196–218.

видел подобную перспективу и счёл нужным предать огласке свои замыслы. Во всяком случае, ещё в конце декабря 1856 г. он познакомил А.В. Никитенко с фрагментами своего проекта отмены крепостного права, а в начале января, перед отъездом из столицы, дал ему прочесть апрельскую записку⁵⁶.

Осенью 1857 г. дворянство Северо-Западного края, видя, что император намерен провести реформу, а министры не знают, стоит ли за неё браться и как именно, решило проявить инициативу, надеясь освободить крестьян на своих условиях. Последовал рескрипт В.И. Назимову, затем по всей России стали открываться губернские комитеты. В это время Позен всё чаще действует через Ростовцева, пишет для него программу работы губернских комитетов, одобренную в апреле 1858 г. Главным комитетом по крестьянскому делу⁵⁷. Однако в конце 1850-х гг. их пути разошлись. К осени 1858 г. Ростовцев всё больше убеждался в необходимости правительственного контроля над ходом реформы, и это постепенно сближало его с Милютиным. Позен же не порывал с «партией Орлова», всё ещё преобладавшей в правящих сферах и не желавшей «ссориться с дворянством». В 1859 г., став членом Редакционных комиссий, Позен проиграл борьбу за влияние на Ростовцева. Михаил Павлович пытался интриговать, солидаризировался с оппозиционными депутатами губернских комитетов. Ростовцев расценил данный шаг как измену, и это окончательно погубило репутацию Позена у Александра II⁵⁸. А к тому времени Герцен давно уже демонизировал тайного советника в глазах своих читателей.

В 1855–1856 гг. М.П. Позену не удалось стать идеологом и вдохновителем правительственной политики, хотя его роль в событиях «оттепели» оказалась довольно видной. Его записки тех лет отчётливо показывают, что основной вопрос, решавшийся тогда, состоял отнюдь не в поиске виновных в поражениях войск, не в количестве штуцеров и пудов пороха, не в протяжённости железных дорог и скорости телеграфных сообщений и т.п., а в том, кто и как будет управлять империей при новом монархе, насколько уцелеет в ходе неизбежной трансформации прежняя система и что придёт ей на смену.

⁵⁶ Никитенко А.В. Указ. соч. С. 451–454.

⁵⁷ Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 96–103.

⁵⁸ Бумаги... С. 49–99, 129–316; Памятная записка И.И. Ростовцова о размолвке с М.П. Позеном // Еленев Ф.П. Первые шаги освобождения помещичьих крестьян в России. СПб., 1886. С. 109–113.

Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны

Игорь Богомолов

The State Duma and Censorship Policy in Imperial Russia during the First World War

Igor Bogomolov

*(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S0869568722040100, EDN: FZUIDU

Военная цензура оказала большое влияние на ход политических, экономических, культурных дискуссий в России в годы Первой мировой войны. Споры о границах компетенции военной цензуры не утихали все предреволюционные годы, проявляясь и в частных разговорах, и в газетных дебатах, и на заседаниях Государственной думы. В основе этих споров лежало общее понимание необходимости существования военной цензуры, которую, однако, нужно «усовершенствовать», чётко указать её полномочия. В 1914–1917 гг. Дума уделяла этой проблеме немало внимания, разработав закон о военной цензуре и многократно поднимая проблему её применения в политической сфере. В историографии работа над этим законопроектом упоминалась редко и описывалась кратко¹, без учёта менявшейся военно-политической обстановки, дискуссий по этому вопросу в законодательных палатах и правительстве. Данная статья призвана восполнить эти пробелы, проливая свет на менявшееся правовое положение и полномочия военной цензуры в России накануне революции 1917 г.

Военная цензура в 1914–1915 гг. «Временное положение о военной цензуре» («Временное положение») разрабатывалось с 1909 г. в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) и специальным межведомственным совещанием под председательством генерал-майора Ю.Н. Данилова². Первый вариант был подготовлен ещё в 1910 г., однако окончательную версию документа представили Военному совету только 13 июля 1914 г. Судя по сопроводительной записке, подписанной начальником Генерального штаба Н.Н. Янушкевичем, изначально проект предполагалось направить на рассмотрение законодательных палат. Однако быстрое ухудшение международной обстановки заставило военное командование ускорить процесс. Уже 15 июля типографии Главного штаба предписывалось «весьма срочно» отпечатать 500 экземпляров «Временного положения» и прислать их в особое делопроизводство ГУГШ не позднее 10 часов утра 17 июля. В этот же день Янушкевич просил председателя Сове-

© 2022 г. И.К. Богомолов

¹ См., например: *Патрушева Н.Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. М., 2013. С. 353–355; *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России в период кризиса Третьеиюньской системы: диалог о пути политического развития (1910–1917 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. С. 573–574.

² РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 4895, л. 2–2 об.

та министров И.Л. Горемыкина о «скорейшем проведении» закона³. 18 июля генерал-квартирмейстер ГУГШ Н.А. Монкевиц телеграфировал в штабы военных округов о необходимости «срочно установить цензуру телеграмм, отправляемых [в] Западную Европу»⁴. На копии, переданной начальнику штаба Варшавского округа, он от руки приписал: «Постановлено немедленно приступить к формированию органов по военной цензуре»⁵.

Практические шаги последовали прежде всего на почте. Начальник Гродненского почтово-телеграфного округа телеграфировал в Варшаву 18 июля, что в следующие трое суток отделения прекратят передачу частных телеграмм за границу, «не отказывая, однако, подавателям в приёме». О том же сообщил начальник Белостокской почтово-телеграфной конторы, приписав, что «эта мера публике неизвестна». Начальник Луковской конторы уже 19 июля передал в штаб Варшавского округа заграничную телеграмму на немецком языке⁶. Фактически это означало введение военной цензуры в прифронтовых губерниях ещё до утверждения официальных документов.

Спешно готовясь к войне, правительство вынесло «Временное положение» на высочайшее рассмотрение согласно ст. 87 Основных государственных законов, и 20 июля Николай II его утвердил. Документ опубликовали в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», издавали отдельными брошюрами. 86 статей «Временного положения» были поделены на 9 глав. В первой главе перечислялись произведения печати и корреспонденция, освобождавшиеся от военной цензуры⁷, и устанавливалась степень её строгости в прифронтовых («театр военных действий») и тыловых районах империи. На территории «полной» военной цензуры вводился предварительный просмотр всех газет и журналов, фотографий и рисунков, внутренней и международной корреспонденции. «Частичная» цензура касалась только международных телеграмм и писем⁸.

В главах 2 и 3 описывались организация военной цензуры и её обязанности. Устанавливался состав Главной и местных военно-цензурных комиссий, создававшихся при штабах военных округов. В Главную комиссию входили представители военного и морского ведомств, МИД и Министерства юстиции. Наибольшее представительство имело МВД, командировавшее членов от Главного управления по делам печати, Главного управления почт и телеграфов и Департамента полиции. Тем не менее комиссия состояла при ГУГШ, назначавшем её председателя из штабных офицеров званием не ниже генерал-лейтенанта. Так, председателем Главной комиссии стал начальник Военно-юридической академии генерал-лейтенант А.И. Звонников. Состав местных комиссий формировался схожим образом, но обычно ограничивался представителями военного ведомства и МВД. Главы комиссий имели право «разъяснять» военным цензорам их права и обязанности, а председателю Главной комиссии предо-

³ Там же, л. 250, 254.

⁴ Там же, л. 18.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Там же, л. 39, 40, 44.

⁷ От военной цензуры освобождались: все издания правительства, Академии наук, высших учебных заведений; книги на древних и классических языках и их переводы; публичные речи, произносимые «во исполнение долга службы или обязанностей звания»; почтовые отправления особ Императорской фамилии, правительственных учреждений, главнокомандующих и командующих отдельными армиями, дипломатов (Временное положение о военной цензуре. Одесса, 1914. С. 6).

⁸ Временное положение... С. 7.

ставлялось право разработки «проектов об изменении подробных правил» по работе своих подчинённых⁹.

Главы 4–7 описывали процесс работы «полной» военной цензуры на театре военных действий: время предоставления гранок редакторами изданий, срок их рассмотрения цензорами, порядок открытия и работы типографий, литографий и металлографий, предварительный просмотр конспектов речей и докладов. Полномочия цензоров не ограничивались прифронтовыми губерниями. Так, ст. 31 давала им возможность не допускать в печать сведения, которые могут, по их мнению, оказаться «вредными для военных интересов государства»¹⁰. Чины полиции получали право прервать лекцию в случае отклонения выступающего от заранее согласованной программы. Фактически безграничными оказались и возможности выемки корреспонденции. Так, в «отдельных случаях и по распоряжению главных начальников военных округов» цензор в районах вне театра военных действий мог просматривать и внутреннюю переписку¹¹.

Главы 8 и 9 устанавливали порядок обжалования действий военной цензуры и ответственность за распространение секретных и запрещённых сведений. Так, за их разглашение во время доклада могли оштрафовать на сумму от 100 до 2 тыс. руб. Для печати устанавливалась градация штрафов по значимости опубликованной информации: от 100 до 2 тыс. руб. выплачивали виновные (автор, издатель, типографшик, книгопродавец) в размещении любых сведений без разрешения военной цензуры; если же информация касалась «внешней безопасности России и вооружённых её сил» штраф составлял от 500 до 10 тыс. руб. (предусматривалось также тюремное заключение на срок до одного года). При этом возможности для обжалования ограничивались. Жалобы следовало подавать командующим армиями, главным начальникам военных округов и военно-цензурным комиссиям в течение трёх дней после вынесения постановления о наказании. Решения главнокомандующих и Главной военно-цензурной комиссии считались в этом случае окончательными¹².

20 и 26 июля 1914 г. также вышли новые варианты «Перечня сведений и изображений», не подлежащих оглашению и распространению в печати, речах и докладах. Новый «Перечень» состоял из 25 пунктов, тогда как вариант от 12 июля 1914 г. — из 18. Значительно расширены и дополнены пункты о боевой готовности, комплектовании и довольствии армии и флота, предположениях об их действиях в России и за рубежом, о передвижении частей и соединений, ходе мобилизации, работах в крепостях и укреплениях, состоянии дорог и линий связи, содержании писем, потерях в личном составе, волнениях, катастрофах, эпидемиях на фронте и в занятых областях. «Перечень» устанавливался на год и в дальнейшем дополнялся и расширялся¹³. К примеру, уже в ноябре 1914 г. был добавлен запрет на разглашение сведений о «предположениях, постановлениях и мероприятиях Совета министров, связанных с чрезвычайными расходами на потребности военного времени, а равно как и вызываемых военными обстоятельствами»¹⁴. Хотя «Перечень» составлялся коллегиально

⁹ Там же. С. 8–11.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же. С. 19–22.

¹³ Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4. С. 155.

¹⁴ Временное положение... С. 27.

и поначалу касался только вопросов обороны, подпись под ним ставил министр внутренних дел, а не глава военного ведомства.

Печать ограничилась сообщениями о введении военной цензуры и избегала давать какие-либо оценки «Временному положению». Свою роль сыграло закрытие в первый же день войны газеты «Речь». «Пресса настроена единодушно, хотя, может быть, и не совсем искренно, боясь того же, что уже сделано вел. кн. Николаем Николаевичем с “Речью”», — писал 21 июля 1914 г. журналист М.К. Лемке¹⁵. Хотя очевидной причиной явилась, по выражению П.Н. Милюкова, «известная оппозиция войне», для редакции это распоряжение стало неожиданностью¹⁶. Редактор «Речи» И.В. Гессен отмечал, что закрытие газеты вызвало «немалое смущение» и в правительственных кругах, не говоря уже о «бурно возмущавшемся» председателе Думы М.В. Родзянко¹⁷.

Уже через два дня вел. кн. Николай Николаевич отменил своё решение, однако для других газет пример «Речи» стал весьма показательным. В сентябре 1914 г. Ставка обратила внимание на телеграммы «Русского слова» из Ковно и Осовца, в которых заключались «сведения, не подлежащие оглашению, [о] действиях наших войск». Начальник Главного управления по делам печати гр. С.С. Татищев по этому поводу вызвал редактора газеты А.В. Руманова и зачитал ему категорическое требование командования армии не допускать оценки хода военных действий «с указанием видов на будущее». Руманов в письме в редакцию привёл в пример газету «Биржевые известия», которая, «доверившись “Русскому слову”», напечатала телеграмму из Ковно и за это была закрыта. По его словам, ныне «рекомендуется величайшая и исключительная осторожность, ибо это может грозить существованию самой газеты»¹⁸.

На практике, однако, военная цензура оказалась далеко не так страшна и всесильна. Просмотр огромного потока корреспонденции и печати требовал соответствующих кадровых и материальных ресурсов, которых изначально не хватало, особенно в Петрограде, Москве, Киеве, Казани и других крупных городах. В качестве военных цензоров, согласно ст. 20 и 21 «Временного положения», привлекались чиновники почтово-телеграфных учреждений и представители местных комитетов по делам печати, однако и этого «подкрепления» было недостаточно. Обременённые непосредственной работой, далёкие от военной сферы и мало знакомые с положением на фронтах, они едва справлялись с просмотром десятков тысяч писем и телеграмм, многочисленных газет и журналов, пропускали множество запрещённых сведений¹⁹. Военными цензорами назначались и офицеры, но в основном из числа тех, кто к тому моменту вышел на пенсию или оказался негоден к строевой службе. Для такой работы им зачастую не доставало усидчивости и внимательности²⁰.

Постоянное обновление «Перечня», многочисленные инструкции и уточнения ситуацию не улучшали, а скорее затрудняли работу. Дополнительной нагрузкой шли различные указания и «рекомендации», касавшиеся не столько военных, сколько политических вопросов. Уже в 1914 г. происходила быстрая «политизация» военной цензуры. Под негласный запрет попали многие темы,

¹⁵ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 10.

¹⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 390.

¹⁷ Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 325, 327.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 12, л. 19, 23.

¹⁹ РГВИА, ф. 1720, оп. 11, д. 1, л. 2.

²⁰ Там же, ф. 13839, оп. 1, д. 3, л. 25.

например, критика действий союзников России на Западном фронте и «всякие нападки на почтовое ведомство»²¹.

Межведомственный характер военной цензуры, призванный улучшить координацию, на деле стал благодатной почвой для соперничества. «Временное положение» фактически подчиняло начальников местных установлений по надзору за печатью и почтово-телеграфных контор (представителей МВД) председателям военно-цензурных комиссий, возглавлявшихся только военными чинами. В крупных городах, где комитеты по делам печати сохранялись, установилось своеобразное «двоевластие», чреватое конфликтами. Так, в Москве председатель местной военно-цензурной комиссии А.Н. Гадзяцкий в августе–сентябре 1914 г. регулярно критиковал комитет по делам печати за пропуски запрещённых сведений²². Председатель Варшавского комитета по делам печати М.А. Лагодовский открыто усомнился в необходимости создавать в городе военно-цензурную комиссию, жалуясь по этому поводу в штаб главнокомандующего Северо-Западного фронта²³. Сложная и запутанная ситуация сложилась в Петрограде, где местной военной цензурой поначалу руководили одновременно штаб 6-й армии и Главная военно-цензурная комиссия²⁴. В сентябре 1914 г. до столицы дошёл конфликт в Иркутске, где глава почтово-телеграфной конторы уволил подчинённого, военного цензора, без согласования с главой местной военно-цензурной комиссии²⁵.

Печать с первых дней войны страдала от непоследовательности и избирательной жёсткости военной цензуры. Наибольшую критику журналистов вызывала различная практика в перепечатке материалов. Известны многочисленные случаи запрета ранее опубликованных статей и телеграмм²⁶. Большие трудности редакциям создавало предоставление гранок для предварительного просмотра. Цензоры часто не успевали просмотреть материалы к утру, опаздывала их обратная доставка²⁷. Наиболее ярко и наглядно эти проблемы проявились в виде «белых пятен» — пустых мест, остававшихся на месте запрещённых статей и телеграмм. В результате газеты теряли читателя, часто находившего вычеркнутые новости в других изданиях. Свою роль сыграло и разделение цензуры на «полную» и «частичную». Так, петроградская печать жаловалась на неравные условия конкуренции из-за того, что в столице действовала «полная», а в Москве — «частичная» военная цензура²⁸.

Газеты неоднократно выдвигали предложения по совершенствованию порядка просмотра гранок и их доставки²⁹. Военно-цензурные комиссии старались идти навстречу этим пожеланиям³⁰, но общую картину за годы войны изменить не удалось. Не желая терять читателя, пресса прибегала к различным хитростям для обхода цензуры. Запрещённый материал редакции нередко отправляли повторно, в небезосновательной надежде, что цензор в этот раз его пропустит.

²¹ Там же, д. 5, л. 8.

²² ЦГА Москвы, ф. 31, оп. 3, д. 1872, л. 134–135, 150.

²³ РГВИА, ф. 2019, оп. 1, д. 716, л. 112–114.

²⁴ Там же, ф. 13835, оп. 1, д. 5, л. 269–271.

²⁵ Там же, л. 175, 184, 208, 210.

²⁶ РГИА, ф. 777, оп. 23, д. 41, л. 59; РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 3, л. 69, 72; РГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 12, л. 27–30.

²⁷ РГИА, ф. 777, оп. 21, д. 24, л. 116, 272.

²⁸ Там же, ф. 778, оп. 1, д. 2, л. 15 об.

²⁹ Там же, л. 16 об.–17; РГАЛИ, ф. 595, оп. 1, д. 12, л. 27–30.

³⁰ РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 3, л. 46, 72, 85.

Редакторы заменяли заголовки, переписывали сам текст, не предоставляли гранки в цензуру и нередко публиковали материал, несмотря на прямой запрет³¹.

Нужно отметить, что схожие недостатки наблюдались в работе цензуры всех воюющих государств. В Англии, Франции и Германии также обычным делом были пропуски цензорами ранее запрещённого ими материала, а печать также прибегала к различным способам их «обмана»³². Тема цензуры активно использовалась в парламентской борьбе и интригах, а отношение к ней политиков менялось в зависимости от ситуации. Так, Ж. Клемансо в первые годы войны последовательно критиковал цензуру и имел для этого основания, ежедневно сталкиваясь с ней как редактор газеты «L'homme libre» («Свободный человек»). В сентябре 1914 г. он заявил: «Каждый здравомыслящий человек понимает, что цензура может применяться только к военным вопросам. В противном случае это не что иное, как злоупотребление властью». Однако в ноябре 1917 г., уже будучи премьер-министром, он сказал на встрече с цензорами: «Подавлять цензуру? Никогда! Я не полный идиот. Вы — мои лучшие полицейские»³³. Тем не менее в Россию проникали лишь отрывочные сведения о проблемах цензуры в стане врагов и союзников, вследствие чего её установившийся формат и особенности работы обсуждались редко. В годы войны критики власти рассматривали «русскую» цензуру как характерный и, что не менее важно, самобытный пример произвола властей. Наглядно эта тенденция проявилась и при обсуждении цензуры в российских законодательных учреждениях.

«Священное единение» и военная цензура. На заседаниях Думы до лета 1915 г. цензура не упоминалась, однако на частных собраниях и совещаниях обсуждалась неоднократно. Ещё в августе 1914 г. на заседании ЦК конституционно-демократической партии А.С. Изгоев предложил заявить «о замечаящихся безобразиях в санитарной части, о необходимости отмены военной цензуры, под покровом которой скрываются эти безобразия»³⁴. 9 ноября он указывал, что цензура возвращается «в прежнем виде, установлен даже прежний штат цензоров»³⁵. В.И. Вернадский на том же заседании высказал мнение, что «сейчас ещё совершенно невозможно делать выступления по поводу... цензурных репрессий; широкие слои просто не поймут, что эти репрессии делаются не во имя потребностей военного времени; станут указывать, что и в газете “Temps” также много белых, не пропущенных цензурою полос»³⁶. П.Б. Струве соглашался, что вычёркивание «внутренних известий» не имеет смысла, но, по его мнению, «выходки» социал-демократов могли нанести ещё больший вред и «только доставить удовольствие Германии»³⁷.

Вопрос о военной цензуре поначалу поднимался только в кулуарах и пока без резких и публичных обвинений. Характерна тактика кадетов, которые отмечали её неоправданную строгость, но говорили о ней мимоходом, как о во-

³¹ РГИА, ф. 777, оп. 23, д. 41, л. 38–39 об, 59, 71 об., 92, 99, 109.

³² *Demm E.* Censorship and propaganda in World War I: a comprehensive history. L., 2019. P. 16, 17, 25, 26.

³³ *Ibid.* P. 24.

³⁴ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. Т. 2. М., 1997. С. 372.

³⁵ Там же. С. 427.

³⁶ Там же. С. 430.

³⁷ Там же. С. 432.

просе второстепенном. Неудивительно, что к моменту созыва Думы в январе 1915 г. внятных предложений они не подготовили. Милюков сетовал, что этот вопрос «пришлось поднять в частной беседе, потому что вопросы в комиссии остаются без ответа». Представители правительства, по его словам, «увёртываются от ответов, в частности на вопросы о цензуре»³⁸. Павел Николаевич, вероятно, имел в виду встречу депутатов с министрами 25 января, на которой в обтекаемой форме затронул эту проблему. В отчёте о деятельности фракции за эту короткую сессию отмечалось: «Вынужденное молчание прессы роняет её авторитет и лишает её возможности играть регулирующую роль в поддержании общественного настроения, так ярко проявившегося в начале войны»³⁹.

Тем не менее к тому времени претензий к военной цензуре накопилось немало, в том числе благодаря письмам в Думу из разных городов. Так, редактор газеты «Пятигорское эхо» А.И. Попов жаловался, что местными цензорами «выбрасывается всё, что указывает на пульсацию общественной жизни», включая заметки и статьи «самого невинного характера». Так, запрещались материалы о гастрических заболеваниях в Георгиевске и о количестве кроватей в местных лазаретах, не допущена перепечатка статьи о подвигах солдат на фронте, а списки убитых удалось опубликовать только после особого разрешения Тифлисского комитета по делам печати⁴⁰.

В правительстве прекрасно понимали, что военная цензура нуждается в совершенствовании. Министр торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховской в мемуарах оценивал «Временное положение» критически, отметив, что оно «совершенно не предусматривало каких бы то ни было ограничений общеполитического характера». Он привёл в пример французскую и английскую цензуру, которая позволила правительствам эффективно контролировать печать⁴¹. Проблемы видело и командование армии. Военный министр В.А. Сухомлинов уже в сентябре 1914 г. в письмах Н.А. Маклакову и И.К. Григоровичу сообщал, что рассмотрение жалоб редакторов на военную цензуру «является почти всегда бесцельным, так как разрешение... не может последовать с той быстротой, какая, по условиям газетного дела, необходима для восстановления нарушенных интересов издания»⁴². В том же месяце и.о. начальника Генерального штаба генерал М.А. Беляев писал Сухомлинову: «Главные начальники военных округов нередко возлагают на военную цензуру чересчур обширные задачи по просмотру почтовой и телеграфной корреспонденции, совершенно непосильные для военной цензуры по её составу, что ведёт к задержке... сообщений и вызывает в населении ропот и нарекания... Местные военно-цензурные комиссии, ввиду совершенной новизны дела, обнаруживают не вполне ясное понимание возложенных на них задач, недостаточно умелое руководство деятельностью находящихся в их ведении военных цензоров, особенно в тех городах, где военной цензуре приходится иметь дело с повременной печатью и с международной корреспонденцией»⁴³.

³⁸ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии... Т. 3. С. 9.

³⁹ IV Государственная дума. Фракция Народной Свободы. «Военные» сессии. 26 июля 1914 г. — 3 сентября 1915 г. Пг., 1916. С. 12.

⁴⁰ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 584, л. 59–59 об.

⁴¹ Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 152.

⁴² РГВИА, ф. 13835, оп. 1, д. 5, л. 129–130.

⁴³ Там же, л. 138–139.

При организации военной цензуры правительству и командованию приходилось считаться и с формально-юридическими тонкостями. Согласно ст. 87 Основных законов, действие «Временного положения» прекращалось через два месяца после окончания последней сессии Думы, если военный министр не предоставит на её рассмотрение новый законопроект о военной цензуре. «Было ясно, что издавать новый закон по 87-й статье невозможно, так как Государственная дума, при первом же созыве, его отменила бы», — вспоминал кн. В.Н. Шаховской⁴⁴. Поскольку заседания Думы прервались 27 января 1915 г., то крайним сроком стало 27 марта. По утверждению Лемке, «когда приближался и, наконец, наступил [этот] день... буквально никто из состава правительства и верхов армии не вспомнил, что... автоматически прекратилось действие Временного положения о военной цензуре»⁴⁵.

Однако Лемке прав лишь отчасти: к наступлению этого дня правительство готовилось, хотя и не собиралось предлагать что-либо новое. Сухомлинов направил законопроект о военной цензуре в канцелярию Думы в крайний срок, 27 марта. В сопроводительной записке излагалась предыстория разработки «Временного положения» накануне войны и отмечалась необходимость «сохранить его и на будущее время»⁴⁶. Единственное значимое изменение в тексте Совет министров допустил 29 мая 1915 г., постановив освободить от цензуры корреспонденцию представительств союзных держав и усилить контроль над телеграммами и письмами дипломатов нейтральных государств⁴⁷.

При всём несовершенстве «Временное положение» давало власти эффективный и гибкий инструмент влияния на печать. Правительство предпочитало действовать распоряжениями и «рекомендациями», тем более что статьи «Временного положения» давали Главной и местным военно-цензурным комиссиям такую возможность. Вероятно, весной 1915 г. расчёт делался на выполнение формальных правил внесения законопроектов и получение от Думы одобрения на продление действия военной цензуры. Для её серьёзного реформирования требовался весомый политический или военный повод, и летом 1915 г. он появился.

«Великое отступление» и обсуждение военной цензуры в Думе. По мере того, как ухудшалась обстановка на фронте и накалялась внутривнутриполитическая атмосфера, усиливалась критика военной цензуры высшими сановниками и военачальниками. Весной и в начале лета 1915 г. нарастало понимание, что плохо работающая цензура создаёт не только военные, но и политические риски. Активизации обсуждения этой проблемы способствовали и перестановки в правительстве. В июне 1915 г. редакторы газет «Речь», «День», «Биржевые ведомости», «Новое время» и «Вечернее время» направили новому министру внутренних дел кн. Н.Б. Щербатову записку, в которой сетовали, что военная цензура передана не военным чинам, а комитетам по делам печати и «неофициально делится на военную и гражданскую». Результатом стали циркуляры и «безответственные распоряжения по телефону», запрещающие газетам касаться вопросов внутренней жизни страны. В качестве примера приводился запрет Н.А. Маклакова сообщать в печати о свадьбе чиновника МВД. Аналогичное

⁴⁴ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 152.

⁴⁵ Лемке М.К. Указ. соч. С. 387.

⁴⁶ РГИА, ф. 1278, оп. 7, д. 398, л. 3–4.

⁴⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи 1909–1917 гг. 1915 год. М., 2008. С. 267–268.

письмо совет общества петроградских редакторов отправил в Думу, вновь перечислив примеры распоряжений и инструкций цензорам, которые не имели «никакого отношения к военным интересам родины»⁴⁸.

После назначения на министерский пост в интервью «Русскому слову» Щербатов отметил, что в «переживаемое время военная цензура является безусловно необходимой», хотя и обещал принять меры к «облегчению чрезмерных стеснений» печати⁴⁹. В письме Янушкевичу Николай Борисович подверг критике разделение военной цензуры на «полную» и «частичную», что на практике дало преимущества московской и провинциальной прессе в обсуждении, например, еврейского вопроса и послевоенного устройства Польши и Армении. Ст. 31, по его мнению, не столько расширила полномочия цензоров, сколько усилила противоречия и непоследовательность в работе с газетами в разных регионах. Местные военно-цензурные комиссии держали себя «совершенно особняком» от установлений по надзору за печатью. Щербатов предложил разделить сферы ответственности: ГУГШ давало бы рекомендации по военной части цензуры, МВД — по «вопросам, непосредственно к войне не относящимся». Для устранения несогласованности следовало объединить «всех лиц военного и гражданского ведомств, на которых возложен просмотр произведений печати, в одном учреждении». Министр считал целесообразным введение одинаковой цензуры на всей территории империи, о чём «давно уже ходатайствуют начальники некоторых военных округов (Московского, Казанского)»⁵⁰.

Янушкевич скептически отнёсся к идеям Щербатова, прежде всего к объединению военной цензуры под властью одного учреждения. Упразднение «частичной» цензуры он считал неуместным с политической точки зрения, так как это «фактически было бы началом возвращения на всей территории империи к принципу предварительной цензуры», против чего «некоторые министерства» категорически возражали⁵¹. В целом же он защищал «Временное положение», признавая лишь определённые кадровые и организационные недостатки. В его письме читается критика в адрес МВД, которое якобы не помогало совершенствовать работу военно-цензурных комиссий, не работало над улучшением кадрового состава цензоров, для чего имело больше возможностей. В письме новому военному министру А.А. Поливанову генерал сетовал на смешение военной и политической цензуры. Одним из результатов, по его мнению, стало появление «белых пятен» в московских газетах, хотя Москва не входила в театр военных действий и её печать не должна была проходить предварительный просмотр. Выход он видел в ограничении военной цензуры «Перечнем», который, «весьма возможно, требует пересмотра» и которому цензоры должны следовать «с полной твёрдостью»⁵².

Поливанов в своих мемуарах упомянул встречу с представителями печати в июне 1915 г., на которой выступил за реформирование военной цензуры, считая её «инстанцией, ограждающей военные тайны»⁵³. По утверждению

⁴⁸ Гессен И.В. Внутренняя жизнь // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. Пг., 1916. С. 207–208; Гессен И.В. В двух веках... С. 336.

⁴⁹ Беседа с кн. Н.Б. Щербатовым // Русское слово. 1915. 12 июня.

⁵⁰ Лемке М.К. Указ. соч. С. 392–394.

⁵¹ Там же. С. 392–395.

⁵² Там же. С. 404.

⁵³ Бей Е.В. Военный министр А.А. Поливанов — «генерал от политики». М., 2020. С. 280.

кн. В.Н. Шаховского, Алексей Андреевич указал представителям военного министерства в этом вопросе «идти на всякие уступки» Думе⁵⁴. Согласно показаниям генерала Беляева Чрезвычайной следственной комиссии, в июле 1915 г. Поливанов «по соглашению с председателем Думы просил, чтобы в день открытия, при декларации правительства и ответных речах, присутствовал председатель главной цензурной комиссии... но ему не было дано вполне определённой инструкции. Я говорил тогда, что Звонникова мне ужасно жаль, так неопределённо его положение»⁵⁵.

Накануне созыва Думы законопроект о военной цензуре обсуждался фракциями без особого энтузиазма. Показателен в этом смысле доклад кн. Д.И. Шаховского на заседании ЦК конституционно-демократической партии 16 июня 1915 г. В предложенной программе Дмитрий Иванович не затронул вопрос о положении печати и о цензуре, как предлагали А.Я. Ефимович и В.А. Степанов⁵⁶. Тем не менее в выступлениях на открытии сессии 19 июля эта тема заняла видное место и стала дополнительным поводом для критики правительства. И.Н. Ефремов, говоря о недостатках снабжения армии, отмечал «чрезмерную строгость» цензуры, из-за которой печать «создавала даже ложное представление о наших силах и силах противника»⁵⁷. Милюков указал на практику «цензурных изъятий, вызываемых чисто политическими соображениями, а иногда и простым недомыслием неопытного персонала цензуров». По его мнению, это создаёт почву для «всевозможных слухов и толков», с которыми власть теперь вынуждена бороться⁵⁸. М.А. Караулов подчеркнул пагубность пустых газетных полос, которые в народном сознании «заполняются в избытке слухами, рассказами самого нелепого содержания». Его призыв «освободить» печать сопровождался рукоплесканиями на всех скамьях⁵⁹. Огласку получил также скандал из-за сокращения стенограмм речей А.Ф. Керенского и Н.С. Чхеидзе⁶⁰.

Вопрос о реформе военной цензуры поднимался на заседании 20 июля. И.В. Годнев заявил, что «никакого действующего положения о военной цензуре нет», так как военный министр якобы не внёс законопроект до 27 марта, а думская канцелярия получила пакет с документами только 3 апреля. Депутат призвал рассмотреть и принять законопроект в семидневный срок, а до этого формально печать «ничем не будет стеснена». Дума одобрила это предложение, тем более что следующую неделю планировалось посвятить работе в комиссиях⁶¹. Первоначально разработку проекта закона предполагалось поручить комиссиям о печати и по военным и морским делам⁶², однако 1 августа рассмотрение поручили только комиссиям о печати⁶³. На её первом заседании 22 июля

⁵⁴ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 152–153.

⁵⁵ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 2. М.; Л., 1926. С. 217.

⁵⁶ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии... Т. 3. С. 114.

⁵⁷ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 88.

⁵⁸ Там же. Стб. 98.

⁵⁹ Там же. Стб. 143.

⁶⁰ Там же. Стб. 196, 197.

⁶¹ Там же. Стб. 205, 207, 208.

⁶² РГИА, ф. 1278, оп. 7, д. 398, л. 2, 21.

⁶³ Там же, л. 22; Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 243.

председателем с минимальным перевесом (9 против 8 голосов) был избран Н.П. Шубинский, его главный конкурент И.Н. Ефремов стал заместителем, докладчиком в Думе назначен гр. Д.П. Капнист⁶⁴.

Второе заседание комиссии состоялось только 2 августа 1915 г. На него пригласили Звонникова, Беляева, председателя Петроградской военно-цензурной комиссии генерал-майора П.Д. Струкова, начальника Главного управления по делам печати А.А. Катенина, и.о. председателя Петроградского комитета по делам печати А.М. Андрияшева, вице-директора Первого департамента Министерства юстиции А.В. Лядова. Однако уже через 20 минут заседание было закрыто вследствие того, что член комиссии прогрессист Н.И. Гродзицкий заявил, что не получил повестку на 22 июля и не смог поучаствовать в выборах председателя. Ефремов уклончиво ответил, что если факт неполучения будет признан, то, возможно, потребуются новые выборы. Другие кадеты в комиссии поддержали эту идею. П.В. Герасимов считал, что в данной ситуации целесообразно проводить заседание под председательством заместителя. Милюков призвал приостановить работу комиссии «ввиду предстоящего 3 августа переизбрания её состава», с чем согласился и правый депутат В.Н. Снежков. Предложение приняли единогласно⁶⁵.

На заседании комиссии 4 августа присутствовали те же гражданские и военные чины, за исключением Андрияшева и Лядова. К работе присоединились и представители Морского министерства капитаны Б.И. Доливо-Добровольский и М.И. Дунин-Барковский. Во вступительном слове гр. Капнист отметил, что «Временное положение» фактически не работало, его «суровость» избирательна и непоследовательна. Комиссии, по мнению докладчика, предстояло «точно определить... как пространство, на котором должна действовать военная цензура, так и объём восходящего на её рассмотрение печатного материала»⁶⁶.

Лишь правые депутаты Г.А. Шечков и С.Н. Алексеев полагали, что с неизбежными неудобствами печать должна мириться «ради высшей цели — блага армии». Другие члены комиссии были настроены изменить порядок работы военной цензуры и ограничить её полномочия. В.А. Маклаков считал, что прежде всего необходимо «освободить» законопроект от понятия «театр военных действий» и составить общие для всей страны правила. По его мнению, военной цензурой должны заведовать «лица военные», оценивающие материалы «исключительно со своей военной точки зрения». Для этого нужны специальные органы цензуры, независимые от установлений по надзору за печатью, которые «не в состоянии отрешиться от прежних традиций». Катенин встал на защиту своих подчинённых, объяснив их ошибки тем, что на практике бывает крайне трудно провести грань между «специально военными интересами и общими интересами государства». Беляев высказался в гораздо более благожелательном для оппозиции тоне. Он согласился с тем, что термин «театр военных действий» скорее ухудшил положение печати, а «внутриполитические» вопросы следовало изъять из ведения военной цензуры⁶⁷.

⁶⁴ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 582, л. 1 об.—2.

⁶⁵ Там же, л. 4—5. Капнист на заседании Думы 3 августа просил не избирать постоянную комиссию о печати, чтобы не терять времени на выборы председателя и ускорить работу над проектом (Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 358).

⁶⁶ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 582, л. 9 об.

⁶⁷ Там же, л. 9 об.—12 об.

С 5 по 9 августа 1915 г. комиссия обсуждала законопроект постатейно. Работа шла напряжённо, редакция многих статей вызывала дискуссии и споры. Член комиссии кн. С.С. Волконский писал 7 августа врачу А.П. Губареву: «Заседания комиссии о печати идут ежедневно по шесть часов, и то подряд. Когда члены комиссии расходятся, и не в законном составе мы всё-таки продолжаем заседание на свой страх, и это удаётся. Однако напряжение это не все выдерживают: помещики и крестьяне всё-таки удирают восвояси, несмотря на явное порицание товарищей»⁶⁸.

Наибольшие споры и сомнения вызвало предложение отказаться от разделения цензуры на «полную» и «частичную». В качестве компромисса Маклаков и Герасимов предложили оставить за Советом министров право устанавливать «полную» цензуру в определённых районах, но комиссия их не поддержала⁶⁹. Несмотря на возражения Звонникова, были вычеркнуты и статьи, позволявшие военному и морскому министрам издавать «подробные правила» по применению военной цензуры. Полностью удалён раздел о цензуре речей и докладов на театре военных действий. Капнист объяснял это тем, что вблизи фронта публичные выступления в принципе маловероятны, а контроль над ними в тылу может «крайне ограничить обмен мнений», ибо «невозможно предварительно требовать даже конспектов от лиц, возражающих докладчику»⁷⁰.

В новом варианте законопроекта отдельно подчёркивалось, что просмотру военной цензуры подлежат только материалы из «Перечня». О его содержании в комиссии также возникли споры. Маклаков и А.И. Савенко выступили за выработку исчерпывающего «Перечня», что облегчило бы работу редакциям. Звонников парировал, что в этом случае цензоры будут вправе отказаться просматривать статьи, «за помещение которых редактор может подвергнуться ответственности»⁷¹. В итоге «Перечень» в законопроекте всё же упомянули, но оставили возможность его изменения Советом министров с условием внесения нового варианта на рассмотрение Думы. При этом серьёзных поправок в него комиссия не внесла. Наиболее заметная из них — снятие по предложению Н.Д. Крупенского, Гродзицкого и Милюкова запрета на оглашение сведений о железнодорожных катастрофах, если они не касаются перевозки войск и военных грузов⁷². Кроме того, комиссия вывела из-под действия цензуры перепечатки из правительственных изданий, книги на древних и классических языках, а также стенограммы речей членов Думы и Государственного совета. Милюков настоял на формулировке, позволявшей газетам публиковать части стенограмм, так как они обычно не имели возможности поместить на своих полосах полные отчёты⁷³. В число источников информации, на которые не распространялась военная цензура, включили Петроградское телеграфное агентство⁷⁴.

⁶⁸ Цит. по: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьёв. М., 2014. С. 441.

⁶⁹ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 582, л. 18–18 об.

⁷⁰ Там же, л. 14 об.

⁷¹ Там же, л. 15 об.

⁷² Там же, л. 30–30 об.

⁷³ Там же, л. 17.

⁷⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 959, л. 183.

Заметно изменялся состав Главной и местных военно-цензурных комиссий: из них исключались представители МВД. Примечательно, что комиссия поддержала это предложение без какого-либо сопротивления. Лишь Катенин указал, что в вопросах цензуры «едва ли удастся обойтись» без почтово-телеграфного ведомства⁷⁵. В итоге осталась оговорка о возможности приглашать на заседания комиссий представителей других ведомств, а также печати. Другое важное нововведение: цензорами могли назначаться в первую очередь военные чины (при цензуре печати — офицеры), и лишь за их недостатком — гражданские, тогда как в правительственном варианте «Временного положения» было наоборот. Цензору следовало иметь образование не ниже среднего, его максимальное вознаграждение повышалось с 3 до 5 руб. в сутки.

Комиссия стремилась урегулировать отношения цензуры и редакций. Так, ежедневные утренние газеты Петрограда и Москвы получили возможность предоставлять гранки в цензуру за 2 часа до выхода номера. В прочих местностях империи вводился фиксированный срок предоставления — с 6 часов вечера до 1 часа ночи. Всем ежедневным вечерним изданиям полагалось предоставлять гранки с 8 часов утра, но не позже, чем за 2 часа до выхода номера. Цензоры обязывались рассматривать гранки ежедневных газет через 2 часа после их получения, еженедельных изданий — не позже, чем через сутки, ежемесячных — не позже, чем через трое суток.

Отдельно обсуждалось положение с цензурой писем и телеграмм. Милюков предложил установить недельный срок просмотра корреспонденции, так как длительные задержки и изъятия, ставшие обыденностью, вызывали массовые нарекания. Струков ответил, что в Петрограде скопились огромные «залежи» корреспонденции и, чтобы справиться с её растущим потоком, необходимо увеличить количество цензоров с 200 до 450. Герасимов поддержал Милюкова, отметив, что затруднения цензуры не должны служить поводом для отказа от предельных сроков рассмотрения. В.П. Шеин возразил, что эта мера едва ли поможет, а возможно, сделает хуже, так как почтово-телеграфное ведомство «из опасения нарушить срок будет пропускать письма без всякой цензуры». Тем не менее недельный срок установили, но только для открыток на русском языке. Закрытые письма могли пробыть в цензуре не более месяца⁷⁶.

Облегчая условия работы редакций, новое «Положение о военной цензуре» усиливало ответственность за разглашение военных тайн. Так, виновный за помещение в каком-либо издании сведений без разрешения военной цензуры мог быть заключён в тюрьму на срок от одного года и четырёх месяцев до двух лет (ранее — от двух месяцев до года). Увеличивался штраф за публикацию сведений вопреки запрету военной цензуры — от 1 до 10 тыс. руб. (ранее — от 500 до 10 тыс.). Отклонено предложение Герасимова понизить размер минимального штрафа до 100 руб.⁷⁷ При этом комиссия приняла предложение Шеина упомянуть о возможности изъятия уже проданных номеров с запрещёнными сведениями и об ответственности лиц, которые будут распространять указанные издания⁷⁸. Несмотря на эти ужесточения, утверждался судебный порядок

⁷⁵ РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 582, л. 22.

⁷⁶ Там же, л. 37–37 об.

⁷⁷ Там же, л. 39–39 об.

⁷⁸ Там же, л. 41.

производства дел о нарушении постановлений о военной цензуре, на чём настаивали Герасимов и Маклаков⁷⁹.

Таким образом, комиссия о печати сумела рассмотреть законопроект за положенные 7 дней. Текст был роздан депутатам 13 августа и заявлен «со спешностью» 18 августа, но очередь до него дошла только через неделю⁸⁰. Выступивший с докладом Капнист отметил, что комиссия «пришла к единогласному заключению о необходимости полного перестроения» законопроекта⁸¹. Н.Е. Марков заявил, что правые поддержат закон, хотя и упрекнул правительство за «поспешное» ослабление цензуры в угоду Прогрессивному блоку. Он привёл в пример союзные страны, где под действие цензуры попадали и политические новости⁸². Милюков также отметил существование жёсткой цензуры в Англии и Франции, но добавил, что в России её злоупотребления «принимают особый характер, так как они развиваются на основе старых привычек»⁸³. Савенко привёл множество примеров «химически чистого произвола» цензуры в отношении провинциальной, в частности киевской печати. Он отметил, что и прошлый вариант «Временного положения» не был плох, проблема заключалась в «исполнителях», работу которых и следовало упорядочить⁸⁴. В.И. Хаустов и Керенский обратили внимание на тяжёлое положение рабочей печати, приведя в пример газету «Утро», закрытую после выхода двух номеров⁸⁵. М.И. Скобелев назвал законопроект попыткой сохранить в руках Совета министров контроль над печатью и заявил, что в таком виде социал-демократическая фракция его «отвергает»⁸⁶.

Подробное обсуждение законопроекта продолжилось 28 августа. А.С. Суханов, М.С. Аджемов, М.Х. Бомаш и В.В. Шульгин привели многочисленные примеры «удушения» печати в целях борьбы с обсуждением рабочего, еврейского и других вопросов⁸⁷. Гродзицкий от лица прогрессистов раскритиковал идею распространения военной цензуры на всю территорию империи, посетовав на усиление кар для редакторов, полную незащищённость тайной переписки и неизбежный рост расходов на контроль всей прессы и корреспонденции. Он заключил, что «не в исполнителях причина зла, а в самой системе, ибо военная цензура есть часть военного строя и несовместима с элементами правового строя»⁸⁸. Керенский не преминул спросить депутатов «центра», где они были во время январских заседаний 1915 г., когда «отрицательные и вредные для страны стороны режима военной цензуры... были совершенно всем уже очевидны?». Он утверждал, что оказался единственным, кто критиковал военную цензуру, правда, только в бюджетной комиссии⁸⁹.

В.А. Маклаков выступил с защитой проекта, напомнив, что в основе несвободы печати лежало принятие Думой в июне 1912 г. закона «об изменении действующих законов о государственной измене путём шпионства». Одна из его

⁷⁹ Там же, л. 38–38 об.

⁸⁰ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 858, 997.

⁸¹ Там же. Стб. 1009.

⁸² Там же. Стб. 1041, 1045–1046.

⁸³ Там же. Стб. 1056–1057.

⁸⁴ Там же. Стб. 1015–1016.

⁸⁵ Там же. Стб. 1082, 1084.

⁸⁶ Там же. Стб. 1036–1039.

⁸⁷ Там же. Стб. 1130–1134.

⁸⁸ Там же. Стб. 1103–1110.

⁸⁹ Там же. Стб. 1134.

статей давала министру внутренних дел право «воспрещать сообщение в печати сведений, касающихся внешней безопасности России». Депутат оценил это как фактический запрет печати сообщать в военное время любые сведения о войне, а редакторы должны были бы «притворяться, что войны не существует»⁹⁰. Этот фактор, по словам Маклакова, заставил кадетов выступить за принятие законопроекта. Присутствовавший на заседании Катенин признал ошибки цензоров, но выступил против предложения Годнева и Маклакова лишить министра внутренних дел права издавать обязательные постановления о печати и запрещать публиковать сведения, касающиеся «внешней безопасности России»⁹¹. Капнист в заключительном докладе остался недоволен заявлением Катенина, отметив, что тот не выражал свои претензии на заседаниях комиссии⁹².

Постатейное обсуждение законопроекта планировалось провести 3 сентября 1915 г., однако в этот день депутаты узнали о перерыве в работе Думы. Тем не менее консенсус по вопросу о реформе военной цензуры сложился, большая часть думцев закон поддержала бы. Только социал-демократы и трудовики высказывались резко против, нарекания звучали и со стороны прогрессистов. В целом почти все выступавшие на заседаниях 25 и 28 августа говорили не столько о законопроекте, сколько о цензурном произволе и подспудно искали виноватых в сложившемся положении. Как и во многих других случаях, нашёлся удобный повод для критики власти и оппонентов. Председательствующие неоднократно просили Маркова и Милюкова «вернуться к спешности», но те вновь и вновь уходили от проблемы военной цензуры, обсуждая финансирование «Земщины» из «рептильного фонда» и получение лидером кадетов 250 тыс. руб. от Финляндии⁹³. Керенский в выступлении 25 августа практически не упомянул законопроект, и после нескольких замечаний его лишили слова⁹⁴.

Несмотря на это, определённая тактика в обсуждении военной цензуры всё же присутствовала. Представители Прогрессивного блока стремились вывести из-под удара военных — своих потенциальных союзников, обрушивая всю критику на МВД за «политизацию» военной цензуры. Скобелев по этому поводу не без иронии заметил: «Комиссия [о] печати с миной сострадания спешит защитить от скорпионов Министерства внутренних дел печать в тылу и призывает на помощь военное ведомство... Вам может показаться, г[оспода], что все противники политической цензуры в лице военного ведомства могут найти надёжного соратника. Но я, к сожалению, должен разочаровать». Далее он привёл выдержки из неизвестно как им полученной переписки ГУГШ с главным начальником Петроградского военного округа о недопустимости распространения среди солдат газет «День», «Сеятель» и «Утренняя звезда»⁹⁵. Впрочем, это выступление оказалось исключением из общего взгляда на офицеров как на *a priori* лучших военных цензоров, чем чины МВД.

Правительство и военная цензура между думскими сессиями. Летом и в начале осени 1915 г. в контроле над прессой произошли некоторые послабления. Председатель Московского комитета по делам печати А.А. Сидоров впоследствии вспоминал, что Щербатов и товарищ министра кн. В.М. Волконский,

⁹⁰ Там же. Стб. 1117–1120.

⁹¹ Там же. Стб. 1171.

⁹² Там же. Стб. 1174.

⁹³ Там же. Стб. 1071, 1072, 1074.

⁹⁴ Там же. Стб. 1085–1086.

⁹⁵ Там же. Стб. 1032.

«видимо, хотели изменить положение печати». В это время снимались наиболее одиозные запреты, например, на упоминание Г.Е. Распутина⁹⁶. Кадеты публично отмечали эти улучшения, прозрачно намекая на благотворную роль Поливанова. «В последние недели мы присутствуем при попытке ввести цензуру в рамки строго военных потребностей», — заявлял Милюков на заседании Думы 25 августа⁹⁷. И.В. Гессен констатировал в конце 1915 г., что печать «получила возможность полнее освещать вопросы внутренней политики, пределы действия военной цензуры стали сокращаться. Этому способствовали больше всего именно военные власти»⁹⁸.

Однако с прекращением заседаний Думы в прессе и среди депутатов начали распространяться сведения о грядущем ужесточении цензуры. В сентябре 1915 г. кадеты Ф.И. Родичев и А.И. Шингарёв встретились с кн. Щербатовым по поводу слухов о внесённом в Совет министров «законопроекте о восстановлении предварительной цензуры». Министр внутренних дел «старался успокоить депутацию... в том смысле, что проект не будет осуществлён, указывая, что сам он не является его сторонником, но жалуясь при этом на излишества, допускаемые печатью». Наибольшее сопротивление проекту, по словам Родичева, оказали Поливанов и министр иностранных дел С.Д. Сазонов, «защищали только [С.В.] Рухлов, [В.Н.] Шаховской и, с оговорками, [А.Д.] Самарин»⁹⁹.

Слухи имели под собой основания. Ещё в конце августа 1915 г. в правительстве активно обсуждался вопрос о необходимости усиления контроля над газетами. Согласно записям А.Н. Яхонтова, на заседании Совета министров 26 августа Горемыкин заявил, что «военная власть должна принять все меры к успокоению печати», а МВД «обязано помочь в этом». Щербатов в ответ посетовал, что его ведомство «бессильно перед усмотрением Ставки», которая высказалась за невмешательство военной цензуры в политические вопросы. На требование Горемыкина «вычёркивать побольше всю газетную ерунду» главный начальник Петроградского военного округа генерал П.А. Фролов сослался на директивы Ставки и Главной военно-цензурной комиссии и дал понять, что будет выполнять только их. Поливанов, в свою очередь, прямо заявил, что «военное ведомство должно быть вне политики. Это не его дело»¹⁰⁰.

Кн. В.Н. Шаховской считал, что Поливанову, искавшему «популярности... в широких либеральных кругах и даже в самых левых слоях», представлялось более выгодным отдать инициативу Думе, нежели искать союзников в правительстве. По его мнению, Алексей Андреевич находился в «молчаливой оппозиции» Совету министров, считавшему необходимым «установление согласованной работы военной и общеполитической цензуры под военным флагом»¹⁰¹. К примеру, Сазонов на заседании 26 августа отметил, что Англия и Франция «в ужасе

⁹⁶ Сидоров А.А. Из записок московского цензора // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 106.

⁹⁷ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 1069.

⁹⁸ Гессен И.В. Внутренняя жизнь. С. 208. Примечательно, что Поливанов привёл в своих воспоминаниях пространную цитату из статьи Гессена (*Бей Е.В.* Военный министр А.А. Поливанов... С. 392).

⁹⁹ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии... Т. 3. С. 172.

¹⁰⁰ Тяжёлые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г. // Архив русской революции. Т. 18. М., 1993. С. 117.

¹⁰¹ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 152.

от той разнузданности, которая царит в русской печати», приведя в пример сообщение в «дрянном “Вечернем времени”» о покушении на вел. кн. Николая Николаевича. Он добавил, что в Германии «широко понимают военную цензуру и не разгораживают её по ведомствам». Другие члены правительства, считавшие важным тесное взаимодействие с Думой, также склонялись к «расширительному» толкованию военной цензуры. Так, недовольство позицией Фролова по этому вопросу выразил государственный контролёр П.А. Харитонов. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин заявил, что «г[оспода] генералы плюют на всех нас и ничего не желают делать». На просьбу Поливанова дать конкретные указания он ответил, что военными цензорами должны руководить «патриотическое чувство и любовь к страдающей родине»¹⁰². Фактически противопоставив себя правительству, военный министр, тем не менее, в конфликты и пререкания не вступал, ограничиваясь замечаниями и короткими фразами. «Открыто в заседаниях Совета [министров] он не возражал, наоборот, как бы соглашался, но когда дело подходило к осуществлению, то им употреблялись все усилия, чтобы возможно затянуть дело», — вспоминал Шаховской¹⁰³.

Перестановки в правительстве осенью 1915 г. также не сулили печати улучшений в её положении. Нужно отметить, что публично за ужесточение цензуры новые представители власти не высказывались. Так, министр внутренних дел А.Н. Хвостов в интервью газетам 27 сентября назвал предварительную цензуру «абсурдом», сравнив её введение с возвращением к крепостному праву¹⁰⁴. Однако, по утверждению Поливанова, именно он предложил председателю Совета министров ввести в Москве военное положение, расширявшее полномочия командующего военным округом, в том числе и в отношении прессы. Так или иначе, в ноябре 1915 г. Горемыкин предложил присоединить Московский военный округ к театру военных действий, чтобы обуздать «особенно ненавистную ему московскую печать»¹⁰⁵. «Всё говорило о том, что Горемыкин, Хвостов и [С.П.] Белецкий хотят сильно сжать печать, и что они считают деятельность военной цензуры недостаточно ограждающей интересы политики», — вспоминал впоследствии Сидоров¹⁰⁶.

Новое «Положение о военной цензуре». На этом фоне судьба законопроекта о военной цензуре приобрела особое значение. Неудивительно, что в феврале 1916 г., с возвращением Думы к работе, ведущие газеты обратили на него внимание. «Новое время» по обыкновению весьма осторожно критиковало правительство, основную вину и ответственность возлагая на законодательные учреждения. В редакционной статье за 11 февраля отмечалось: «Вот уже десять лет, как в России существует институт народного представительства... За всё это время Гос[ударственная] дума решительно ничего не сделала для общего положения прессы... Законопроект о положении прессы валялся и валяется в думских комиссиях совершенно так же, как и всякий другой, не интересующий депутатов, непонятный для них закон»¹⁰⁷. В размещённой рядом статье

¹⁰² Тяжёлые дни. Секретные заседания Совета министров... С. 117, 127.

¹⁰³ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 153.

¹⁰⁴ У нового министра // Биржевые ведомости. 1915. 27 сентября.

¹⁰⁵ Бей Е.В. Военный министр А.А. Поливанов... С. 392.

¹⁰⁶ Сидоров А.А. Указ. соч. С. 107.

¹⁰⁷ Государственная дума и свобода печати // Новое время. 1916. 11 февраля. Примечательно, что эту статью Скобелев процитировал на заседании Думы (Государственная дума. Стенографиче-

М.О. Меньшиков напомнил «либеральным партиям» их одобрение в 1912 г. упомянутого выше закона о «шпионстве». «В числе многих ошибок это была одна из наиболее роковых, и народному представительству нужно подумать, как исправить её», — заключил публицист¹⁰⁸.

«Русские ведомости» остались недовольны подготовленным думской комиссией законопроектом. Время предоставления гранок в цензуру — два часа до выхода номера — повторяло одно из положений рассматривавшегося накануне войны законопроекта о печати, признанного редакторами «равносильным упразднению современной газеты». Особенно это ударило по утренним газетам, которые, выполняя все предписания военной цензуры, не могли публиковать ночные новости и рисковали «потерять интерес новизны». С точки зрения «Русских ведомостей», эта норма не соблюдалась в 1914–1915 гг., положение не изменилось бы и в случае одобрения думского варианта законопроекта¹⁰⁹. Примечательно, что копии этой критической статьи были розданы депутатам накануне заседания 25 февраля, на неё ссылались в своих выступлениях Капнист и Гродзицкий¹¹⁰.

Постатейное рассмотрение законопроекта, запланированное ещё на первый день работы, неоднократно откладывалось, хотя осуждение «произвола» военной цензуры продолжалось. Поливанов вспоминал, что «оживление и смех возбуждало сообщение депутатами разных секретных циркуляров, ограничительных по отношению к печати»¹¹¹. Так, Савенко рассказал о запрете пропускать сведения о «разномыслиях» в Совете министров, о его распоряжениях о расходах военного времени, о вероятных кандидатах на министерские посты, о взаимоотношениях правительства с Думой и его предположениях «в области окраинного, инородческого, вероисповедного и иных однородных вопросов»¹¹². Большое внимание привлёк спешный запрос военному министру по поводу «неправомерности военной цензуры», не допустившей к публикации речь Чхеидзе на заседании 10 февраля¹¹³.

Постатейное рассмотрение проходило на заседаниях 15 и 22 февраля 1916 г. Последнее было полностью посвящено вопросу о военной цензуре. В.А. Маклаков предложил подчеркнуть в ст. 2, что военная цензура заключается в запрещении к публикации сведений, которые «могут быть вредны для военных интересов государства». Он признал, что, по сути, это означало новую редакцию изъятой ст. 31, но без этого «по тексту нашего закона выйдет, что единственное право цензора — просматривать печатные произведения, и больше ничего»¹¹⁴. Одновременно Маклаков предложил отменить ст. 113 Устава о цензуре и печати 1913 г., позволявшую министру внутренних дел воспрещать к опубликованию фактически любые сведения. Иными словами, право на цензурное «усмотрение» оставалось у военных, но отбиралось у МВД. Обе поправки были приняты, несмотря на возражения правых против изъятия ст. 113¹¹⁵.

ские отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2122).

¹⁰⁸ Печать и парламент // Новое время. 1916. 11 февраля.

¹⁰⁹ Законопроект о военной цензуре // Русские ведомости. 1916. 13 февраля.

¹¹⁰ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2070–2072.

¹¹¹ *Бей Е. В.* Военный министр А.А. Поливанов... С. 505.

¹¹² Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 1676–1677.

¹¹³ Там же. Стб. 1568.

¹¹⁴ Там же. Стб. 1674.

¹¹⁵ Там же. Стб. 1677.

Гродзицкому и Маклакову удалось добиться смягчения некоторых наказаний. Так, предельный срок за публикацию сведений «вопреки воспрещению военной цензуры» сократился до одного года четырёх месяцев, за распространение сведений «по неосмотрительности, небрежности, оплошности, ошибке» — до восьми месяцев. Данная поправка имела важное значение, так как лишение свободы на два года означало поражение в избирательных правах¹¹⁶. Стоит отметить также одобрение поправки Бомаша, который, упомянув о репрессиях против еврейской печати в 1914–1915 гг., предложил прописать, что язык не может являться основанием для закрытия издания¹¹⁷. Приняли и поправку Годнева, предложившего уточнить в ст. 3, что военной цензуре не подлежат издания законодательных учреждений, т.е. Думы и Государственного совета¹¹⁸.

Значительную часть поправок отклонили. Не удалась попытка Годнева исключить из ст. 2 право Совета министров вносить изменения в «Перечень» даже в период работы законодательных учреждений¹¹⁹. Капнист пояснил, что добавления всё равно должны вноситься на рассмотрение Думы и могут быть «немедленно отвергнуты» депутатами¹²⁰. Отклонены поправки Караулова, предлагавшего отменить запрет сообщать о расположении санитарных частей и разрешать становиться цензорами только людям с высшим образованием¹²¹. Суханов предложил разрешить сообщать о «злоупотреблениях» в снабжении армии и работе оборонной промышленности, а также исключить из списка запретных тем «народные волнения»¹²². Первоначально Дума поддержала Маклакова, считавшего, что вся ответственность за публикацию запретных сведений должна ложиться на редактора, а не на автора. Однако Капнист в последний момент перед общим голосованием по законопроекту указал, что ст. 45 и 46 касаются неповременных изданий, и в этом случае «постепенность» ответственности (автор, издатель, типографщик, книгопродавец) должна быть сохранена. В принятом Думой варианте с авторов сняли ответственность только по поврежденным изданиям (ст. 43)¹²³.

По итогам прений депутатам удалось внести ряд существенных поправок, однако основные положения законопроекта о военной цензуре сохранились. Для социал-демократов, трудовиков и части прогрессистов такой вариант остался неприемлемым. Гродзицкий вновь предложил вернуться к разделению цензуры на «полную» и «частичную», выступив против надевания «военного намордника на всю империю». Капнист продолжал настаивать, что в первоначальном варианте «Временное положение» не проработало «ни дня», а оглашение военных тайн в Москве не менее опасно, чем на театре военных действий. Милюков от лица кадетов поддержал законопроект, считая, что его критика связана с плохим знанием текста и внесённых правок¹²⁴. В итоге новое «Положение о военной цензуре» одобрили, хотя и под критические замечания левых.

¹¹⁶ Там же. Стб. 2098, 2102.

¹¹⁷ Там же. Стб. 2112.

¹¹⁸ Там же. Стб. 2060.

¹¹⁹ Там же. Стб. 1696. За поправку проголосовали 77 депутатов, против — 83.

¹²⁰ Там же. Стб. 1695.

¹²¹ Там же. Стб. 2051, 2084.

¹²² Там же. Стб. 2053, 2054, 2056.

¹²³ Там же. Стб. 2106, 2121.

¹²⁴ Там же. Стб. 2071–2075.

Суханов в заключительном слове заявил, что «страна в лице печати ждала от Государственной думы спасения», но её саму нужно спасти из «когтей реакции, которая глубже и глубже впитывается в её тело»¹²⁵. Интерес к дебатам в Думе проявила и пресса союзников. «Аналогия с британскими условиями хорошо видна, так как одного цензора обвиняют в том, что он вычеркнул цитату из Пушкина как опасную для общественного порядка», — сообщал корреспондент лондонской «Таймс» в Петрограде¹²⁶.

Накануне Февраля. С весны 1916 г., после передачи законопроекта в Государственный совет, думская оппозиция сменила тактику, отныне показывая, как правительство само нарушает «Временное положение». Так, обсуждение сметы МВД 29 февраля стало поводом для резкой критики ведомства за отношение к печати и даже к военным цензорам. Савенко заявил, что в Киеве они «терроризированы местным председателем комитета по делам печати», прямо указывавшим, что не следует публиковать¹²⁷. Как и ранее, армия выставялась в качестве антипода, примера здравого смысла в отношении прессы и общества в целом. Капнист, к примеру, заявил, что Военное министерство ведёт борьбу с МВД, чтобы «отстоять свою, правильную точку зрения на военную цензуру»¹²⁸.

3 июня группа депутатов подала спешный запрос к военному министру и министру внутренних дел «по поводу незаконных действий чинов военной цензуры». В нём, в частности, приводились выдержки из апрельских и майских циркуляров, предписывавших не пропускать в печать сведения «против обер-прокурора Святейшего Синода», о «расстройстве транспорта» и о десятилетнем юбилее Думы. Аджемов, комментируя депутатский запрос, сообщил, что нововременский журналист Меньшиков «взят под цензуру», а ещё в марте цензорам поступил запрет публиковать какие-либо сведения о бывшем министре внутренних дел Хвостове¹²⁹.

В марте 1916 г. законопроект о военной цензуре поступил в Государственный совет, постатейное рассмотрение было возложено на комиссии законодательных предположений и по военным и морским делам¹³⁰. По замечанию «Речи», на заседании комиссий 22 марта «правые не оставили без возражений ни одной из частей проекта». Газета также отметила «странное» поведение представителей правительства. Максимально податливые в думской комиссии о печати, в Государственном совете они «категорически» настаивали на фактическом возврате законопроекта к варианту, внесённому Сухомлиновым весной 1915 г.¹³¹

Полного возврата не получилось, хотя к маю 1916 г. комиссии Государственного совета сделали несколько ключевых корректировок. Так, командующим фронтами и армиями, а также начальникам военных округов возвратили право приостанавливать повременные издания и требовать «в исключительных случаях» предоставления их материалов в военную цензуру. Убрали запрет закрывать газеты на основании их языка. Большинство голосов (13 против 10) приняли поправку, дававшую военному министру право изменять и дополнять «Перечень» по соглашению с МВД и МИД. Ограничения могли вводиться не только через

¹²⁵ Там же. Стб. 2133.

¹²⁶ Russian censorship defects // Times. 1916. 2 March.

¹²⁷ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия IV. Стб. 2426.

¹²⁸ Там же. Стб. 2456.

¹²⁹ Там же. Стб. 4820–4823.

¹³⁰ Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия XII. Пг., 1916. Стб. 866.

¹³¹ О военной цензуре // Речь. 1916. 23 марта.

обновление «Перечня», но и «особыми распоряжениями» командующих или начальников военных округов. Министр внутренних дел отныне мог давать чинам ведомства вознаграждение «за особые труды» на службе в цензуре. Ст. 113 Устава о цензуре и печати не отменялась, а приостанавливалась на время действия военной цензуры. В военно-цензурные комиссии возвратили представителей МВД¹³². Наконец, по предложению барона Ю.А. Иксюля и А.А. Макарова частичные воспроизведения печатью стенограмм Думы и Совета отныне также подлежали военной цензуре¹³³. Очевидно, что в таком виде законопроект подлежал обсуждению в согласительной комиссии, где представители Думы отвергли бы новые поправки. «Принятый комиссией законопроект стал совершенно неприемлем для Государственной думы и, таким образом, окончательно похоронен», — заключало «Утро России»¹³⁴.

С открытием пятой сессии осенью 1916 г. начался новый и заключительный этап борьбы Думы с правительственной цензурой. Речь Милюкова 1 ноября, вызвавшая огромный общественный резонанс, а также ряд других выступлений на следующий день не были допущены к публикации в прессе. Одновременно в Москве постановлением командующего войсками Московского военного округа генерала И.И. Мрозовского вводилась предварительная цензура печати. На просмотр отныне поступали все статьи и заметки со сведениями о «боевом состоянии страны» и вообще любые материалы по усмотрению командующего¹³⁵. В связи с этими событиями 3 ноября министрам военному и внутренних дел поступило сразу три депутатских запроса. Заявители ссылались на то, что Москва не относилась к театру военных действий, а речи депутатов освобождались от цензуры согласно п. 6 ст. 4 «Временного положения» как произнесённые «во исполнение долга службы и обязанностей звания»¹³⁶.

Взгляд большинства Думы на цели и задачи военной цензуры влиял и на общественные воззрения. Основные постулаты законопроекта нередко встречались в письмах депутатам. К примеру, инженер Н.Б. Емельянов отмечал в записке, разосланной главам думских фракций: «Военные цензоры должны быть назначаемы военными властями и зависеть исключительно от военной власти, но и в военно-цензурных комиссиях совершенно неуместно и нежелательно присутствие представителей каких бы то ни было гражданских ведомств, за исключением разве министерства иностранных дел и юстиции»¹³⁷.

В самой Думе тема военной цензуры стала поводом для критики власти со всех флангов политического спектра. Выступление Керенского, заявившего 4 ноября, что военная цензура «служит интересам врагов государства», было созвучно речи В.М. Пуришкевича, поставившего «бессмысленную цензуру» в один ряд с «ложью и параличом» власти¹³⁸. Впрочем, любые ограничения лишь усиливали эффект от ноябрьских выступлений депутатов. Понимая это, Милюков отмечал на заседании 22 ноября, что «наивная цензура встала между нами и страной», но «только подстегнула интерес к речам, подчеркнула их значительность»¹³⁹.

¹³² РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 46, л. 64.

¹³³ Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 959, л. 148.

¹³⁴ Около парламента // Утро России. 1916. 25 мая.

¹³⁵ Введение военной цензуры // День. 1916. 2 ноября.

¹³⁶ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 136–140.

¹³⁷ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1489, л. 221 об.

¹³⁸ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия V. Стб. 180, 270.

¹³⁹ Там же. Стб. 324.

На этом фоне Государственный совет вернулся к рассмотрению законопроекта о военной цензуре. На заседании обновлённых комиссий военно-морской и законодательных предположений 10 декабря прогрессивная группа Совета добилась пересмотра ключевых весенних решений. Так, вернулось уточнение, что речи членов законодательных палат от цензуры освобождаются¹⁴⁰. При этом после «горячих прений» административный порядок обновления «Перечня» комиссии сохранили, признав предложенный Думой законодательный «слишком громоздким при условии нынешнего времени»¹⁴¹. Упомянулся и запрет сообщать в печати о переменах в составе Совета министров. Присутствовавшие на заседании Звонников и начальник Главного управления по делам печати В.А. Удинцев уверяли, что не знают автора этого распоряжения¹⁴². В итоге из-за продолжительных дискуссий комиссии не успели вывести законопроект о военной цензуре на обсуждение Государственного совета до рождественского перерыва, а затем — и до Февральской революции.

* * *

Разработка законопроекта о военной цензуре наглядно демонстрирует особенности законотворческого процесса и функционирования «третьеиюньской» системы. При этом первый год войны выявил ограниченность кадровых и организационных ресурсов, не позволявшую правительству в полной мере использовать широкие возможности, заложенные во «Временном положении о военной цензуре». Свою роль сыграло и скрытое, а зачастую и открытое противостояние военных и гражданских властей. Имея большие полномочия, военная цензура за годы войны так и не обрела необходимой организационной стройности и последовательности, создавая всё больше проблем и усиливая раздражение в обществе и армии.

Военно-политический кризис лета 1915 г. заставил власть пересмотреть полномочия военной цензуры. На этом фоне Дума превратилась в значимый фактор, потенциально способный повлиять на правительственный курс и ослабить контроль над печатью. Большинство депутатов выступили за то, чтобы военная цензура не касалась политических и экономических вопросов. Однако чётко определить, какие сферы общественной жизни относятся к войне, а какие — нет, оказалось практически невозможно. Столкнувшись с этим, Дума так и не решилась установить определённый «Перечень» запрещённых к оглашению сведений. Надежды на то, что якобы «далёкие от политики» офицеры выступят лучшими цензорами, чем чины МВД, не казались убедительными даже некоторым депутатам. Одобренный Думой вариант «Положения о военной цензуре» содержал ряд компромиссов, вызвавших критику левых фракций, а также части либеральной печати. Рассмотрение законопроекта Государственным советом затянулось до начала 1917 г. В результате военная цензура регулировалась «временными» актами вплоть до Февральской революции, оставаясь для Думы и значительной части общества одним из главных символов правительственного произвола.

¹⁴⁰ Законопроект о военной цензуре в Гос[ударственном] совете // Русские ведомости. 1916. 10 декабря.

¹⁴¹ В Государственном совете // Новое время. 1916. 10 декабря.

¹⁴² В Государственном совете // День. 1916. 10 декабря.

Аграрная политика самодержавия на рубеже XIX–XX вв. в советской и российской историографии 1960–2010-х гг.

Чжан Гуансян

**Soviet and Russian historiography of agrarian policy
in late imperial Russia (1960–2010's)**

Zhang Guangxiang

*(Northeast Asian Research Center of Jilin University,
Northeast Asia Research Institute of Jilin University, Changchun, China)*

DOI: 10.31857/S0869568722040112, EDN: IZTJLB

В российской историографии одной из актуальных и дискуссионных тем остаётся аграрная политика самодержавия в пореформенный период, особенно на рубеже XIX–XX вв. Активные действия правительства для разрешения проблем, накопившихся в сельском хозяйстве после отмены крепостного права, в целом закончились неудачей¹. Аграрный вопрос остался одним из главных в Великой российской революции 1917 г. и был радикально разрешён только большевистской властью².

В центре внимания данной статьи находится освещение в советской и российской историографии 1960–2010-х гг. борьбы разных направлений в аграрной политике в конце XIX – начале XX в. В этот период плодотворно работала плеяда выдающихся исследователей экономической истории России, чьи труды не потеряли своего научного значения до настоящего времени и оказывают большое влияние на взгляды современных историков. Эти работы позволяют лучше понять причины трудностей и неудач в решении самодержавием ключевого вопроса России – крестьянского³.

Механизм выработки самодержавием аграрной политики в конце XIX – начале XX в. анализируется в трудах Ю.Б. Соловьёва, Л.Е. Шепелёва и В.С. Дякина⁴. В них подробно освещён процесс формирования дворянско-

© 2022 г. Чжан Гуансян

¹ Кондрашин В.В. Аграрная политика в России во второй половине XIX – XX веке. Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. Оренбург, 2007. С. 133.

² Кондрашин В.В. Сельское хозяйство и крестьянство в 1917 г. // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М., 2017. С. 318–355.

³ См. на эту тему: Российская революция 1917 года...

⁴ Соловьёв Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; Соловьёв Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990; Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 г. Л., 1978; Дякин В.С. Из истории сельскохозяйственной политики царизма в конце XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Л., 1991. С. 197–209; Дякин В.С. Выбор пути экономического развития России (конец XIX – начало XX в.) // Реформы или революция? Россия 1861–1917 г. М., 1992. С. 188–199.

крепостнического аграрного курса. В исследованиях Б.В. Ананьича рассмотрен механизм принятия решений по ключевым вопросам экономики, тесно связанный с личными отношениями между императором и министрами⁵. М.С. Симонова отметила, что формы и методы правительственной политики оказались неэффективными, так как пытались затормозить развитие капитализма в интересах помещичьего дворянства⁶. В монографиях А.П. Корелина, В.С. Дякина и Н.А. Проскуряковой исследованы формирование и деятельность земельных банков в конце XIX – начале XX в., охарактеризованы основные виды сельскохозяйственного кредита в рассматриваемый период, а именно мелиоративный, краткосрочный и др.⁷

Экономическая, финансово-бюджетная и денежно-кредитная политика С.Ю. Витте, а также его политическая деятельность подробно изучены в трудах С.Д. Мартынова, Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, Л.Е. Шепелёва⁸. Важным источником для понимания политики Витте являются биографические документы и материалы. В этом ряду можно отметить его «Воспоминания», публикации его сочинений и другие документальные сборники⁹.

Исходя из анализа вышеназванных трудов и источников, я выделяю наиболее важные аспекты рассматриваемой проблемы, не претендуя при этом на категоричность и завершённость суждений.

Обращаясь к теме аграрной политики в России на рубеже XIX–XX вв., российские исследователи правомерно отмечают особенности механизма принятия решений остававшейся до революции 1905 г. абсолютной монархией. От воли Николая II зависели направление и характер правительственных действий, однако у него не было чёткой внутривластной программы, что дезориентировало работу государственного аппарата¹⁰. В конце 1890-х гг. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин жаловался главе военного ведомства А.Н. Куропаткину на «внутреннюю неурядицу», в которой, по его мнению, виновен был царь. Витте отзывался о Николае II как о человеке «без твёрдой ещё воли», мало подготовленном, решавшем всё «сплеча», не осмыслив «значения подготовительной работы к тому или иному решению»¹¹. Вел. кн. Михаил Николаевич наставлял в 1897 г. Куропаткина, что «надо все дела улаживать, не доводя до решения государя»¹².

⁵ *Ананьич Б.В.* Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX – начале XX веков: к истории развития производительных сил // *Власть и наука, учёные и власть: 1880-е – начало 1920-х годов.* М., 2003. С. 13–25.

⁶ *Симонова М.С.* Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в. // *История СССР.* 1963. № 1. С. 65–82.

⁷ *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988; *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997; *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002.

⁸ *Мартынов С.Д.* Государство и экономика. Система Витте. СПб., 2002; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000; Сергей Юльевич Витте. Хроника. Документы. Воспоминания / Подгот. Л.Е. Шепелёв. СПб., 1999.

⁹ Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX вв.: документы и мемуары государственных деятелей / Подгот. Л.Е. Шепелёв. СПб., 2007; *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. В 5 т. М., 2002–2007; *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3 т. М., 1960.

¹⁰ Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Отв. ред. В.С. Дякин. Л., 1984. С. 20.

¹¹ Цит. по: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Николай II // *Вопросы истории.* 1993. № 2. С. 61.

¹² Кризис самодержавия в России... С. 28–29.

В этих условиях, как утверждается в российской историографии, осуществление аграрной политики самодержавия в значительной степени зависело от влияния на императора министров и их частных соглашений друг с другом¹³. Необходимо также учитывать, что ведомства, ответственные за выработку и реализацию торгово-промышленной политики, не согласовывали работу¹⁴. Как справедливо указывал Шепелёв, на практике у них существовала относительная автономность, возможность действовать независимо и даже вопреки друг другу¹⁵. В проведении аграрной политики решающее значение имело взаимодействие Министерства финансов, разрабатывавшего и осуществлявшего фактически всю экономическую политику¹⁶, и МВД, выполнявшего не только полицейские, но и административно-хозяйственные функции¹⁷. В начале XX в. между Витте и министром внутренних дел В.К. Плеве нередко разгорались споры по проблемам сельского хозяйства¹⁸.

Традиционно большое внимание в российской историографии обращается на проблему так называемого оскудения земледельческого центра, которая обострилась в 1880–1890-х гг. под влиянием мирового аграрного кризиса¹⁹. В это время подавляющее большинство российского крестьянства центральных губерний оказалось неспособно остановить падение доходности своих хозяйств²⁰. В литературе установлены размеры и виды землепользования в пореформенный период, согласно которым спрос крестьян на землю так и не был полностью удовлетворён, и вплоть до революции 1917 г. самодержавию не удалось решить эту проблему²¹. Российские историки не пришли к единому мнению о том, сколько нужно было крестьянам земли для обеспечения своих потребностей. Наиболее убедительны, на мой взгляд, расчёты В.Г. Тюкавкина, который определил минимальный прожиточный крестьянский надел в чернозёмной зоне примерно в 8,5, а в нечернозёмной – в 9–9,5 десятин²². Он же, наряду с другими авторами, указал на начавшийся после отмены крепостного права процесс сокращения душевых наделов крестьян Европейской России²³.

Российские исследователи констатируют кризис дворянского землевладения в пореформенный период под влиянием развивавшихся рыночных отношений и изменения налоговой политики царского правительства. В частности, Б.Н. Миронов указал, что с 1860-х гг. российское государство стало переходить

¹³ Шепелёв Л.Е. Указ. соч. С. 15.

¹⁴ Данный факт констатировал в своём дневнике ещё в 1869 г. П.А. Валуев (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел, в двух томах / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 2. М., 1961. С. 439).

¹⁵ Шепелёв Л.Е. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁶ Сергей Юльевич Витте. Хроника... С. 9–10.

¹⁷ Кризис самодержавия в России... С. 20.

¹⁸ Там же. С. 20; Шепелёв Л.Е. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 162, 165.

²⁰ Симонова М.С. Указ. соч. С. 236–263; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 61.

²¹ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Ч. I. Земельные отношения и земельная политика. М., 1908. С. 53; Ходский Л.В. Земля и земледелец. Т. 2. СПб., 1891. С. 243; Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург, 2012. С. 144.

²² Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С. 69.

²³ Там же. С. 79–80; Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. Сборник статей. М., 2001. С. 241; Сергей Юльевич Витте. Хроника... С. 56.

с подушного принципа взимания налогов на подоходный, а тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения²⁴. В результате с 1863 по 1915 г. дворянство потеряло половину своих земель, почти 45 млн десятин были перепроданы другим сословиям, что, как убедительно заключил Корелин, ослабило сословные привилегии. Значительно ускорился и процесс имущественной дифференциации. С 1877 по 1905 г. выросла доля мелкопоместных дворян (с 50,2 до 58,9%) и сократилась среднепоместных (с 29,8 до 25,3%). К началу XX в. землёй владели только 30–40% помещиков (55% – среди потомственных дворян). Обедневшие и разорявшиеся, они попадали в разряд среднего и мелкого чиновничества, а основным источником их доходов становились государственная служба, рантье́рство и предпринимательство. При этом дворянство в своих бедах винило правительство, якобы не оказавшее должной поддержки²⁵.

В российской историографии всесторонне анализируется дискуссия, развернувшаяся во властных «верхах» по поводу перспектив и путей дальнейшего развития сельского хозяйства. Прежде всего отмечается значение поражения в Крымской войне, которое заставило самодержавие изменить экономическую политику²⁶. Впоследствии правительство признавало наличие кризиса дворянского землевладения и пыталось его поддержать в условиях набравшей темп индустриальной модернизации. Большую роль в этой перемене курса сыграл Витте, отдававший приоритет развитию промышленности и железнодорожному строительству и выступавший против прямой финансовой помощи дворянству²⁷. На созванном по указанию Николая II Особом совещании по делам дворянского сословия он указал, что империя находится в процессе перехода к капиталистической системе, а дворянство, олицетворявшее средневековое землевладение, ожидает неизбежный конец, если оно не станет заниматься промышленностью, торговлей и финансами²⁸.

Обсуждение аграрно-крестьянских проблем активизировалось в 1902 г. в рамках работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Дякин указал, что к этому времени для Витте главными темами обсуждения оставались хлебная торговля, строительство железных дорог, развитие сельскохозяйственного кредита, деятельность Дворянского и Крестьянского банков²⁹.

О том, как в финансовом ведомстве видели перспективы хлебной торговли, можно судить по трудам редактора «Вестника финансов» М.М. Фёдорова. В одной из записок министру финансов он подчеркнул благотворность низких цен для экономики страны и счёл необходимым отклонить притязания сельских хозяев на поддержку высоких цен и введение государственной монополии. Отвергал Фёдоров и популярную в помещичьей среде идею выхода на рынок самих производителей зерна, что грозило России повторением опыта США, где «крайне капиталистическое начало, стремление к колоссальным организациям» привело к подчинению фермеров хлеботорговым монополиям.

²⁴ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 266.

²⁵ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979. С. 54, 286.

²⁶ Кризис самодержавия в России... С. 30.

²⁷ Сергей Юльевич Витте. Хроника... С. 8; Кризис самодержавия в России... С. 36.

²⁸ *Корелин А.П.* С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России... С. 530.

²⁹ *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства... С. 112, 113.

Идеалом он считал создание объединений производителей, владельцев элеваторов, транспортных обществ, кредитных учреждений, торговых ассоциаций (бирж, мукомолов, экспортёров и т.п.) для улучшения организации хранения хлеба на местах и устройства кредита под залог зерна. В то же время в записке указывалось, что Министерство финансов не провозглашало самоустранения государства от торговли хлебом, оно хотело возложить на правительство лишь его организацию (развитие почтово-телеграфного дела, транспорта, статистики и т.д.)³⁰.

Со своей стороны поместное дворянство добивалось прямых казённых субсидий. Для этого в ряде местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и в университетских научных кругах обсуждалась идея создания при содействии казны земских хлебных банков для оказания помощи сельхозпроизводителям (ссуды под хлеб и т.п.). По сути, речь шла о защите интересов помещиков и купечества, прямых финансовых вложениях государства в сельское хозяйство. Витте считал более эффективным воздействовать на отрасль через общее экономическое развитие страны, главным рычагом которого оставались железнодорожное строительство и организация хлебной торговли на льготных условиях железнодорожных перевозок. Для этого он предложил привлечь земства и финансово поддерживать их хозяйственную инициативу³¹.

Естественно, такая политика не могла вызвать одобрения у большинства дворянского сословия. Так, Б.Н. Чичерин в статье для «Санкт-Петербургских ведомостей» 29 января 1897 г. связал надежды на развитие страны, её преобразование в государство западноевропейского типа только с сохранением и укреплением дворянства как независимой и влиятельной силы. Он назвал мероприятия правительства по поддержке помещиков грошовыми подачками, несколько не уравновешивавшими ущерба от покровительства промышленности³².

Промышленный кризис конца XIX – начала XX в. стал хорошим поводом для усиления критики Витте. Сергей Юльевич оправдывал временные трудности внешнеэкономическими причинами, а также неурожайными годами, которые как раз и подтверждали необходимость перехода сельского хозяйства от экстенсивного (натурального) к интенсивному типу³³. Однако многим современникам эти доводы казались неубедительными. К примеру, управляющий Земским отделом МВД В.И. Гурко указывал, что искусственное развитие промышленности только отстраняло крестьян от земли и в итоге ограничило покупательную способность населения, что не могло не сказаться на развитии экономики страны³⁴. П.А. Бадмаев считал, что политика Витте тормозила развитие национальной аграрной экономики. По его мнению, из-за введения золотого монометаллизма произошло падение цен на хлеб, в то время как цены на промышленную продукцию за счёт защитных тарифов и независимо от спроса на внутреннем рынке повысились. В результате, по заключению Г.В. Бутми, наступили упадок сельского хозяйства и нищета помещиков³⁵.

Государственный контролёр П.Л. Лобко, критикуя политику Витте, придерживался мнения, что активизация развития промышленности должна быть

³⁰ Там же. С. 121–123.

³¹ Там же. С. 124–125.

³² *Соловьёв Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. С. 253, 254.

³³ Там же. С. 99.

³⁴ *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства... С. 98.

³⁵ Там же. С. 100.

построена на основе преобразований сельскохозяйственной отрасли. Он считал, что государство должно прекратить оказывать помощь предприятиям, пострадавшим от кризиса. Крупный государственный деятель П.Х. Шванебах связывал экономический упадок крестьянских хозяйств Черноземья и Поволжья с кредитно-денежными реформами. Он признавал, что принятые Витте меры по установлению стабильного внутреннего потребления и развитию промышленности способствовали решению аграрных проблем, но указал, что достижение промышленностью России западноевропейского уровня займёт от 25 до 30 лет. В этой ситуации сельскохозяйственным регионам, особенно центральным, была необходима передышка, поскольку их продолжавшееся оскудение ставило под угрозу финансовое положение страны в целом. Чиновник не возражал против привлечения иностранного капитала, но только под контролем государства³⁶.

Дякин и другие российские исследователи отметили меры, направленные на создание благоприятных условий для развития сельского хозяйства. Среди них — деятельность поземельных банков: операции по покупке земли, содействие переселенческому делу и т.п. При этом они указали на противоречия по данному вопросу между МВД и Министерством финансов. Плеве видел задачу Крестьянского банка не в содействии развитию крестьянского хозяйства, неизбежно связанному с выделением зажиточной верхушки, а в предотвращении полного разорения бедноты. На практике это означало отказ от коммерческих принципов деятельности банка и превращение его в землеустроительно-попечительное учреждение, требующее постоянных казённых дотаций. Также Плеве считал необходимым прекратить помощь при покупке крестьянами помещичьих земель в великорусских и малороссийских губерниях и использовать тягу крестьян к земле в целях русификации Польши, Закавказья и малонаселённых районов Заволжья³⁷. Кроме того, он категорически отрицал возможность новых льгот заёмщикам Крестьянского банка и предлагал ориентировать его на кредитование средних и мелких помещиков. Фактически министр внутренних дел пытался подчинить деятельность поземельных банков целям своего ведомства.

Основные дебаты среди представителей российской правящей элиты развернулись вокруг мер финансовой поддержки дворян и крестьян. В историографии проанализирован ход дискуссии между Министерством земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) и Министерством финансов. Возглавлявший МЗиГИ А.С. Ермолов в целом разделял стратегию Витте о приоритетном развитии промышленности, но при этом считал, что нужно поддерживать кустарничество и мелкое промышленное производство, заниматься удобрением земель, что предполагало прямые инвестиции в сельское хозяйство³⁸. Серьёзные разногласия возникли, когда Ермолов внёс в Государственный совет проект мелиоративного кредита. Витте расценил его как очередную попытку спасения помещичьего хозяйства за счёт увеличения кредитной поддержки со стороны государства. Он допускал лишь возможность финансирования в рамках мелиоративного кредита работ по орошению, древонасаждению, устройению садов и виноградников, но не покупку сельскохозяйственных инструментов,

³⁶ Там же. С. 103.

³⁷ Кризис самодержавия в России... С. 63.

³⁸ Сергей Юльевич Витте. Хроника... С. 139.

виноделие, сельскохозяйственные постройки и улучшение производственных организаций. Он считал, что важнее расширение внутреннего рынка за счёт развития промышленности, а предоставление кредитов помещикам — совершенно бессмысленная трата денег³⁹.

В итоге идея прямого финансирования сельского хозяйства была отклонена, либо на эти цели выделялись незначительные средства. Корелин справедливо заключил, что принятый по итогам дискуссии на указанную тему кредитный проект 1896 г. очень разочаровал дворян: сфера мелиоративного кредита оказалась слишком «узкой», и получить его было непросто. С 1897 по 1900 г. ссуд на мелиорацию выдали на 349 тыс. руб. К концу 1914 г. они составили 4,9 млн руб., что в масштабах страны было небольшой суммой⁴⁰. Дякин отмечал, что мелиоративный и краткосрочный кредиты и другие меры МЗиГИ по развитию сельского хозяйства формально принимались «для пользы фермерам» и крестьянам, но на самом деле отвечали интересам помещиков⁴¹.

В поле зрения российских историков попали все виды кредитования сельского хозяйства: подтоварный кредит (ипотека на недвижимость, в основном на землю), способствовавший капиталистическому освоению земель и концентрации землевладения; краткосрочный кредит на неотложные хозяйственные нужды помещиков и организацию хлебной торговли; мелкий кредит для крестьянских хозяйств и др. Установлено, что выдача ссуд на пополнение оборотных средств была наиболее актуальна для дворян, особенно в условиях аграрного кризиса. Витте попытался удовлетворить потребности помещиков в краткосрочном кредите, не нанося ущерба интересам правительства и позволяя частным коммерческим банкам выдачу соло-вексельных кредитов с обеспечением землёй. Со своей стороны Государственный банк попытался сократить объём соло-вексельного кредитования, чтобы побудить помещиков искать иные источники денежных средств⁴².

Подробно исследовано субсидирование государством сельскохозяйственного производства с помощью ссуд для хлебной торговли (под хлебные грузы, зерновая ипотека и т.п.)⁴³. Так, Дякин охарактеризовал как успешные действия Министерства финансов в 1893–1894 гг. в условиях тарифной войны с Германией. Государственный банк принял в залог по ссудам 145 млн пудов хлеба, из которых помещики, крестьяне и купцы заложили соответственно 78,1, 31,6 и 35 млн пудов⁴⁴. Таким образом, треть экспортируемой пшеницы и ржи была возвращена с рынка, что снизило давление на осенние цены на хлеб. Кроме того, в 1894 г. государство закупило 14,4 млн пудов хлеба и муки⁴⁵.

Корелин указал, что Министерство финансов улучшало условия выдачи подтоварного кредита. Правила, принятые 2 августа 1896 г., настоятельно рекомендовали местным банковским учреждениям с особой осторожностью относиться к оставлению заложенного хлеба у заёмщиков. Срок кредита вновь

³⁹ Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства... С. 36–37, 152–154; Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. С. 456.

⁴⁰ Корелин А. П. С. Ю. Витте и аграрный вопрос... С. 35, 40.

⁴¹ Дякин В. С. Из истории сельскохозяйственной политики... С. 199.

⁴² Соловьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. С. 352–356.

⁴³ Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России... С. 61.

⁴⁴ Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства... С. 62.

⁴⁵ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1981. С. 208. Следует отметить, что подобный объём ссуд отмечен только в 1909 г.

сокращался до 6 месяцев, а допускаемые отсрочки не должны были выходить за пределы ежегодной хлебной кампании⁴⁶. Но, как следует из трудов российских исследователей, вопрос краткосрочных сельскохозяйственных кредитов так и остался нерешённым, сохранялись проблемы и с соло-вексельными кредитами, которые помещики стремились превратить в долгосрочные.

Центральным для советской и российской историографии было и остаётся развитие крестьянского хозяйства. Исследователи связали достижение этой цели царским правительством с распространением в крестьянской среде мелкого кредита. Однако, как отмечал Корелин, законодательные рамки и урезание Государственным банком выделяемых средств ограничивали масштабы деятельности кредитных товариществ⁴⁷. Одним из главных препятствий для его развития были дискуссии в правительстве. Витте ставил перед сберегательными кассами задачу аккумуляции мелких вкладов, прежде всего для помещения их средств в государственные фонды. Он потребовал сосредоточить дело мелкого кредита в руках чиновников Государственного банка.

Плеве категорически возражал против создания сети местных органов мелкого кредита (считая достаточным устроить их на губернском уровне) и участия земств в центральном управлении. Он и другие высокопоставленные чиновники доказывали, что сберегательные кассы причиняют вред народному хозяйству, особенно в кризисные годы, сокращая его оборотные средства. Однако в этом вопросе Плеве пришлось уступить, так как Главное управление мелкого кредита создавалось при Государственном банке и снабжение кредитных товариществ и касс оборотными средствами определялось его уставом.

Корелин и Тюкавкин обосновано отметили, что переход Министерства финансов к постоянной помощи государства крестьянам и, главное, к стимулированию их хозяйственной инициативы начался в середине 1890-х гг. с облегчения условий переселения в отдалённые районы страны и получения мелкого кредита на развитие своих хозяйств⁴⁸.

Как известно, оказавшись в августе 1903 г. в опале и подав в отставку с поста министра финансов, Витте на некоторое время утратил возможность активного воздействия на правительственную политику. Но после убийства Плеве террористами в июле 1904 г. и поражений в русско-японской войне, повлёкших перегруппировку сил в правительстве, он вновь оказался в центре событий. Указ Николая II от 12 декабря 1904 г. поставил задачу «привести законы о крестьянах к объединению с общим законодательством империи» с целью превращения крестьян в «полноправных сельских обывателей». Тем самым признавалась роль Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности как центра разработки программы преобразования деревни и санкционировалась реорганизация находившегося под руководством Витте Комитета министров, который из безвластного совещательного органа должен был превратиться в реальный центр по выработке реформ.

В 1890-х гг. диспропорция между развитием промышленности и сельского хозяйства в России породила активные дебаты в правительстве о будущем экономического роста страны. К этому времени правительство должно было либо сохранить ориентацию на поддержку помещичьего хозяйства, либо взять курс

⁴⁶ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России... С. 63.

⁴⁷ Там же. С. 104–109.

⁴⁸ Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос... С. 531; Тюкавкин В.Г. Указ. соч. С. 138.

на дальнейшее развитие рыночных отношений за счёт разрушения крестьянской общины и продолжения индустриальной модернизации⁴⁹. Прежде всего обсуждались такие аспекты, как реформа денежного обращения, проблема введения золотого монометаллизма, протекционистский таможенный тариф, иностранные инвестиции, направления и темпы строительства железных дорог и др.⁵⁰ При этом Министерство финансов осознанно урезало ассигнования на сельское хозяйство, хотя и были учреждены Дворянский и Крестьянский поземельные банки, выдававшие сельскохозяйственные кредиты.

В начале XX в. промышленный кризис привёл к новой дискуссии об общем направлении экономической политики. Оппоненты «системы Витте» снова выступили за преодоление разрыва между растущей промышленностью и слабым рынком из-за отсталости сельского хозяйства. В данном контексте заслуживает внимания заключение Б.В. Ананьича о том, что экономическая политика Витте была глубоко противоречива в своей основе, ибо для капиталистического развития страны он использовал средства и условия, порождённые феодальной природой действовавшей системы государственного управления⁵¹. В Российской империи, абсолютистском монархическом государстве, министры могли достичь поставленных ими целей только при условии поддержки со стороны императора. Однако Николай II, который не имел собственного представления о перспективах аграрного сектора, не всегда прислушивался к мнению компетентных в этом вопросе чиновников. В результате сельскохозяйственная политика не была чётко определена.

Проведённый анализ работ российских исследователей подтверждает устойчивую в историографии оценку, что в конце XIX — начале XX в. проблемы сельского хозяйства и крестьянства самодержавием так и не были решены. В правительственных кругах и дворянской среде не сложилось консенсуса по вопросу аграрной политики, преобладало мнение, что будущее экономического развития империи лежит в индустриальном, а не сельскохозяйственном секторе. Хотя российские исследователи добились значительных результатов в изучении механизма выработки самодержавием общего аграрного курса, эта тема нуждается в дальнейшем исследовании с использованием новых источников и методик.

⁴⁹ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России... С. 288.

⁵⁰ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства... С. 14.

⁵¹ Кризис самодержавия в России... С. 43.

А.В. Островский. Россия. Самодержавие. Революция.

Книги, в которых пересматриваются сложившиеся парадигмы и привычные представления, всегда привлекают внимание исследователей. Тем более, когда речь идёт об обширном труде известного учёного, работа над которым растянулась на несколько десятилетий и так и осталась незавершённой. А именно такой представляется рукопись доктора исторических наук Александра Владимировича Островского (1947–2015) «Самодержавие или конституция?», опубликованная с предисловием А.И. Фурсова в двухтомном издании «Россия. Самодержавие. Революция»¹. Во второй том публикаторы включили также небольшую работу «Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны?», в которой автор полемизировал с Б.Н. Мироновым (II, с. 365–570), и статью «Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность?» (II, с. 573–622).

Пожалуй, неслучайно замысел монографии «Самодержавие или конституция?» не был реализован. При чтении текста трудно отделаться от ощущения, что его автор находился в состоянии мучительной борьбы, разрываясь между строгими требованиями профессионализма и обаянием заведомо спорных, едва ли доказуемых, но зато всё объясняющих идей, эклектически соединявших элементы левого учения с правой публицистикой. В авторских построениях чувствуется желание бросить вызов коллегам, пересмотреть принятые ими оценки, сломать устоявшиеся схемы. Но сделать это предстояло по меньшей мере на том же солидном уровне и с той же степенью убедительности, которые были характерны для предшествующей историографии. А это оказалось далеко не просто в силу сомнительности самой концепции, которая лишь сильнее обнаруживалась при её развитии. В результате, рукопись, создавалась десятилетиями, становилась всё более рыхлой от механического соединения фрагментов, отражавших научные поиски то рубежа 1970–1980-х, то 1990-х гг., то начала XXI в. Тем не менее оставшийся после А.В. Островского текст даёт уникальную возможность увидеть творческую лабораторию историка изнутри, разглядеть швы, обычно скрывающиеся при окончательной отделке, понять внутреннюю логику авторской мысли и аргументации. Кроме того, заслуживают самого пристального внимания и щедро рассыпанные автором указания на неопубликованные или редко цитируемые источники. Исследователь мог увлекаться самыми фантастическими гипотезами, но он оставался при этом блестящим знатоком архивных фондов, что признавали даже его последовательные оппоненты.

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук Д.А. Андреев и И.В. Лукоянов и кандидаты исторических наук М.Г. Алмазов, О.В. Белоусова, С.А. Саломатина и И.Н. Стрекалов.

Материал подготовил А.В. Мамонов

¹ Островский А.В. Россия. Самодержавие. Революция. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. Т. 1. 714 с.; Т. 2. 622 с. Далее при ссылках на это издание в тексте римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

Игорь Лукоянов: Революция 1905 г. в трактовке А.В. Островского
Igor Lukoianov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): A.V. Ostrovskii's interpretation of the revolution 1905

DOI: 10.31857/S0869568722040124, EDN: JADEAL

В 2015 г. скоротечная болезнь оборвала жизнь А.В. Островского, написавшего более десятка книг². Среди его бумаг осталось несколько больших неопубликованных текстов. Уже посмертно были изданы две работы³, а в 2020 г. московский Институт системно-стратегического анализа выпустил в свет двухтомник «Россия. Самодержавие. Революция». Основную часть его занимает незаконченная рукопись «Самодержавие или конституция? Россия на пути к манифесту 17 октября», претендующая на новое слово в осмыслении Первой русской революции.

При первом же знакомстве с двухтомником бросается в глаза наличие в нём разновременных, не совпадающих по исследовательским приёмам и подходам пластов. Наиболее ранний из них (начало первого и значительная часть второго тома) уходит в середину 1970-х гг.⁴ В то время Александр Владимирович готовил кандидатскую диссертацию «Третьеиюньский переворот 1907 года», защищённую в 1977 г. Нетипичная для советской историографии тема, сформулированная без использования почти волшебного понятия «кризис», к тому же раскрывавшаяся на богатом архивном материале, а не на ленинских цитатах, превратила защиту в яркое событие, а молодой учёный сразу заслужил репутацию сильного и независимого историка. Третьеиюньский переворот в советской версии завершал революцию 1905–1907 гг. и был многими нитями связан с обстоятельствами предшествующего времени, которые уже тогда привлекли внимание Александра Владимировича.

Судя по собранному материалу, в 1970–1980-е гг. Островский готовил расширенный вариант защищённого текста, надеясь, по-видимому, включить его в книгу или в будущую докторскую диссертацию. Но в этом случае ему бы пришлось выдержать не только сильное сопротивление Е.Д. Черменского, считавшегося одним из крупнейших специалистов по политической истории «империализма» и опубликовавшего в 1970 г. второе издание своей монографии 1939 г.⁵, но и полемику с биографами С.Ю. Витте – Б.В. Ананьичем и Р.Ш. Ганелиным. Избегая осложнений, историк ограничился несколькими интересными публикациями и статьями (в соавторстве с М.М. Сафоновым), в которых критиковалась виттевская версия появления Манифеста 17 октября 1905 г.⁶

² Некоторые из них получили громкую известность. См., в частности: *Островский А.В.* Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья. М., 2002; *Островский А.В.* Солженицын: прощание с мифом. М., 2006; *Островский А.В.* Кто поставил Горбачёва? М., 2010; *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.

³ *Островский А.В.* Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М., 2016; *Островский А.В.* Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? СПб., 2016.

⁴ Об этом свидетельствуют, например, встречающиеся советские названия ряда архивов.

⁵ *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970.

⁶ *Островский А.В., Сафонов М.М.* Неизвестный проект Манифеста 17 октября 1905 г. // Советские архивы. 1979. № 2; *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 12. Л., 1981; *Островский А.В., Сафонов М.М.* К истории Манифеста 17 октября 1905 г. // Советские архивы. 1985. № 5; *Островский А.В., Сафонов М.М.*

Насколько же сохранившиеся наброски и черновики отражают авторский замысел и в какой степени он успел оформиться? В дошедшем до читателя виде они напоминают скорее заготовку: вполне завершённые части (в основном, в начале первого тома) перемежаются с ремарками и тезисами, в которых намечен план будущих разделов, а также с обширными фрагментами слабо обработанных фактических данных (конец первого тома и часть второго). Использование этого материала, к сожалению, сильно затрудняется и отсутствием именного указателя. К тому же публикатору далеко не везде удалось заполнить лакуны в сносках и устранить неточности в цитатах (I, с. 228, 233, 559 и др.). Это может создать превратное впечатление об авторе, являвшемся глубоко порядочным человеком, никогда не допускавшим в работах сознательных искажений, дотошным исследователем и высокопрофессиональным источниковедом, великолепно изучившим архивы и умевшим обнаружить в них важные новые данные и максимально обыграть свои находки. Он всегда исходил из приоритета источника, даже если тот не укладывался в близкие ему схемы или оценки.

Обзор историографии также оказался дискретным и к тому же сильно сжатым. Значительную часть современной литературы о Первой русской революции Александр Владимирович не успел учесть и охарактеризовать. В частности, он даже не упомянул коллективную работу сотрудников Института российской истории, изданную к столетию Первой русской революции⁷, практически ничего не сказано им и про англоязычную литературу, включая работы А. Ашера, А. Вернера и др.⁸ Видимо, заняться этим разделом автор рассчитывал в последнюю очередь.

В какой-то мере такой историографический «нигилизм» объяснялся нескрываемыми симпатиями Островского к марксизму (но не в его советской интерпретации, утратившей изначальную строгость и цельность). Доктрина К. Маркса предполагала чёткую схему исторического процесса, в основе её лежал специфически понимаемый экономический фундамент, а именно — кризис капиталистического строя, при котором бедственное положение трудящихся только ухудшалось и порождало революционные процессы. Но показать, как эта схема работала на российском материале, автору удалось плохо. Говоря об экономических итогах царствования Александра III и значении для России иностранного капитала, он почему-то поднял «проблему полуколонии» (I, с. 142–150). Не являясь специалистом по истории финансов и банков, совершенно не зная иностранной литературы, Александр Владимирович без всякой аргументации вернулся к оценкам, характерным для советской историографии 1920-х гг., несостоятельность которых проявилась ещё в дискуссиях рубежа 1950–1960-х гг. При этом ссылки делались на справочники Министерства финансов, на статью об И.Ф. Ционе в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и на тенденциозную книгу В.И. Бовыкина⁹. Поэтому

15–17 октября 1905 г. в царской резиденции (из записок А.А. Будберга) // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 391–412.

⁷ Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005.

⁸ *Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray.* Stanford, 1988; *Ascher A. The Revolution of 1905. Authority restored.* Stanford, 1992; *Verner A.M. Crisis of Russian autocracy. Nicholas II and the 1905 revolution.* Princeton, 1990; *The Russian revolution of 1905: contemporary perspective* / Ed. by J.D. Smele, A. Heywood. L., 2005.

⁹ *Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1988.

и выводы о том, что Россия в 1897–1903 гг. «оказалась перед лицом кредитной блокады» (I, с. 163), трудно воспринимать всерьёз. Озадачивает и утверждение, будто в 1917 г. «полностью подтвердился» прогноз, высказанный якобы Н.Х. Бунге в 1886 г. при характеристике возможных последствий тяжёлого финансового положения России (I, с. 149–150). Не менее сложно увидеть в Русско-Китайском банке и Волжско-Вишерском горном и металлургическом обществе «союз германского, русского и французского капиталов» (I, с. 545). Неубедительна и оценка состояния дел в русской деревне. Сообщая о «небольшом подъёме» сельского хозяйства, при котором чистый сбор зерна на душу в 1861–1870 гг. составлял 19 пудов, а в 1891–1900 гг. — 22,3 пуда (I, с. 147), историк тут же пишет про «вырождение крестьянства». При этом он опирается на впечатления правого публициста С.С. Бехтеева и мнение безвестных «стариков», говоривших, «что при крепостном праве было лучше» (I, с. 148).

В целом, неоригинальная оценка царствования Александра III, игнорирующая современные исследования, должна подвести читателя к мысли о наличии у русской революции глубинных причин, однако вместо этого неожиданно сказано: «Одна из причин, по которым тогда оппозиционное движение захлебнулось, по всей видимости, заключалась в том, что первые годы правления Николая II оказались более благополучными, чем последние годы правления его отца» (I, с. 162).

В результате, формально придерживаясь марксистского понимания логики исторического процесса, Островский, по сути, ищет иные, далёкие от советских схем, причины революции. Так, политическую нестабильность он связывает не столько с протестной активностью масс, сколько с действиями отдельных лиц, преследовавших свои цели и оказывавших существенное, а возможно и решающее влияние на ход событий. Важное место в его построениях отводилось разветвлённым родственным и деловым связям И.И. Петрункевича (I, с. 151–154), П.Б. Струве (I, с. 197–213), Н.Н. Львова (I, с. 264–268), А.А. Лопухина (I, с. 257–259), сотрудников «Русских ведомостей» (I, с. 173) и др. Правда, из их описания совершенно не ясно, как, например, отразилось на ходе Первой русской революции то, что братья И.И. и М.И. Петрункевичи «были связаны родственными узами с семьёй Бакуниных» (I, с. 154) и т.п. При этом не учитывается, что знакомство и родство далеко не всегда определяет политические симпатии и взгляды. Примеры острых разногласий между близкими родственниками хорошо известны (братья В.А. и Н.А. Маклаковы и проч.), не говоря уже о случаях единомыслия ничем более друг с другом не связанных людей.

Тем не менее Островский, вероятно, под влиянием своего научного руководителя В.С. Дякина, обоснованно констатировал: «Когда экономический кризис достиг наибольшей остроты, консолидация революционных и оппозиционных сил приобретала всё большие и большие масштабы» (I, с. 244). В поздней советской историографии подобные наблюдения свидетельствовали о том, что представители русской буржуазии и интеллигенции выступали против самодержавия, а не имитировали борьбу с ним. И Александр Владимирович приложил значительные усилия, доказывая свою излюбленную мысль, согласно которой либералы активно финансировали революцию. Однако результаты его попыток с помощью мемуаров и донесений провокаторов выявить обширные связи революционеров в торгово-промышленной среде разочаровывают. Так, он пишет: «Но если верить А.Е. Серебряковой, “когда начались студенческие беспорядки, давал громадные деньги Савва Тимофеевич Морозов”» (I, с. 252).

Но на что шли эти средства? На студенческие беспорядки? Неужели студентам для этого требовались «громадные деньги»? И, наконец, почему следует безоговорочно верить провокаторам?

Островский явно преувеличивал ценность информации, поступавшей от полицейской агентуры. Ему казалось, что благодаря Серебряковой охранка была в курсе происходившего «в либеральных и революционных кругах Первопрестольной», следила за поступлением из-за границы журнала «Освобождение» и его распространением из Москвы по России (I, с. 272–277). Между тем это издание без проблем рассылалось по почте (для чего часть тиража печаталась на тончайшей бумаге), что не слишком заботило полицию, поскольку его с интересом читали в самых высоких кабинетах. С другой стороны, не стоит забывать, что секретные агенты были склонны преувеличивать свою роль в революционном подполье и исходившую от него угрозу, поскольку от этого прямо зависел размер их жалованья.

В книге можно обнаружить немногочисленные свидетельства (например, А. Войткевича) о том, что для революции «материальные средства текли рекой» (II, с. 93). Как же выглядела эта «река»? Так, известный спонсор большевиков Н.П. Шмит дал М. Горькому 15 тыс. руб. на газету «Новая жизнь» и ещё 20 тыс. – на покупку оружия. А. Аргунов вспоминал, что «весной 1906 г.» эсеры расходовали по тысяче рублей в день, однако недопустимо механически, без каких-либо объяснений, экстраполировать эти затраты на весь год, как сделал Островский, допуская, что «бюджет оппозиционного и революционного движения» в то время «может быть, превышал и миллион» (II, с. 95). Всё же такие финансовые потоки не удалось бы полностью скрыть от полиции. Удивительно, что сведения о них так и не были нигде зафиксированы. Любопытно при этом, что японские деньги, которыми не брезговали эсеры и большевики¹⁰, большого интереса у Александра Владимировича не вызвали, хотя они заметно превышали пожертвования того же Шмита.

Считая, что Первую русскую революцию нужно исследовать с первого дня царствования Николая II (I, с. 134), Островский не смог обосновать своё убеждение во внутренней обречённости политического строя империи. Внимание к различным группировкам, комбинациям и интригам не помогло ему раскрыть содержание правительственного курса. Освещая планы преобразования Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя, автор книги не поясняет, почему оно так и не состоялось. В.К. Плеве изображён им как продолжатель политики Александра III и одновременно – как сторонник реформ, готовый ввести в Государственный совет представителей «общественности» (I, с. 255–257). В сущности, в его действиях Александр Владимирович не усмотрел ничего реформаторского. В целом, всё это не добавляет ничего нового в картину, нарисованную Ананьичем почти 40 лет назад¹¹.

Оригинальность же работе придаёт уверенность автора в том, что важной составляющей русской революции являлись различные заговоры, а также ев-

¹⁰ Изнанка революции. Вооружённое восстание в России на японские средства. СПб., 1906; Akashi Motojirō. Rakka gyusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War / Eds O. Fält, A. Kujala. Helsinki, 1988; Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004; Инаба Ч. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. М., 2013.

¹¹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 11–154.

рейский вопрос. Рост революционного движения Островский пытался связать с ограничением в правах евреев и с внешним давлением на самодержавие со стороны Ротшильдов и других могущественных еврейских семей. Решающую роль в российском либеральном движении он также отводил евреям (I, с. 331), хотя это резко противоречит фактам. К примеру, в руководство кадетской партии входили всего два еврея (М.М. Винавер и И.В. Гессен), и не они определяли её позицию. Совсем не учитывается и то, что российские евреи состояли в разных политических партиях и отнюдь не являлись той монолитной силой, какой они изображены в книге. Среди них встречались и иудейские ортодоксы, и сторонники набиравшего силу сионистского движения, и радикально настроенная молодёжь, активно включавшаяся в русские революционные кружки и партии. Так или иначе, приоритетное внимание к этнической принадлежности, а не к политическим взглядам, характерное для правой публицистики начала XX в., разительно противоречит выводам современной историографии.

С еврейством в книге Островского тесно связано масонство, изображённое всемогущей мировой организацией. Александр Владимирович непременно отмечал причастность к ней не только политических деятелей начала XX в., но и их близких родственников. Но какое значение для истории революции имело посещение ложи дедом Д.С. Сипягина (I, с. 214)? Ведь масонские связи наследственными не являлись. Да и перетекали ли они во что-то большее, чем принадлежность к числу «вольных каменщиков»? Попытки всегда обнаруживать влияние масонства на важные события скорее путают автора. Почему, в частности, директор Департамента полиции А.А. Лопухин, согласно выкладкам Островского, будто бы вступивший в стовор с Витте и «убивший» Плеве (I, с. 358, 449), вдруг поддержал затем своего нового начальника кн. П.Д. Святополк-Мирского, которого председатель Комитета министров старался «свалить»? Разумеется, Лопухин масон, так как об этом заявил Я.Г. Фрумкин — его коллега «с дореволюционным стажем» (I, с. 358), и его авторитетное свидетельство для автора книги «заслуживает большего доверия», чем, к примеру, обстоятельное исследование А.И. Серкова¹², в котором присоединение Алексея Александровича к ложе отнесено ко времени эмиграции (I, с. 359). Откуда черпал свои сведения Фрумкин и как они соотносятся с тем, что о существовании в те годы в России масонских лож ничего не известно, остаётся только гадать. Но как объяснить масонство столь высокопоставленного чиновника МВД? Неужели он ради тайного сообщества рисковал занимаемой должностью?

При этом еврейский и масонский факторы служат для Островского своего рода мостиками к внешним причинам русской революции, выявление которых основано по преимуществу на различных слухах, используемых не как специфический предмет исследования, а напрямую — для высказывания всевозможных догадок и непроверенных гипотез. Так, со ссылкой на написанные в 1950-х гг. в Чили мемуары офицера лейб-гвардии Казачьего полка Е.И. Балабина автор сообщает дичайший рассказ о том, как президент Франции Ф. Фор передал Николаю II приглашение на бал к Ротшильду (!), на котором хозяин раута не только задавал царю неуместные вопросы о размере русского долга Франции, но и обещал оплатить его, если евреи получают равноправие. Император якобы признал это невозможным, поскольку тогда доверчивый русский

¹² Серков А.И. История русского масонства XX века. Т. 1–3. СПб., 2009.

народ сразу же попадёт в кабалу, а отойдя, сказал приближённым, что подписал себе смертный приговор (I, с. 164). «Насколько эта история соответствует действительности, мы пока не знаем, — комментировал данный апокриф Островский, — но она даёт основание предполагать, что в 1896 г. Николай II получил от Ротшильда предложение уравнивать евреев в правах... Если это было так, то 1896 г. можно рассматривать как важную веху в отношениях между двумя домами: домом Романовых и домом Ротшильдов» (I, с. 164). К сожалению, использование недостоверной информации для далекоидущих выводов неоднократно встречается в книге.

Среди внешних факторов особое место, конечно, занимает Русско-японская война 1904–1905 гг. В советской историографии ей обычно не придавалось большого значения, так как с революцией она увязывалась лишь эпизодически, при перечислении всяких бедствий. Островский же пишет о двух параллельных войнах самодержавия — с японцами и «с организованной либеральной оппозицией и революционным подпольем» (I, с. 332). Однако, воспроизведя с некоторыми неточностями концепцию Б.А. Романова, Александр Владимирович не сумел даже корректно изложить причины схватки на Дальнем Востоке (I, с. 325). Зато, опираясь на сообщения агента Министерства финансов в САСШ М.В. Рутковского, он пришёл к выводу: «Получается, что Японию к войне с Россией подталкивали еврейские банки Великобритании и США. Деталь, имеющая принципиальное значение для понимания последующих событий, но с удивительным упорством не замечаемая исследователями. Между тем, есть основания предполагать, что после кишинёвского погрома еврейский фактор стал играть в обострении русско-японских противоречий роль важнейшего стимулятора конфликта» (I, с. 324). Будто бы «не замечаемая» другими учёными роль еврейских банкиров давно изучена в англоязычной историографии, но это не дало никаких оснований говорить о провоцировании ими войны¹³. Кроме того, мысль о том, что японская внешняя политика направлялась евреями с посторонними для Японии целями, для всех, кто мало-мальски знаком с положением дел в империи микадо, звучит нелепо. Представление же о зарубежье как о скопище врагов России, ищущих подходящего случая, чтобы ей навредить, — явный рецидив советской пропаганды.

Собственно развитие Первой русской революции рассматривалось Островским в духе его представлений о роли заговоров, тайных сил и родственных связей. В отличие от советской историографии, он всё же старался постичь побудительные мотивы действий конкретных людей, а не безликих масс. Но не всегда это получалось сделать убедительно. Так, ничем не подкреплены его сомнения в случайности картечного выстрела 6 января 1905 г. Анализируя обстоятельства «Кровавого воскресенья», автор решительно заявляет: «Департамент полиции и лично А.А. Лопухин имели к подготовке этих событий самое непосредственное отношение». Какое? Оказывается, уже то, что Лопухин «исчез из столицы» 28 декабря (I, с. 526), заставляет подозревать нечто большее и т.д.

В самой революции Александр Владимирович видел противоборство трёх сил, или «лагерей», согласно советской терминологии. При этом о правительственных усилиях он не сообщил ничего нового по сравнению с монографией

¹³ *Cohen N.W., Schiff J.H.* A study in American Jewish leadership. Hanover (NH), 1999; *Jacob H. Schiff, his Life and Letters* / Ed. by C. Adler. Garden City (NY), 1928. Русский перевод: *Аделер С.* Джейкоб Генри Шифф. Гений финансового мира и главный спонсор русских революций. М., 2017.

Ганелина¹⁴. Умолчал он и о союзниках самодержавия — правых, лишь мельком упомянув «Отечественный союз» (II, с. 9). Между тем без дворянства, от которого во многом зависел общий расклад сил, и зарождавшегося черносотенного движения картина революции выглядит смазанной. Позиция «буржуазии» в 1905 г. характеризуется в книге на основании действий её корпоративных организаций, а не политических партий и кружков; либеральная оппозиция отождествляется в основном с интеллигенцией. Пристальное внимание в книге уделено прежде всего социал-демократам, особенно — меньшевикам, что, конечно же, совершенно справедливо и является важным достижением автора. В целом, Островский показал, что у противников режима «слева» имелись тесные связи с другими оппонентами самодержавия (тогда как в советской историографии их упорно разделяли), но, в сущности, это мало что даёт для понимания разворачивавшихся событий.

Центральной личностью Первой русской революции исследователь признал Витте, наделив его даже способностью манипулировать массовым движением (например, на юге России летом 1903 г. (I, с. 314–315)). Именно он — главный заговорщик, действовавший в собственных целях. Если использование им революции для возвращения к власти уже осветили Ананьич и Ганелин¹⁵, то в инспирировании революционеров в научной литературе Витте ещё не обвиняли. Впрочем, Островскому не удалось чем-либо подкрепить свои подозрения, кроме указания на известные и до него тайные контакты председателя Комитета министров со священником Г.А. Гапоном, которому была обещана поддержка (I, с. 526–527). «Виттецентризм» важен для объяснения того, как Николай II пришёл к Манифесту 17 октября. Но для понимания революции в целом недостаточно указать на манёвры сановника, многие из которых давно уже описаны. К тому же Александр Владимирович не вполне точно оценил позицию и возможности Сергея Юльевича. Фактически Витте смог перехватить инициативу подготовки реформ лишь на рубеже 1904–1905 гг. и то ненадолго¹⁶. После задуманного им преобразования Комитета министров в настоящее правительство Николай II уже весной 1905 г. удалил его от этой деятельности. Затем во время поездки в США для заключения мира с Японией Сергей Юльевич провёл несколько месяцев за границей и не мог оказывать решающее воздействие на положение дел в России.

Наиболее удачной и аргументированной частью книги следует признать детальное исследование подготовки Манифеста 17 октября 1905 г. и попыток Витте привлечь на свою сторону либералов (II, с. 188) на фоне нараставшего революционного движения, которым руководили меньшевики (II, с. 196–199). Здесь же можно прочесть про общение Витте с ведущим публицистом «Нового времени» М.О. Меньшиковым (II, с. 131–132), о приезде в столицу вел. кн. Николая Николаевича (II, с. 255–257)¹⁷. К сожалению, именно Манифестом 17 октября автор решил ограничить свой труд. Далее следует лишь

¹⁴ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.

¹⁵ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

¹⁶ Лукоянов И.В. Во главе правительства: С.Ю. Витте — председатель Комитета министров и премьер-министр // Государственная и финансово-экономическая деятельность С.Ю. Витте. СПб., 2019. С. 13–65.

¹⁷ Подробнее см.: Островский А.В. С.Ю. Витте и М.А. Ушаков: к истории Манифеста 17 октября 1905 года // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 364–374.

черновик краткого «заключения», названного «Судьба русской конституции» (II, с. 298–308).

Размах текста не оставляет сомнений в том, что Островский собирался создать масштабную и вместе с тем обстоятельную картину событий, приведших к изданию Манифеста 17 октября. Судя по отдельным фрагментам, историк работал над ней с перерывами почти 40 лет, т.е. большую часть своей жизни, так и не успев обработать огромный массив собранных данных, часть из которых прежде не была известна исследователям. Уже поэтому незавершённую рукопись стоило опубликовать. В сущности, Александр Владимирович воспроизводил советскую схему рассказа о революции 1905–1907 гг. и её социально-экономических корнях, но при этом несколько изменил её наполнение за счёт деталей, на которые не принято было обращать внимание, и фактически свёл политическую борьбу к набору реальных и мнимых «заговоров», инспирировавших все происходившие события, от политических убийств и стачек до проектов реформ¹⁸.

На это накладывались представления о заинтересованности внешних сил в насильственном изменении государственного строя России. Однако её чрезмерное ослабление в 1905 г. не являлось целью ни одной из держав, опасавшихся непредсказуемого нарушения европейского равновесия. Даже история французского займа, которой в книге Островского уделено много места, не позволяет выводить политические уступки Николая II из требований иностранных банкиров: финансовое положение самодержавия отнюдь не было катастрофическим. Подробно же изучать связи российского правительства с зарубежными кредиторами, используя лишь русскоязычные источники и литературу, нельзя. Конечно, сложно оценивать незавершённый труд, но в сохранившейся заготовке, к сожалению, отчётливо проявилась склонность А.В. Островского к конспирологическим построениям, характерным для его последних работ. Такой подход не обещал прорыва в изучении Первой русской революции.

Дмитрий Андреев: Самодержавие перед поворотом к конституции*
Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Russian autocracy before the turn to the constitution

DOI: 10.31857/S0869568722040136, EDN: JAI0II

А.В. Островский предпринял попытку кардинально пересмотреть события политического кризиса 1905–1906 гг. и предшествовавших ему лет, доказать влияние западных денег на ход первой русской революции (эта проблема уже не раз поднималась отечественными и зарубежными учёными, однако её рассмотрение до сих пор не идёт дальше систематизации неоднозначных и по

¹⁸ Склонность к конспирологии заметна у Островского и при описании других эпизодов. Так, говоря о смерти Александра III, он утверждает, что «есть сведения, будто бы у тела покойного развернулась борьба за престол» (I, с. 137). Однако обстоятельства происходившего в Ливадии осенью 1894 г. достаточно хорошо известны, как и то, что ничего подобного тогда не наблюдалось. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история*. 2011. № 4; *Андреев Д.А.* Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб., 2022. С. 32–87.

* Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

большей части косвенных данных) и показать согласованность действий либеральной (и даже леворадикальной) оппозиции и некоторых официальных лиц, в частности, С.Ю. Витте, о чём прежде если и писали, то публицисты начала XX в., но не профессиональные историки. Едва ли корректно судить, насколько успешны оказались его усилия: «Самодержавие или конституция?» — это не завершённый труд, а всего лишь более или менее систематизированные подготовительные материалы. Однако после выхода этой книги исследователи, изучающие внутреннюю политику и общественное движение в России на рубеже XIX—XX вв., уже не могут игнорировать поставленные её автором проблемы и сделанные им наблюдения, пусть даже явно спорные. Помимо ценных источниковых находок, смелых допущений и реконструкций, сама незавершённость труда Островского оставляет многочисленные намёки и подсказки тем, кто продолжит его поиски. Задача состоит в том, чтобы суметь их выявить, верно интерпретировать и использовать.

Основное внимание Островский уделял периоду от убийства В.К. Плеве 15 июля 1904 г. до издания Манифеста 17 октября 1905 г. Но его рассуждения о 1894–1904 гг. не менее любопытны. Так, вспомнив про приведённые в дневнике гр. В.Н. Ламздорфа, а позднее растиражированные в оппозиционной эмигрантской публицистике начала XX в. слухи о «борьбе за престол», якобы имевшей место после кончины Александра III, историк с удивлением отметил, что «до сих пор никто даже не пытался выяснить степень их достоверности» (I, с. 137–138). Впрочем, никто из находившихся тогда в Ливадии особ Императорской фамилии, министров и придворных в оставленных ими записях даже не намекает на какое-либо замешательство или сомнения в единственном варианте легитимного наследования верховной власти. Вслед за А.Н. Куломзиным Островский считал, что текст речи, произнесённой Николаем II в Зимнем дворце 17 января 1895 г., был составлен министром внутренних дел И.Н. Дурново, после чего подвергся «цензуре» со стороны министра императорского двора гр. И.И. Воронцова-Дашкова и обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева (I, с. 155). Но, судя по другим источникам, ключевую роль в её подготовке сыграл именно Победоносцев, уже пустившийся в интриги против главы МВД¹⁹.

Рассматривая студенческие волнения зимы 1899 г., Островский увязывает их с проблемой ограничения самодержавия и упоминает о «слухах о готовности Николая отречься от престола». По мнению историка, «это наводит на мысль, что во время студенческих беспорядков кем-то поднимался вопрос о необходимости смены власти». А это уже подталкивало исследователя к мысли, что младший брат императора — цесаревич Георгий Александрович — скончался в июне 1899 г. на Кавказе «при не до конца ясных обстоятельствах». Явно намекая на неслучайную смерть наследника престола, учёный подкрепляет свои подозрения цитированием туманного фрагмента из записки банкира Г. Спитцера, утверждавшего, что вел. кн. Георгий Александрович «отказался подписать своё отречение от трона и помешал урегулированию столь важного для такой страны, как Россия, вопроса». Именно этим будто бы объяснялось то, что вел. кн. Михаил Александрович так и не получил титул цесаревича (I, с. 195–196).

Однако нет никаких данных, свидетельствующих о том, что Николай II весной 1899 г. задумывался об отречении, тем более — в связи со студенческой

¹⁹ Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Самодержавие на переломе... С. 191–205.

историей. Волнения в Петербургском университете и других высших учебных заведениях страны действительно привели к качественно новому раскладу сил в правительственных верхах — образованию двух противостоявших друг другу министерских групп во главе с С.Ю. Витте и И.Л. Горемыкиным. При этом, хотя Витте поддерживала вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, её дочь Ксения Александровна и зять вел. кн. Александр Михайлович, ему всё же не удалось добиться успеха. Правда, и сторонники Горемыкина уверенной победы не одержали, а сам министр внутренних дел осенью 1899 г. был отправлен в отставку, тогда как Витте сохранил свой пост²⁰.

Кроме того, хорошо известно, что вел. кн. Георгий Александрович умер от туберкулёза, из-за которого ему пришлось провести последние годы своей жизни в мягком климате на Кавказе. Между ним и старшим братом были близкие и доверительные отношения, исключавшие саму возможность претензий на престол²¹. Нежелание же Николая II предоставить титул цесаревича вел. кн. Михаилу Александровичу было вызвано исключительно напряжённым и страстным ожиданием рождения собственного сына²². Вместе с тем ситуация, в чём-то схожая с той, которую описывал Островский, сложилась во время «династического кризиса» осени 1900 г. Тогда в Ливадии Николай II тяжело заболел тифом, императрица была беременна, и в случае кончины монарха, у которого ещё мог родиться сын, передача престола законному наследнику — вел. кн. Михаилу Александровичу — становилась проблематичной. Витте однозначно встал на сторону царского брата. Позиция министра финансов подробно анализировалась в статье, опубликованной в альманахе «Из глубины времён», создателем и бессменным редактором которого был Островский²³.

Островский не раз делал смелые, но слабо аргументированные допущения. Так, он признал товарища министра внутренних дел кн. А.Д. Оболенского близким к либеральным земцам, опираясь на единственное письмо, в котором тот критиковал цензурные порядки и рассказывал о возникновении кружка «Беседа». Это же стало основанием для заключения, будто в появлении данного объединения «была заинтересована часть либерально настроенной бюрократии, а может быть, и придворного окружения императора» (I, с. 206, 209).

Приводя слова И.И. Колышко о существовании триумvirата, объединявшего С.Ю. Витте, Д.С. Сипягина и кн. В.П. Мещерского, Островский полагал, что «утверждение об определённой согласованности действий трёх названных лиц на протяжении 1899–1902 гг. заслуживает внимания» (I, с. 214). Тандем Сипягина и Витте действительно сложился²⁴, а издатель «Гражданина» старался

²⁰ Андреев Д.А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // Российская история. 2012. № 1; Андреев Д.А. Совещание министров 26 апреля 1899 года в контексте внутриправительственной борьбы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4(19).

²¹ Об этом свидетельствует и тёплое письмо, написанное цесаревичем за две недели до кончины (в нём он поздравлял царскую чету с рождением третьей дочери): ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1221, л. 116–117 об.

²² Подробнее см.: Андреев Д.А. «Наследник, но не цесаревич» // Родина. 2011. № 7.

²³ Ткаченко Я.А. «Династический кризис» в России осенью 1900 г. // Из глубины времён. 2005. № 13. Характерно, что и в 1902 г. в верхах курсировали слухи о союзе вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, вел. кн. Михаила Александровича и Витте, будто бы стремившихся возвести на трон младшего брата Николая II (Андреев Д.А. Октябрь 1902 года, Крым: феноменология одного кризиса // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 12–14).

²⁴ Андреев Д.А. Дмитрий Сергеевич Сипягин // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 47–48.

плотно контактировать с обоими министрами. При этом, по мнению Островского, с приходом Сипягина к руководству МВД «совпало оживление разговоров о необходимости перемен» (I, с. 224). А в ходе подготовки к празднованию столетия учреждения Государственного совета в мае 1901 г. даже возникла идея (в итоге так и не реализованная) привлечь к его заседаниям посторонних лиц (I, с. 229–231).

Порою Островский без всякой критики переносил в свой текст самые фантастические сообщения источников. В том числе и записанный 21 октября 1905 г. генералом Н.П. Линевицем в дневнике рассказ А.Н. Куропаткина о том, будто ещё осенью 1902 г. «“вопрос о Думе” даже возбуждался в Комитете министров, который составил соответствующий проект», но «на следующее заседание Комитета, посвящённое обсуждению этого проекта, Николай II привёз “свою записку со своим проектом”» (I, с. 278–279). Конечно, генерал мог смутно представлять особенности работы правительственных учреждений, но историку не составляло труда проверить достоверность данного известия по журналам Комитета министров и иным документам. Ведь само появление императора на заседании Комитета министров стало бы событием, которое обсуждал бы весь Петербург и, возможно, не одну неделю. Однако исследователь, не останавливаясь на таких мелочах, заключает: «Итак, у В.К. Плеве всё-таки была “обширная программа преобразований, которая удостоилась высочайшего одобрения”. Но что она представляла собой, пока остаётся неизвестным (фонд Плеве)» (I, с. 279). Этот вывод не соответствовал уже даже записи самого Линевица, согласно которой после прочтения царского проекта «всё содеянное министрами и ими составленное шло насмарку» и, «таким образом, благому начинанию ещё в 1902 году не удалось осуществиться по упорству нашего государя»²⁵.

Собственно об «обширной программе преобразований» говорил сам Плеве в интервью, которое появилось в немецкой газете уже после его гибели. И хотя судить о ней приходится лишь по обрывочным воспоминаниям мемуаристов, исследователь утверждает, что «только после того, как определились контуры его программы реформ, В.К. Плеве признал возможным обнародование соответствующего манифеста» (I, с. 279). Именно так Островский видел происхождение Манифеста 26 февраля 1903 г. Похоже, он не придавал большого значения тому, кто и как писал и редактировал текст этого документа. Так или иначе, в 1903–1904 гг. Плеве, по наблюдениям историка, уже не возражал против создания некоего представительства – привлечения выборных к работе Государственного совета или Совета по делам местного хозяйства и т.п. (I, 332–337).

Очерчивая борьбу в правительственных верхах в 1903–1904 гг., Островский солидаризируется с известным мнением о том, что удаление Витте из финансового ведомства и назначение его председателем Комитета министров в августе 1903 г., а также последовавшее вскоре увольнение С.В. Зубатова с поста руководителя Особого отдела Департамента полиции МВД были связаны с их интригами против Плеве. Более того, историк уличает Витте в том, что в своих воспоминаниях он сознательно сместил дату своего знакомства с Зубатовым с февраля на июль 1903 г., дабы их общение не выглядело продолжительным и серьёзным (I, с. 306–316).

²⁵ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С. 112.

Вместе с тем, судя по дневнику директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД А.Н. Мосолова, летом 1903 г. против Плеве интриговали дворцовый комендант П.П. Гессе и кн. Мещерский, желавшие провести на министерский пост директора Департамента общих дел МВД Б.В. Штюмерера. Близкий к князю Н.Ф. Бурдуков даже говорил в Париже И.Ф. Манасевичу-Мануйлову, что, дескать, «с нового года управление министерством будет поручено Штюмеру». В результате «выведенный из терпения всеми этими интригами» Плеве во второй половине лета «жаловался» приехавшему в Петербург Манасевичу-Мануйлову «и на Мещерского, и на своё положение»²⁶. Характерно, что Манасевича в феврале 1903 г. рекомендовал Плеве именно кн. Мещерский²⁷, а уже в ноябре министр «не пожелал» принять протезе князя²⁸.

Как отмечает Островский, мысль об убийстве Плеве возникла в эсеровской среде осенью 1903 г. Любопытно, что тогда же, в сентябре, беседуя с директором Департамента полиции А.А. Лопухиным в Париже, Витте прозрачно намекал на желательность устранения императора руками «какой-нибудь террористической организации» и передачи престола вел. кн. Михаилу Александровичу (I, с. 345, 321). Историк также обращает внимание на то, как впоследствии Лопухин пытался скрыть свои регулярные контакты с Е.Ф. Азефом – организатором убийства Плеве. Всё это приводит Островского к мысли о том, что, похоже, «Департамент полиции сознательно позволил эсерам довести покушение до конца» (I, с. 350, 352, 358). И хотя о причастности к нему Витте прямо не сказано, автор фактически подводит читателя к такому предположению. Во всяком случае, он напоминает об упорно ходивших слухах, приписывавших Плеве намерение подать императору доклад о связях председателя Комитета министров с левыми радикалами²⁹.

При характеристике событий, последовавших за убийством Плеве, Островский совершенно справедливо отмечает, что рождение 30 июля цесаревича Алексея теперь «лишало противников Николая II одного из козырей в борьбе вокруг престола» (I, с. 365). Однако исследователь вовсе не связывает это событие с решением царя пойти навстречу матери и согласиться на назначение министром внутренних дел не импониовавшего ему кн. П.Д. Святополк-Мирского. Между тем из дневника близкого к вдовствующей императрице гр. С.Д. Шереметева видно, что для императора данный шаг являлся прежде всего уступкой Марии Фёдоровне³⁰. Психологически она стала возможной именно вследствие того, что исчезла, наконец, проблема отсутствия сына, му-

²⁶ ГА РФ, ф. 1001, оп. 1, д. 46, л. 4–5.

²⁷ Там же, ф. 586, оп. 1, д. 904, л. 6–7.

²⁸ Там же, ф. 1001, оп. 1, д. 46, л. 13–13 об.

²⁹ По одной из версий, в день своей гибели Плеве вёз в Петергоф именно бумаги, разоблачавшие или дискредитировавшие Витте. Однако Д.Н. Любимов, занимавший тогда пост управляющего канцелярией министра внутренних дел, в воспоминаниях утверждал, что 15 июля 1904 г. его начальник вёз императору бумаги гр. Адлербергов. Правда, мемуарист почему-то ни словом не обмолвился ещё об одном документе, который был обнаружен у убитого и явно предназначался царю; это была «новая молитва о даровании победы русским воинам на Дальнем Востоке», составленная полтавским духовным раввином Елияшем Рабиновичем и присланная губернатором кн. Н.П. Урусовым (*Андреев Д.А.* «Битва вокруг документов»: дневники Д.С. Сипягина, портфель В.К. Плеве и борьба в правительственных верхах в начале XX века // Клио. 2020. № 7. С. 119).

³⁰ *Андреев Д.А.* После В.К. Плеве: император Николай II в поисках министра внутренних дел летом 1904 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4.

чившая императора на протяжении почти девяти лет и ставшая причиной интриг вокруг престола, в которых вдовствующая императрица играла активную роль, защищая интересы своего младшего сына. Но едва ли Николай II мог тогда предположить, что это назначение в силу запущенных им процессов станет роковым для судеб российской монархии.

Ольга Белоусова: Родственные отношения внутри элиты Российской империи – недооценённый фактор или ложный след?*
Olga Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Family relations within the elite of the Russian Empire – an underestimated factor or a false trail?

DOI: 10.31857/S0869568722040148, EDN: JAMYXQ

Одной из характерных особенностей исследовательского подхода А.В. Островского при изучении политической истории было повышенное внимание к родственным отношениям внутри элиты. Демонстрируя их, историк подводил к мысли, что снисходительное, а порой и благожелательное обращение правительственных лиц и придворных с оппозиционными деятелями, не скрывавшими конституционных мечтаний, объяснялось в том числе и семейными узами. И наоборот: успешное распространение мнений, враждебных самодержавной власти, опиралось на более или менее открытую поддержку их носителей родственниками (причём часто весьма дальними) из аристократических кругов. При этом автор выстраивал генеалогические цепочки, объединявшие высокопоставленных чиновников, лидеров оппозиции и даже откровенных радикалов и революционеров. Историк видел в этом важнейший фактор, который до сих пор недооценён, но многое объясняет в расстановке политических сил на рубеже XIX–XX вв.

Действительно, некоторые генеалогические реконструкции Островского впечатляют своей наглядностью и ещё более тем, что сделаны они на основе опубликованных и давно известных источников. Так, фрондировавший земский деятель И.И. Петрункевич был женат на графине Анастасии Сергеевне Паниной, вдове сына министра юстиции. Её мать, Анастасия Николаевна Мальцева (в девичестве – княжна Урусова), принадлежала к ближайшему окружению вел. кн. Марии Николаевны и императрицы Марии Александровны (I, с. 153). А дочь от первого брака Софья вышла замуж за сына государственного секретаря А.А. Половцова и Н.М. Юневой – внебрачной дочери вел. кн. Михаила Павловича. Правда, вскоре Софья Владимировна добилась развода, «посвятила себя общественной деятельности» и, в частности, финансово поддерживала «Революционную Россию» (I, с. 154, 242). Не менее характерен пример президента Вольного экономического общества и знаковой фигуры в земском движении гр. П.А. Гейдена – двоюродного брата начальника канцелярии Императорской Главной квартиры флигель-адъютанта гр. А.Ф. Гейдена (I, с. 199–200) и фрейлины императрицы Марии Фёдоровны гр. О.Ф. Гейден (I, с. 301–302). Савва Тимофеевич Морозов, поддерживавший земских либералов, а затем и социал-демократическую «Искру», помимо прочего, являлся

* Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

дядей жены начальника Переселенческого управления МВД А.В. Кривошеина (впоследствии товарища, а затем и главноуправляющего землеустройством и земледелием), который, в свою очередь, был шурином его брата — Сергея Тимофеевича (I, с. 238).

Помимо старообрядцев, внимание Островского привлекали сектанты, вращавшиеся в непосредственной близости от престола. Так, командир лейб-гвардии Преображенского полка (в 1867—1870 гг.) генерал-адъютант Г.И. Чертков, двоюродный брат мужа близкой к вдовствующей императрице обер-гофмейстерины гр. А.Д. Строгановой, был женат на также близкой к Марии Фёдоровне «видной баптистке» урождённой Е.И. Чернышёвой-Кругликовой, чья сестра находилась замужем за В.А. Пашковым, «по имени которого русские баптисты получили название пашковцев». К баптистам принадлежала и родная сестра Черткова, которая во втором браке стала женой гр. П.А. Шувалова, занимавшего в 1866—1874 гг. пост шефа жандармов (I, с. 301—302). Впрочем, следует отметить, что баптисты не занимались политикой и считались неблагонадёжными лишь в конфессиональном отношении.

Интересны судьбы детей входившего в круг доверенных лиц императрицы Марии Фёдоровны генерал-адъютанта кн. В.А. Барятинского. Его дочь Ирина вышла замуж за племянника жены И.И. Петрункевича (I, с. 301—302), а сын Владимир женился на популярной в леволиберальных и демократических кругах актрисе Л. Яворской (I, с. 302—303).

Обер-гофмейстер кн. Г.Д. Шервашидзе, управлявший двором вдовствующей императрицы, по словам Островского, «придерживался умеренно либеральных взглядов и был противником неограниченной самодержавной власти» (I, с. 301, 303). Он был женат на дочери барона А.П. Николаи, в 1884—1889 гг. председательствовавшего в Департаменте законов Государственного совета, Марии, а её двоюродный брат — барон Павел Николаевич Николаи — являлся двоюродным братом будущего первого наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, который в начале XX в., служа в МИД, «постепенно эволюционировал к марксизму». Сам же Павел, покинув государственную службу, стал лютеранским пастором, основателем Русского студенческого христианского движения и российского филиала «Ассоциации молодых христиан» (УМКА) (I, с. 303—304).

В книге обстоятельно рассмотрено окружение директора Департамента полиции МВД в 1902—1905 гг. А.А. Лопухина, который «имел разветвлённые родственные связи как при дворе и в правительстве, так и в лагере либеральной оппозиции». Ссылаясь на дубровинское «Русское знамя», историк писал: «В газетах сообщалось, что в прокурорские годы А.А. Лопухин находился в близких отношениях с некими Ц. и С., которые были связаны с революционными кругами. Получив предложение возглавить Департамент полиции, он якобы дал Ц-у телеграмму: “Взлетаю на солею, как бы там шею не свернуть”». Насколько могут быть достоверны подобные черносотенные слухи, собранные в статье с выразительным названием «Лопухинское отродье», автор не уточняет. Под стать Лопухину была и его жена, в девичестве — княжна Урусова, сестра кн. С.Д. Урусова, в начале XX в. — бессарабского и тверского губернатора, затем депутата I Думы, подписавшего Выборгское воззвание, мужа внучатой племянницы П.Л. Лаврова (I, с. 257—259).

Столь же пристально отслеживал Островский родственников кн. П.Д. Святополк-Мирского. При этом исследователь упоминает даже о том, что муж се-

стры князя «находился в отдалённом родстве с семьёй графа Михаила Тариевича Лорис-Меликова» (I, с. 370). Не сказано только, что его отец, кн. Д.И. Святополк-Мирский, и гр. М.Т. Лорис-Меликов с молодости оставались личными врагами. Справедливо указав на то, что в 1904 г. «назначению П.Д. Святополк-Мирского на должность министра протезировала императрица Мария Фёдоровна», историк полагал: «Не исключено, что определённую роль здесь сыграло то обстоятельство, что брат состоявшего при дворе императрицы Марии Фёдоровны князя Владимира Анатольевича Барятинского – Александр – был женат на сестре князя П.Д. Святополк-Мирского Ольге» (I, с. 373). Можно лишь сожалеть о том, что автор не пояснил, как именно столь опосредованные связи могли хоть как-то сказываться при замещении одной из важнейших должностей в империи. Зато многозначительно отмечено, что жена Святополк-Мирского (в девичестве гр. Е.А. Бобринская) «находилась в родстве с такими видными представителями либеральной оппозиции, как князь Г.Е. Львов и Н.Н. Львов» (I, с. 371).

Иногда подобные генеалогические изыскания приводят к некоторой путанице. Так, Островский писал, что муж сестры В.А. Маклакова (секретаря кружка «Беседа» и участника «Союза Освобождения») – сын адвоката В.И. Танеева – был прапраправнуком «масона генерал-майора Сергея Михайловича Танеева (1749–1825)» и внучатым племянником А.С. Танеева (младшего), отца близкой к императрице Александре Фёдоровне А.А. Вырубовой, управлявшего с 1896 г. Собственной е.и.в. канцелярией (I, с. 377). Однако В.И. Танеев, будучи внуком Ильи Михайловича Танеева, приходился С.М. Танееву внучатым племянником, двоюродным племянником – А.С. Танееву (старшему), а внуку того – А.С. Танееву (младшему) – соответственно троюродным дядей. Следовательно, его сын В.В. Танеев, муж А.А. Маклаковой, приходился главноуправляющему четвероюродным братом. Хотя, если вспомнить, что родные братья Василий и Николай Маклаковы являлись полными политическими антиподами и оппонентами, то трудно сказать, как отражалось на их судьбе и деятельности свойство с Танеевыми.

Удивительны родственные переплетения кн. Г.Е. Львова – будущего главы Временного правительства, входившего в начале XX в. в кружок «Беседа» и «Союз Освобождения». По материнской линии его родственником являлся многолетний начальник канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолов. В родстве с Георгием Евгеньевичем состоял и зять министра императорского двора барона В.Б. Фредерикса В.Н. Воейков. Сам же кн. Львов через свою тещу приходился дальним родственником Лопухину (I, с. 396–397).

Кн. А.Д. Оболенский, на рубеже XIX–XX вв. последовательно состоявший товарищем министра сначала в МВД у И.Л. Горемыкина и Д.С. Сипягина, потом в финансовом ведомстве у С.Ю. Витте, Э.Д. Плесске и В.Н. Коковцова, а в 1905–1906 гг. занимавший пост обер-прокурора Святейшего Синода, через жену (урождённую светлейшую княжну Е.Н. Салтыкову) находился в свойстве с членами «Союза Освобождения» князьями Долгоруковыми и Н.Н. Львовым (троюродным братом петербургского градоначальника И.А. Фуллона (I, с. 529–531)), обер-гофмаршалом императорского двора гр. П.К. Бенкендорфом, а также с семейством светлейших князей Ливенов (I, с. 415–417).

Островский предполагал, что свояченицей барона Э.Ю. Нольде, служившего в начале XX в. управляющим делами Комитета министров, была народница А.В. Якимова, а его зятем – живший в Симбирске и близкий к Ульяновым на-

родник А.А. Кадыан. К оппозиции оказались близки и дети Нольде: сын Борис работал в либеральной газете «Право», затем вступил в партию кадетов, дочь Екатерина стала женой Б.Г. Кнатца, принимавшего активное участие в консолидации конституционалистских сил в период «весны» при кн. Святополк-Мирском (I, с. 441–442).

Александр Владимирович систематически выявлял подобные «неблагонадёжные», по его мнению, связи представителей российской политической элиты. Однако показать, в какой мере они создавали условия для единомыслия и взаимодействия даже самых близких людей, ему так и не удалось. Страстное же желание увидеть в семейственности и клановости подсказку, способную объяснить происходившее в империи, не раз уводило исследователя по ложному следу.

Конечно, не подлежит сомнению то, что влиятельные и консолидированные аристократические кланы занимали в российской элите начала XX в. видное место. Относя к их числу Волконских, Шереметевых, Шуваловых, Воронцовых, К.А. Бенкендорф отмечал: «Когда я говорю об этих семейных группах, я чувствую, что должен немного пояснить их значение. Хотя к этому времени немногие из старшего поколения занимали важные посты в управлении империей, но в те дни крайнего политического напряжения, в результате которого в России был введён ограниченный конституционный режим, именно через представителей этих семей можно было широко влиять на решения монарха»³¹. Правда, упомянув несколько фамилий, мемуарист не уточнил, какие ещё дворянские семьи к ним примыкали. Л.П. Минарик выделяла четыре союза крупных землевладельцев, группировавшихся вокруг Шуваловых, Мещерских, близкой родни Императорской фамилии, а также знати польского происхождения³². А.С. Карцов писал, что «члены “родственной сети” оказывали друг другу неформальную, но весьма действенную поддержку, в том числе в деле проникновения и укрепления в составе правящей элиты»³³.

Между тем родственные связи того же гр. С.Д. Шереметева, являясь, безусловно, важнейшим ресурсом в его государственной и политической деятельности, были не только обширны, но и весьма разнообразны. Родство или свойство существовало между ним и министрами гр. И.И. Воронцовым-Дашковым, Д.С. Сипягиным, кн. П.Д. Святополк-Мирским, А.Г. Булыгиным, П.А. Столыпиным³⁴, финляндским генерал-губернатором гр. Ф.Л. Гейденом и др. При этом отношения графа с его высокопоставленными родственниками разительно различались: от близких и доверительных с Сипягиным до подчёркнуто формальных и настороженных со Столыпиным. Более того, далеко не всегда кланы спланировали ощущение общих интересов. А разница в политических взглядах часто становилась причиной конфликтов близких родственников даже внутри одной семьи.

Так, гр. Шереметеву долго не удавалось достичь взаимопонимания с сыном Павлом, который увлёкся земским движением и стал одним из основателей

³¹ Бенкендорф К.А. Половина жизни: воспоминания русского дворянина. М., 2014. С. 32.

³² Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. М., 1971. С. 21–23.

³³ Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004. С. 290.

³⁴ Белоусова О.В. «Вот где главное наше горе». Граф Сергей Шереметев и его высокопоставленные родственники // Родина. 2012. № 7.

кружка «Беседа», включавшего и других представителей аристократических семейств — Бобринских, Голицыных, Долгоруких. По свидетельству кн. М.В. Голицына, молодой граф «тогда был очень левого направления, дружил с земцами и земскими служащими из числа так называемых красных и неблагонадёжных и этим навёл на себя недовольство со стороны родителей, которые почти лишили его материальной помощи»³⁵. Как утверждал Ф.А. Головин, в самом начале 1896 г. Павел Сергеевич много говорил с ним «о борьбе земского начала с бюрократическим, о ничтожности личности государя. Весь этот разговор вёл к приглашению меня в состав тайного общества под названием “Беседа”»³⁶. Память, похоже, подводила мемуариста, поскольку кружок сформировался только в 1899 г. Тем не менее сын Сергея Дмитриевича, несомненно, играл в нём заметную роль. Одно из собраний даже проводилось на его квартире. Так, кн. П.Д. Долгоруков сообщал 8 марта 1902 г. В.Ю. Скалону: «Редакционное совещание назначено на 16 в 8 часов вечера в квартире графа П.С. Шереметева (Фонтанка, собственный дом), и обещает быть довольно интересным. Кроме литераторов будут и несколько земцев»³⁷. Обсуждать предполагалось работу открывшегося в январе 1902 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. «Учреждение Особого совещания, — вспоминал кн. М.В. Голицын, — вызвало для нашей “Беседы” необходимость собраться и столкнуться, причём на сей раз собрались в начале марта в Петербурге, в квартире Павла Шереметева во флигеле на Фонтанке». Там же «было решено на местах, где удастся, расширить не только программу вопросов, но и состав уездных земских собраний, рекомендовалось выдвигать вопросы правовые, финансовые, культурно-просветительные, поскольку они могли освещать местные нужды»³⁸.

Любопытно, что гр. С.Д. Шереметев являлся членом Особого совещания и 2 февраля отметил в дневнике: «Вечером первое заседание новой сельск[о]-хоз[яйственной] комиссии, или Особого совещания, под председ[ательством] Витте. Очень интересно, и начало обещает дело... Уже всплывает вопрос об общине»³⁹. В первой половине марта он находился в Москве и, по-видимому, ещё не догадывался о причастности сына к «Беседе», не говоря уже о проходившей у него встрече. Во всяком случае, в его дневнике в это время нет упоминаний о Павле или событиях, связанных с ним. Вернувшись 16 марта в Петербург, Сергей Дмитриевич почти ежедневно виделся с Сипягиным и его товарищем, кн. Святополк-Мирским, отвечавшим за жандармское ведомство. Но в том, что за графским домом ведётся полицейское наблюдение и уже известны собиравшиеся там участники «Беседы», высокопоставленные родственники ему так и не признались. Зато министр рассказывал о неудавшемся покушении на Трепова и межведомственных дрязгах.

³⁵ Голицын М.В. Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 196.

³⁶ Головин Ф.А. Николай II // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 82.

³⁷ Цит. по: Соловьёв К.А. Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899–1905. М., 2009. С. 168.

³⁸ Голицын М.В. Указ. соч. С. 288.

³⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5047, л. 13. Правда, вскоре граф с разочарованием признал: «Витте председательствует очень дурно. Совсем не в его характере. Всё больше сам говорит. Опять Сипягин выводит на путь. Каждый гнёт свою программу. Ермолов совсем неприличен, в сильном возбуждении. Спор на личной почве» (Там же, л. 36).

При этом, как и его отец, П.С. Шереметев оставался убеждённым монархистом. 2 мая 1903 г. он говорил Плеве: «Мне кажется, что за последнее время весьма распространились идеи необходимости конституции в России. Я должен заявить, что я решительно высказываюсь против такой формы правления в России, но не могу не сказать, что замечаю, как на моих глазах, за какие-нибудь два-три года последние идеи конституционализма сделали огромные успехи и очень распространены среди отдельных дворян и земств. Я против таких взглядов, ибо я думаю, что самодержавие нам необходимо, но основанное на местном самоуправлении. Поэтому для меня земство есть основа самодержавия. Если же угнетать земства, вообще местных людей, то мы неизбежно придём к конституции в России»⁴⁰.

Неудивительно, что гр. С.Д. Шереметев глубоко переживал идейный разлад с сыном. «Бедный Павел, — писал он в дневнике в 1899 г., — неужели он никогда не выкарабкается из этой лжи и не станет самостоятельным. Слишком уж он боится влечений и слишком нетерпим. Слабость характера уже давно и явно выразилась»⁴¹. Тем не менее отец внимательно присматривался к состоянию молодого графа и в том же году отмечал: «Павел сидел и ужинал. Он как будто тише, и курс словно слегка меняется»⁴². Постепенно отношения между ними выровнялись. После событий 1905–1906 гг. гр. П.С. Шереметев занялся изучением истории и народных промыслов, неоднократно представлялся императору. Примечательно, что без протекции отца в 1915 г. он стал членом Государственного совета от дворянских обществ.

Это наглядно показывает, что родственные связи, конечно, ни в коем случае не следует игнорировать, о них всегда необходимо помнить, но априорно установить их роль и значение по генеалогическим данным нельзя. В каждом конкретном случае требуется специально разбираться в том, что именно за ними стояло в том или ином семействе.

Софья Саломатина: История финансов и банков в современных дискуссиях о Российской империи
Sofya Salomatina (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Contemporary Discussions on Finance and Banking of the Russian Empire

DOI: 10.31857/S086956872204015X, EDN: JAYCWZ

В двухтомнике «Россия. Самодержавие. Революция» опубликованы обширные подготовительные материалы для исторического труда, задуманного, но так и не созданного А.В. Островским. Фактически это подробные конспекты: выписки из источников и исследований, к которым иногда добавлены комментарии, позволяющие судить о рабочих гипотезах автора. Значительную их часть составляют биографические сведения о государственных и общественных деятелях конца XIX — начала XX в., их семейных и профессиональных связях. Об окончательном замысле по этим текстам можно судить только приблизительно, но, судя по собранным данным, Островский искал новое объяснение

⁴⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 465, л. 3.

⁴¹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 131 об.

⁴² Там же, л. 136.

политической борьбы в Российской империи, которое учитывало бы сложную систему межличностных отношений в широко понимаемой элите.

Конечно, анализируя публикацию незавершённой рукописи, имеет смысл оценивать не столько проделанную Островским работу, сколько возможности дальнейшего использования оставленных им набросков и наблюдений, в том числе связанных с историей финансов и банков императорской России. Но для этого в первую очередь необходимо понять, насколько непротиворечива авторская концепция, какова её аргументация, на чём она основана и с помощью каких методов формировалась.

Разобраться в этом помогает небольшой раздел «На повороте», посвящённый событиям и процессам 1890-х — начала 1900-х гг. (I, с. 162–172). Как утверждал в нём Островский, в 1890-е гг. сельское хозяйство Российской империи находилось в застое, тогда как промышленность переживала подъём. При этом средства на её развитие поступали из-за рубежа. Исследователь упоминал о перипетиях российских государственных заимствований в Европе: в 1880-е гг. империя потеряла кредит у германских Ротшильдов, «перевела долги» во Францию, после чего развернулась таможенная война с Германией и начал оформляться русско-французский союз. Затем, ближе к концу 1890-х гг., произошли «трения и разрыв» с французскими и английскими Ротшильдами. Фоном всех этих процессов являлось недовольство Ротшильдов ситуацией с правами евреев в России. С конца 1890-х гг. Петербург находился в кредитной блокаде, не имея возможности взять новый заём. Однако к 1897 г. внешний долг страны заметно вырос. Кроме того, мобилизации капиталов, по мнению Островского, способствовали винная монополия и золотой стандарт. Полученные средства шли на строительство Сибирской магистрали, поддержку помещичьего дворянства и покрытие дефицита государственного бюджета.

Исследователь указывал на то, что промышленный подъём 1890-х гг. обеспечивался в значительной степени за счёт иностранного капитала, доля которого обычно недооценивается, поскольку статистика не фиксировала родственные связи, подставных лиц и зарубежных предпринимателей, принявших российское подданство. Если же учесть эти факторы, то в 1890-е гг. империя подошла к черте, за которой открывалась перспектива полного подчинения её экономики влиянию иностранцев. Однако движение в данном направлении сдерживали «конкуренция со стороны отечественного капитала» и самодержавная власть, опиравшаяся на сильный государственный сектор.

Таким образом, по логике автора, по мере того, как росла зависимость России от западных инвесторов, усиливалась заинтересованность европейских финансистов в установлении здесь конституционной формы правления, которая позволила бы им контролировать правительственную политику. Их союзниками выступали отечественные предприниматели — инородцы (прежде всего евреи), старообрядцы и другие оппозиционные силы. С воздействием извне автор связывал экономический кризис конца 1890-х — начала 1900-х гг., снижение золотого содержания рубля и дефицитный бюджет.

По-видимому, Островский пытался показать роль иностранного капитала в политической жизни России. При этом он в значительной степени опирался на расчёты В.И. Бовыкина⁴³, составив на их основе таблицу «Иностранные

⁴³ Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России: конец XIX в. — 1908 г. М., 1984. С. 157–180.

и отечественные капиталовложения в экономику России. 1893–1900 гг.» (I, с. 166). Правда, происхождение многих цифр, приведённых Александром Владимировичем не в таблице, а в тексте, установить не удалось, поэтому ссылаться на них рискованно. В работах Бовыкина, которые использовал Островский, учтён предшествующий опыт количественной оценки вложений иностранцев в российские ценные бумаги, а также капиталов иностранных акционерных обществ, действовавших в России. В них подробно объяснены источники используемых данных, методы расчёта и проверки показателей, которые в целом признаются сегодня не только в российской, но и в мировой историографии⁴⁴. Кроме того, Бовыкин на примере отдельных отраслей, фирм и компаний подвёл итоги изучения истории иностранного предпринимательства в России советскими и зарубежными исследователями 1960–1980-х гг.⁴⁵

Бовыкин считал, что роль иностранного капитала в развитии России была важной, но не решающей, оставаясь достаточно противоречивой. В то же время, по его мнению, чем слабее становилась архаичная политическая система, тем больше она нуждалась в финансовой поддержке извне. Однако инвесторы одной «национальности» никогда не образовывали единой группы, сплочённой общностью интересов. По сути, выводы Бовыкина⁴⁶ противоположны выводам Островского и вовсе не раскрывают политическую роль иностранцев. Островский же просто берёт цифры Бовыкина и приписывает к ним свои заключения, даже не поясняя, как он к ним пришёл. Никак не обосновывая свою позицию новыми сведениями или расчётами, он фактически ограничивается заявлением о том, что владение долговым обязательством или долей акционерной собственности предполагает претензии на власть, а наличие семейных, этнических и конфессиональных связей автоматически приводит к коллективным политическим действиям. В дальнейшем историк собирался «выявить связи между банками, промышленными, торговыми и транспортными компаниями и очертить контуры наиболее крупных группировок. Может быть, взять Дмитриева-Мамонова⁴⁷ и для начала с этой целью рассмотреть верхушку предприятий, в сумме дающих более 50% всего акционерного капитала» (I, с. 172).

Следует отметить, что Островский заметно искажает реалии изучаемой эпохи. О российских долгах в его конспектах постоянно говорится не как о ценных бумагах, находившихся за границей во владении многочисленных держателей, зачастую довольно скромного достатка⁴⁸, а как о государственных

⁴⁴ *Oosterlinck K.* Hope springs eternal: French bondholders and the repudiation of Russian sovereign debt. New Haven (Conn.); L., 2016. P. 1–6; *Ukhov A.* Financial innovation and Russian government debt before 1918 // Yale ICF Working Paper. 2003. № 03–20. P. 51.

⁴⁵ С тех пор опыт изучения темы, конечно, значительно обогатился, но Островский обращался только к двум монографиям: *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала...; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений...

⁴⁶ *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала... С. 180–183; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений... С. 57.

⁴⁷ Видимо, имелись в виду справочники: Указатель действующих в Империи акционерных предприятий. СПб., 1903; Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов / Под ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. В 2 т. СПб., 1905. О методике работы с ними см.: *Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала... С. 170–180.

⁴⁸ О мелких держателях российских ценных бумаг за рубежом см.: *Oosterlinck K.* Op. cit. P. 4–5; *Siegel J.* For peace and money: French and British finance in the service of tsars and commissars. Oxford, 2014. P. 16–17.

заимствованиях, обязательства по которым сосредоточены в чьих-то одних руках. Отсюда возникает ложное представление, будто Россия должна Франции, Германии, Великобритании, а не многочисленным рантье. Такой долг, по мнению Островского, можно, например, «перевести» из Германии во Францию. На самом же деле следовало бы сказать, что царское правительство попыталось разместить новые выпуски российских ценных бумаг в основном на французском рынке. Но немецкие кредиторы и инвесторы, разумеется, никуда не делись, и доля германского рынка при размещении новых выпусков оставалась заметной в начале 1890-х гг.⁴⁹

Манипулируя цифрами, Островский, возможно, не всегда улавливал, что именно за ними стояло. К примеру, Б.В. Ананьич, на которого он ссылается, приводил в своей книге документ, выражавший негативное отношение Министерства финансов Франции в 1897 г. к размещению на парижской бирже новых выпусков российских ценных бумаг на 2 млрд франков, поскольку стоимость тех, что уже обращались там, приближалась тогда к 8 млрд. Эти 10 млрд франков соответствовали бы почти половине государственного долга республики, достигавшего в 1897 г. 22 млрд⁵⁰. Иными словами, указывалось на то, что российские бумаги отвлекают потенциальных покупателей от французских. Островский же описывает ситуацию так, будто «обслуживание государственного долга Франции почти на 35% зависело от исправного и своевременного платежа России» (I, с. 165). Однако непонятно, как связаны между собой два французских рантье, один из которых владел российской облигацией, а другой – французской, если первый из них получал купонный доход от петербургского правительства, а второй – от парижского (в принципе это могло быть и одно лицо).

Политическое влияние мелких рантье основано на их желании обеспечить безопасность своих сбережений и инвестиций. Почувствовав малейшую угрозу, они могли, поддавшись панике, начать массово продавать ценные бумаги, снижая их курс. Российское правительство в целом справилось с задачей «не обрушить рынок» за рубежом, несмотря на все перипетии внутренней и внешней политики самодержавия с конца 1890-х гг. до Первой мировой войны. Известный подкуп французской прессы ради благоприятного освещения ситуации в России преследовал именно эту цель. Конечно, растущие долги, военные поражения и беспорядки сокращали пространство для дипломатических манёвров, но империя оставалась надёжным заёмщиком, и в ней нуждались союзники⁵¹. В рассуждениях о политической роли иностранного капитала эти аспекты нужно как-то учитывать.

Не менее существенно искажались Островским функции банков и частных банкиров. Он видел в них «главных кредиторов России». В его конспектах Россия то «взяла первый заём у Ротшильдов», то «потеряла кредит у германских Ротшильдов» (I, с. 162–163). Но кредиторами являлись собственно

⁴⁹ Подробнее см.: *Ананьич Б.В., Лебедев С.К.* Международные банковские консорциумы для выпуска облигаций российских железнодорожных обществ до 1914 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. С. 434–460; *Лебедев С.К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 213–401.

⁵⁰ *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 29.

⁵¹ *Oosterlinck K.* Op. cit. P. 1–14; *Siegel J.* Op. cit. P. 1–11.

держатели облигаций (а владельцы акций выступали инвесторами). Банки же были посредниками, «андеррайтерами», гарантировавшими размещение ценных бумаг, проводившими операции с ними и получавшими за это разные комиссионные доходы⁵². По сути, во всех случаях, когда в книге говорится о «кредиторах России», речь идёт именно о посредничестве по выводу новых облигаций на рынок. Для того, чтобы рантье захотели их приобретать, была очень важна надёжность и высокая деловая репутация андеррайтеров, возглавлявших группу посредников, проводивших конкретную эмиссию ценных бумаг. Её неудача (отсутствие спроса) или дефолт эмитента (правительства либо компании) подрывали доверие к следующим выпускам. В XIX в. андеррайтер при определённых условиях даже брал на себя ответственность за успех эмиссии.

Ротшильды выступали андеррайтерами на рынке государственных займов, т.е. их клиентами, чьи облигации они выводили на рынок, являлись правительства разных стран. Доля рынка, контролируемого Ротшильдами, была очень большой, что позволяло им влиять на ситуацию. В 1815–1837 гг. вместе с «Братьями Бэринг» они делили 50% лондонского рынка иностранных государственных облигаций, а в 1839–1859 гг. — 40%⁵³. В 1895–1914 гг. рыночная доля Ротшильдов сократилась, как и их влияние, но и на лондонском, и на парижском рынках они всё ещё входили в первую тройку андеррайтеров⁵⁴. Многие правительства по-прежнему пытались стать их клиентами. Однако, поскольку андеррайтер такого уровня брал на себя один из самых больших финансовых рисков, он был крайне избирателен в клиентах. Переговоры с ним шли сложно: он мог их отложить и даже прервать, если ему не нравилось состояние рынка или же у него возникали претензии к клиенту⁵⁵. В то же время в последней трети XIX в. окончательно оформилась техника размещения ценных бумаг на рынке через большие группы банков (синдикаты), что позволяло распределить риск между участниками, поэтому в конце столетия каждый из них при проведении эмиссии работал с ограниченным количеством облигаций⁵⁶. Так или иначе, России удавалось договариваться: не на одном рынке, так на другом, не в этом году, так в следующем, не через Ротшильдов, так через других посредников.

Говоря о поддержке Ротшильдами борьбы за права российских евреев, Островский почему-то пытается опереться на сочинения А.И. Солженицына и Л. Полякова, а также эмигрантские мемуары общественного деятеля Г.Б. Слиозберга и белого генерала Е.И. Балабина⁵⁷, хотя их суждения в лучшем

⁵² По образному выражению исследовательской группы М. Фландро, это были привратники у входа на рынок государственного долга (*Flandreau M., Flores J., Gaillard N., Nieto-Parra S. The End of Gatekeeping: Underwriters and the Quality of Sovereign Bond Markets, 1815–2007 // NBER Working Paper. № 15128. 2009. July*).

⁵³ *Flandreau M., Flores J.H. Bonds and Brands: Foundations of Sovereign Debt Markets, 1820–1830 // The Journal of Economic History. Vol. 69. 2009. № 3. P. 663.*

⁵⁴ *Flandreau M., Flores J., Gaillard N., Nieto-Parra S. Op. cit. P. 29.*

⁵⁵ Подробнее об этих перипетиях см.: *Ананьич Б.В. Россия и международный капитал...; Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк...; Siegel J. Op. cit.*

⁵⁶ *Chapman S. The rise of merchant banking. L.; Boston, 1984. P. 82–103.*

⁵⁷ *Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. Изд. 2. М., 2009. С. 289–290; Поляков Л. История антисемитизма: эпоха знаний. М.; Иерусалим, 1998. С. 279; Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 2. Париж, 1933. С. 7, 174; Балабин Е.И. Далёкое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 254.*

случае могут свидетельствовать о позднейшем восприятии роли Ротшильдов в обществе.

Между тем существует научная литература, посвящённая тому, что думали и делали Ротшильды, написанная на основе документов из их архивов, а также материалов дипломатических и финансовых ведомств разных стран Европы⁵⁸. В этих исследованиях отмечается, что Ротшильды открыто выражали недовольство антисемитизмом российских властей, но их решения в конечном счёте зависели от рынка и правительств тех стран, в которых они действовали. Никаких уступок, связанных с расширением прав евреев в России, им не делалось. В целом не стоит преувеличивать политическое влияние Ротшильдов в конце XIX в., оно было ограниченным даже в период расцвета их банкирских домов в 1830–1840-е гг., а с тех пор только уменьшалось, хотя их экспертные оценки, опиравшиеся на длительный успешный опыт, по-прежнему имели большой вес. С начала XX в. Ротшильды перестали работать с российскими облигациями, окончательно отдав этот рынок французским коммерческим банкам. Кстати, значительная часть иностранных заимствований Петербурга была сделана уже после этого.

Конечно, высокий статус Ротшильдов влиял на их взаимоотношения с еврейской диаспорой. Их дальние родственники, единоверцы и соплеменники, как правило, занимали более скромное положение в обществе и нуждались в покровительстве. Вести же дела Ротшильды предпочитали с равными себе, что хорошо видно на примере многонациональной и многоконфессиональной верхушки Лондонского Сити, где банковские синдикаты, возглавляемые Ротшильдами, не вписывались в узкое понятие еврейского капитала⁵⁹. Тем более не соответствовали они представлениям Островского об определяющем значении национальности и веры в бизнесе и в политике.

Также нет никаких оснований искать какую-либо политическую подоплёку у таких разнородных явлений, как экономический кризис конца 1890-х – начала 1900-х гг., снижение золотого содержания рубля или дефицит бюджета. В итоге, если иностранный капитал и играл некую политическую роль в Российской империи, то она так и осталась не раскрытой. Не было показано в книге и то, как в той или иной конкретной обстановке семейные, этнические и конфессиональные связи встраивались в систему принятия решений. Собранные для этого биографические данные в тексте словно бы «положили рядом», чтобы потом решить, как сделать их частью аргументации. Впрочем, не исключено, что увлекавшая автора идея вовсе не может быть обоснована источниками без корректировки исходной гипотезы.

И всё же публиковать такие черновики стоило. При изучении элит Российской империи ещё многое предстоит установить и продумать, поэтому даже проверка ложных подходов и ошибочных суждений может оказаться полезной для постановки задач и определения методов будущих исследований.

⁵⁸ *Gille B.* Histoire de la Maison Rothschild. Vol. I. Des origines a 1848. Geneva, 1965; Vol. II. 1848–1870. Geneva, 1967; *Girault R.* Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887–1914: recherches sur l'investissement international. Paris, 1973; *Stiern F.* Gold and iron: Bismarck, Bleichröder, and the building of the German Empire. N.Y., 1979; *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал...; *Siegel J.* Op. cit.; *Фергюсон Н.* Дом Ротшильдов. Пророки денег. 1798–1848. М., 2019; *Фергюсон Н.* Дом Ротшильдов. Мировые банкиры. 1849–1999. М., 2019.

⁵⁹ *Chapman S.* Op. cit. P. 39–69, 82–103.

**Михаил Алмазов: Действия московской власти в 1905 г.
в интерпретации А.В. Островского**

*Mikhail Almazov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
A.V. Ostrovskii on the actions of the Moscow authorities in 1905*

DOI: 10.31857/S0869568722040161, EDN: JAYEVH

Работа покойного А.В. Островского стала фактически первой за последние 10 лет попыткой масштабного авторского осмысления природы российского революционного процесса и реформирования государственного строя в начале XX в. Затронул исследователь и проблему потенциала и эффективности действий московских властей в борьбе с революционным и либерально-оппозиционным движением. Обращение к данной теме представляется особенно важным при изучении причин Октябрьской всеобщей политической стачки 1905 г., как известно, начавшейся именно в Москве. Конечно, приходится учитывать незавершённость данного труда учёного и предварительный характер освещения многих сюжетов книги. Однако уверенность историка в том, что в 1905 г. оформился негласный союз между частью бюрократии и оппозиционными силами, заставляет внимательнее присмотреться к характеристике им лиц, стоявших во главе московской администрации в период Октябрьской стачки, и прежде всего генерал-губернатора П.П. Дурново, градоначальника барона Г.П. Медема и начальника охранного отделения А.Г. Петерсона.

Говоря о Дурново, ставшем генерал-губернатором 15 июля 1905 г., Островский подробно описал его семейные и деловые связи, полагая, что они оказали серьёзное влияние на его назначение и последующие действия. Особо отмечены при этом «декабристские связи П.П. Дурново». «Прежде всего здесь следует назвать его дядю по отцу Николая Дмитриевича Дурново, который входил в преддекабристскую организацию “Рыцарство”», — указывает Островский (I, с. 672). Но почему-то забывает добавить, что 14 декабря 1825 г. флигель-адъютант Н.Д. Дурново находился в ближайшем окружении Николая I и удостоился упоминания в царских записках об этом событии наряду с кн. П.В. Голенищевым-Кутузовым, С.С. Стрекаловым и графами В.Ф. Адлербергом и В.А. Перовским⁶⁰. Гораздо интереснее историку показалось то, что «дядя» (а на самом деле — дальний родственник) жены генерал-губернатора, урождённой кн. М.В. Кочубей, «был женат на княжне Елене Сергеевне Волконской — дочери знаменитого декабриста Сергея Григорьевича Волконского и Марии Николаевны Раевской, отправившейся вместе с мужем в Сибирь и воспетой Н.А. Некрасовым». И опять же ни слова не сказано о том, что сама Мария Васильевна приходилась внучкой создателю МВД, а позднее — председателю Государственного совета кн. В.П. Кочубею, который был фигурой во всех отношениях несопоставимо более крупной. По ошибке тестем Петра Павловича в книге назван не имевший отношения к его жене Василий Аркадьевич Кочубей. Кстати, среди прямых предков генерал-губернатора были генерал-аншеф и екатерининский сенатор, губернский предводитель петербургского дворянства, по материнской линии — знаменитые заводчики Демидовы... Однако все они игнорируются, а читателю сообщается про ускользающее дальнейшее родство с Муравьёвыми-Апостолами и проч. Впрочем, важнее всего то, что

⁶⁰ Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император / Сост. Н.И. Азарова. М., 2000. С. 57.

автор не пояснил, как те или иные родственные отношения и воспоминания сказались на деятельности Петра Павловича в 1905 г. (I, с. 672).

Упомянув, что «П.П. Дурново был не только чиновником, но и предпринимателем», историк обнаружил у него «тесные связи с семьёй Гинцбургов», из чего делался вывод: «Таким образом, летом 1905 г. управление Москвой было передано в руки человека, который самым тесным образом сотрудничал с еврейским капиталом и был близок к признанному лидеру еврейского народа барону Г.О. Гинцбургу — человеку, который не только стоял за спиной возникшего весной 1905 г. Союза борьбы за полноправие еврейского народа, но и имел связи с революционным подпольем. Поэтому рассчитывать на твёрдость П.П. Дурново в борьбе с революционным движением не приходилось» (I, с. 673). При этом биограф банкира Г.Б. Слиозберг, на которого ссылался исследователь, писал исключительно о том, что Дурново посещал дом барона «в числе многих других генералов», поскольку вместе с Гинцбургами (и иными компаньонами, каковых было немало) состоял в числе учредителей и пайщиков ряда банков и акционерных обществ⁶¹.

Вместе с тем в книге практически нет сведений о карьере Дурново, хотя в 1866—1870 гг. он занимал пост харьковского, а в 1872—1878 гг. — московского губернатора, т.е. обладал серьёзным административным опытом (включая столкновения с городским головой Первопрестольной) и давно знал город, которым руководил в 1905 г.⁶² Кроме того, с 1884 г. Дурново состоял гласным, а с 1904 г. — председателем Петербургской городской думы, и следовательно был близко знаком с особенностями местного самоуправления и его деятелями.

Видимо, эти обстоятельства и побудили императора остановиться на его кандидатуре. Чьим именно выдвинутым он был, на основе имеющихся данных сказать сложно. С.Ю. Витте в мемуарах склонялся к мысли, что «Пе Пе Дурново» был протеже председателя Государственного совета гр. Д.М. Сольского⁶³. Но, скорее всего, в Москву Петра Павловича направили не по инициативе министра внутренних дел А.Г. Булыгина и его товарища Д.Ф. Трепова. Островский вслед за В.Ф. Джунковским (в 1905 г. исправлявшим должность губернатора) даже сообщал об их противодействии назначению Дурново, но какими-либо документами это не подтверждается (I, с. 673).

По своим политическим воззрениям новый генерал-губернатор был скорее конформистом. Так, Витте в различных фрагментах своих мемуаров усматривал в его мировоззрении то «смесь либерализма и дворянского “моему нраву не препятствуй”», то отсутствие «определённых взглядов»⁶⁴. В то же время Пётр Павлович мог действовать в охранительном духе: председательствуя в петербургской думе, он в 1904 г. запретил либеральным гласным обсуждать приветственный адрес министру внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирскому, заявив о несочувствии «новому курсу»⁶⁵. Позднее, уже находясь в отставке,

⁶¹ Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург. Его жизнь и деятельность. К столетию со дня его рождения. Париж, 1933. С. 70.

⁶² Неслучайно при назначении Николай II поручил ему доставить «сведения о настоящем положении московского генерал-губернаторства» (ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 553, л. 1).

⁶³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 200, 298.

⁶⁴ Там же. С. 200, 298.

⁶⁵ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм... С. 38.

генерал-адъютант демонстрировал оппозиционные настроения⁶⁶. Джунковский и Витте, подробнее других писавшие о личности московского генерал-губернатора, изображали его самовлюблённым бездельником, краснобаем и мелочным самодуром, не способным к серьёзному делу⁶⁷. Другие мемуаристы (Д.Н. Любимов, Г.О. Раух, М.С. Тюлин) фактически подтверждали эти наблюдения⁶⁸. Генерал-славянофил А.А. Киреев и вовсе обвинял его в трусости⁶⁹.

Судя по делопроизводственной документации, генерал-губернатор крайне вяло реагировал на поступавшие сведения о росте революционного движения. Например, 25 сентября он никак не откликнулся на сообщение московского охранного отделения о стрельбе при столкновении между рабочими и войсками около дома градоначальника на Тверском бульваре⁷⁰. Впрочем, временами у него просыпался интерес к происходящему. Так, в приложении к докладу охранного отделения о задержанных после похорон ректора Московского университета кн. С.Н. Трубецкого у некоторых из них им были подчёркнуты либо место обучения, либо род занятий, либо возраст⁷¹.

Отмеченные Джунковским самодурство и мелочность «главного начальника» Москвы ярко проявились в предложении, сделанном им градоначальнику Медему 25 сентября: «не выезжать» из дома и взять на себя функции «главнокомандующего», разложив «на большом столе» план города и приказав чиновнику для особых поручений «наколоть» булавки на места расположения войсковых и полицейских нарядов для отслеживания их передвижения (сведения об этом должны были доставлять «по телефону» московские приставы)⁷². О техническом исполнении столь масштабной «операции» полицейским начальством, обременённым множеством обязанностей, Дурново явно не задумывался. Самым деструктивным же образчиком «охранительного творчества» генерал-губернатора стало данное им градоначальнику разъяснение, согласно которому обязательные постановления 1902 и 1905 гг., регулировавшие торговлю оружием, распространялись лишь на жителей Москвы и Московской губ., но не на тех, кто делал покупки «по почтовой квитанции»⁷³. Но и это едва ли свидетельствовало о его нелояльности существовавшему строю.

В докладной записке, составленной для Николая II к началу октября 1905 г., генерал-губернатор подробно изложил свой взгляд на либерально-оппозиционное и революционное движение в Москве. Не отрицая растущего влияния либералов на протестные выступления, Пётр Павлович заверял царя, что их представители стремятся лишь к удовлетворению личного тщеславия. Со своей стороны, он добивался усиления собственной власти: передачи в его ведение органов политического сыска, подчинения уездной полиции, действо-

⁶⁶ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 442; Дёмин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1907. М., 2006. С. 63.

⁶⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания / Под ред. А.Л. Паниной. Т. 1. М., 1997. С. 66; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 200, 298. См. также: Sanders J. The uprising of Moscow 1905. N.Y., 1987. P. 579–582.

⁶⁸ Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018. С. 256; ОР РГБ, ф. 307, к. 1, д. 4, л. 4; ГА РФ, ф. Р-6249, оп. 1, д. 1, л. 46.

⁶⁹ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / Публ. К.А. Соловьёва. М., 2010. С. 90.

⁷⁰ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М., 1955. С. 60–61.

⁷¹ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 248, л. 65–66.

⁷² «Дежурные» дневники московского градоначальства. 25 сентября 1905 г. – 10 января 1906 г. // Материалы по истории революции 1905–1907 гг. М., 1967. С. 30.

⁷³ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 264, л. 2.

вавшей в пригородах, столичному начальству, увеличения полицейских штатов⁷⁴. 4 октября, представляясь монарху, он испрашивал разрешения на обсуждение этих мер с Треповым, а 12 октября предложил Булыгину уравнивать в правах московского и Санкт-Петербургского генерал-губернаторов (это означало бы предоставление главе администрации дополнительных полномочий по поддержанию «порядка»: ставило бы под его контроль все гражданские учреждения, позволяло издавать любые обязательные постановления и вызывать по собственному усмотрению войска и т.д.). Очевидно, что данные инициативы явно не соответствовали планам оппозиции. Но 18 октября Трепов признал их несвоевременными после издания Манифеста 17 октября⁷⁵. Тем не менее Дурново вновь попытался расширить свои полномочия в ноябре 1905 г.⁷⁶ Вместе с тем ещё 29 сентября с подачи Медема он обратился к командующему войсками Московского военного округа Н.Н. Малахову с просьбой усилить гарнизон Москвы несколькими расквартированными за её пределами частями⁷⁷.

До Октябрьской стачки, пока не возникало необходимости применять силу, генерал-губернатор демонстрировал достаточно жёсткую позицию по отношению к протестам общественности. Сентябрьский земско-городской съезд Дурново, по согласованию с Треповым, разрешил провести лишь как частное собрание и при обязательном присутствии своего управляющего канцелярией А.А. Воронина⁷⁸. 25 сентября генерал-губернатор призывал казаков не стесняться применять оружие при подавлении беспорядков⁷⁹. Правда, по мере обострения ситуации Дурново пасовал: 15 октября он без возражений переслал Трепову петицию делегации московских фабрикантов, требовавших предоставления широких политических прав для успокоения бастовавших рабочих⁸⁰.

Назначенного 16 июля градоначальником барона Медема Джунковский именовал ставленником Дурново (I, с. 673–674)⁸¹. В 1879–1892 гг. барон возглавлял жандармскую полицию Царскосельской и Петергофской железнодорожных линий, в 1892–1893 гг. командовал Московским, а в 1893–1903 гг. – Санкт-Петербургским жандармскими дивизионами, после чего в 1903–1905 гг. занимал пост помощника начальника Отдельного корпуса жандармов. Бегло упомянув о его службе, Островский справедливо указал на полное отсутствие у Медема административного опыта (I, с. 674). Однако решающее значение играли всё же его личностные и деловые качества. Джунковский и Витте видели в нём заурядного жандармского строевого генерала (по мнению Джунков-

⁷⁴ Там же, д. 553, л. 1–3. Вскоре после своего назначения Дурново также просил Булыгина увеличить средства, выделявшиеся «на непредвидимые расходы по генерал-губернаторскому управлению». Однако в условиях финансового кризиса, вызванного русско-японской войной, император распорядился выплачивать Петру Павловичу ту же сумму, что и его предшественнику А.А. Козлову – 12 тыс. руб. (РГИА, ф. 934, оп. 2, д. 142, л. 6–6 об.).

⁷⁵ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 233, д. 43, л. 81–82, 84.

⁷⁶ Там же, оп. 95, д. 261, л. 147–148; *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909 / Публ. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014. С. 504.

⁷⁷ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 261, л. 12; *Всероссийская политическая стачка... Ч. 1.* С. 84–85.

⁷⁸ *Либеральное движение в России. 1902–1905.* М., 2001. С. 390; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 186, л. 2, 3.

⁷⁹ «Дежурные» дневники... С. 30.

⁸⁰ *Всероссийская политическая стачка... Ч. 1.* С. 477; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 217, л. 35. См. также: *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм... С. 129–130.

⁸¹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 65.

ского, не особенно понимавшего суть происходившего)⁸². Дежурный генерал штаба Московского военного округа Тюлин обличал градоначальника в трусости, развращённости и глупости⁸³.

Вместе с тем делопроизводственная документация свидетельствует, что барон отличался не только некомпетентностью в административных делах, но и формальным отношением к своим обязанностям. 20 сентября, ознакомившись с текстом экономических требований рабочих типографии Товарищества И.Д. Сытина, Медем ограничился тем, что приказал охранному отделению «принять предупредительные меры»⁸⁴. Неопределённость распоряжения способствовала началу забастовки работников московских типографий, являвшейся прологом Октябрьской всеобщей стачки⁸⁵. 2 октября на сообщении пристава 2-го участка Тверской части А.А. Юрьева о революционной деятельности одного из членов Союза типолитографских рабочих — машиниста Н.И. Чистова — появилась резолюция градоначальника: «Иметь это сообщение в виду. Пора приступить к действиям»⁸⁶. Никаких конкретных указаний вновь не последовало. Между тем в тот же день представители пяти профсоюзов (типографов, рабочих механического производства, столяров, табачников и железнодорожников) постановили призвать трудящихся Москвы выбирать депутатов для координации дальнейшей стачечной борьбы, а Союз типолитографских рабочих выпустил воззвание, убеждавшее городской пролетариат в необходимости выдвижения политических требований⁸⁷.

Островский не исключал, что подобным поведением барон выражал поддержку замыслов Витте по преобразованию страны. К числу «компрометирующих фактов» историк отнёс даже поздравительную телеграмму жены Медема — певицы М.А. Славиной — супруге председателя Комитета министров Матильде Ивановне по случаю пожалования Сергею Юльевичу графского титула. Подозрительным показалось исследователю и сообщение московским градоначальником Трепову излишне успокоительных сведений о ситуации в городе накануне Октябрьской стачки, а также представление доклада о железнодорожной забастовке 8 октября, т.е. через два дня после её начала (II, с. 118, 125, 177). Поздравления певицы вряд ли могут как-то объяснить действия её мужа, даже если допустить, что она рассчитывала тем самым обеспечить ему благосклонность вновь набиравшего силу сановника. А вот Трепова Медем действительно дезинформировал, однако, скорее всего, не из политических соображений, а исключительно из стремления избежать ответственности перед начальством за столь неблагоприятное положение на вверенной ему территории. Впоследствии, донося 21 октября о событиях в Москве после публикации манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», градоначальник точно так же не станет информировать Петербург о фактическом бездействии полиции во время столкновений «черносотенных» манифестантов и левых радикалов⁸⁸. О железнодорожной забастовке Медем, согласно «дежурным» дневникам

⁸² Там же; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 399. См. также: *Sanders J.* Op. cit. P. 584.

⁸³ ОР РГБ, ф. 307, к. 1, д. 4, л. 5.

⁸⁴ Всероссийская политическая стачка... Ч. 1. С. 49–50.

⁸⁵ Там же. С. 60–62; Первая революция в России. Взгляд через столетие. С. 289–292.

⁸⁶ Всероссийская политическая стачка... Ч. 1. С. 403.

⁸⁷ Там же. С. 403–406.

⁸⁸ Там же. С. 468.

градона начальства, узнал только 7 октября, данные же охранного отделения поступили уже на следующий день, и соответственно донесение в Департамент полиции было составлено незамедлительно⁸⁹.

Как и генерал-губернатор, в ряде случаев Медем действовал довольно решительно. Например, 10 октября в телеграмме заведующему политической частью Департамента полиции П.И. Рачковскому он поставил вопрос о введении в Москве военного положения⁹⁰. Однако зачастую его шаги лишь озадачивали современников: вступление московского градона начальника 6 октября в ряды «Русской монархической партии» В.А. Грингмута воспринималось как курьёз даже в консервативной среде⁹¹.

Хуже всех, по мнению Островского, проявил себя осенью 1905 г. Петерсон, получивший 22 сентября должность начальника Московского охранного отделения. Учёный ошибочно считал его родственником видного либерального оппозиционера В.Д. Набокова (что убедительно опровергли публикаторы книги) и убеждённым конституционалистом (II, с. 116–117). К сожалению, исследователь вслед за Р.Ш. Ганелиным некритично воспринял слова бывшего сотрудника московской охранки Л.П. Меньщикова, приписавшего Петерсону записку, подготовленную к 14 февраля 1905 г. одним из его предшественников на посту руководителя политического сыска Первопрестольной В.В. Ратко⁹².

Джунковский и А.А. Рейнбот (московский градона начальник в 1906–1907 гг.) критиковали Петерсона за нераспорядительность и неосведомлённость о происходившем в городе⁹³. Между тем это был ученик С.В. Зубатова, удостоившийся от него лестной аттестации и несколько лет служивший в охранных отделениях Москвы (исправляющий должность чиновника для особых поручений в 1900–1902 гг.), Санкт-Петербурга (помощник начальника в 1902–1903 гг.) и Варшавы (исправляющий должность начальника в 1903–1905 гг.). В августе 1905 г. его командировали в распоряжение Медема, видимо, для усиления сыска⁹⁴. И тут офицер, принявший дела в самый напряжённый момент, похоже, растерялся. К тому же именно осенью 1905 г. Петерсон, всегда болезненно ощущавший недостаток материальных средств⁹⁵, приобрёл имение, после чего оказался должен многим лицам (в том числе агенту варшавской охранки М.Е. Бакаю) и лихорадочно изыскивал способы расплатиться с кредиторами, забросив службу, в чём его впоследствии обвинили в Департаменте полиции⁹⁶.

⁸⁹ Там же. С. 414; «Дежурные» дневники... С. 39.

⁹⁰ Всероссийская политическая стачка... Ч. 1. С. 422.

⁹¹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 124, 126.

⁹² В этом документе, далёком от радикальных конституционных требований, признавалась готовность значительных общественных групп к борьбе с правительством и предлагалось привлечь часть «умеренных элементов общества» к «законодательной деятельности» (не уточняя условий, кроме имущественного ценза), а также намечался ряд социальных реформ и преобразований в организации сыска и судебной системы империи (Записка начальника Московского охранного отделения В.В. Ратко / Публ. Л.В. Ульяновой // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. Документальные свидетельства / Сост. А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев, А.А. Чернобаев. М., 2017. С. 25–29).

⁹³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 114; РГИА, ф. 1393, оп. 1, д. 14, л. 4.

⁹⁴ ГА РФ, ф. 63, оп. 53, д. 201, л. 1, 14, 44, 48, 49.

⁹⁵ Так, он неизменно жаловался на слишком мелкие суммы прогонных денег (Там же, л. 22а, 36, 61).

⁹⁶ Там же, ф. 110, оп. 6, д. 3516, л. 13, 19 об.

Таким образом, можно согласиться с Островским в том, что руководители московской администрации осенью 1905 г. далеко не соответствовали занимаемым должностям, однако о полном параличе власти в городе (I, с. 674) говорить всё же не приходится. Также нет оснований усматривать в их назначении чей-то тайный умысел дезорганизовать местное управление. Более того, изначально их кандидатуры не могли считаться неподходящими. Сами же чиновники отнюдь не вели какой-то двойной игры и даже пытались по мере сил исправить ситуацию.

Нельзя забывать и об объективных обстоятельствах, сложившихся в Москве в 1905 г. Крайняя малочисленность городской и фабрично-заводской полиции, жандармов и сотрудников охранного отделения⁹⁷ создавала колоссальные трудности при поддержании порядка в городе. Быстро же увеличить штаты действовавших подразделений и структур было практически невозможно ввиду ведомственных противоречий, «битвы за денежные ресурсы» и враждебности оппозиционной Московской городской думы, оплачивавшей 37,5% полицейских расходов⁹⁸. Каждое ведомство всячески избегало даже потенциального вмешательства в свои дела. Московская жандармская железнодорожная полиция при поддержке Трепова и генерал-губернатора А.А. Козлова тщетно добивалась того, чтобы её сотрудникам разрешили присутствовать на собраниях рабочих-железнодорожников, однако в Министерстве путей сообщения её усилия упорно саботировали⁹⁹. Силы гарнизона, в 1905 г. всё чаще привлекавшиеся к исполнению полицейских обязанностей, были серьёзно ослаблены массовой отправкой солдат на Дальний Восток, демобилизацией после завершения русско-японской войны и признанием полковыми комиссиями многих новобранцев негодными к службе¹⁰⁰. При этом отсутствие централизованного руководства войсками, направленными в распоряжение администрации, порождало трудности при взаимодействии полиции и армейских частей (слишком позднее или раннее прибытие подразделений, неосведомлённость их командиров о топографии Москвы, стремление местного начальства удержать воинские контингенты и т.д.). Необходимость пребывания в нарядах бессменно по несколько дней, часто неудовлетворительные условия содержания (в том числе из-за скудных полицейских ресурсов) приводили как к усталости и недовольству солдат, так и к обоснованным претензиям к властям города со стороны командования военного округа¹⁰¹. А поскольку эти проблемы были характерны для всей империи, решать их, опираясь на нужды Первопрестольной, обычно не удавалось¹⁰².

⁹⁷ ЦГА Москвы, ф. 46, оп. 14, д. 61, л. 49 об.–50, 57 об.–58; Высший подъём революции 1905–1907 гг. Вооружённые восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года. Ч. 1. М., 1955. С. 614, 742; Декабрьское восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции / Публ. И.В. Говорова // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 183; *Гурьев В.И.* Московская полиция. 1881–1917 гг. Изд. 2. СПб., 2017. С. 53–54, 111–112.

⁹⁸ ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 2, т. 2, л. 1, 8, 39; *Гурьев В.И.* Московская полиция... С. 102, 105–107.

⁹⁹ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 212, л. 1, 6–7, 8, 10–10 об.

¹⁰⁰ РГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 217, л. 3 об.; ф. 1606, оп. 2, д. 1113, л. 27, 29 об., 31; Из истории Московского вооружённого восстания. Документы и материалы. М., 1930. С. 46–47.

¹⁰¹ РГВИА, ф. 1606, оп. 2, д. 1113, л. 13–15; д. 440, л. 173; д. 1118, л. 764; ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 773, т. 9, л. 128–129; *Дневник Л.А. Тихомирова...* С. 128.

¹⁰² ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 261, л. 12–12 об.; *Всероссийская политическая стачка...* Ч. 1. С. 430, 679.

Наконец, отношение императора и руководства МВД (особенно Трепова) к либеральному движению, ведущее положение в котором занимали представители именитых дворянских родов, в условиях военных поражений и финансового кризиса до июльского земского-городского съезда, призвавшего общество к борьбе с правительством, оставалось достаточно осторожным. Островский ошибочно полагал, будто Козлов допустил земский съезд 22–24 мая вопреки воле императора, выраженной в телеграмме Трепова 23 мая (I, с. 632). 24 мая Николай II передал решение на усмотрение генерал-губернатора, указав только: «Действуйте по совести и на основании действующего закона»¹⁰³. Конечно, Островский видел объективные трудности, с которыми сталкивалась московская власть. Так, анализируя переписку Медема и Трепова, он обнаружил фактическое равенство бюджетов охранного отделения и партии социалистов-революционеров (II, с. 94–95). Однако рассмотреть влияние этого фактора на действия администрации он не успел или не счёл необходимым.

***Илья Стрекалов: Новейшая попытка пересмотра истории
Первой русской революции***

Ilya Strekalov (Moscow, Russia):

The latest attempt to revise the history of the First Russian Revolution

DOI: 10.31857/S0869568722040173, EDN: JBAEKO

Книга «Самодержавие или конституция?» стала итогом научных изысканий А.В. Островского, касавшихся истории России начала XX в. В центре его внимания – факторы, обусловившие преобразование политической системы империи, создание народного представительства и введение Манифестом 17 октября 1905 г. конституционных норм. По сути, автор размышляет о том, кто инициировал Первую русскую революцию – власть, народ, партийные пропагандисты? Конечно, Островский далеко не первый историк, задумавшийся над этими вопросами: историография темы насчитывает сотни работ, в которых отражено множество подходов – от утверждений о закономерности и целесообразности революционных процессов до признания их случайности и хаотичности. Александр Владимирович взялся за освещение этих сюжетов с присущей ему скрупулёзностью, о чём свидетельствует хотя бы тот массив источников, которые он извлёк из фондов ГА РФ, РГИА, ЦГИА СПб, РГВИА и хранилищ столичных библиотек. Им тщательно изучались периодические издания, сборники документов, справочники, мемуары и дневники. Автор неоднократно сопоставлял различные редакции отдельных документов. Внимательно отнёсся учёный и к трудам своих предшественников.

Новизну же работе Островского придаёт сопоставительно-биографический приём, применяемый при описании, казалось бы, известных событий и позволяющий прийти к весьма неоднозначным и неожиданным выводам. Так, сопоставляя различные свидетельства, Островский полагал, что Департамент полиции во главе с А.А. Лопухиным и чуть ли не «в сговоре» с С.Ю. Витте допустил возможность убийства министра внутренних дел В.К. Плеве боевой организацией эсеров, которой руководил тайный агент охраны Е.Ф. Азев

¹⁰³ ГА РФ, ф. 1463, оп. 2, д. 156, л. 32.

(I, с. 357–358). Совершенно иными красками «заиграла» в тексте и история рабочей организации священника Георгия Гапона, завершившаяся трагедией «Кровавого воскресенья» (I, с. 457–476, 527). Островский пришёл к выводу, что «Департамент полиции и лично А.А. Лопухин имели к подготовке этих событий самое непосредственное отношение» (I, с. 526), а «окончательный сценарий событий 9 января 1905 г. утверждался в Петербургском телеграфном агентстве» (I, с. 501).

Чего же, по мнению Островского, хотел Витте, летом 1904 г. вникавший в своё кавказское имение в теорию парламентаризма? Его намерения произвести коренные перемены в стране (I, с. 369), как показал исследователь, поразительным образом коррелировали с требованиями либеральной (земской) оппозиции, устраивавшей съезды и банкеты (I, с. 385–386), и даже, как ни странно, с чаяниями радикально настроенных социалистов.

В самом конце книги упоминается и о связях Витте с председателем образовавшегося осенью 1905 г. на волне стачечных событий в столице Совета рабочих депутатов Г.С. Хрусталёвым-Носарём (II, с. 303). Правда, автор устанавливал их, опираясь на довольно поздние газетные публикации и обвинения, выдвигавшиеся в обществе против графа после революционных событий. Более того, рассказывая, как в 1908 г. их опровергал Витте, историк почему-то игнорировал то, что и Носарь в 1911 г. отрицал какие-либо контакты с главой правительства осенью 1905 г. Дистанцировавшись от революционной эмиграции и выйдя в 1909 г. из РСДРП, он был тогда уже вполне самостоятельной внепартийной фигурой, не заинтересованной ни в подтверждении, ни в опровержении тех слухов, которые использовались для дискредитации гр. Витте. Собственно Островский и «подтягивал» графа к Носарю и Гапону именно для того, чтобы представить Сергея Юльевича неким «организатором» революции. Согласно авторской концепции, граф был заинтересован в массовых волнениях и демонстрациях, которые позволяли ему оказывать давление на монарха и добиваться конституционной реформы. Проследивая события 7–9 октября, Островский указывал на «удивительную синхронность» железнодорожной забастовки, волнений в Военно-медицинской академии и обращений гр. Витте к Николаю II. По словам автора, сановник «собирался апеллировать к стачке, которая тогда ещё даже не началась» (II, с. 184). Отсюда возникает предположение, что он не только знал о её подготовке, но и инспирировал соответствующие действия, пользуясь возможностями и влиянием тех лиц, с которыми контактировал. Впрочем, часто его интересы и замыслы просто совпадали с оппозиционными настроениями в самых разных как «левых», так и «правых» кругах общества, имевших свои претензии к правящему режиму.

При аккуратном, мягком, грамотном «дирижировании» ими можно было создать такой революционный «пресс», который заставил бы Николая II пойти на серьёзные уступки. Таким образом, гр. Витте предстаёт в книге «режиссёром» всеобщей стачки, кульминацией которой оказывается деморализация императора, а развязкой – Манифест 17 октября 1905 г., вызвавший, как известно, раскол общественности и образование «объединённого» Совета министров. По сути, Островский, не делая окончательных выводов и не обобщая своих наблюдений, подводил читателя к мысли о том, что революция в России в начале XX в. стала результатом активного, инициативного и скоординированного «совместного творчества» представителей высших правительственных сфер и радикальной общественности. Но это наталкивает на новые вопросы.

Выходит, не «левые» политические силы (социалисты) сыграли ключевую роль в подъёме народных масс на борьбу за свои интересы? И не сам народ на неё поднялся? Так в чьих вообще интересах совершалась тогда эта революция?

Нельзя не признать, что автор серьёзно увлёкся весьма тенденциозными поисками тех сил, которые скрывались за происходившими в стране процессами. В частности, он писал, что ещё накануне войны большую роль в анти-русской (и прояпонской) кампании в печати сыграли «издания, связанные с еврейским капиталом», и, по сути, «Японию к войне с Россией подталкивали еврейские банки Великобритании и США» (I, с. 324). Затем, открыв кредит Токио, «зарубежные еврейские банки фактически встали на путь финансовой блокады России» (I, с. 326). А после заключения мира Витте будто бы даже был поставлен в известность о том, что Петербург может рассчитывать на необходимый ему заём, но его условием, выдвинутым «представителями еврейского капитала», является «решение еврейского вопроса» (II, с. 60). Подобные спекуляции, отсылающие к теории «международного сионистского заговора», опираются в работе на шаткие и нередко умозрительные построения.

Островский упорно искал в русской революции «иностранный след». В частности, его внимание привлекало то, что в организации оппозиционного земского съезда осенью 1904 г. участвовали трое (!) австрийских подданных, а также американский бизнесмен Ч. Крейн (I, с. 406–407). Железнодорожную стачку сентября–октября 1905 г. он связывал с приездом зарубежных банкиров для переговоров о займе. Выбрав «удобный момент для торга с царём», они рассчитывали при «ослаблении царизма» и установлении конституционного строя «сделать Россию более сговорчивой». И конечно же, по словам автора, «в этом были заинтересованы еврейские банки» (II, с. 172).

Естественно, в данном повествовании нашлось место и масонству. Так, в книге не только отмечена принадлежность к масонам видных деятелей Союза союзов М.М. Ковалевского и В.А. Маклакова (II, с. 34), но и говорится, будто гр. Витте посещал ложу на Николаевской улице в Петербурге (II, с. 126). Конечно, все эти обстоятельства заслуживают специального рассмотрения, однако оно предполагает прежде всего строгий анализ достоверности имеющихся источников, а не простое воспроизведение и сопоставление всевозможных туманных намёков и предположений.

Двухтомник А.В. Островского, бесспорно, произведёт сильное впечатление на читателей. Но совершенно очевидно, что его размышления нуждаются в серьёзной критике, перепроверке и существенной корректировке другими исследователями.

Дискуссия о профсоюзах на Урале

Валерий Кружинов, Зинаида Сокова

The discussion about trade unions in the Urals

Valery Kruzhinov, Zinaida Sokova
(both – University of Tyumen, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722040185, EDN: JBDVTF

Острые споры о месте и роли профсоюзов начались сразу после прихода большевиков к власти и достигли апогея на исходе Гражданской войны, когда самые массовые общественные объединения попали под контроль государства и армии и превратились в их придаток. Это соответствовало сути военно-коммунистической системы, возводившей государственное принуждение в определяющий, постоянно действующий элемент социальной жизни, однако провоцировало широкое недовольство и сопротивление. Обычным явлением стали конфликты профсоюзных работников с военными и хозяйственными руководителями, одних групп профессионалистов с другими, рабочих – с администрациями предприятий. Положение осложнялось тем, что попытки расставить новые акценты в профсоюзной политике вызвали раскол в партийном руководстве, угрожавший равновесию на вершине пирамиды власти. В этих условиях состоявшийся 24 декабря 1920 г. пленум ЦК РКП(б) перенёс обсуждение вопроса о профсоюзах на X съезд партии и объявил предсъездовскую дискуссию, захватившую вскоре широкие массы коммунистов.

История профсоюзной дискуссии давно вызывает интерес среди отечественных и зарубежных исследователей. В их работах с разной степенью достоверности проанализированы истоки и основные этапы развернувшейся борьбы, её влияние на эволюцию советской политической системы и большевизма, на судьбы профессионального движения¹. Вместе с тем многие аспекты этой проблемы ещё не получили адекватного отражения в историографии, нуждаются в коррективах и дополнениях. Сфокусировав внимание на высших эшелонах большевистской партии и лидерах противостоящих группировок, историки сделали лишь первые шаги к изучению политического поведения основной массы коммунистов. Между тем позиция последних в условиях укрупнения субъектов внутрипартийной конфронтации приобретала всёвозрастающее значение и определялась не только импульсами «сверху». Сложившаяся историографическая ситуация обуславливается многими причинами. Одна из основных – не-

© 2022 г. В.М. Кружинов, З.Н. Сокова

¹ Daniels R.V. The conscience of the revolution: communist opposition in the Soviet Russia. Cambridge, 1960. S. 128–142; Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов (Октябрь 1917–1937 гг.). М., 1976. С. 95–124; Tsuji Y. The debate on the Trade Unions, 1920–21 // Revolutionary Russia. 1989. Vol. 2. Iss. 1. P. 31–100; Киселёв А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991. С. 205–217; Ходаков Г.В. Дискуссия в РКП(б) о профсоюзах (1920–1922 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Ю.В. Аксютин, О.В. Волобуев, А.А. Данилов и др. М., 1995. С. 99–108; Войтчиков С.С. Профсоюзная дискуссия и внутрипартийная борьба в РКП(б) в 1919–1921 гг. // Российская история. 2016. № 1. С. 44–66; и др.

достаточное введение в научный оборот региональных документов, осмысление которых позволяет расширить исследовательское пространство проблемы, проанализировать её с учётом особенностей дискуссии на разных «этажах» партийной вертикали, взаимодействия «верхов» и «низов», центра и провинции.

В данной статье история профсоюзной дискуссии исследуется на материалах Урала. В них отразился широкий спектр разнонаправленных тенденций внутренней жизни правящей партии: от стремления сторонников различных платформ к фракционному размежеванию до сплочения их перед угрозой кризиса и ослабления политических позиций большевизма.

Дискуссия о профсоюзах — беспрецедентное событие в истории РКП(б). Ни до, ни после неё не допускалось такого разнообразия платформ, как в последние дни 1920 — первые месяцы 1921 г. Со своими программами выступили группы В.И. Ленина — Г.Е. Зиновьева («платформа десяти»), Л.Д. Троцкого («платформа пяти»), А.Г. Шляпникова («рабочая оппозиция»), президиум ВСНХ. Всего было выдвинуто семь коллективных и несколько индивидуальных платформ. Однако главное внимание привлекли идеи Троцкого и Ленина. Первый предложил слить союзные и хозяйственные органы в единое целое и довести процесс огосударствления профсоюзов до логического завершения. Второй же считал такой шаг преждевременным и акцентировал внимание на специфике профсоюзов как самостоятельных организаций трудящихся, созданных для защиты их интересов.

Существенное влияние на характер начавшейся дискуссии оказала высокая степень идеологизированности. Большевистская традиция придавала любым внутривнутрипартийным разногласиям ярко выраженную политическую окраску. Споры сопровождались организационным обособлением сторонников разных платформ и взаимными обвинениями. Это отчётливо проявилось уже в первые дни дискуссии. Выступая 30 декабря 1920 г. на расширенном заседании коммунистической фракции VIII Всероссийского съезда Советов, Ленин объявил платформу Троцкого немарксистской и «политически вредной» и возложил на него и поддержавшего его Н.И. Бухарина ответственность за «кашу и кутерьму» в ЦК РКП(б)². В той же тональности были выдержаны доклады Зиновьева, Троцкого и другие выступления.

В обстановке взаимных обвинений многие участники заседания не сумели в полном объёме оценить позиции «вождей», полагая, что «в Москве просто переругались», и «спор идёт о личностях». Такого мнения придерживались, в частности, уральские делегаты, в том числе секретарь Екатеринбургского губкома Н.И. Уфимцев и член Уральского бюро ЦК С.В. Мрачковский. Под их влиянием 11 января 1921 г. Екатеринбургский губком принял и направил в ЦК резолюцию, которая запрещала публикацию материалов заседания фракции в местной печати³. По мнению одних историков, она нацеливалась против противников группы Ленина—Зиновьева⁴, по мнению других, напротив, выражала солидарность с ними⁵.

Данная разногласия подтолкнула нас провести дополнительный анализ этого документа. Очевидно, что ни та ни другая точка зрения не соответствует

² Ленин В.И. ПСС. Т. 42. М., 1970. С. 210–211, 218, 226.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО), ф. 1494, оп. 1, д. 47, л. 20.

⁴ Вяткин А.Я. Разгром Коммунистической партии троцкизма и других антиленинских групп (ноябрь 1920 — 1925 гг.). Ч. 1. Л., 1966. С. 30.

⁵ Голованов Д.Д., Иванов В.П. Важная страница в истории советских профсоюзов // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 65.

ни содержанию, ни духу резолюции, которая носила «внефракционный» характер (по крайней мере, формально). В ней не давалось оценки дискуSSIONным платформам, не говорилось об отношении к ним губкома. Зато прямо указывалось на связь резолюции с «грубыми, оскорбительными» формами полемики на заседании фракции VIII съезда Советов и попытками «вождей широкой партийной и беспартийной массы» использовать споры о профсоюзах для дискредитации оппонентов. Показательно, что за резолюцию голосовали как члены губкома, поддерживавшие позицию Троцкого, так и сторонники ленинской группы.

В те же дни комитет принял решение о созыве в середине февраля губернской партконференции, включил в её повестку вопрос о роли и задачах профсоюзов и сформировал комиссию для подготовки проекта соответствующего постановления. Предполагалось, что конференции будет предшествовать обсуждение вопросов профсоюзной жизни на собраниях ячеек, уездных и городских конференциях РКП(б). По схожей схеме намечалось организовать дискуссию и в других парторганизациях Урала. Однако вплоть до конца января 1921 г., а в Тюменской губ. — даже до начала февраля она так и не охватила широкие массы партийцев. С одной стороны, это объясняется тем, что парткомитеты привыкли решать все вопросы без участия «низов» и не торопились вовлекать их, а с другой — плохой информированностью рядовых коммунистов, нараставшей в их среде апатией. В этих условиях руководящие парторганы региона нередко «корректировали» первоначальные планы проведения дискуссии и выражали отношение к платформам, не дожидаясь результатов их обсуждения.

Так, когда 13 января фракция РКП(б) Екатеринбургского губернского совета профсоюзов, несмотря на сопротивление присутствовавшего на заседании Уфимцева, поддержала платформу «рабочей оппозиции», губком решил «перехватить инициативу» и уже на следующий день принял платформу Троцкого. Из восьми его членов возражал лишь И.Я. Тунтул. Однако, оказавшись в меньшинстве, он дал обязательство «в интересах единства воздержаться вне губкома от выступлений против такой позиции и, если это потребуются обстоятельствами, голосовать за неё»⁶. Решение вызвало недовольство у отдельных руководителей районных парторганизаций и хозяйственных работников. Если первые увидели в нём очередную попытку «верхов» навязать своё мнение «низам», то вторые опасались, что сращивание хозяйственных и профсоюзных органов приведёт к дальнейшему усилению милитаризации труда и ещё более дезорганизует экономику. Позиция Ленина представлялась хозяйственникам более гибкой и лишённой крайностей, присущих платформе Троцкого. Ленинскую позицию поддержали Промышленное бюро президиума ВСНХ на Урале (Уралпромбюро) и губернский совет народного хозяйства⁷.

Эти настроения отчётливо проявились на состоявшемся вечером 14 января собрании партийных работников Екатеринбурга. Проведённый нами анализ выступлений показывает, что в ленинской платформе её сторонникам импонировали прежде всего призыв к изменению методов управления (из восьми ораторов, поддержавших ленинскую платформу, на это обстоятельство обратили внимание шестеро), требование осторожного подхода к вопросу об огосударствлении профсоюзов (пятеро) и тезис о возрождении их защитной функции

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 312, л. 117.

⁷ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 1141, л. 69.

(трое). В свою очередь оппоненты воспринимали эту программу как недостаточно эффективную для вывода страны из экономического хаоса. Так, из шести выступивших в поддержку Троцкого об этом говорили четверо. Напротив, призыв к структурной перестройке системы управления путём сращивания профсоюзных и хозяйственных органов воспринимался как реальный шаг на пути восстановления экономики. Причём этому обстоятельству они, судя по результатам голосования, придавали определяющее значение: 40 человек поддержали позицию Троцкого, 14 – группу Ленина и 6 – «рабочую оппозицию»⁸.

Определённое влияние на позицию участников собрания оказал информационный вакуум, в котором находилась Екатеринбургская организация РКП(б) после решения губкома, запретившего публикацию в местной печати выступлений на заседании комфракции VIII съезда Советов. В результате дискутирующие стороны оказались в неравном положении. Если с платформой Троцкого можно было ознакомиться по его брошюре «Роль и задачи профсоюзов», опубликованной в печатном органе Уралбюро ЦК и Екатеринбургского губкома – газете «Уральский рабочий», то о взглядах Ленина или Шляпникова чаще всего приходилось судить по той интерпретации, которая давалась этим взглядам их оппонентами.

Названная газета вообще заняла одностороннюю позицию. По нашим подсчётам, из 67 материалов, опубликованных в ней по предмету дискуссии, 48 (71,6%) поддерживали платформу Троцкого, 7 (10,4%) – Ленина, 4 (6%) – «рабочей оппозиции» и 8 (12%) носили нейтральный характер. Редакция отказалась опубликовать «Обращение к партии» Петроградской организации, которая, поддержав ленинскую группировку, предложила провести выборы делегатов на X съезд РКП(б) по платформам. По инициативе секретаря Уралбюро ЦК и редактора газеты В.А. Воробьёва 23 января этот вопрос специально обсуждался на объединённом заседании Уралбюро и Екатеринбургского губкома. По итогам был принят меморандум, обвинивший составителей «Обращения» в попытках превратить Петроград в центр подготовки партийного съезда и призвавший объединиться организации, «разделяющие принципиальную позицию Уралбюро и Екатеринбургского губкома»⁹.

В тот же день документ направили в ЦК, Петроградский губком, Сиббюро ЦК и секретарям губернских комитетов Уральского региона. Очевидно, сторонники Троцкого на местах стремились скоординировать действия по примеру ленинцев. Вне зависимости от их субъективных намерений это вело к образованию фракционного центра – аналогичного петроградскому, но под другим флагом. Судя по всему, этот шаг Уралбюро и губком согласовали с поддержавшими Троцкого секретарями ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинским и Е.А. Преображенским, ранее работавшими на Урале и сохранявшими связи с тамошними партийцами. По крайней мере, в конфиденциальных письмах Воробьёву и Уфимцеву (21 января с ними ознакомили и других членов бюро и губкома) они настойчиво советовали выступить с инициативой консолидации парторганизаций на основе платформ Троцкого, призывая «Красный Урал спасти партию»¹⁰.

Чтобы «организовать партийное мнение», Уралбюро приняло решение провести областное совещание руководителей руководителей губернских парторганизаций в Екатеринбурге 2–3 февраля. В его работе участвовали восемь человек – представители Екатеринбургского, Пермского, Тюменского и Уфимского губкомов.

⁸ Уральский рабочий. 1921. 18 января.

⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 312, л. 122–124.

¹⁰ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 1144, л. 45.

Челябинский губком отказался от участия, вместо этого пригласив на Урал Зиновьева¹¹. Обычно о решениях совещания судят по краткому газетному отчёту, опубликованному в «Уральском рабочем» 5 февраля. В нём, в частности, указано, что участники осудили «Обращение к партии» и высказались против выборов делегатов на X съезд РКП(б) по платформам. В Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области нам удалось выявить копию постановления данного совещания (по-видимому, направленную Тюменскому губкому для ознакомления), которая позволяет внести коррективы в оценку его результатов. Так, анализ документа показывает, что о выступлении Петроградской организации в решениях совещания даже не упоминается. Вместо этого говорится, что «с самого начала в дискуссии о профсоюзах был взят ложный тон неделового обсуждения», который «толкнул партию... к фракционным группировкам вокруг разных точек зрения»¹².

Из этой фразы — ключевой в постановлении — следует, что организаторы не решились возложить ответственность за обострение внутривнутрипартийной борьбы на ту или иную группировку. Они заняли «внефракционную» позицию, которая позволяла каждой из сторон толковать данный пункт резолюции по своему усмотрению (отсюда и его интерпретация «Уральским рабочим», поддерживавшим Троцкого). Думается, что только этим можно объяснить странное, на первый взгляд, единодушие, с которым как «троцкисты» — В.А. Воробьёв и А. Симашко (Екатеринбург), С.П. Агеев, А.В. Семаков (Тюмень), так и ленинцы — И.Я. Тунтул (Екатеринбург), Т.С. Кривов (Уфа) и М.Н. Лукоянов (Пермь) — приняли данный пункт постановления¹³.

Решение совещания и газетный отчёт о нём совпадают в негативном отношении к выборам по платформам: «Как способ, закрепляющий группировки, сложившиеся по одному из вопросов порядка дня съезда, считать неприемлемым». Из пометок на тексте копии видно, что при обсуждении этого вопроса произошёл раскол — часть присутствовавших считала выборы по платформам допустимыми. Однако их позиция не получила поддержки большинства¹⁴. В то же время следует иметь в виду, что из-за неопределённости статуса таких совещаний их решения носили скорее символический характер и не являлись обязательными. Главный результат состоял в том, что организаторы не сумели (или не решились) включить в постановление пункт о поддержке платформы Троцкого и объединить вокруг неё все парторганизации Урала. В этом смысле совещание закончилось для них безрезультатно.

В конце января 1921 г. обсуждение вопроса о профсоюзах перенеслось в районные парторганизации Екатеринбургa. В течение полутора—двух недель прошли до 270 дискусионных собраний, в которых, по нашим подсчётам, участвовало около половины коммунистов города¹⁵. На этом этапе дискуссии отчётливо проявились недостатки платформы Троцкого, прежде всего её несовпадение с интересами и настроениями рядовых коммунистов. Сохраняя,

¹¹ Объединённый государственный архив Челябинской области, ф. 77, оп. 1, д. 226а, л. 19.

¹² Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИ ТО), ф. 1, оп. 3, д. 196, л. 24—24 об.

¹³ Авторы не располагают сведениями о позиции ещё одного участника совещания — А.Н. Поскрёбышева (Уфа), хотя по косвенным данным можно предположить, что он поддерживал платформу Ленина.

¹⁴ ГАСПИ ТО, ф. 1, оп. 3, д. 196, л. 24 об.

¹⁵ ЦДОО СО, ф. 225, оп. 1, д. 122, л. 2 об.

в отличие от партийных «верхов», многочисленные связи с беспартийной рабочей массой, они осознавали, что сращивание профсоюзных и хозяйственных органов принесёт лишь новые тяготы и окончательно превратит их в безмолвных исполнителей решений «верхов». При этом программа ленинской группы не давала новой концепции роли профсоюзов. В ней оставалось немало черт «военного коммунизма»: признание необходимости принудительного труда, участие профсоюзов в борьбе с «трудовым дезертизмом» и трудовых мобилизациях. Однако, отвергая идею огосударствления профсоюзов как главную перспективу их развития, она представляла их в качестве общественных организаций, которые должны заботиться о повседневной жизни трудящихся. Это вселяло надежду на возрождение защитной функции профсоюзов, к чему большинство рядовых коммунистов относилось с симпатией.

Для части коммунистов выбор позиции в дискуссии определялся личным отношением к тому или иному партийному лидеру. Так, на собрании одной из ячеек в качестве самого веского довода в пользу ленинской платформы приводилась такая аргументация: «Товарищи! Посмотрите на лицо т. Ленина (при этом оратор указывает на стоящий рядом ленинский бюст). Какое у него старое, измученное лицо. Как он, бедный, полысел за народ. Двадцать лет он борется за нас. Неужели мы пойдём против Ленина?»¹⁶. Среди других обстоятельств, оказавших влияние на формирование партийного мнения, стал приезд в город группы агитаторов-ленинцев из Петрограда во главе с Д. Бедным. Они привезли с собой литературу в защиту ленинской платформы и организовали ряд собраний, которые нередко проходили с соблюдением правил конспирации — не допускались оппоненты, ораторы выступали под вымышленными фамилиями и т.д. В ходившем в рукописном виде по городу стихотворении Бедный так описал работу в Екатеринбурге: «Я спрятался в подполье, / А на собрании ходил с фамилией иною. / Я просто был на нелегальном положении — / Вот она дискуссия о профдвижении»¹⁷.

Совокупность этих факторов предопределила исход дискуссии. На собраниях первого и третьего районов за ленинскую платформу голосовали 90% коммунистов, в четвёртом — 98,6%¹⁸. Лишь на собрании второго района большинство голосов (57,1%) получила «платформа пяти». «Такое явление, — говорилось в отчёте райкома, — можно объяснить тем, что до общего собрания и на общем собрании всех членов партии ознакомили только с точкой зрения Троцкого и отчасти “рабочей оппозиции”», а о ленинцах говорили, что они «хотят из профсоюзов сделать похоронное бюро». После приезда петроградцев ситуация резко изменилась, «на собраниях по ячейкам, проходивших после общего собрания, огромным большинством прошёл проект Ленина»¹⁹.

В эти дни на время ушли в прошлое скука и формализм, характерные для партсобраний периода Гражданской войны, возросла посещаемость собраний. Многие из них продолжались до поздней ночи или даже переносились на следующий день из-за большого числа желающих выступить. В целом дискуссия показала, что обсуждение важнейших вопросов с участием широких масс коммунистов стимулировало внутривнутрипартийную жизнь. В то же время стал очевиден низкий уровень политической культуры большинства её участников. Это осо-

¹⁶ Уральский рабочий. 1921. 1 февраля.

¹⁷ ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 1144, л. 113.

¹⁸ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 2; д. 73, л. 3; ф. 2286, оп. 1, д. 20, л. 2.

¹⁹ Там же, ф. 225, оп. 1, д. 122, л. 69—69 об.

бенно проявилось в нарастании взаимной нетерпимости, нередко принимавшей форму борьбы за единство партии. Показателен в этом отношении эпизод с Тунтулом, который в «интересах сохранения единства» дал губкому обещание не выступать в поддержку ленинской платформы. Когда же он нарушил это обещание, губком принял решение об исключении его из своего состава²⁰.

Дискуссия достигла апогея в первой половине февраля, когда по приглашению сторонников в город прибыли Зиновьев и Троцкий. 7 февраля они выступили на городской конференции, которая должна была подвести итоги дискуссии и избрать делегатов на губернскую конференцию РКП(б). Зиновьев в своём докладе предложил перестроить взаимоотношения государства с союзами на основах партнёрства, положить конец «действиям нахрапом». Он резко критиковал программу Троцкого, объявив его «противником демократии», делающим ставку не на повышение роли масс в управлении, а на «хирургическое вмешательство» посредством слияния профсоюзного аппарата с хозяйственным. В свою очередь Троцкий указал на «абстрактную постановку» Зиновьевым вопроса о профсоюзах, голое теоретизирование в определении их как школы коммунизма, высказал ряд других, не лишённых оснований наблюдений. Однако, видя в профсоюзном руководителе прежде всего хозяйственника, он вновь выступил против защитной функции профсоюзов²¹.

После бурных прений конференция поддержала ленинскую платформу. За неё проголосовали 160 (80,8%) делегатов, в то время как за платформу Троцкого — 30 (15,2%), а «рабочей оппозиции» — 8 (4%). Конференция приняла написанное Зиновьевым «Обращение к партии от Екатеринбургской организации РКП(б)», призывавшее поддержать ленинскую группу. «Обращение» обвинило губком в «зажимании рта» оппонентам и поддержало выборы делегатов на съезд по платформам. Между тем на самой конференции этот принцип остался не реализован: сторонники Троцкого должны были получить 7 мандатов делегатов губконференции, но не получили ни одного²². В связи с этим они обжаловали решение конференции в Оргбюро ЦК РКП(б), которое предложило провести новые выборы. Но они не состоялись.

Почти одновременно с Екатеринбургом дискуссия началась и в уездных парторганизациях губернии, однако охватила сравнительно узкий слой партийцев — не более 20–25% состава. Прежде всего вне обсуждения оказалась основная масса сельских коммунистов, уровень общей подготовки которых порой был настолько низким, что разобраться в особенностях платформ они просто не могли. Если же проблемы дискуссии ставились, а затем предлагалось проголосовать за них в сельских ячееках, мотивация принятых решений обычно сводилась к заявлениям типа: «Мы за тов. Ленина, т[ак] к[ак] он никогда не ошибался и не может ошибаться», «Поддержать тезисы Бухарина и ввиду неувоения членами партии платформ назначить внеочередное собрание», «Ввиду недостатка материалов от каких-либо решений воздержаться»²³ и т.п.

Обсуждения прежде всего проходили на заседаниях уездных комитетов, на общих собраниях коммунистов уездных центров, а затем на уездных конференциях РКП(б). Из 692 делегатов последних 440 (63,6%) поддержали ленин-

²⁰ Там же, ф. 1494, оп. 1, д. 47, л. 28 об.

²¹ Уральский рабочий. 1921. 9 февраля.

²² ЦДОО СО, ф. 41, оп. 1, д. 1144, л. 85

²³ Там же, ф. 76, оп. 1, д. 270, л. 12 об.; ф. 225, оп. 1, д. 159, л. 1 об.; ф. 1398, оп. 1, д. 143, л. 12.

скую платформу, 211 (30,4%) – программу Троцкого, 35 (5,1%) – «рабочую оппозицию», 6 (0,9%) воздержались²⁴. Однако победа ленинской платформы в губернской организации оказалась относительной. С одной стороны, часть поддержавших её членов партии не сумела понять смысл и содержание новых подходов к вопросу о профсоюзах и в практических действиях по-прежнему опиралась на старые представления и приёмы работы. С другой – дискуссия охватила лишь около трети состава (около 50% в Екатеринбурге и не более 20–25% в уездах), не затронув основную массу коммунистов. Получается, что за платформу Ленина–Зиновьева проголосовали около четверти общей численности губернской организации РКП(б).

Окончательные результаты дискуссии подвела губернская конференция РКП(б) 18–22 февраля. Она осудила позицию губкома, который обвинялся в «обострении внутривнутрипартийных отношений и явной фракционности». Значительным большинством голосов оказалась поддержана платформа ленинской группы: 159 делегатов (76,8%), в то время как за платформу Троцкого высказались 34 (16,4%), а за «рабочую оппозицию» – 14 (6,8%). На X съезд РКП(б) (выборы проходили по платформам) первые получили 18 мандатов, вторые – 4, третьи – 1²⁵. Чтобы лишить побеждённых возможности влиять на руководство Екатеринбургской организацией РКП(б), ни одного из них (включая Уфимцева) в состав губкома не избрали. Одновременно «в целях большей объективности» пересмотрели состав редакционной коллегии «Уральского рабочего».

В Пермской губернской организации РКП(б) обсуждение дискусионных вопросов началось с двух общегородских партийных собраний в Перми, состоявшихся 31 января и 5 февраля. На них точку зрения Троцкого отстаивал В.А. Антонов-Овсеенко, а позицию ленинской группы – П.А. Галанин (на первом собрании) и Г.Е. Зиновьев (на втором). Анализ этих выступлений не оставляет сомнений в том, что по мере расширения масштабов дискуссии нарастало противостояние между сторонниками разных платформ, сопровождавшееся нарушением этических норм и некорректными обвинениями. Это особенно проявилось в выступлении Зиновьева, обвинившего Троцкого в «антикрестьянском уклоне», создании «троцкистской группировки» и «других ошибках»²⁶. С целью дискредитации Троцкого также поднимался вопрос о его политической позиции в прошлом. Так, Галанин, выступая 7 февраля на партсобрании Мотовилихинского завода, напомнил: «До июльских событий 1917 г. Троцкий всегда шёл против нашей партии и задерживал развитие нашей пролетарской революции»²⁷. Аналогичные заявления звучали и в ячейках: «Голосуйте за Ленина, ведь он никогда не ошибался. А Троцкий всё время ошибается»²⁸.

Разумеется, использование подобных «аргументов» не было случайным. Оно характеризовало не только общий уровень политической культуры в большевистской партии, но и ту роль, которую играла в её жизни догматическая

²⁴ Подсчитано по: Уральский рабочий. 1921. 18 февраля; 6 марта; Государственный архив общественно-политической документации Курганской области, ф. 2, оп. 1, д. 137, л. 51 об.; ЦДО СО, ф. 76, оп. 1, д. 270, л. 13; ф. 225, оп. 1, д. 105, л. 9 об.; ф. 1303, оп. 1, д. 22, л. 9 об.; ф. 1364, оп. 1, д. 185, л. 3, 8 об.; ф. 1398, оп. 1, д. 143, л. 7 об.

²⁵ ЦДО СО, ф. 76, оп. 1, д. 245, л. 69–69 об.

²⁶ Звезда (Пермь). 1921. 8 февраля.

²⁷ Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГАНИ), ф. 620, оп. 3, д. 12, л. 9 об.

²⁸ Уральский рабочий. 1921. 1 февраля.

преданность идеологическим принципам. Любое отступление от них рассматривалось как предательство рабочего класса и социализма. Это существенно ослабляло позиции Троцкого и его сторонников, а в сочетании с другими обстоятельствами предопределило исход внутрипартийной борьбы в пользу «верных» ленинцев. Ленинскую платформу поддержали райкомы (за исключением Мотовилихинского) и районные организации Перми, а затем и общегородская конференция, на которой за неё голосовали 180 делегатов (83,4%), в то время как за программу Троцкого – 29 (13,4%)²⁹.

В партийных организациях сельских районов Пермской губ., как и в Екатеринбургской, дискуссия охватила сравнительно узкий слой коммунистов, в основном участников уездных конференций. Повсеместно принималась платформа ленинцев. На Оханской уездной конференции за неё голосовали все делегаты, на Кизеловской и Усольской – по 94%, на Пермской (уездной) – 87%³⁰, и т.д. Об окончательной расстановке сил в Пермской губернской парторганизации можно судить по результатам голосования на губернской конференции: из 230 делегатов ленинскую платформу поддержали 200 (87%), а позицию Троцкого – 30 (13%). Соответственно на X съезд партии отправились 11 делегатов – сторонников Ленина и только 1 от их главных оппонентов³¹.

По схожему сценарию прошла дискуссия в Уфимской и Челябинской губерниях. Критикуя противников, ленинцы акцентировали внимание на «недемократических тенденциях» в платформе Троцкого и «синдикализме» «рабочей оппозиции». В результате первый выставлялся как яростный сторонник военно-бюрократических методов управления, а вторые – в качестве «отступников» от основных принципов большевизма. Троцкий иронизировал по этому поводу: «Если о моей позиции здесь и говорили, то так излагали и представляли её, что я пришёл в полнейшее уныние и долго смотрел в зеркало, чтобы узнать: это я или не я?»³². Когда его сторонникам удавалось сместить акценты при разъяснении своей платформы, они могли рассчитывать на успех. Так произошло в Миассе (Челябинская губ.), где их программу поддержало городское собрание коммунистов. Однако в других организациях приняли ленинскую платформу. На Челябинской губконференции за неё голосовали 84,5% делегатов, а на Уфимской – 92%. Это обеспечило ленинцам значительное большинство в составе делегаций, направленных на X съезд³³.

Единственной делегацией от партийных организаций Урала, в составе которой сторонники ленинской платформы оказалась в меньшинстве, оказалась Тюменская. Пытаясь объяснить причины этого, исследователи обычно обращают внимание на напряжённую политическую обстановку в губернии, её «отдалённость от центра» или «узкую пролетарскую прослойку»³⁴. Однако нельзя не учитывать, что в значительной мере указанные факторы оказывали влияние и на соседние организации партии. Да и в самой Тюменской губ. троцкисты сумели получить незначительное большинство лишь в Туринске, в то время как

²⁹ Звезда. 1921. 16 февраля.

³⁰ Там же. 25, 28 февраля; Уральский рабочий. 1921. 6 марта; ПермГАНИ, ф. 61, оп. 4, д. 8, л. 8.

³¹ ПермГАНИ, ф. 557, оп. 3, д. 9, л. 12–14.

³² Советская правда (Челябинск). 1921. 9 февраля.

³³ Там же. 26 февраля; Уральский рабочий. 1921. 17 февраля.

³⁴ Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965. С. 92; *Бросалина М.К., Юкляевских В.А.* Из истории борьбы сибирских коммунистов с мелкобуржуазными уклонами в 1921–1922 гг. (по материалам Тюменской и Омской губернских партийных организаций) // Идеологическая работа партийных организаций. Тюмень, 1978. С. 28; и др.

в других городах и уездных центрах ленинцы одержали убедительную победу. Так, на районных собраниях в Тюмени за «платформу десяти» голосовали 75% коммунистов, на общегородском собрании членов партии в Тобольске — все³⁵. Иной оказалась расстановка сил в губкоме, который на протяжении всей дискуссии поддерживал платформу Троцкого, а при решающем голосовании 31 января за неё высказались пять членов губкома из восьми³⁶. Одновременно комитет принял решение не созывать губернскую конференцию, а представителей на X съезд направить без учёта их позиции в дискуссии. В результате из пяти тюменских делегатов двое поддерживали Троцкого, один был сторонником «рабочей оппозиции» и двое разделяли основные принципы ленинской платформы³⁷.

Всё это свидетельствует, что исход дискуссии в Тюменской организации зависел не только (и не столько) от факторов, характерных и для сопредельных регионов, сколько от специфических условий, прежде всего позиции местных руководящих партработников.

Окончательные результаты дискуссии на Урале свидетельствуют о внушительной победе ленинской линии. Из 22 уездных конференций, в повестке которых стоял вопрос о профсоюзах, 19 приняли «платформу десяти» и лишь три — программу Троцкого. Ленинскую позицию поддержали все четыре губернские конференции. Из 603 делегатов, участвовавших в их работе, за неё проголосовали 498 человек (82,6%), за Троцкого — 80 (13,3%), за «рабочую оппозицию» — 23 (3,8%) и за «децистов» — 2 (0,3%). На Урале разрыв в соотношении сил (82,6% за группу Ленина и 17,4% за остальные платформы) оказался даже бóльшим, чем в целом по стране (соответственно 77% и 21,6%³⁸). Как следствие, из 64 делегатов, направленных на X съезд РКП(б) от губернских организаций Урала, 48 (75%) поддерживали ленинскую платформу, 11 (17,2%) — программу Троцкого, 4 (6,2%) — «рабочую оппозицию» и 1 (1,6%) выступал как «децист»³⁹.

В ходе профсоюзной дискуссии остро встал вопрос раскола партии и, в связи с этим, необходимости укрепления её единства. Анализ постановлений, принятых большевистскими организациями Урала в январе — начале марта, показывает, что это положение включили в свои резолюции 20 из 35 районных и городских собраний и 24 из 32 уездных, городских и губернских конференций. Причём если в январе количество таких резолюций было относительно небольшим (4 из 17; 23,5%), то к концу дискуссии оно резко возросло (40 из 50; 80%). Мотивация подобных решений обычно сводилась к необходимости прекращения разлагающих партию нетоварищеских приёмов полемики и ликвидации фракционных группировок (7 резолюций), опасениям, что дискуссия вызовет оживление «контрреволюционной пропаганды», находившей отклик среди части населения (18 резолюций). В резолюциях, принимавшихся в последние недели дискуссии, требование «сомкнуть ряды» всё чаще связывалось с серьёзнейшей внутренней угрозой режиму — ширящимися крестьянскими восстаниями, а затем и событиями в Кронштадте (10 резолюций).

В этих условиях мысль о первостепенном значении партийного единства стала подлинным лейтмотивом состоявшегося в марте 1921 г. X съезда. Она

³⁵ ГАСПИ ТО, ф. 5, оп. 1, д. 20, л. 33; д. 82, л. 64; д. 113, л. 22; ф. 29, оп. 1, д. 32, л. 6.

³⁶ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 19, л. 23 об.

³⁷ Там же, д. 1, л. 1; д. 16, л. 12.

³⁸ *Дмитренко С.Л.* Борьба КПСС за единство своих рядов... С. 118.

³⁹ Подсчитано по: Советская правда. 1921. 26 февраля; Уральский рабочий. 1921. 17 февраля; ГАСПИ ТО, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 1; д. 16, л. 12; ПермГАНИ, ф. 557, оп. 3, д. 9, л. 12–14; ЦДОО СО, ф. 76, оп. 1, д. 245, л. 69–69 об.

осознавалась не только «верхами», добивавшимися расширения возможностей дисциплинарного воздействия на «низы», но и основной массой коммунистов, опасавшихся, что в условиях всеобщего недовольства большевиками разногласия в партии приведут к ослаблению её позиций и утрате контроля над ситуацией в стране. Отражением таких настроений явились результаты голосования уральских делегатов: большинство из них поддержали резолюцию «О единстве партии». Против выступили лишь двое (Б.Н. Козловский, делегирован V Челябинской губконференцией; Т.С. Кривов, делегирован VIII Уфимской губконференцией), а один (П.В. Подкорытов, делегирован V Челябинской губконференцией) воздержался при голосовании по резолюции «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», осудившей взгляды «рабочей оппозиции».

Хотя поимённого голосования по вопросу о роли и задачах профсоюзов не проводилось, есть веские основания полагать, что основная масса уральских делегатов поддержала «платформу десяти». М.А. Бросалина даже утверждала, что, «уяснив суть дискуссии», такую позицию заняли и трое тюменских делегатов (из пяти), направленные на съезд как сторонники Троцкого или «рабочей оппозиции». При этом в одной своей публикации она ссылается на протоколы съезда, изданные в 1953 г.⁴⁰, а в другой — на эти же протоколы 1923 г. издания⁴¹. Между тем ни в 1923 г., ни в 1953 г. протоколы X съезда не издавались, в чём можно легко убедиться, ознакомившись, например, с выпускавшимся Книжной палатой «Ежегодником книги в СССР». В настоящее время мы располагаем тремя изданиями протоколов (стенографических отчётов) X съезда: 1921, 1933 и 1963 гг. Последним изданием как наиболее доступным и полным обычно и пользуются исследователи. Однако ни в этом, ни в предыдущих сведениях о голосовании тюменских делегатов за «платформу десяти» не содержится. В то же время переход участников съезда на сторону ленинской группировки случался. Так поступил, например, член ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов И.Г. Юшков (делегирован V Екатеринбургской губконференцией), который, будучи активным участником «рабочей оппозиции» на Урале, тем не менее поддержал не только «платформу десяти», но и направленную против его недавних единомышленников резолюцию «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии»⁴².

Позиция основной массы региональных делегатов имела важные последствия. Она во многом определила направленность главных решений съезда и его результаты, позволив ленинцам одержать убедительную победу над оппонентами и осуществить кадровые изменения в партийных органах — Центральном комитете, Политбюро, Оргбюро и поддержавшем в ходе предсъездовской дискуссии Троцкого Секретариате⁴³. Дополненные решениями об укреплении единства партии, эти меры не только завершили процесс концентрации главных рычагов власти в руках ленинской группировки, но и определили направление эволюции всего внутрипартийного режима, ключевой функцией которого стала борьба с «фракционностью» и инакомыслием.

⁴⁰ Бросалина М.К. Борьба Тюменской партийной организации за идейное и организационное укрепление своих рядов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 17.

⁴¹ Бросалина М.К., Юкляевских В.А. Из истории борьбы сибирских коммунистов... С. 30.

⁴² Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1963. С. 773, 777, 778.

⁴³ Показательно, что от большевистских организаций Урала в состав ЦК РКП(б) вошёл ленинец Тунтул, но при этом были выведены ориентировавшиеся на Троцкого «старые уральцы» Крестинский и Преображенский.

Рождённый в годы нэпа. Первый пятилетний план: жизнь и судьба

Михаил Фельдман

Born during the NEP years. The first five-year plan: life and destiny

Mikhail Feldman

(Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722040197, EDN: JBFZJI

Переход к нэпу ознаменовал новый этап отношений власти и научной интеллигенции. Он позволил экономистам активно включиться в работу по восстановлению народного хозяйства страны. По мнению историка экономики Н.М. Ясного, в 1920-х гг., особенно в первой половине десятилетия, идеологический контроль над экономической наукой был относительно мягким¹. Прямые связи с Госпланом позволили учёным не только опираться на богатейшую статистику, но и использовать комментарии специалистов отделов ведомства. Решая проблемы, связанные с проектом индустриализации, они по ряду направлений далеко опередили западную экономическую мысль. Их вклад оказалось возможно оценить по достоинству только спустя три-четыре десятилетия, в период кризиса кейнсианской и институциональной экономической политики. Более того, среди тогдашних разработок есть и актуальные для современности: механизмы равновесия как предмет экономической науки и механизмы развития как предмет социально-экономической генетики; вопрос факторов и институциональных основ экономического развития; природа экономических институтов, причины их возникновения и распада, механизм отбора².

Утверждённый в мае 1929 г. V съездом Советов, первый пятилетний план представлял собой уникальное явление. Три его тома удачно сочетали отраслевую составляющую модернизации страны, проблемы социального характера, различные аспекты регионального развития. Они явились крупным шагом на пути усовершенствования и конкретизации методологии планирования. С точки зрения мировой экономической науки наиболее новаторским оказался региональный подход. В 1926–1929 гг. Госплан уделял большое внимание разработке районных и межрайонных проблем пятилетки в рамках экономического районирования. С этой целью проводились конференции по комплексному учёту ресурсов и определению конкретных задач в рамках отраслей и крупных экономических районов³. Наметилась специализация краёв и областей с учётом наилучшего использования их богатств и «подтягивания» отстающих регионов; были определены перспективы межрайонного сотрудничества; разработаны прогнозы развития таких крупных районов, как Урал (Уральская область) и Сибирь (Сибирский край).

© 2022 г. М.А. Фельдман

¹ Ясный Н.М. Советские экономисты 1920-х гг. Долг памяти. М., 2012. С. 717.

² Ольсевич Ю.Я. Введение // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. 4. Век глобальных трансформаций. М., 2004. С. 13–15.

³ История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1977. С. 18.

В период первой пятилетки страна вступала с «оптимальным вариантом» плана. Даже с учётом многократных поправок он представлял собой относительно реалистичный документ, обозначивший основные направления экономического развития страны и инструменты их реализации. Он предполагал «участие различных классов в решении задач индустриализации», равенство всех систем кооперации, понимание индивидуального крестьянского хозяйства как «сохраняющего для настоящего пятилетия своё значение главного производителя сельскохозяйственных продуктов». Таким образом, он включал всё то, что недвусмысленно говорило о стремлении, с одной стороны, сохранить многоукладную экономику, а с другой — совершить рывок в промышленности, особенно в металлургии и машиностроении, осуществить крупномасштабное строительство новых и реконструкцию старых предприятий.

Прямая вина И.В. Сталина и его окружения заключалась в бездумном разбазаривании многомиллиардных средств и гибели миллионов людей — столь высокой оказалась цена отказа от нэпа. Индустриальный проект из инструмента государственной политики превратился в самоцель. Задача «в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» решалась во многом на основе количественных показателей. Напротив, социальная политика трансформировалась из основной составляющей «социалистического» курса во второстепенную, девальвируя само его значение.

В 1933 г. свет увидело официальное издание «Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». Оно должно было обосновать сталинский тезис о том, что высокий удельный вес государственного сектора в промышленности, а также колхозно-совхозного сектора в сельском хозяйстве следует рассматривать как показатель степени развития «социалистического уклада». Отмечалось значительное перевыполнение пятилетки по всем показателям в первые годы. Это означало, что относительно высокие темпы роста объяснялись размахом промышленного строительства, включая сооружение ряда промышленных гигантов, не предусмотренных планом. Куда более сложной оказалась задача освоения заводского и фабричного оборудования: даже по официальным данным план по валовой продукции промышленности оказался выполнен всего на 93,7%⁴.

На фоне мирового экономического кризиса оказалось легко на основе выборочных количественных показателей характеризовать сдвиги в народном хозяйстве как «триумфальные». Заявление о том, что СССР догнал развитые страны капитализма по удельному весу промышленности в национальном доходе, а также по удельному весу производства средств производства, призвано было доказать «превосходство социалистического строя над капиталистическим». В «Итогах» редко приводились сведения, опирающиеся на международную статистику. Так, например, сообщалось, что «при свёртывании внешней торговли капиталистических стран, удельный вес СССР в мировой торговле возрос, и СССР передвинулся с 17-го места в 1928 г. на 11-е в 1932 г.»⁵.

Следует отметить: в советский период истории характеристики итогов пятилетки на долгие десятилетия определялись сталинскими формулировками из

⁴ Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1933. С. 14, 15, 22.

⁵ Там же. С. 11, 15.

доклада генсека на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (7–12 января 1933 г.). Так, в духе официальных пропагандистских установок оказалась выдержана статья, посвящённая созданию и эволюции первого пятилетнего плана. Упор в ней делался на съезды плановых работников СССР. «Отправной» и «оптимальный» варианты плана, подготовленные в августе 1928 г. работниками Госплана, клеймились как оппортунистические, поскольку «разрабатывались при участии буржуазных экономистов и техников, которые в своих проектировках и экспертизах пытались преуменьшить ресурсы и темпы индустриализации». В силу этого варианты, отталкивавшиеся от «технических возможностей», якобы «страдали органическим пороком — минимализмом». В вину Госплану вменялась непростительная ошибка: «Ни в одном варианте... не была поставлена задача сокращения доли частного капитала»⁶.

В похожем духе писал спустя десятилетия ведущий советский исследователь индустриализации В.С. Лельчук. При этом он, правда, отмечал, что создание «основ индустриализации» сочеталось с «сужением сферы действия экономических рычагов управления», «низкой культурой труда, слабой производственной дисциплиной»⁷, т.е. с теми масштабными явлениями, которые генсек оставил за рамками своего доклада в 1933 г. В целом же сокрытие достоверной информации в условиях жёсткого идеологического и полицейского контроля становилось питательной средой для возникновения и упрочения сталинской мифологии.

Переосмысление догм началось лишь в конце 1980-х гг., однако на подлинно научный уровень вышло уже в постсоветскую эпоху. Так, Н. Верт обратил внимание на методику манипулирования количественными показателями. Подводя итоги первой пятилетки, Сталин оперировал цифрами первоначального варианта плана, принятого V съездом Советов в апреле–мае 1929 г. и вскоре отвергнутого за «сознательно заниженные показатели», а не принятого под его давлением варианта 1930 г.⁸ Следует заметить, что «вождь» только повторил уловку В.М. Молотова. Годом ранее, на XVII Всесоюзной партийной конференции (февраль 1932 г.) глава правительства рапортовал о выполнении плана, отталкиваясь от его «оптимального варианта», умалчивая о процессе безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. сверхплановые 57, а в 1931 г. — 80%⁹.

Следует отдать должное британскому историку Р.У. Дэвису, сумевшему на основе широкого круга источников обратиться к непредвзятому изучению не только итогов социально-экономического развития СССР, но и осмысления результатов пятилетки советским руководством. Он не без иронии писал о январском Пленуме ЦК ВКП(б), что «первый пункт повестки дня пленума... был смело озаглавлен “итоги Первой Пятилетки и народно-хозяйственный план на 1933 год — первый год второй пятилетки”». «Смелость» заключалась в том, что итоги 1932 г., а с ним и всей пятилетки, подводились уже через неделю после окончания календарного года, тогда как технические возможности тщательного подсчёта требовали иных, существенно больших сроков. В пользу этого утверждения говорит и то, что все три доклада об итогах пятилетки (Сталина,

⁶ *Гладков И.А.* К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // *Плановое хозяйство.* 1935. № 4. С. 112, 115, 122.

⁷ *Лельчук В.С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984. С. 171, 173.

⁸ *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991. М., 1992. С. 200.

⁹ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчёт. М., 1932. С. 127.

Молотова и В.В. Куйбышева, а также речь Г.К. Орджоникидзе) появились в печати лишь с незначительными изменениями по сравнению с машинописными стенограммами, сохранившимися в архивах¹⁰. Всё это позволяет утверждать, что подготовленные заранее доклады были связаны с анализом статистических показателей лишь формально.

Дэвис очертил хронологию событий: 3 декабря 1932 г. Политбюро, подведя итоги года (!), определило размеры будущих капиталовложений. На основе этого решения 5 января 1933 г. Совнарком принял секретный декрет «О государственном бюджете и экономическом плане на 1933 год». Секретность распределения капиталовложений прочно вошла в практику управления, определяя, например, не только соотношение объявленных (1450 млн руб.) и реальных (4178 млн руб.) расходов на оборону в 1933 г.¹¹, но и общую закрытость данных о подлинной финансовой политике государства.

Сталинский лозунг об «успешном и досрочном завершении пятилетки за четыре года и три месяца» определил направленность и тональность выступлений на пленуме. Даже члены Политбюро, отвечавшие за реальные сектора экономики и в силу этого глубже осознававшие положение дел, оказались «скованными одной цепью» идеологизированных выводов и суждений. Не обсуждались весьма спорные утверждения генсека о «рождении за период 1928–1932 гг. всех новейших отраслей промышленности», о «решении зерновой проблемы» и т.д. Вообще дискуссии по социально-экономическим проблемам на пленумах 1928–1929 гг. казались далёким прошлым.

Повышенная эмоциональность сталинского выступления затрудняла объективный разбор реализации плана. Как следствие, «восторженная резолюция Пленума ЦК одобрила доклад о первом пятилетнем плане и директивы по плану 1933 г.»¹². Однако, по обоснованному утверждению О.В. Хлевнюка, «первая пятилетка по всем ключевым параметрам не была выполнена вообще. Провозглашённые цифры – стопроцентный рост индустриальной продукции между 1928 и 1932 гг. – были ложью. Реальные показатели были примерно вдвое меньше... Производительность труда в крупной промышленности в 1932 г. даже снизилась по сравнению с 1928 г.»¹³. Массовая пропаганда, воспроизводившая сталинские тезисы о «заводах-гигантах, не имеющих равных в мире», «правах и свободах советских людей» и т.п., в условиях голода и тотального дефицита имела только частичный успех. Итоги пятилетки оказались столь далеки от запланированных по инициативе главы партии, что Сталин имел все основания беспокоиться за свою судьбу. Фактически промолчавший все одиннадцать заседаний XVII партконференции, не желая вступать в дискуссию о причинах очевидного кризиса в экономике¹⁴, генсек стремился не допустить сопоставления плановых и достигнутых показателей и в январе 1933 г.

Однако завеса мифологии постоянно «разрывалась» выступлениями о качестве продукции и состоянии хозрасчётных отношений. Речь не только о позиции директорского корпуса, продемонстрированной ещё в 1931 г. на

¹⁰ *Davies R.W.* Crisis and progress in the Soviet economy, 1931–1933. Basingstoke; L., 1996. P. 317.

¹¹ *Ibid.* P. 319

¹² *Ibid.* P. 326.

¹³ *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 178, 179, 206.

¹⁴ *Фельдман М.А.* Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б)) // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. 2020. № 1. С. 83.

I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности¹⁵. Выступление 31 января 1932 г. на XVII конференции члена Политбюро ЦК Я.Э. Рудзутака содержало в себе «информационную бомбу». Низкое качество значительной части продукции заводов не являлось для делегатов тайной. Но указать конкретную цифру — до четверти произведённого — стало большой смелостью¹⁶. Стоимость выпущенной в 1931 г. промышленной продукции Орджоникидзе оценил в 11,8 млрд руб. Получалось, что «на ветер» выбрасывалось до 3 млрд. Фактически Рудзук дал политике радикального форсирования темпов экономического роста жёстко негативную оценку. О степени сталинского недовольства говорит и то, что через четыре дня после этого выступления Рудзук перевели из членов в кандидаты в члены Политбюро.

Тем не менее катастрофическое положение в экономике к августу 1932 г. признали все члены Политбюро¹⁷. Однако антикризисные меры, предлагавшиеся Сталиным и руководителями наркоматов, серьёзно разнились. Например, нарком финансов Г.Ф. Гринько призывал дать приоритет качественным показателям. Это вызвало негативную реакцию Сталина, заявившего, что «пятилетняя программа считается у нас минимальной. У нас будут ещё ежегодные контрольные цифры, которые будут расширять пятилетний план из года в год»¹⁸.

Оказавшись если не у «последней черты», то в ожидании критических выступлений, Сталин готовился к корректировке курса. Но для этого требовался ряд условий: сохранение и усиление негативных оценок недавних соратников — «правых» (признание правоты бывшего главы СНК СССР А.И. Рыкова и его сторонников означало бы для генсека политическое самоубийство); отсутствие даже незначительной критики проводимой политики; запрет на оглашение информации о реальных переменах в экономике; продолжение восхваления генсека как «мудрого вождя и продолжателя дела Ленина».

Доклад Сталина, прозвучавший на пленуме 7 января 1933 г., газета «Правда» опубликовала только спустя три дня. В его тексте можно выделить, по крайней мере, четыре группы утверждений. Первая касалась подведения итогов пятилетки в промышленности. Чеканный рефрен «у нас не было — теперь есть»¹⁹ оказал завораживающее воздействие на участников пленума, неоднократно цитировался членами ЦК, стал основой пропагандистских мероприятий. Реальность же оказалась совсем иной. Например, авиационная промышленность России в 1916 г. выпустила 1287 самолетов и 639 моторов²⁰. По производству чёрных металлов и угля Россия немногим уступала Франции. Утверждение Сталина, что «Россия до 1917 г. по производству нефтяных продуктов и угля стояла на последнем месте», не выдерживало никакой критики с учётом того, что на рубеже XIX–XX вв. страна добывала нефти больше всех в мире, уступая только США по производству керосина²¹.

¹⁵ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: 30 января — 5 февраля 1931 г. Стенографический отчёт. М., 1931. С. 23–24, 31–34.

¹⁶ XVII конференция ВКП(б)... С. 73.

¹⁷ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 206, 217–218.

¹⁸ XVII конференция ВКП(б)... С. 223.

¹⁹ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки: доклад 7 января 1933 г. на Объединённом Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. // Сталин И.В. Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1951. С. 64.

²⁰ Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М., 2006. С. 99.

²¹ Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 130.

Уже на XVI съезде Сталин ввёл штамп «капитализм нам оставил почти полное отсутствие собственного машиностроения». «Конкретизируя» эту мысль, его подчинённым приходилось прибегать к подтасовкам. Так, председатель ВСНХ Куйбышев заявил: «До войны машиностроительная промышленность по сравнимым ценам (приведённым к ценам 1926/27 г.) дала приблизительно на 307 млн руб. продукции»²². На деле же в 1913 г. в машиностроении и металлообработке России стоимость произведённой продукции равнялась 820 млн руб. (в 1928/29 г. — 703 млн)²³. Спустя год, в отчётном докладе на XVII съезде партии Сталин отметил: в 1913 г. на долю машиностроения приходилось 11% валовой продукции промышленности России²⁴. Общий вывод этой части доклада заключался в глобальном утверждении: за годы пятилетки удалось «перевести нашу страну с её отсталой, подчас средневековой техникой — на рельсы новой, современной техники»²⁵. Но, помимо вышеприведённых тезисов, генсек не привёл каких-либо доказательств.

Вторая группа затрагивала итоги пятилетки в сфере сельского хозяйства. Главный довод в защиту обоснованности коллективизации заключался в увеличении объёмов заготовок товарного зерна с «500–600 миллионов пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, до 1 200–1 400 миллионов пудов ежегодно» после коллективизации²⁶. Практически весь состав участников пленума оказался «повязан» участием в насильственной коллективизации. Но известна была и цифра потерь животноводства за первые месяцы коллективизации, озвученная в 1930 г. тогдашним председателем СНК РСФСР С.И. Сырцовым: «Перегибы и ошибки в ходе коллективизации обернулись только в животноводстве потерями на сумму в 3 млрд руб.»²⁷. Для понимания масштаба экономического и социального бедствия следует вспомнить, что по решению ноябрьского (1929) пленума капитальные вложения в промышленность и электрификацию на 1929/30 г. увеличивались на 43%: с 2,8 млрд руб. по «оптимальному» варианту плана до 4 млрд²⁸. Забой крестьянами значительной части лошадей привёл к тому, что создание колхозов проходило без соответствующей материальной базы. В 1928–1932 гг. совокупная мощность тракторов выросла с 0,27 млн лошадиных сил до 2,1 млн. Но даже с учётом этого совокупная тяговая сила в 1932 г. составила 21–22 млн сил против 28 млн в 1928 г.²⁹

Сталинский вариант модернизации деревни проходил по лекалам Гражданской войны: фактически это была продразвёрстка. В условиях самого благоприятного в климатическом отношении 1930 г. в деревнях зачастую выгре-

²² XVI съезд ВКП(б). 26 июня — 13 июля 1930 г. Стенографический отчёт. Т. 2. М., 1935. С. 859.

²³ Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). Т. 1. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 год. Ч. 3. Промышленность 1912, 1913, 1915, 1920 и 1925/26 гг. М.; Л., 1930. С. 10.

²⁴ XVII съезд ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г. М., 1934. С. 17.

²⁵ Сталин И.В. Указ. соч. С. 62.

²⁶ Там же. С. 69.

²⁷ XVI съезд ВКП(б)... Т. 1. М., 1935. С. 400–403.

²⁸ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг. / Отв. ред. В.П. Данилов. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929. М., 2000. С. 547.

²⁹ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. С. 84.

бались и продовольственные, и семенные фонды. При этом потери зерна при уборке урожая в колхозах составляли примерно 22% от валового сбора. В итоге в условиях масштабного голода из государственных фондов пришлось выделить ссуды в размере 75,4 млн пудов³⁰. Самым тяжёлым проявлением коллективизации стал голод, от последствий которого погибли 5,6 млн человек, в том числе 2,5 млн — на Украине³¹.

Сталин хорошо знал, что объём валовой продукции сельского хозяйства за пятилетку не вырос, а сократился на 6–7%. Между тем предусматривался значительный рост: с 2990 млн до 5300 млн руб. по отправному варианту и до 6400 млн руб. — по оптимальному³². При сохранении нэповской модели крестьянство могло за счёт развития кооперации, сельскохозяйственного машиностроения и т.п. нарастить товарную продукцию на 2,4–3,5 млрд руб.

Нигде, как в этом сегменте доклада, мифологическая завеса не выставлялась так масштабно! Не случайно, понимая всю натянутость своих выводов, 11 января Сталин выступил с ещё одним (незапланированным и не указанным в повестке) докладом — «О работе в деревне»³³ (опубликован в «Правде» 17 января). Признав, что в 1932 г. «хлебозаготовки прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году», он дал развёрнутое объяснение произошедшему. Виноватыми оказались работники колхозов и совхозов, не увидевшие «отрицательных сторон» разрешения колхозной торговли. Легализация таковой означала и легализацию рыночной цены на зерно, а значит, появление у крестьян выбора. Задача сельских коммунистов, по мнению Сталина, заключалась в том, что «с первых же дней уборки, ещё в июле месяце 1932 года, они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки». Как видно, насилие как основной метод коллективизации в прошлое вовсе не уходило. Больше того, его подкрепляли административные меры: в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развёртывании колхозной торговли хлебом» прямо говорилось, что «колхозную торговлю хлебом можно открыть лишь после того, как будет выполнен целиком и полностью план хлебозаготовок и будут собраны семена».

Сталин указал на «засорённость» колхозов «бывшими» из числа «кулаков», «белых» солдат и офицеров, чиновников, служащих и т.д. Более того, даже само объединение крестьян в колхозы пугало его потенциальной возможностью воздействия на жителей деревни нежелательной информации и агитации. Тем самым робкий шаг назад от потрясений коллективизации оказывался лишь краткой передышкой перед новыми шагами вперёд по дороге насилия. Участникам же пленума предложили явно мифологический тезис о «превращении СССР в страну самого крупного сельского хозяйства в мире»³⁴.

Третья группа утверждений должна была объяснить практику «бешеных темпов», всех трудностей и тягот, выпавших на долю населения в годы пятилетки, а также причины невыполнения плановых заданий. Основные причины Сталин связал с внешним фактором — «отказом соседних стран подписать с нами пакты о ненападении и осложнениями на Дальнем Востоке». Следствием этого стало

³⁰ Там же. С. 48–49, 81.

³¹ *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 294–295.

³² Как ломали нэп... Т. 5. С. 273.

³³ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 78–84.

³⁴ Там же. С. 69.

«переключение ряда заводов в целях усиления обороны на производство современных орудий обороны»³⁵. Сталинский почерк — снятие с себя ответственности за чудовищные ошибки и преступления, возложение её на местные кадры и капиталистическое окружение — не менялся с весны 1930 г., времени балансирования на грани новой Гражданской войны в деревне. Но нашёлся и принципиально новый момент — неоднократное подчёркивание безальтернативности курса начала 1930-х гг.³⁶ Никакого аналитического сравнения вариантов пятилетнего плана генсек не делал. Его усилия сосредоточились на написании картины ужасов, ожидавшей СССР в случае отказа от «бешеных темпов».

Четвёртая группа затрагивала изменение направленности экономической политики. Комплекс внутренних и внешнеполитических причин (хаос хозяйственных связей, финансовый кризис, рост внешней задолженности и др.) не позволял далее «подхлестывать и подгонять страну». По существу, перед нами отказ от курса пятилетки, его тихое отрицание (в ряде пунктов — даже осуждение)³⁷. В годы второй пятилетки на первый план выходило освоение техники старых или обновлённых заводов и фабрик, требовавшее повышения квалификации рабочих и инженерно-технического персонала³⁸. Но примечательна оговорка генсека: «Особенно в первые два-три года второй пятилетки». Это означало, что на стабилизацию положения (в том числе за счёт отступления от приоритета насильственных мер) отводились 1933–1935 гг.

Специалисты (работники экономических наркоматов, представители директорского корпуса) не услышали от руководителя партии ни слова о хозрасчёте — стержне курса «мини-реформ». Пропагандистские клише постоянно напоминали: в специальном разделе речи Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. говорилось, что «благодаря бесхозяйственному ведению дела, принципы хозрасчёта оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что... давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов»³⁹. Однако подлинное отношение Сталин выразил в письме Л.М. Кагановичу от 6 августа 1931 г.: «Буржуазный подход к вопросу о рентабельности — расклевать»⁴⁰. В системе координат «социалистической экономики» хозрасчёт имел право на существование в сфере права, но его подлинная жизнь начиналась за пределами легальной экономики. Не случайно началом 1930-х г. датируется начало слияния командной экономики с тенью⁴¹.

Не прозвучало и оценки внешних хозяйственных связей, даже с учётом «практически полной зависимости советской индустриализации от зарубежных технологий»⁴². Это, впрочем, неудивительно: мифологические конструкции складываются не только из слов, но и из фигур умолчания. Таким образом, анализ доклада 7 января 1933 г. показывает, что готовность Сталина к переменам

³⁵ Там же. С. 65.

³⁶ Там же. С. 66.

³⁷ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 177.

³⁸ Сталин И.В. Указ. соч. С. 67.

³⁹ Там же. С. 28–29.

⁴⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 37.

⁴¹ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. М., 2017. С. 314.

⁴² Штопов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы. Лабиринты экономического сотрудничества. М., 2012. С. 15.

носила условный и временный характер. Прагматизм в кризисных ситуациях постоянно натывался на идеологические догмы. Несовпадение двух противоположных по смыслу курсов (рационально-технократического и волюнтаристского) должно было решаться за счёт подавления реальных или потенциальных недовольных.

Важная черта реальности тех лет – автоматическое превращение сталинских формулировок в положения партийных доктрин. Показательно, что выступавший на следующий день (8 января) Молотов начал с сакраментальной фразы: «Докладом товарища Сталина исчерпывается вопрос об итогах Первой пятилетки»⁴³. Будто в подтверждение номер «Правды» за 12 января, в котором опубликована речь главы правительства, сопровождался страницей тщательно подобранных выступлений трудящихся под общим заголовком: «Новой волной энтузиазма, инициативы и трудового подъёма встретили массы доклад вожда партии тов. Сталина!».

Сам же доклад Молотова «О задачах первого года второй пятилетки» фактически только уточнял отдельные положения сталинского выступления, воспроизводя даже структуру речи генсека. Относительным отличием можно считать неконкретные фразы о масштабе брака, низкой степени загрузки станков, значительном количестве установленного, но не работающего оборудования. Общий вывод доклада оказался выдержан в русле поворота экономического курса, согласованного руководством ВКП(б) ещё в конце 1932 г.⁴⁴ Главной задачей промышленности объявлялось повышение производительности труда; упор должен был делаться не на количественные показатели, а на качество продукции. Однако указание на пути достижения поставленных целей копировало язык постановлений ЦК и СНК времён «бешеных темпов»: «Надо только развернуть большевистскую борьбу за улучшение организации труда и укрепление дисциплины!» Фактически без внимания остались проблемы материально-бытового положения трудящихся. Между тем реальная заработная плата занятых в промышленности за годы пятилетки снизилась с 50 до 30%, провалились все социальные программы⁴⁵.

Об итогах пятилетки читатель газет «Правда» и «Известия» мог узнать немного. Пленум в публикациях за 8–12 января представлен только докладом Сталина и Молотова! Недосказанность превратилась в важную составляющую информационной среды советской жизни. Так, не нашлось места для изложения короткого выступления 8 января заместителя председателя Госплана Г.И. Ломова, которое содержало единственный критический фрагмент: «Ряд шахт, которые мы считаем пущенными, на самом деле дают всего процентов 20–60 их проектной мощности, и почти ни одна из крупных пущенных шахт в Донбассе и Кузбассе не даёт добычи, близкой к проектной мощности»⁴⁶. 21 января газета опубликовала статью Ломова, представлявшую собой панегирик развитию топливной промышленности с небольшим вкраплением абстрактных замечаний⁴⁷. Однако даже это не избавило автора от сталинского

⁴³ Молотов В.М. О задачах первого года Второй пятилетки // Правда. 1933. 12 января.

⁴⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 217–218.

⁴⁵ Davies R.W. Op. cit. P. 479.

⁴⁶ Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы / Сост. С.С. Хромов. Ч. 2. М., 1999. С. 119.

⁴⁷ Ломов Г.И. Итоги выполнения топливной пятилетки // Правда. 1933. 21 января.

гнева: вскоре его освободили от работы в Госплане, а в феврале 1934 г. вывели из состава ЦК.

Выступление наркома лёгкой промышленности И.Е. Любимова (10 января) тоже оказалось вне печати за фразу: «В Америке, например, при производстве обуви в 4,5 раза больше, чем у нас, натурального кожевенного подошвенного сырья употребляется всего лишь в полтора раза больше, чем у нас»⁴⁸. Впрочем, оратор сохранил пост до 1937 г.

Уже после закрытия пленума, 13 января, в «Правде» появился доклад Куйбышева «Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства». Выдержанный в оптимистическом духе, он содержал заявления о создании современного машиностроения, первом месте в мире по соотношению электростали и стали, завершении технической реконструкции в нефтяной промышленности. Однако внимательный читатель обратил бы внимание, что лишь в одной отрасли (нефтяная) завершилась техническая реконструкция. Сооружение заводов-гигантов либо не закончилось, либо на них только начиналось освоение производственных мощностей. Производство электростали в разы отставало от показателей США и Германии⁴⁹. Ответ на вопрос, в какой же степени выполнены задания пятилетнего плана по технической реконструкции в народном хозяйстве?, руководитель ВСНХ не озвучил. Но в принципе в этом уже не было необходимости: 13 января «Правда» опубликовала резолюцию пленума по докладам Сталина, Молотова и Куйбышева, принятую 10 января. В жизнь прочно входила традиция партийных форумов без публичного обсуждения, с единогласным одобрением заранее подготовленных резолюций.

Несколько иная тональность выступления Орджоникидзе привела к тому, что его речь напечатали только 22 января. Фразу «мы немного разучились считать деньги» можно было бы рассматривать как пример лёгкой критики экономического курса. Однако она прозвучала как продолжение весьма жёстких замечаний оратора о забвении хозрасчёта на XVII конференции 30 января 1932 г. Утверждение, что «на протяжении последних лет хозрасчёт у нас почти полностью пропал»⁵⁰, означало, что представитель высшего руководства, более других внёсший в реализацию плана, признал: многочисленные решения и постановления о внедрении хозрасчёта не дали результатов. Даже довольно ограниченная самостоятельность производителей не вписывалась в командно-административную систему. Спустя ровно год после этого выступления, как отмечает Дэвис, получивший доступ к тексту до сих пор не рассекреченной (не опубликованной целиком) стенограммы пленума, Орджоникидзе говорил о пренебрежении хозяйственников к вопросам стоимости продукции как характерной черте индустриализации⁵¹.

Написанные словно под копирку речи Н.И. Бухарина, Рыкова и М.П. Томского, опубликованные 14–16 января, говорили только об одном: «Альтернативного курса не существует». Три недавних члена Политбюро дружно критиковали уже безымянных «правых» и превозносили Сталина. Попытки Бухарина выделить отличия «социалистической» и капиталистической индустриализации вызывали лишь улыбку абстрактностью рассуждений о «принципиально иных

⁴⁸ Индустриализация Советского Союза... Ч. 2. С. 126.

⁴⁹ Куйбышев В.В. Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства // Правда. 1933. 13 января.

⁵⁰ XVII конференция ВКП(б)... С. 19.

⁵¹ Davies R.W. Op. cit. P. 326.

технологиях», «принципиально иных мощностях» и т.д. Пожалуй, главным в речи оказалось другое — допустимость применения «суровой расправы» на оппозицией (группа И.Н. Смирнова)⁵². Демонстрация максимальной преданности «генеральной линии» доказывала: путь отступления от принципов не имеет преград и ведёт к превращению политика в марионетку.

Завершило работу пленума выступление Рудзутака. Представитель старой большевистской гвардии провозгласил начало «общепартийной чистки». Её предназначение очевидно: пленум на основе сталинского доклада констатировал триумфальное завершение пятилетки. Чистка предназначалась для усомнившихся в верности выводов и оценок.

Рассматриваемый пленум занимает особое место в ряду партийных форумов. По важности выводов, вошедших на десятилетия в учебники (например, тезиса о «построении экономического фундамента социализма»). По масштабу обмана общества: гибель миллионов от голода, ссылка и разорение наиболее умелых крестьян, обнищание населения страны, катастрофа в животноводстве, экономический хаос в строительстве и промышленности подавались как революционная победа «социалистических отношений». По степени скрытности: выступления на пленуме либо не были опубликованы, либо подверглись сознательному искажению.

Существует и иная сторона событий января 1933 г. К этому времени Сталину пришлось признать ошибочность экономического курса 1929–1931 гг., переложив вину за его трагическое осуществление на местных работников, сопротивление и саботаж «классовых врагов», внешнеполитический фактор. Но это запоздавшее, оплаченное огромными материальными потерями и человеческими жертвами признание носило временный характер. Курс «мини-реформ» (товарно-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли)⁵³ грозил Сталину и его группировке потерей господства в партии, обществе и государстве. Даже при сохранении командно-административной системы нарушалось мифологическое пространство «чистого» социализма: рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денежных отношений, экономической самостоятельности производителей. Тем не менее по выступлениям Ломова, Любимова и Орджоникидзе видно, что ответственные за отрасли экономики не желали принимать пропагандистские тезисы за реальность. Никакая массивная пропаганда «триумфа» не могла вытравить в сознании хозяйственников и региональных руководителей ощущения её несоответствия реальности, наоборот, порождала определённую внутреннюю невосприимчивость к мифологемам⁵⁴. Участники пленума, отвечавшие за конкретные проекты, понимали, что переход к умеренному курсу является косвенным признанием провала политики «большого скачка». Но большинство рассматривало это только как тактическую неудачу.

В то же время появление оппозиционных групп среди партийных работников свидетельствовало о растущем недовольстве Сталиным⁵⁵. Его политика нача-

⁵² Выступление Н.И. Бухарина по докладу И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 г.» // Правда. 1933. 14 января.

⁵³ *Davies R.W.* Op. cit. P. XV.

⁵⁴ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008. С. 403.

⁵⁵ *Taker P.* Сталин — диктатор. У власти. 1928–1941. М., 2013. С. 257–261.

ла вызывать непонимание прежде всего директорского корпуса, зажатого в тиски невыполнимых требований с одной стороны и пассивного сопротивления подчинённых — с другой⁵⁶. Это проявилось уже на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (1931), а XVII партконференция (1932) показала, что подобные настроения проникли и в ряды партактива. Январский (1933) пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) лишь подтвердил тенденцию.

Генсек ответил политическим манёвром — очередной общепартийной «чисткой»⁵⁷. Начавшись как кампания летом 1929 г., она приобрела, используя терминологию эпохи, «перманентный» характер и контролировалась отделами ЦК и подчинёнными ему структурами. «Чистка» форматировала государственные структуры и трудовые коллективы под экстремальные, мобилизационные и внеэкономические цели сталинского руководства⁵⁸, превратившись в средство изгнания из партии инакомыслящих. Она внесла немалый вклад в становление мифологического пространства тоталитарного государства, способного действовать только насильственными административными мерами. Однако широкомасштабное использование «чисток», понижение в должности за малейшую критику и заполнение информационного пространства мифологемами не остановили роста недовольства. Ответом управленческого корпуса стало голосование 9 февраля 1934 г. на XVII съезде партии при выборе кандидатов в состав ЦК. Число делегатов, выступивших против Сталина, составило от 123 до 300 (достоверный факт — уничтожение 166 бюллетеней⁵⁹). Определённая часть сторонников индустриального проекта не желала мириться с происходящим.

Итоги пятилетки освещались в экономических изданиях СССР своеобразно. Почти все статьи в номерах журнала «Проблемы экономики» за первое полугодие 1933 г. посвящены 50-летию смерти Маркса. Лишь передовая статья в № 2 — «Ленинский кооперативный план в действии» — провозглашала торжество марксистско-ленинских идей в деревне⁶⁰. В то же время журнал опубликовал обширную статью о закономерном «загнивании техники» при капитализме и неизбежном «вытеснении квалифицированного труда неквалифицированным»⁶¹. Относительно близкими к действительности оказались публикации в журнале «Плановое хозяйство». Так, начало статьи Г. Князькова «Капитальное строительство в тяжёлой промышленности в Первой пятилетке» выдержано в духе официальной пропаганды: «Итоги Первой пятилетки целиком оправдывают и окупают затраченные страной усилия. Задания... в тяжёлой промышленности резко перевыполнены в 4 года и три месяца». Однако приведённые статистические сведения говорили совсем об ином. План по вводу мощностей выполнен на 58,5% (мой пересчёт этих цифр: план — 21,3 млрд руб., факт — 11,2 млрд — даёт иной результат: 52,6%). Это обернулось тем, что объём незавершённого строительства на 1 января 1933 г. составил 8 млрд руб.⁶²

⁵⁶ *Верт Н.* История Советского государства... С. 204.

⁵⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. М., 1985. С. 32, 42–45.

⁵⁸ *Красильников С.А.* «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 171, 188.

⁵⁹ *Такер Р.* Сталин — диктатор... С. 320.

⁶⁰ Ленинский кооперативный план в действии // Проблемы экономики. 1933. № 2. С. 3–20.

⁶¹ *Грановский Е.* О противоречиях развития техники при капитализме // Проблемы экономики. 1933. № 1. С. 98–141.

⁶² *Князьков Г.* Капитальное строительство в тяжёлой промышленности в Первой пятилетке // Плановое хозяйство. 1933. № 1. С. 50–61.

Данные косвенно ставили под сомнение утверждение о «резком перевыполнении» плана. Сталинские мифологические конструкции явно не совпадали с реальностью, и статистика нередко «подводила» пропаганду.

Казалось бы, не принёс изменений и 1934 г. В экономических журналах из номера в номер комментировались высказывания Сталина и его сподвижников по Политбюро, дополненные парадными отчётами о достижениях промышленности. В «научный» оборот вводились необоснованные утверждения о «превосходстве советского машиностроения над американским» по ряду технических показателей; о достижении «огромных успехов в механизации производственных процессов» (правда, сопровождаемые время от времени сообщениями о высоком уровне ручного труда в «отдельно взятых» отраслях машиностроения⁶³). В статье «К анализу качественных показателей народного хозяйства СССР» звучали лозунги о «росте производительности труда в промышленности за годы первой пятилетки на 41%, о снижении себестоимости в машиностроении за первую пятилетку на 30% при росте производительности труда на 64%, а заработной платы рабочих — на 53,8%»⁶⁴. Трудно было найти утверждения, более несовпадающие с реальностью, но идеологический диктат уже набрал обороты.

Тем не менее процесс «мини-реформ» требовал хотя бы некоторого научного осмысления. Статья В. Грановского и Г. Невольского «Организация труда в тяжёлой промышленности» стала прорывом из теоретического болота начала 1930-х гг. Авторы отметили, что «охват технически обоснованными нормами составляет по машиностроению не более 30–35%; по каменноугольной промышленности — 25–30%; по металлургии и химической промышленности — только 15–20%». Заявления о «значительном росте производительности труда» дезавуировались чётким выводом: «Нынешний уровень планирования показателей по производительности труда совершенно не соответствует их значению». Углубляя свою мысль, авторы подчеркнули: «До сих пор мы, по существу, не имеем на предприятиях единой системы технико-экономических обоснований плановых расчётов по труду, несмотря на указания XVII партийной конференции и директивы НКТП и ВЦСПС о том, что в основу всех пересчётов по производительности труда и рабочей силе были положены нормы времён на единицу продукции»⁶⁵.

В статье В.И. Межлаука, ставшего после XVII съезда заместителем председателя СНК и главой Госплана, звучали критические оценки состояния «социалистического планирования», завалуированные указанием на «события прошлого» — период первой пятилетки. «Мы не имеем разработанного баланса развития народного хозяйства», — отмечал автор. Кроме того, «недостаточное внимание уделялось планированию технического прогресса, проблемам освоения техники, ускорению перехода от планирования отдельных технических показателей к составлению единого технического плана развития народного хозяйства». Указывалось и на слабое использование «таких важнейших рычагов нашей экономики, как деньги, кредит и хозрасчёт»⁶⁶.

⁶³ Сухаревский Б. Завершение технической реконструкции и вопросы механизации промышленности // Плановое хозяйство. 1934. № 1. С. 70–72.

⁶⁴ Турецкий Ш. К анализу качественных показателей народного хозяйства СССР // Плановое хозяйство. 1934. № 7. С. 101–102.

⁶⁵ Грановский В., Невольский Г. Организация труда в тяжёлой промышленности // Плановое хозяйство. 1934. № 10. С. 116–117.

⁶⁶ Межлаук В.И. К реорганизации Госплана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 3–6.

Репрессии начали сказываться на качестве статей в экономических журналах уже с весны 1929 г. — времени поражения рационально мыслящей части руководства партии. Более того, ускорилось отставание советской экономической науки, поскольку в конце 1920-х гг. перестали выходить многие журналы, в том числе близкие к «Плановому хозяйству» по содержанию и коллективу авторов, — «Экономическое обозрение» и «Экономический бюллетень» Конъюнктурного института⁶⁷. Однако наука, загнанная в тиски марксистских догм, при малейшем послаблении вырывалась наружу, опрокидывая лживые пропагандистские конструкции.

Материалы январского (1933) пленума, анализ публикаций в прессе и экономических журналах показывают: руководству СССР пришлось признать пагубность курса «бешеных темпов». Осмысление затруднялось мифологическим пространством с его лозунгами «создания фундамента социалистической экономики» и «выполнения заданий Первой пятилетки за четыре года и три месяца», а также жестокими наказаниями за малейшие критические замечания. Однако жизнь доказала правоту авторов госплановского варианта пятилетнего плана. Фактическое признание этого позвучало из уст его главных критиков. В феврале 1932 г. Молотов связал выполнение первого пятилетнего плана с его «оптимальным вариантом», Сталин оперировал его цифрами в январе 1933 г. «Вариант Рыкова» всплывал вновь и вновь, доказывая свою реалистичность и жизнеспособность.

Принципы первого пятилетнего плана, его инструментарий получили продолжение в плане второй пятилетки, за исключением... права многоукладной экономики на существование. Однако нормативный запрет рыночных отношений привёл лишь к тому, что между предприятиями начали складываться неформальные отношения. Они воплощались в неплановых и даже нелегальных обменах и соглашениях, снимая остроту государственного контроля и жёсткость централизованного планирования. Одним из таких постоянно действовавших механизмов коррекции неэффективного бюрократического распределения ресурсов выступали «товарообменные операции» — внеплановые продажи, а чаще всего обмены продукцией между предприятиями. Данные проверки, проведённой Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции в начале 1932 г., показали и то, что «огромное количество готовой продукции утекает по непредусмотренным планами и договорами каналам, питая частный рынок»⁶⁸. При этом работники наркоматов защищали тех хозяйственных руководителей, которые могли любыми путями выполнять постоянно меняющиеся планы. Годы первой пятилетки стали временем слияния командной экономики с теневой, и задача сохранения видимости централизованного управления системой допускала поведение, в сущности, противоречившее ей⁶⁹. Выяснилось, что командная экономика не может существовать без рынка, даже крайне искажённого. Он помогал ей выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы⁷⁰. Вынужденное осмысление реальности заставило советское руководство, наряду с репрессивными мерами, сделать ставку на более рациональные методы управления.

⁶⁷ *Белых А.А.* История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. М., 2011. С. 115.

⁶⁸ *Davies R.W.* Op. cit. P. 147–148.

⁶⁹ *Мерль Ш.* Советская экономика: современные оценки. С. 314.

⁷⁰ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»... С. 13.

Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н.С. Хрущёва

Евгений Артёмов

Failed acceleration: military-strategic factor
in Khrushchev's economic policy

Evgeniy Artemov

(Institute of History and Archaeology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S0869568722040203, EDN: JBSOU

«Хрущёвское десятилетие» — один из самых противоречивых периодов советской экономической истории. С одной стороны, впечатляют достижения в освоении ядерной энергии, развитии ракетно-космической техники, повышение уровня жизни населения. С другой — это время несбывшихся надежд. Вместо стремительного наращивания объёмов производства уже в конце 1950-х гг. обозначилось затухание темпов экономического роста. Столь же несостоятельными оказались планы устойчивого увеличения доходов граждан. Возникает вопрос: почему не оправдались эти ожидания?

В современной историографии на него даются различные ответы. Одни исследователи акцентируют внимание на ошибках руководства страны в экономической политике, неверной расстановке её приоритетов, приверженности идеологическим стереотипам, не позволившей провести назревшие преобразования. Другие говорят об ущербности самих институтов управления обществом, «врождённой» неэффективности и безответственности (*fundamental inefficiency and irresponsibility*) «социалистической системы хозяйствования», программировавших затухание темпов развития экономики по мере увеличения её масштабов. В подтверждение этому приводятся многочисленные факты¹. Думается, однако, что картина будет неполной, если не проследить взаимосвязь темпов роста советской экономики с уровнем её структурной милитаризации. Нужно отметить, что в изучении основных направлений и масштабов наращивания военно-промышленной мощи в «хрущёвское десятилетие» имеется солидный задел². Однако ясного понимания того, какую роль в несостоявшемся ускорении тех лет сыграл военно-стратегический фактор, как гонка вооружений сказалась на выполнении амбициозных планов, пока не сложилось. Это и объясняет выбор темы настоящей статьи.

© 2022 г. Е.Т. Артёмов

¹ Artemov E., Vodichev E. The economic policies of the Khrushchev decade: historiography // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1822–1839.

² The Soviet defense industry complex from Stalin to Khrushchev / Ed. by J. Barber, M. Harrison. Houndmills, 2000; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; Вооружение России. Т. 1. Советская военная мощь / Рук. авт. кол. А.В. Минаев. М., 2010; Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. Изд. 2, доп. и испр. М., 2015; и др.

Очевидно, что экономическая стратегия и политика нового руководства страны означала определённый отход от сталинского курса. Уже в марте 1953 г. по предложению Л.П. Берии Совет министров СССР принял решение о «прекращении или ликвидации ряда крупных объектов строительства», предусмотренных «ранее принятыми постановлениями Правительства», но не вызванных «неотложными нуждами народного хозяйства». Консервация строительства отдельных железнодорожных и автомобильных магистралей военно-стратегического назначения и гидротехнических сооружений позволяла уменьшить капитальные вложения на 3,46 млрд руб.³ (около 3% от их объёма по всем министерствам и ведомствам). В следующем месяце было принято ещё одно знаковое решение: сокращение ассигнований на закупку обычных видов вооружения на 4,6 млрд руб.⁴ (более 4% официального оборонного бюджета 1953 г.).

Поспешность этих инициатив свидетельствовала о наличии в социально-экономическом развитии серьёзных диспропорций. Они явились следствием безудержного наращивания военно-промышленной мощи. Такое вызывалось втягиванием страны в холодную войну, главной причиной которой зачастую называют экспансионистскую политику Советского Союза, его стремление к планетарному господству. На самом деле стратегические цели СССР, если говорить о первом послевоенном десятилетии, лежали в иной плоскости: обеспечении устойчивости режима, закреплении зон влияния в Европе и на Дальнем Востоке, упрочении статуса великой державы⁵. Однако бывшие союзники по антигитлеровской коалиции воспринимали их как экзистенциальную угрозу западному миру. Отсюда «политика сдерживания», провозглашённая США в конце 1940-х гг. Её главной задачей выступали «фундаментальное» изменение «в природе советской системы», «трансформация советского общества» как необходимое условие срыва «агрессивных планов» СССР. Иначе говоря, под вопрос ставилась легитимность его существования. И это определяло политический курс Соединённых Штатов на протяжении следующих 40 лет⁶.

Политика сдерживания сразу же обернулась нарастанием конфронтации между двумя сверхдержавами. С учётом данного обстоятельства и формулировались основные положения советской военной доктрины. Исследователям недоступны документы, позволяющие реконструировать её содержание во всех деталях. Но очевидно, что советские военные планы не сводились, как иногда утверждают⁷, к сугубо оборонительным задачам. Придерживаться такой стратегии означало обречь себя на поражение хотя бы в силу подавляющего военно-экономического превосходства «вероятного противника». Поэтому Вооружённые силы СССР в случае развязывания глобальной войны ориентировались на окружение и уничтожение войск соперников в ходе скоротечных наступательных операций на евроазиатских театрах военных действий⁸. Только при таком условии Советский Союз мог рассчитывать на приемлемое завершение возможного военного конфликта с США и их союзниками.

³ «Новый курс» Л.П. Берии. 1953 г. // Исторический архив. 1996. № 4. С. 140–143.

⁴ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс... С. 25–27.

⁵ Рибер А.Дж. Послевоенные цели Сталина // Российская история. 2017. № 4. С. 134–150.

⁶ Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В. Верченко. М., 2019. С. 430–438.

⁷ Спицын Е.Ю. Осень патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах. М., 2020. С. 306.

⁸ Золотарёв В.А., Путилин Б.Г. Месть за победу: Советский Союз и холодная война. М., 2014.

Императивы холодной войны побудили советское руководство внести серьёзные коррективы в послевоенные планы «восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства». Ограничение затрат на поддержание военной мощи сменилось политикой опережающего наращивания оборонного потенциала. С 1947 по 1953 г. вдвое, почти до 5,4 млн человек, увеличилась численность армии, «ударными темпами» реализовывалась программа её оснащения различными видами вооружений. Соответствующую динамику отразил официальный бюджет военных ведомств. К 1953 г. он вышел на уровень последнего года Второй мировой войны. Ещё более стремительно увеличивались ассигнования на разработку боевой техники и развитие производственной базы военно-промышленных министерств, проходившие по статье «развитие народного хозяйства»⁹. Однако многомиллионная армия, оснащённая обычными видами вооружения, уже не обеспечивала должной обороноспособности. Появление у США ударных ядерных сил давало им важное преимущество. С целью предотвращения катастрофического изменения в балансе сил стартовал «атомный проект». В 1949 г. Советский Союз испытал опытный ядерный заряд, а в год смерти Сталина в арсенале насчитывалось уже 120 «изделий»¹⁰. Одновременно осуществлялась программа создания ракетных средств их доставки до возможных целей.

Появление принципиально новых видов вооружения, тем не менее, никак не сказалось на военной доктрине и строительстве Вооружённых сил. На протяжении 1945–1953 гг. основой их «могущества» по-прежнему считались «обычные виды оружия»¹¹. Для этого имелись веские основания. Ограниченное число имевшихся в наличии ядерных боезарядов и их относительно небольшая мощность не позволяли рассчитывать на нанесение сколько-нибудь значительного урона военно-экономическому потенциалу «вероятного противника». Отсутствовали и подходящие средства доставки, которые могли прорвать противовоздушную оборону стратегических объектов. Вызывала сомнение целесообразность применения ядерного оружия при проведении войсковых тактических операций. Более оправданным выглядело использование «изделий» для изоляции района боевых действий: нанесения ударов по резервам, тыловым складам и базам снабжения, узлам коммуникаций и центрам управления войсками противника¹².

Но в любом случае появление ядерного оружия означало революцию в военном деле. Стремительное увеличение мощности ядерных боезарядов и улучшение тактико-технических характеристик их носителей обещало уже в недалёком будущем заметно расширить возможности решения как стратегических, так и оперативно-тактических задач. Открывались перспективы уменьшения численности Вооружённых сил и оптимизации программ производства традиционных видов военной техники. Однако подобные варианты даже не обсуждались. Главная причина заключалась в несогласованности военно-стратегического и военно-экономического планирования. Практически отсутствовала коорди-

⁹ Маслюков Ю.Д., Глубоков Е.С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России. Т. 1. С. 118–119.

¹⁰ Харитон Ю.Б., Бриш А.А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1. С. 199.

¹¹ Гречко А.А. Торжество ленинских идей в строительстве Вооружённых сил // Ядерный век и война. Военные обозрения / Под ред. А.А. Гречко. М., 1964. С. 5.

¹² Верхотуров Д.Н. Ядерная война. Все сценарии конца света. М., 2016. С. 90–98, 103–109, 129–136.

нация деятельности частей оборонно-промышленного комплекса. А военное командование вообще «было устранено» от разработки «вопросов применения атомного оружия»¹³. В результате наращивание военной мощи осуществлялось по двум плохо скоординированным направлениям: насыщения боевой техникой традиционных родов войск и создания ядерного оружия. Это ложилось на экономику страны дополнительной нагрузкой.

Определить уровень советских военных расходов затруднительно. Исследователям недоступны материалы, позволяющие провести обстоятельные расчёты, поэтому возможны лишь приблизительные оценки. Согласно данным «осведомлённых авторов», в послевоенные годы оборонные расходы (включая капитальные вложения военно-промышленных министерств, затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) оборонного профиля и поддержание мобилизационных резервов) составляли около 10% валового национального продукта¹⁴. Однако очевидно, что уровень милитаризации позднесоветской экономики со временем менялся. Не ясно также, как в приведённой оценке учитывалось финансирование ядерно-оружейного комплекса и создания ракет «дальнего действия», осуществлявшихся по трудно восстанавливаемой статье «специальные расходы». Возможно, сложности с определением их объёма, наряду с различиями в методике расчётов, объясняют более высокие оценки удельного веса оборонных расходов в советском ВВП (от 12–13 до 15–17%) зарубежными аналитическими центрами. Но в любом случае данный показатель в 2,5–3 раза превышал аналогичный в США¹⁵.

Наращивание военной мощи осуществлялось за счёт урезания расходов на все другие направления. Конечно, в первые послевоенные годы имелись несомненные успехи в восстановлении районов, пострадавших в ходе боевых действий. Было сделано немало и для наращивания потенциала базовых отраслей промышленности. Но даже они систематически недофинансировались. Несмотря на все декларации о необходимости технического перевооружения производства, позитивные сдвиги наблюдались преимущественно в «оборонке». По существу, приостановили реализацию ряда крупных хозяйственных проектов. Однако наиболее негативно гонка вооружений сказалась на населении, уровень жизни которого оставался крайне низким.

Преемники Сталина не могли игнорировать накопившиеся проблемы. Тем более что перед ними стояла задача повышения авторитета и упрочения легитимности новой власти. Легче всего добиться такого результата можно было за счёт заведомо популярных мер по улучшению материального положения «широких масс трудящихся». Разумеется, сразу возникал вопрос, где взять необходимые ресурсы. Ответ на него давали инициативы Берии по пересмотру затратных инвестиционных проектов, обещавших отдачу в неопределённом будущем, и урезание военных расходов. Оставалось объявить, как будут использованы высвободившиеся средства. Это сделал Г.М. Маленков, ставший председателем Совета министров СССР. Выступая на сессии Верховного совета в августе 1953 г., он заявил: «Неотложная задача состоит в том, чтобы в течение двух-трёх лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами». Для этого «правительство и Центральный

¹³ Письмо Н.А. Булганина и В.А. Малышева Г.М. Маленкову. 25 сентября 1953 г. // Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Кн. 7. М.; Саров, 2007. С. 589.

¹⁴ Маслюков Ю.Д., Глубоков Е.С. Планирование и финансирование... С. 138–139.

¹⁵ Gaddis J.L. The Cold War: a new history. N.Y., 2005. P. 213–214.

комитет партии» считают необходимым «значительно увеличить» производство «предметов народного потребления», направив дополнительные вложения в развитие лёгкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, повысить доходы низкооплачиваемых категорий работников и т.д.¹⁶

Правда, позже эту речь использовали против самого Маленкова в борьбе за власть, квалифицировав как «парламентскую декларацию», рассчитанную «на снискание дешёвой популярности» за счёт выдвижения «экономически малообоснованных обещаний»¹⁷. Но всё же изложенная от имени «коллективного руководства» программа задавала ориентиры, которыми руководствовались при проведении политики. Оказался фактически заморожен бюджет Министерства обороны. Началось сокращение численности армии (сначала неофициальное, в 1955 г. о такой перспективе объявили официально). Одновременно сократили часть программ производства обычных видов вооружения и боевой техники. Если в 1950–1952 гг. их закупки выросли в 2 раза, то в 1953–1955 гг. – всего на 15%¹⁸. В результате доля военных расходов в валовом национальном продукте сократилась (по некоторым расчётам) на четверть – с 12 до 9%¹⁹.

«Неотложные» меры дали результаты сразу. Заметно возросло производство потребительских товаров, повысились доходы населения. Согласно официальной статистике выплаченной заработной платы, в 1953–1955 гг. у рабочих и служащих она увеличилась на 19%, а у колхозников – на 35%. Свою роль в повышении материального достатка сыграло снижение налогов на личные подсобные хозяйства. Дополнительные доходы активно тратились на удовлетворение отложенного спроса, что отразилось на объёме розничной торговли: в 1953–1955 гг. продажа продовольственных товаров выросла в 1,4, а промышленных – в 1,6 раза. Гораздо больше приобреталось относительно дорогих товаров длительного пользования. За 3 года продажи радиоприёмников увеличились в 2,8 раза, фотоаппаратов – в 2,3, мебели – вдвое, часов – в 1,8, велосипедов – в 1,7 раза. Это был реальный рост, поскольку цены в государственной и кооперативной торговле оставались практически неизменными, а на колхозном рынке демонстрировали сравнительно небольшое повышение (не более 10% фиксируемого товарооборота)²⁰. В общем можно сказать, что обещания, данные от имени «коллективного руководства», выполнялись вполне удовлетворительно. И дело не только в статистических показателях. Изменения к лучшему в повседневной жизни подтверждают самые разнообразные источники, в особенности документы личного происхождения, мемуарная литература. Достаточно вспомнить «ходившую» тогда «в народе» частушку: «Пришёл Маленков – поели блинков».

¹⁶ Правда. 1953. 9 августа.

¹⁷ Постановление Пленума ЦК КПСС «О тов. Маленкове Г.М.». 31 января 1955 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. М., 2006. С. 40.

¹⁸ Оценка по данным укрупнённых межотраслевых балансов народного хозяйства СССР за 1950–1970 гг.: *Ярёменко Ю.В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ. Избранные труды в 3 кн. Кн. 3. М., 1999. С. 261–353. В их второй квадрант включён столбец «Прочее конечное потребление». Считается, что в нём отражены поставки армии боевой техники и вооружений (без детализации и учёта «новой техники специального назначения», т.е. ядерного оружия).

¹⁹ *Быстрова И.В.* Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках // Отечественная история. 2004. № 2. С. 138.

²⁰ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 113, л. 63, 174–175, 178–179.

Позитивные сдвиги наметились и в макроэкономической динамике, что демонстрируют как официальная статистика, так и альтернативные расчёты. Пожалуй, наиболее близки к реальности оценки ЦРУ США, выполненные на закате «советской эпохи». Согласно им, ежегодный прирост валового национального продукта в 1953–1955 гг. составлял 5,9%. Это заметно превышало аналогичный показатель за два предыдущих года – 3,5%. Высокие темпы роста удавалось поддерживать до конца десятилетия²¹. Дополнительные капиталовложения в производство потребительских товаров быстро окупались благодаря относительно небольшим срокам освоения. Это, помимо прочего, позволило заметно снизить прирост незавершённого строительства, что способствовало оздоровлению денежного обращения и уменьшению напряжённости в исполнении государственного бюджета.

Тем не менее простое перераспределение ресурсов могло дать лишь кратковременный эффект. Да и сдерживание военных расходов имело пределы. Правда, чтобы обеспечить передышку в международных делах, послесталинское руководство пошло на снижение уровня противостояния с США и их союзниками. Уже в июле 1953 г. было заключено перемирие в корейской войне. В апреле следующего года Советский Союз принял участие в Женевской конференции по Индокитаю, позволившей Франции уменьшить издержки, связанные с выходом из вьетнамской войны. В мае 1955 г. бывшие союзники по антигитлеровской коалиции подписали договор об окончании оккупации Австрии и её нейтральном статусе (раньше это увязывалось СССР с решением «германского вопроса»). Ещё одна уступка западным оппонентам – ликвидация военных баз в Порккала-Удд (Финляндия) и в Порт-Артуре (Китай).

Пожалуй, пиком «оттепели» в отношениях западного и советского блоков можно назвать состоявшуюся в Женеве в июле 1955 г. встречу руководителей СССР, США, Великобритании и Франции. Многие наблюдатели тогда даже заговорили о некоем «духе Женевы», обещавшем радикально разрядить международную обстановку. Но это была иллюзия, ведь оппонентам не удалось договориться ни по одному ключевому вопросу²². Да этого не стоило и ожидать, поскольку США и их союзники не собирались отказываться от политики сдерживания, а Советский Союз – жертвовать жизненными интересами. Поэтому поддержание на должном уровне военной мощи сохраняло актуальность. Необходимой предпосылкой являлся выход на устойчиво высокие темпы экономического роста. Тогда появлялись дополнительные ресурсы и для решения другой важной задачи: дополнения военно-промышленной направленности советской экономики потребительски-ориентированной составляющей, дальнейшего улучшения материальных условий жизни населения.

Так вырисовывалась стратегия экономического развития, которую справедливо связывают с именем Н.С. Хрущёва – первого секретаря ЦК КПСС. В окончательном виде она оформилась после утверждения его единоличного лидерства в партии (1957). Предполагались массивное наращивание производственных капиталовложений и скачкообразное повышение на этой основе технического уровня всех отраслей народного хозяйства; оптимизация военных расходов и направление сэкономленных средств на цели долгосрочного

²¹ Подсчитано по: *Кудров В.М.* Советский экономический рост: официальные данные и альтернативные оценки // Вопросы экономики. 1996. № 10. С. 105–106.

²² *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* «Холодная война» Хрущёва. Тайная история противника Америки / Пер. с англ. О.Р. Шёлоковой, В.Т. Веденеевой. М., 2018. С. 32–59.

развития; «совершенствование» организации и управления экономикой. Осуществление намеченного началось с «совнархозовской» реформы, суть которой заключалась в замене отраслевых органов управления промышленностью и строительством на территориальные. Декларировалось, что это позволит избавиться от «пут» предельной «централизации и регламентации» как главного препятствия «в деле разумного ведения хозяйства», снимет проблему ускорения научно-технического прогресса²³.

В научных исследованиях отмечается, что в принципе децентрализация руководства промышленностью назрела. Ликвидация ведомственных барьеров действительно позволяла более рационально организовать взаимодействие предприятий различной отраслевой принадлежности, науки и производства. Но упразднение министерств при сохранении базовых принципов «социалистического хозяйствования» и либерализации режима неизбежно вели к ослаблению управленческой вертикали. Отсюда — снижение исполнительской дисциплины, отказ от сложившихся производственных связей, трудности с проведением отраслевой технической политики и т.д. Очевидные изъяны территориальной системы управления пытались «поправить» путём ситуативного создания всё новых центральных органов хозяйственного руководства (Госэкономсовет, ВСНХ СССР и т.д.), отраслевых госкомитетов, являвшихся аналогами прежних министерств (правда, с усечёнными функциями)²⁴. По существу, спустя два-три года после реформы, обозначился процесс рецентрализации управления экономикой. Но принимавшиеся меры носили хаотичный характер и лишь отчасти оправдывали ожидания.

Определённым исключением выступал военно-промышленный комплекс, о чём в историографии говорится весьма скупо. Относящиеся к нему министерства сразу преобразовали в госкомитеты, на которые возложили отраслевое планирование, руководство НИОКР, внедрение в производство новых образцов вооружения. Сами же оборонные предприятия перешли в ведение совнархозов. Только за Комитетом по среднему машиностроению (правопреемник Министерства среднего машиностроения СССР) оставили руководство всей атомной отраслью. Для координации действий госкомитетов, совнархозов и Министерства обороны в декабре 1957 г. при президиуме Совета министров СССР организовали Комиссию по военно-промышленным вопросам. Проблемы стратегического значения она выносила на обсуждение созданного ещё в 1955 г. Совета обороны СССР — высшей инстанции по решению вопросов «обороны страны и строительства Вооружённых сил». При этом совете с 1958 г. действовал Военно-технический комитет по атомному, водородному и ракетному оружию. На него возлагалось «рассмотрение» планов разработки, серийного выпуска и оснащения армии ядерными «изделиями» и средствами их доставки. Комитет, как и Совет обороны, возглавлял Хрущёв²⁵. В результате

²³ Записка Н.С. Хрущёва «Некоторые соображения об улучшении руководства промышленностью и строительством» 27 января 1957 г. // Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 522–539.

²⁴ *Веденев Ю.А.* Организационные реформы государственного управления промышленностью СССР. Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990; *Мерцалов В.И.* Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири). Иркутск, 2000; *Демичев Е.В.* Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2011.

²⁵ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 40–43, 47–48; Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения

вопросы оборонной политики, развития ВПК вошли в сферу его исключительной компетенции.

Выстроенная таким образом управленческая вертикаль обеспечила централизацию военно-стратегического и военно-экономического планирования. Но это способствовало и обособлению ВПК, поддержанию его привилегированного положения в экономике страны. В основе развития оборонной промышленности находилось представление о том, что решающую роль в случае развязывания глобальной войны будет играть ядерное оружие. Как следствие, ключевая роль отводилась ракетным войскам стратегического назначения, созданным в декабре 1959 г. Традиционные же виды и рода войск подлежали сокращению. Уже к 1960 г. численность Вооружённых сил уменьшилась по сравнению с 1953 г. почти на 1,8 млн человек. Одновременно ограничили поставки обычных видов вооружения, стабилизировали бюджет Министерства обороны (в 1960 г. он оказался даже несколько меньше, чем в 1955 г.). Казалось, что в результате ограничения военных расходов проблему поиска дополнительных средств для стимулирования общеэкономического роста удалось успешно решить.

Такие представления легли в основу народнохозяйственного планирования. Уже семилетний план на 1959–1965 гг. предусматривал огромный рост капитальных вложений. Причём ускоренное наращивание производственных мощностей намечалось осуществлять с учётом последних научно-технических достижений. За счёт этого рассчитывали радикально увеличить производительность труда, снизить материалоёмкость производства, повысить фондоотдачу и т.д. Другими словами, ставилась задача перевода советской экономики на «интенсивный путь развития». Её выполнению отводилась ключевая роль в строительстве коммунистического общества.

Семилетка рассматривалась как составная часть программы создания материально-технической базы коммунизма. Для её детализации запустили подготовку Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР на 1961–1980 гг., главная задача которой заключалась в обосновании реальности построения коммунистического общества. Под это «подгонялись» все плановые показатели. Появлялись такие фантастические цифры, как увеличение за 20 лет национального дохода в 5 раз, промышленного производства — в 6, реальных доходов на душу населения — в 3,5, обеспеченности жильём — в 3 раза и т.д. Многие представители руководства страны хорошо понимали невыполнимость таких планов, поэтому Генеральную перспективу в качестве директивного документа не утвердили. Но по настоянию Хрущёва её основные показатели вошли в новую программу партии, принятую XXII съездом КПСС²⁶.

Непродуманность этого решения стала очевидна буквально на следующий день. Реальность оказалась даже хуже, чем простое невыполнение планов. Вместо ускорения на рубеже 1950–1960-х гг. произошло замедление экономического развития, что зафиксировали практически сразу. По данным Института экономики АН СССР, подготовленным к октябрьскому (1964) пленуму ЦК

(1945–1959). Сборник документов / Сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М., 2010. С. 597–599, 650–652.

²⁶ Баканов С.А., Фокин А.А. «А при коммунизме всё будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. Т. 9. 2019. № 2. С. 420–436; Артёмов Е.Т., Водичев Е.Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущёвского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 2. С. 332–333.

КПСС, за восемь лет (с 1956 по 1963 г.) среднегодовой прирост общественного продукта упал более чем в два раза²⁷. Дальнейшие исследования лишь подтвердили наличие этой тенденции. По данным ЦРУ, среднегодовой прирост ВВП СССР сократился с 5,6% за 1956–1960 гг. до 2% в 1961–1963 гг.²⁸ Правда, если говорить о первой половине 1960-х гг. в целом, то картина не выглядела столь мрачно. За счёт сглаживания последствий катастрофического неурожая 1962 г. ежегодный прирост ВВП оценивался в 4,9%. Но это всё равно меньше, чем в предшествующей пятилетке. Похожую динамику рисуют и другие расчёты. Так, согласно Г.И. Ханину, среднегодовой прирост национального дохода (ВВП минус амортизация и непроектные услуги) составил в 1961–1965 гг. 4,4% в сравнении с 7,2% за 1951–1960 гг.²⁹

Объяснения замедлению темпов экономического роста даются разные. Есть мнение, уходящее корнями в советскую историографическую традицию, что причины – «волюнтаризм» Хрущёва и «низкий уровень... компетентности правящей элиты». Поэтому реформы ничего принципиально не меняли в командной модели экономического развития, которая уже к началу 1950-х гг. исчерпала свои возможности и не могла обеспечить устойчивого роста³⁰. Другие считают, что дело заключалось в «фундаментальных дефектах» экономической системы, неспособности её институтов воспринимать новые реалии: «вопрос стоял лишь в том, когда и как она рухнет». Это предопределило падение эффективности производства и стало главной причиной «резкого снижения» темпов развития³¹. Но даже если это и так, то первопричиной следует считать замедление роста основных производственных фондов, т.е. инвестиционной активности – «движущей силы» советской экономики. Правда, по расчётам Ханина, если в 1951–1960 гг. их среднегодовой прирост составлял 5,4%, то в 1961–1965 гг. снизился всего до 4,2%. Такое уменьшение не выглядит катастрофическим, тем более что, по его оценкам, вложения в инвестиционное машиностроение шли по нарастающей³². Поэтому замедление темпов роста производства он связывает не столько с недостатком производственных мощностей, сколько с падением эффективности их использования из-за снижения качества хозяйственного руководства³³.

Однако фиксируемый прирост капиталовложений выглядел благополучно лишь «на бумаге». В реальности он достигался за счёт вложений в оборонную промышленность (прежде всего в достаточно узкий сегмент, связанный с производством ракетно-ядерного оружия) и специфики их статистического учёта. Так, затраты на наращивание мощностей по добыче ураносодержащего сырья, производству ядерной взрывчатки и т.д. переносились на машиностроительный комплекс. На данный момент не представляется возможным

²⁷ Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме ЦК КПСС (вариант) // Никита Хрущёв. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 185–186.

²⁸ Рассчитано по: *Кудров В.М.* Советский экономический рост... С. 105, 106.

²⁹ *Ханин Г.И.* Экономический рост и альтернативная оценка // *Коммунист.* 1988. № 17. С. 85.

³⁰ *Шестаков В.А.* Социально-экономическое развитие СССР в период хрущёвской оттепели // *XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения.* Вып. 1. М., 2010. С. 245–251.

³¹ *Ослунд А.* Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / Пер. с англ. Н.А. Ранневой, А.Ю. Молоканова. М., 2007. С. 78–79; *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. Изд. 2, испр. и доп. М., 2007. С. 19.

³² *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 176, 193.

³³ *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 172–174.

подсчитать, сколько сюда направлялось средств. Тем не менее известно, что в середине 1950-х гг. атомная отрасль (не считая предприятий-«смежников», формально находившихся в ведении других министерств) поглощала около 4% всех государственных капиталовложений³⁴. И, судя по динамике развития ядерно-оружейного комплекса, в годы семилетки эта цифра оказалась заметно превзойдена. Косвенное тому подтверждение – шестикратное увеличение количества боезарядов в ядерном арсенале (с 1 тыс. до 6 тыс. единиц)³⁵. Такой рост потребовал огромных вложений в добычу и обогащение ураносодержащего сырья, создания новых мощностей по производству «ядерной взрывчатки» (оружейного урана, плутония, дейтерида лития, трития), серийному выпуску «изделий» и развитию материально-технической базы их разработки (все они относились к машиностроительному комплексу).

Определённое представление о масштабах осуществлённых затрат даёт строительство Ангарского электролизного химического комбината. Это огромный комплекс производств по обогащению урана расчётной стоимостью 5 млрд руб. (в ценах 1952 г.). В реальности же к середине 1960-х гг. средств на его возведение выделили заметно больше. По словам Хрущёва, посетившего комбинат в начале его строительства, масштабы работ произвели на него «ошеломляющее» впечатление. Для завершения строительства комбината и создания ещё «одного или двух таких же заводов» необходимо мобилизовать все «наши силы и наши материальные возможности»³⁶. При использовавшейся тогда технологии обогащения предприятию требовался гигантский объём электроэнергии. Поэтому за ним сразу зарезервировали половину мощностей Иркутской ГЭС, а затем – для повышения устойчивости электроснабжения – построили крупнейшую в регионе ТЭЦ-10. Но только с вводом в строй Братской ГЭС и ЛЭП-500 (строительство которых специально форсировали) комбинат получил должную базу³⁷. На момент пуска в 1963 г. его установленная мощность использовала 4% производимой в СССР электроэнергии³⁸. К этому времени первенец разделительного производства – Уральский электрохимический комбинат – потреблял уже более 3% таковой³⁹. Если к ним добавить Красноярский (Зеленогорский) электрохимический завод (его первая очередь введена в эксплуатацию в 1962 г.) и Сибирский химический комбинат (введён в строй в середине 1950-х гг.), то предприятия по обогащению урана поглощали не менее 10% общего объёма электроэнергии страны. Другой пример – создание НИИ-1011, второго научно-исследовательского и опытно-конструкторского ядерно-оружейного центра (сегодня Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики, г. Снежинск). Он строился в те же годы, что и Новосибирский Академгородок с его 14 институтами,

³⁴ Артёмов Е. Т. Слагаемые успеха советского атомного проекта // Вестник Российской академии наук. Т. 90. 2020. № 9. С. 879–880.

³⁵ Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение. С. 199.

³⁶ «Одним словом, картина неприглядная». В Президиум ЦК КПСС. О поездке по Дальнему Востоку и Сахалину. 2 ноября 1954 г. // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6. С. 26.

³⁷ Письмо В. А. Малышева, Б. Л. Ванникова и Е. П. Славского Г. М. Маленкову о строительстве новых и расширении мощностей действующих диффузионных заводов. 30 декабря 1953 г. // Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Кн. 5. М.; Саров, 2003. С. 803–805; Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 576–579; Оружие и технологии России. Энциклопедия. XXI век. Т. 14. Ядерный оружейный комплекс. М., 2007. С. 334–335.

³⁸ Шопен В. П. Комбинат № 820 // Наука из первых рук. 2007. № 5. С. 29.

³⁹ Артёмов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999. С. 72, 81.

университетом, опытным заводом и жильём на 30 тыс. человек, и затраты на возведение объектов этих центров были вполне сопоставимы.

Ещё более впечатляющая картина наблюдалась в развитии ракетно-космической отрасли. По сути, в годы семилетки завершили создание её основных предприятий и организаций. Это потребовало огромных капиталовложений, которые, по всей видимости, сравнялись с объёмом средств, выделявшихся атомной промышленности. В результате по состоянию на начало 1965 г. разработкой техники занимались уже 65 научно-исследовательских институтов и опытно-конструкторских организаций, в которых работало свыше 100 тыс. человек. Численность персонала головных предприятий превысила 350 тыс. человек. Они располагали 4,8 млн кв. метров производственных площадей, а одного только металлорежущего оборудования использовали более 50 тыс. единиц⁴⁰.

Особое внимание уделялось расширению возможностей наращивания стратегических ядерных сил. Благодаря вводу в строй новых конструкторско-производственных мощностей удалось наладить крупносерийный выпуск восьми ракетных комплексов стационарного базирования первого и второго поколений. Одновременно приступили к разработке и испытаниям межконтинентальных баллистических ракет третьего поколения, средств противоракетной обороны⁴¹. Таких масштабов наращивания стратегических ядерных сил не наблюдалось с тех пор вплоть до окончания «советской эпохи». А поскольку расходы не лимитировались и осуществлялись «независимо от степени обеспечения других нужд народного хозяйства», это привело к их взрывному росту. По оценкам американских аналитиков, в первой половине 1960-х гг. ежегодное увеличение составляло 7,6%⁴². В результате оборонная нагрузка на экономику вернулась к уровню начала 1950-х гг. со всеми вытекающими последствиями.

Втягивание страны в новый виток гонки вооружений не сопровождалось заявлениями о пересмотре официального курса на ограничение и оптимизацию военных расходов. Оно стало результатом ситуативных решений, принимавшихся «в связи со вновь открывшимися обстоятельствами». Хрущёв заявлял о достаточности имеющейся оборонной промышленности, необходимости «смелее идти на развитие производства средств потребления»⁴³ и т.п. Но на практике следовали прямо противоположные решения, предусматривавшие наращивание вложений в разработку и производство всё новых систем вооружения. Соответствующие программы готовились «в недрах» Военно-промышленной комиссии и Совета обороны с привлечением «заинтересованных лиц»: генеральных и главных конструкторов, руководителей головных оборонных предприятий, представителей командования Вооружённых сил. Противостоять такой неформальной коалиции было трудно, поэтому соответствующие предложения фактически без детальной перепроверки оформлялись в виде постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР.

⁴⁰ Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста... С. 332–333.

⁴¹ См.: Оружие и технологии России. Энциклопедия. XXI век. Т. 1. Стратегические ядерные силы. М., 2000. С. 48–81.

⁴² Быстрова И.В. Советский военный потенциал... С. 139.

⁴³ «Мы находимся на рубеже или славы или позора». Замечания тов. Хрущёва к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. 22 сентября 1964 г. // Источник. 2003. № 6. С. 184.

Правда, когда Хрущёва снимали со всех постов, на него возложили вину за утрату контроля над деятельностью ВПК. По заявлениям А.Н. Косыгина и Н.В. Подгорного, члены Президиума ЦК не имели представления, что «там делается». «Не знал» и сам Хрущёв, «монополизировавший» решение «военных вопросов»⁴⁴. Думается, однако, что за такими заявлениями крылось желание уйти от ответственности. Дело в том, что решения о запуске новых программ вооружения и соответствующего расширения материально-технической базы их производства мотивировались необходимостью укрепления военно-стратегической безопасности. Учитывая «единодушное» стремление высшего руководства страны радикально упрочить позиции Советского Союза на международной арене, оспаривать их никто не осмеливался.

К этому добавлялось некритическое восприятие успехов предшествующих лет, оборачивавшееся пренебрежением последствиями реализации всё новых и новых оборонных программ для экономического развития страны. Конечно, Хрущёв мог их блокировать. Это распространялось даже на оснащение Вооружённых сил ядерным оружием. В качестве примера можно назвать приостановку программы создания ядерных артиллерийских боеприпасов⁴⁵. Но подобные спонтанные решения не могли переломить тенденцию к стремительному наращиванию ядерной мощи. Они лишь способствовали росту недовольства военных, и так с большим трудом мирившихся с планами Хрущёва по реформированию армии. Более того, с подачи армейских кругов в начале 1960-х гг. фактически оказалась реанимирована идея строительства Вооружённых сил, способных победить в любом конфликте с использованием обычных видов оружия⁴⁶. Эту установку зафиксировали в военной доктрине⁴⁷. Так у командования и руководителей ВПК появилась дополнительная возможность настаивать на массивном наращивании мощи традиционных родов войск, что привело к возобновлению роста поставок обычных вооружений. В годы семилетки они, по данным межотраслевого баланса, увеличились в 1,7 раза, несмотря на продолжавшееся сокращение численности Вооружённых сил⁴⁸.

Сам Хрущёв в общем осознавал, что рост вложений в «оборонку» выходит из-под контроля. Выступая на заседании Президиума ЦК КПСС в мае 1962 г., он заявил: «Для обороны мы лишнего дали», и потребовал от Ф.Р. Козлова, А.Н. Косыгина и Р.Я. Малиновского «реально пересчитать» и «сократить» расходы в последние годы семилетки, а высвободившиеся средства направить на другие нужды⁴⁹. Однако приоритеты не изменились. Это негативно отражалось на развитии других отраслей экономики, их техническом перевооружении. Из-за недостатка средств пришлось «передвигать вправо» выполнение ряда инвестиционных программ и хозяйственных проектов, увеличился объём незавершённого строительства. По данным председателя Госплана СССР П.Ф. Лома-

⁴⁴ Рабочая протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС. 13–14 октября 1964 г. // Никита Хрущёв. 1964... С. 225.

⁴⁵ Литвинов Б.В. Грани прошедшего (триптих). М., 2006. С. 333–338.

⁴⁶ Кокошин А.А. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. 1918–1991 годы. М., 1995. С. 149–151.

⁴⁷ Военная стратегия / Под ред. В.Д. Соколовского. М., 1960.

⁴⁸ Оценка по: Ярёмченко Ю.В. Приоритеты структурной политики... Кн. 3. С. 261–353.

⁴⁹ Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС по вопросу «О корректировках заданий контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на оставшийся период семилетки (1963–1965 гг.)». 31 мая 1962 г. // Президиум ЦК КПСС... Т. 1. М., 2004. С. 560.

ко, его ожидаемый рост к концу 1963 г. по сравнению с 1958 г. составил 53%, в то время как объём капиталовложений — 42%⁵⁰.

Растущее «омертвление» средств разбалансировало кредитно-финансовую систему и денежное обращение. Чтобы «поправить положение», пришлось пойти на снижение дотаций сельскому хозяйству, разовое повышение почти на треть розничных цен на продукцию животноводства (1962), «ползучее» снижение норм выработки при расчёте заработной платы и т.п. Так что в накладе в первую очередь оказалось население, что ожидаемо обернулось ростом социальной напряжённости. Такова оказалась цена за выход на военно-стратегический паритет с США (правда, официально его зафиксировали лишь в 1972 г. с подписанием документов об ограничении стратегических вооружений и систем противоракетной обороны).

Экономические итоги «хрущёвского десятилетия» подвели в октябре 1964 г. на заседании Президиума и пленуме ЦК КПСС. Они оказались неутешительными. Новое руководство «единодушно» констатировало, что «экономика по ряду важнейших направлений резко ухудшила свои показатели», за восемь лет произошло «небывалое в истории её развития снижение темпов прироста». Ответственность за это возложили на отстранённого лидера, чьи «некомпетентность», «зазнайство», «нетерпимость», «поспешность», «непартийные методы работы» и т.п. привели «к ряду крупных ошибок» в осуществлении «генеральной линии партии» и стали главной причиной переживаемых трудностей⁵¹. В действительности же дело заключалось в самой «генеральной линии». Её изъяны обернулись рассогласованием целей и возможностей экономического развития, безусловной доминантой военно-стратегического фактора, нежеланием «поступаться принципами» при проведении назревших преобразований. Так что смещение Хрущёва в долгосрочном плане не изменило ничего. После непродолжительной стабилизации, вызванной в том числе очередным временным ограничением военных расходов, с начала 1970-х гг. советская экономика вошла в полосу наращивания затрат на ВПК. Это снова вызвало прогрессирующее снижение темпов экономического роста, завершившееся спустя два десятилетия крахом системы.

⁵⁰ Замечание т. Н.С. Хрущёва и членов Президиума ЦК КПСС при обсуждении на заседании Президиума ЦК. Сообщение председателя Госплана СССР т. Ломако о проекте плана развития народного хозяйства СССР на 1964–1965 гг. // Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 764.

⁵¹ Никита Хрущёв. 1964... С. 185–186, 217–231, 239–252, 255–267.

Была ли разорительна для колхозов реформа 1958 г.?

Виктор Томилин

Was the 1958 reform ruinous for the collective farms?

Victor Tomilin

(Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722040215, EDN: JBLTKS

Важнейшим фактором сохранения и развития отечественной государственности всегда являлась способность отвечать на вызовы внутренней и международной безопасности страны. Неспособность руководства обеспечить политическую стабильность общества на рубеже 1980–1990-х гг. привела к разрушению Советского государства. Среди нерешённых социально-экономических проблем центральное место занимало обеспечение населения продуктами питания. Поддержание продовольственной безопасности требует не только политической воли правительства и административной поддержки агропромышленного комплекса, но и значительных материально-технических и финансовых ресурсов. Однако как раз таковых советское руководство всегда выделяло недостаточно, расходовались они неэффективно и слабо стимулировали сельского труженика.

Научная новизна данной статьи заключается в переосмыслении реформы 1958 г. по реорганизации МТС, выявлении её основных противоречий и последствий. Источниковую базу исследования составляют как опубликованные, так и архивные материалы. Среди первых следует выделить базовые документы, определившие содержание реформы — закон СССР от 31 марта 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций»¹, а также разработанное на его основе совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 18 апреля 1958 г.² Они содержат формулировки целей и задач реформы, направлений и механизмов её реализации, социальную составляющую проекта и др.

Большой интерес представляют записки, речи и статьи Н.С. Хрущёва, опубликованные в многотомном издании³. Этот источник недооценён исследователями, между тем в нём отражена эпоха «оттепели», её противоречия. Лидер страны пытался директивными методами решать аграрные проблемы, критиковал партийно-государственных работников в центре и на местах за ошибки, лакировку действительности, оценивал положение дел. В статье также использованы воспоминания одного из самых авторитетных партийно-государственных руководителей сельского хозяйства послевоенного времени И.А. Бенедиктова⁴.

© 2022 г. В.Н. Томилин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00386 «Предприятия по агросервисному обслуживанию колхозов и их роль в развитии сельского хозяйства СССР (1958–1985 гг.)».

¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. М., 1959. С. 138–140.

² Известия. 1958. 20 апреля.

³ Хрущёв Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 5. Февраль 1961 г. — октябрь 1961 г. М., 1963.

⁴ Бенедиктов И.А. О Сталине и Хрущёве // Молодая гвардия. 1989. № 4. С. 12–67.

Весьма интересны его характеристики, данные Хрущёву, его познаниям в области сельского хозяйства, оценки результатов реорганизации МТС.

Развитие аграрной исторической науки на современном этапе невозможно без привлечения недоступных ранее документов ЦК КПСС, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории. Это фонды сельскохозяйственных отделов ЦК по союзным республикам и по РСФСР. Исследование в значительной степени основано на материалах этих фондов, которые включают в себя аналитические записки партийных и государственных работников всех уровней, отчёты с мест, справки о результатах хозяйственной деятельности, различного рода статистические материалы. О реализации реформы 1958 г. на местах дают представление документы региональных архивов: Государственного архива Липецкой области (ГА ЛО) и Государственного архива новейшей истории Липецкой области (ГАНИ ЛО). Они содержат сведения о ситуации в области, районах, МТС, РТС и колхозах.

В «аграрной» историографии до сих пор актуален вопрос о цене реформы и её влиянии на колхозную экономику. В советский период доминировало утверждение о том, что МТС выполнили свою историческую миссию и реформа оказала положительное влияние на развитие колхозного строя⁵. Современные историки-«аграрники» рассматривают её последствия более критически, указывают на то, что в итоге многие колхозы оказались на грани банкротства⁶. Впрочем, некоторые экономисты считают, что негативные последствия реорганизации МТС сильно преувеличены. В частности, Д.Б. Эпштейн пишет: расходы на выкуп техники «никак не могли разорить сколько-нибудь значительное количество колхозов. Тем более, при доступности долгосрочного кредита, которым колхозы успешно пользовались». Вопрос о разорении колхозов продажей техники МТС учёный называет мифом⁷. Архивы исследователь не задействовал, указанное умозаключение строится на данных статистических сборников по народному хозяйству страны. Однако они составлялись столь причудливым образом, что по ряду позиций в них

⁵ См.: Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А. Историческая роль МТС и их реорганизация. М., 1958; Лосев А.В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). Воронеж, 1965; История СССР с древнейших времён до наших дней. Т. 11. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945–1961 гг. / Отв. ред. И.Б. Берхин. М., 1971; История социалистической экономики СССР. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. М., 1980; История советского крестьянства. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / Отв. ред. И.М. Волков. М., 1988; и др.

⁶ См.: Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946–1958: социально-экономические аспекты развития. М., 2005; Томилин В.Н. Машинно-тракторные станции и колхозы Центрального Черноземья в 1946–1958 годах: неравноправное партнёрство // Отечественная история. 2006. № 5. С. 103–108; Коньшев Д.Н. Ликвидация машинно-тракторных станций как аспект аграрной политики государства (на примере Кировской области) // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века. Сборник статей. Коломна, 2009; Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреевков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура. Новосибирск, 2018; Шевельков А.И. К итогам аграрной политики Н.С. Хрущёва в Нечернозёмной зоне РСФСР // Проблемы аграрной истории России. Материалы III всероссийской научной конференции, посвящённой 90-летию профессора В.М. Важинского (1930–2010), Липецк 24 апреля 2020 года. Липецк, 2020. С. 143–150; и др.

⁷ Эпштейн Д.Б. Разорила ли колхозы продажа им тракторов в 1958 г.? // Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель. М., 2015. С. 306.

невозможно найти конкретный показатель, поэтому приходится производить дополнительные расчёты.

Во второй половине 1950-х гг. советское руководство активно пыталось придать импульс развитию сельского хозяйства при помощи административных мер. В марте 1958 г. Верховный совет СССР принял закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», в соответствии с которым МТС реорганизовывались в ремонтно-технические станции (РТС). При этом тракторы, сельскохозяйственные машины и орудия, принадлежавшие МТС, равно как и вновь производимые промышленностью, подлежали свободной продаже колхозам за наличный расчёт или с привлечением кредитных средств. Положения закона конкретизировало совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 18 апреля того же года «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

В основных сельскохозяйственных районах страны реорганизация МТС прошла в 1958–1959 гг.⁸, к началу 1960-х гг. их не осталось вовсе. На первый взгляд произошли «фасадные» изменения: на конторских зданиях появились новые вывески, но при этом сохранились руководящие кадры, инженерно-технические специалисты, рабочие ремонтники, водители, обслуживающий персонал. В действительности же состоялась радикальная аграрная реформа, которая вывела взаимоотношения колхозов и РТС на качественно иной уровень.

В предшествующий период работа шла в рамках производственной системы «МТС–колхозы», в которой системообразующей структурой выступали первые: государственные предприятия, определявшие весь порядок сельскохозяйственных работ – от планирования до уборки урожая и выполнения плана хлебозаготовок⁹. Теперь ситуация менялась в корне: колхозы должны были хозяйствовать самостоятельно. Идеологи реформы надеялись на рост аграрного производства в результате соединения сельхозпроизводителя со средствами производства. Однако колхозам пришлось перестраивать работу коренным образом. Многие вопросы, находившиеся ранее в зоне взаимной с МТС ответственности, теперь предстояло решать самостоятельно – как технические (обеспечение работы машин и орудий, их обслуживание, профилактика и ремонт, доставка и хранение горюче-смазочных материалов), так и социальные (организация и оплата труда механизаторов, их питание, отдых и т.д.).

Проблему механизаторских кадров не удалось решить и в условиях деятельности МТС, теперь же она лишь обострилась. Далеко не все механизаторы согласились перейти на работу в колхозы. В частности, на начало 1960 г. в колхозах Липецкой обл. требовалось 4265 трактористов и 2034 комбайнёров, а имелось соответственно 3785 и 1684¹⁰. В 1963 г. нехватка составляла уже 1732 тракториста¹¹. Особенно трудным оказался первый год работы в новых условиях. В колхозах Елецкого района «Новый мир», «12-й Октябрь» и «Имени Максима Горького» простаивали не только вышедшие из строя, но и пригодные к работе трактора. Не удалось организовать двухсменную работу, машины

⁸ Так, к примеру, в Алтайском крае уже к 1 октября 1958 г. машины приобрели 87% колхозов (Орлов Д.С., Ильиных В.А., Андреенков С.Н. Сельское хозяйство Западной Сибири... С. 27).

⁹ Подробнее см.: Томилиן В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Чернозёмного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.

¹⁰ ГАНИ ЛО, ф. 34, оп. 11, д. 150, л. 13.

¹¹ Там же, ф. 170, оп. 1, д. 40, л. 78.

простаивали из-за нехватки трактористов. Механизаторы, всё же перешедшие из МТС в колхозы, к большому недоумению их председателей не стали образцом дисциплины и порядка. Более того, своей апатией они заражали колхозников. «Плохо у нас дело с трудовой дисциплиной механизаторов, — сокрушался председатель колхоза «Победа» Скворцов. — В МТС они регулярно выходили на работу, а у нас в колхозе они по два-три дня не выходят. Есть старые механизаторы, хорошо работавшие в МТС десятки лет, но теперь в колхозе проявляют недисциплинированность»¹². Отношение к работе переменилось из-за того, что в МТС механизаторы привыкли получать зарплату регулярно, а по итогам года им причиталась дополнительная оплата от колхозов натурой и деньгами. В колхозах же сложилась практика оплаты трудодней по итогам хозяйственного года, лишь немногие из них могли оплачивать труд трактористов ежемесячно¹³.

В нищих колхозах на механизаторов смотрели с завистью ещё со времён МТС: работают за деньги, да ещё и хлеб получают. Подобные настроения сохранились и после реорганизации. Колхозники считали работу механизаторов лёгкой и хорошо оплачиваемой, не связывали её с более высокой производительностью труда. Председатель Елецкого райисполкома Скориков требовал побороть такие настроения: «Почему у нас неправильно смотрят на механизаторов? Раньше мы кивали на МТС и сейчас такое же отношение. Тракторист просит соломы — не дают. Никакой заинтересованности трактористам не создают. А если уйдут трактористы из колхоза, что тогда будет делать колхоз?»¹⁴.

Организация тракторных работ оставляла желать лучшего. Колхозы не обеспечивали механизаторов горячим питанием, в итоге им приходилось ездить обедать домой на тракторах за 5 км. Экономия на питании «выходила боком», происходил огромный перерасход горючего (только в 1958 г. по колхозам Елецкого района он составил порядка 100 т). По образному выражению председателя райисполкома Скорика, «горючее льётся рекой». Залогом успешной работы машинно-тракторного парка является своевременное и правильное проведение технических уходов. В одних колхозах сумели наладить грамотное обслуживание и эксплуатацию техники, в других на это «махнули рукой», и тракторы работали от поломки до поломки. Огромные убытки приносили колхозам неправильное хранение горюче-смазочных материалов и отсутствие порядка при заправке машин. Заправка производилась «без насоса, вручную, через нижний кран. В результате в топливный бак трактора попадает горючее не отстоявшееся, часто с водой, и топливная аппаратура выходит из строя». По этим причинам в Елецкой РТС за неполный 1958 г. запчастей на ремонт топливной аппаратуры израсходовали в два раза больше, чем за весь предыдущий год¹⁵.

Специфика сельскохозяйственного производства определяет сезонный характер работы машин и агрегатов. Большинство из них работает короткий период времени: от нескольких дней до одного-двух месяцев в году. Всё остальное время года они простаивают. Поэтому срок службы сельхозмашин в значительной степени зависит от правильности их хранения. В 1958 г., после завершения

¹² ГА ЛО, ф. Р-1229, оп. 1, д. 265, л. 173, 178.

¹³ В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 18 апреля 1958 г. колхозам «рекомендовалось» установить уровень оплаты труда механизаторов не ниже того, который они имели в МТС за норму выработки по гарантийному минимуму.

¹⁴ ГА ЛО, ф. Р-1229, оп. 1, д. 265, л. 178.

¹⁵ Там же.

сезона полевых работ, из 20 колхозов Елецкого района только три сумели организовать постановку техники на хранение. В остальных положение оказалось удручающим: техника «разбросана в беспорядке, от грязи и растительных остатков большинство машин не очищены и не смазаны». На примере тракторной бригады колхоза «Коммунар» можно оценить последствия: «В этой бригаде две кукурузные сеялки стоят не очищенные ещё с весеннего сева, цепи проржавели, в сошниках и банках остатки кукурузы. Самоходный комбайн от пожнивных остатков и грязи не очищен, один скат спущен. В подобном состоянии находятся силосный комбайн, лафетная жатка, зерновые сеялки». Многие колхозы в целях экономии денежных средств пытались обойтись собственными силами, а то и вообще без ремонта. Мастерские РТС простаивали. Так, на 20 октября 1957 г. в МТС Елецкого района отремонтировали 37 тракторов, а в РТС на ту же дату 1958 г. — всего 6¹⁶. Руководство РТС столкнулось с нежеланием колхозов заключать договоры на ремонт. О значимости решения этой проблемы говорил председатель райисполкома Скорик. Он убеждал председателей колхозов глубже вникать в работу машинно-тракторного парка. «Некоторые руководители колхозов не хотят везти технику в РТС и рассчитывают на месте её отремонтировать. Такой председатель колхоза, — предупреждал он, — весной заплачет»¹⁷.

Изучение результатов работы колхозов в первый период проведения реформы на примере Елецкого района показывает большие трудности в выстраивании новой модели производственных отношений. Будучи поставлены в более жёсткие условия, многие колхозы области оказались не в состоянии вести самостоятельную хозяйственную деятельность. В особенно сложном положении оказались области Нечернозёмной зоны РСФСР. Одной из мер, направленных на «реанимацию» экономически несостоятельных колхозов, стало их укрупнение. На практике это означало объединение слабых хозяйств с «сильными», при этом объединялись и их долги. По такому пути пошли многие регионы страны. В Липецкой обл. на 1 января 1959 г. насчитывалось 400 колхозов. За год их количество сократилось до 271, в том числе 119 укрупнилось и 10 преобразовали в совхозы¹⁸. Преобразование колхозов в совхозы и расширение землепользования совхозов за счёт присоединения колхозов виделось местным органам власти ещё одним способом привлечь дополнительные ресурсы (в том числе финансовые). Однако государственные возможности не позволяли удовлетворить запросы регионов. Только в 1958 г. бюро ЦК КПСС по РСФСР рассмотрело предложение Совета министров РСФСР об организации 51 нового совхоза и расширении землепользования 364 совхозов за счёт земель 871 колхоза. В результате было дано согласие на организацию лишь одного совхоза в Костромской обл. и расширении землепользования 264 существующих совхозов¹⁹. Великолукский обком обратился в ЦК с просьбой создать 27 новых совхозов и расширить существующие за счёт включения в их состав 122 колхозов, располагавших 284 тыс. га земельных угодий. Это были экономически слабые хозяйства с большими долгами. При годовом доходе в 28,2 млн руб. их задолженность государству составляла 22,5 млн руб., или 80%. Предложение обкома отвергли²⁰.

¹⁶ Там же, л. 191.

¹⁷ Там же, л. 178.

¹⁸ ГАНИ ЛО, ф. 34, оп. 11, д. 150, л. 69.

¹⁹ Там же, д. 170, л. 26.

²⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 174, л. 1–4.

Укрупнение колхозов в Липецкой обл. кардинально их положение не улучшило. На финансовое положение негативное воздействие оказывали долги прошлых лет, образовавшиеся в том числе и из-за просчётов правительственной политики, например, из-за реализации «плана преобразования природы». Выход липецкие власти видели в том, чтобы «прирезать к существующим совхозам 271 тыс. га земельной площади 46 экономически слабых колхозов». Кроме того, предлагалось «организовать 23 новых совхоза на базе бывших усадеб МТС, отделений РТС и реорганизовать с расширением землепользования два отделения совхозов в самостоятельные совхозы на площади 511,4 тыс. га 80 экономически слабых колхозов». Цена вопроса – 282,7 млн руб. В среднем долг «экономически слабого колхоза» составлял колоссальную по тем временам сумму – свыше 2,24 млн руб. Самостоятельно выбраться из такого положения хозяйства не могли. Просьбу руководства области правительство удовлетворило: постановлением Совета министров СССР от 28 января 1961 г. разрешалось преобразовать 121 колхоз в совхозы²¹.

Первые результаты реформы в другой центральной области России – Брянской – также не внушали оптимизма. По состоянию на 1 января 1961 г. только 76 колхозов из 375 (20% от общей численности) имели «удовлетворительное финансовое положение». 131 колхоз (35%) испытывал «временные финансовые затруднения» и нуждался в дополнительной помощи со стороны государства. В особенно тяжёлом положении находились 168 колхозов, которые не смогли бы погасить долги в ближайшее время даже «при условии выполнения всех производственных и финансовых планов». По этой группе колхозов только платежи, перешедшие с прошлого 1960 г., составили 15,7 млн руб., или 39% запланированного дохода текущего года²². Каждый второй колхоз области к началу 1960-х гг. оказался экономически несостоятелен.

Первые итоги работы в новых экономических условиях показали наличие большого числа «экономически слабых колхозов». В 1958 г. в РСФСР таких колхозов насчитывалось 8505, или 25,5% от общей численности²³. Облисполкомы и советы министров 22 областей и автономных республик обратились к правительству с просьбой преобразовать 1465 экономически слабых колхозов в совхозы. Примерная цена данного мероприятия превышала 1 млрд руб. Эти деньги пошли бы на покрытие долгов указанных колхозов, а также на капитальные вложения и увеличение оборотных средств совхозов. Одновременно местные органы власти просили списать долги колхозов на сумму 875,9 млн руб., отсрочить выплату задолженности Госбанку СССР и Сельхозбанку СССР в сумме 1135,9 млн руб. на 3–5 лет, а также списать натуральную задолженность по семенной и фуражной ссуде в количестве 344,8 тыс. т зерна. Как видно, неотложная помощь колхозной экономике составила колоссальную сумму – более 3 млрд руб. Совет министров РСФСР не поддержал эту просьбу из-за отсутствия средств²⁴.

Требовались срочные меры по оздоровлению колхозов. Совет министров РСФСР просил руководство страны осуществить ряд мер по их финансовой поддержке: отсрочить на три года выплату задолженности Госбанку СССР в сумме 750 млн руб. и на пять лет – Сельхозбанку СССР в сумме 800 млн руб.; списать денежную задолженность за работы МТС в сумме 200 млн руб.; списать

²¹ Там же, л. 134, 136.

²² Там же, д. 340, л. 61.

²³ Там же, д. 240, л. 16.

²⁴ Там же, л. 17.

задолженность по зерну (семенная и фуражная ссуды, натуроплата работ МТС) в размере 300 тыс. т. Однако это были полумеры, потому что даже при рассрочке и частичном списании долгов «лежачие» колхозы не смогли бы подняться. Чтобы предотвратить срыв весенних полевых работ, правительство РСФСР предложило Госбанку СССР выдавать кредит на покупку нефтепродуктов, запасных частей, семян, минеральных удобрений и на оплату счетов РТС и МТС за выполненные работы и ремонт техники «независимо от состояния расчётов по ранее выданным ссудам на срок до реализации урожая 1959 года». Также предлагалось увеличить кредитный план Сельхозбанка СССР в 1959 г. на 1 млрд руб. для выдачи долгосрочных ссуд на приобретение новой техники²⁵.

К уже проанализированным материалам следует добавить показательные сведения по колхозам Тамбовской обл. На 1 января 1961 г. они задолжали различным кредиторам 621 млн руб. В области насчитывалось 292 колхоза, следовательно, в среднем по каждому долги составляли более 2 млн руб. Если предположить, что часть хозяйств всё же была экономически состоятельной, то реальные долги «лежащих на боку» колхозов оказывались намного больше. При этом собственно долги за приобретённую сельхозтехнику составляли 68,2 млн руб., или всего 11% от общей суммы²⁶.

О масштабе дополнительных расходов колхозов по приобретению тракторов и сельхозмашин даёт представление записка Пермского обкома в бюро ЦК по РСФСР. В ней говорится, что за последние три года затраты МТС на эксплуатацию техники в среднем за год составили 150,5 млн руб. В то же время сумма фактически сданной натуральной оплаты за работы по заготовительным ценам составила порядка 35,2 млн руб. Остальные расходы (115,3 млн) покрыло государство. Следовательно, разрыв между расходами на содержание и эксплуатацию техники и стоимостью натуроплаты составил около 77%. Только теперь указанные дополнительные расходы государство полностью перекладывало на колхозы. В данном случае это означало увеличение трат на содержание и обслуживание техники более чем на 115 млн руб. Да и то только если предположить, что эффективность МТС и колхозов одинакова. В действительности организация работы и материально-техническая база колхозов были хуже, чем в МТС, а потому издержки производства продукции лишь возрастали. В целях оздоровления колхозов руководство области просило ЦК повысить государственные заготовительные и закупочные цены на продукты сельского хозяйства, «затраты труда и средств на производство которых значительно выше заготовительных и закупочных цен»²⁷. В «Записке» обкома приведён расклад средних цен и фактических затрат государства на производство продукции, сдаваемой колхозами в порядке оплаты за работу МТС (см. табл. 1).

Как видим, оплата колхозной продукции не покрывала издержек производства. Если признать реальными расценки на продукцию, полученную по натуроплате за работу МТС, то заготовительные цены на зерно и мясо составляли от них лишь 20%, молоко – 31%, шерсть – 57%. Без изменения системы ценообразования колхозы не могли развиваться. Вот почему руководители области предложили поднять тарифы на зерно в 3,8 раза, мясо – в 2,3, молоко – в 2, шерсть – в 1,3 раза.

²⁵ Там же, л. 17–18.

²⁶ Там же, д. 288, л. 123–124.

²⁷ Там же, д. 199, л. 76.

Таблица 1

**Заготовительные и закупочные государственные цены
на продукцию колхозов Пермской обл. в 1955–1960 гг. (в руб. за т)**

Наименование продукции	По обязательным поставкам	По государственным закупкам	По натуроплате за работу МТС	Предложение по повышению заготовительных цен
Зерно	238	738	1 179	900
Мясо	1927	5208	9751	4500
Молоко	554	1 323	1783	1 100
Шерсть	23420	35060	40870	30 000

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 199, л. 79, 82.

Пермская обл. не относилась к главным сельскохозяйственным районам страны, но несоответствие затрат на производство сельскохозяйственных продуктов и ставок их госзакупок очевидно. Положение было одинаковым в колхозах различных регионов (см. табл. 2).

Таблица 2

Себестоимость и цена реализации продукции колхозов РСФСР в 1960 г. (в руб.)

Наименование продукции	Себестоимость	Цена реализации	Разница между себестоимостью и ценой реализации	Цена реализации от себестоимости (%)
Мясо крупного рогатого скота в среднем по всем колхозам, за 1 т	810	614	196	76
в том числе в: Центральном районе	881	630	251	72
Волго-Вятском	937	649	288	69
Северо-Западе	799	664	135	83
на Урале	688	642	46	93
Мясо свиней в среднем по всем колхозам, за 1 т	1215	810	405	67
в том числе в: Центральном районе	1503	896	607	60
Волго-Вятском	1406	895	511	64
Северо-Западе	1358	896	462	66
на Урале	1006	856	250	85
Яйца в среднем по всем колхозам, за 1 тыс. шт.	898	650	248	72
в том числе в: Центральном районе	1106	710	396	64
Волго-Вятском	1076	590	486	55
Северо-Западе	992	660	332	67
на Урале	816	650	166	80

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 348, л. 76.

Государственные закупки охватывали примерно 90% всей товарной продукции колхозов, поэтому закупочные цены имели решающее значение. Сложилось абсурдное положение, при котором увеличение производства оборачивалось дополнительными финансовыми потерями. В частности, при реализации 1 т мяса крупного рогатого скота колхозы РСФСР в среднем теряли 196 руб. (закупочная цена покрывала только 76% затрат), 1 т мяса свиней – 405, 1 тыс. яиц – 32 руб.

Аграрная политика даже в успешные годы демонстрировала неэффективность. Как следствие, региональные руководители различного уровня стремились приукрасить положение дел. Это стало обыденностью. Хрущёв знал о масштабах фальсификаций отчётности, но реагировал вяло: «Работники, занимающие высокие посты, вплоть до областных и республиканских руководителей, сами участвовали в приписках или потакали этому. А приписки, очковтирательство – это обман партии и государства, это преступление перед народом»²⁸. Тем не менее было бы неправильно утверждать, что руководство страны не владело информацией о положении колхозной деревни. Сведения поступали из разных источников. Особый интерес представляют служебные записки в ЦК КПСС и Совет министров, подготовленные Центральным статистическим управлением СССР. Реализация реформы поставила многие колхозы на грань полного разорения. Правительство пошло по пути их частичной национализации. Только за 1960 г. число колхозов по стране уменьшилось на 9,6 тыс. (до 43,9 тыс.), в значительной степени за счёт их преобразования в совхозы (5,1 тыс.). Расположение «экономически слабых колхозов» определялось не их зональными различиями, а общими экономическими условиями. Особенно большое количество таких насчитывалось в РСФСР: в районах Дальнего Востока – 39%, Центра – 23, Чернозёмного центра – 16, Восточной Сибири и Северо-Запада – 13, Урала – 12, Западной Сибири – 11%. В Белоруссии данный показатель составил 13%, в Эстонии – 10%²⁹.

Перевод колхозов в совхозы означал увеличение государственных расходов и сопровождался, как правило, улучшением материального положения бывших колхозников. Поэтому большинство селян спокойно отнеслось к данной процедуре. Правительство надеялось таким путём увеличить производство продовольствия, спрос на которое превышал предложение (см. табл. 3).

Однако за три пореформенных года производство основных сельскохозяйственных культур сократилось: зерновых и картофеля – на 12%, хлопко-сырца – на 3, подсолнечника и овощей – на 15, сена – на 20%. На это не могло не повлиять уменьшение численности колхозов. Если учитывать сопоставимый круг хозяйств, то динамика производства по многим позициям оказалась положительной. В расчёте на 100 колхозных дворов в 1960 г. валовые сборы сахарной свёклы выросли на 37%, подсолнечника – на 40, овощей – на 8, силосных культур – на 30%. В то же время сохранившиеся колхозы переживали «кислородное голодание». В расчёте на 100 дворов в них произвели зерна меньше на 3%, овощей – на 7, картофеля – на 8%.

Такое же противоречивое положение наблюдалось и в общественном животноводстве. В частности, поголовье крупного рогатого скота в 1959–1960 гг. сократилось с 36,9 до 36,3 млн, овец и коз – с 77,3 до 72,4 млн³⁰. Уменьшение

²⁸ Хрущёв Н.С. Строительство коммунизма... Т. 5. С. 350.

²⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 269, л. 135.

³⁰ Там же, л. 137.

поголовья крупного рогатого скота было незначительно в основном из-за частичного преобразования колхозов в совхозы; при этом поголовье коров удалось сохранить на прежнем уровне. Уменьшение поголовья овец и коз связано не только со сменой формы собственности, но и с увеличением падежа, продажи, а также убоя большого числа овец с низкой упитанностью. Несмотря на все трудности и неурядицы, колхозы страны нарастили производство продукции животноводства (см. табл. 4).

Таблица 3

Производство основных сельскохозяйственных культур в колхозах СССР в 1958–1960 гг. (валовой сбор, млн т)

Культура	1958	1959	1960
Зерновые	96,0	86,6	84,2
в том числе:			
пшеница озимая и яровая	49,5	45,4	37,2
кукуруза на зерно	7,0	3,7	6,8
Хлопок-сырец	3,8	3,9	3,7
Лён-волокно	0,44	0,35	0,39
Сахарная свёкла	52,1	42,2	53,5
Подсолнечник	4,0	2,6	3,4
Картофель	25,1	25,2	22,2
Овощи	5,8	4,9	4,9
Зелёная масса кукурузы, убранная на силос	118,7	120,6	148,0
Сено	46,3	40,9	37,1

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 269, л. 136.

Таблица 4

Производство продукции животноводства в колхозах СССР в 1958–1960 гг.

Продукция	1958	1959	1960
Мясо и сало всех видов (в убойном весе), млн т	2,45	3,13	3,19
в том числе свинина	0,84	1,02	0,95
Молоко, млн т	21,3	23,7	22,5
Яйца, млн шт.	2 146	2 718	2 923
Шерсть всех видов, млн т	0,17	0,19	0,18

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 269, л. 137.

Данные показывают некоторое снижение в 1960 г. производства свинины, молока и шерсти вследствие массового преобразования колхозов. Если же брать выход продуктов животноводства на 100 га сельхозугодий (сопоставимый круг колхозов), то по всем позициям везде наблюдалась положительная дина-

мика. В частности, в 1960 г. по сравнению с 1959 г. произвели больше мяса и сала на 10%, молока и шерсти — на 3%³¹.

Отмечая положительную динамику, следует обратить внимание на ряд важных обстоятельств. Во-первых, экономически слабые колхозы, имевшие низкие производственные показатели, оказались преобразованы в совхозы, поэтому не могли «испортить» обобщённые показатели. Во-вторых, наращивание производства мяса, молока, яиц и шерсти происходило не только за счёт выращивания общественного скота, но и за счёт скота, купленного у населения. Так, в ряде районов СССР в 1960 г. количество скота, реализованного на мясо в живом весе, превысило количество скота, выращенного в колхозах (см. табл. 5).

Таблица 5

Выращенный и реализованный скот в колхозах СССР в 1960 г. (тыс. т)

Республика	Выращено скота в живом весе	Реализовано скота на убой в живом весе	Реализовано скота больше, чем выращено
Украинская ССР	1 351	1 400	49
Белорусская ССР	178	202	24
Узбекская ССР	105	139	34
Грузинская ССР	47	54	7
Азербайджанская ССР	59	69	10
Молдавская ССР	103	120	17
РСФСР, районы: Центральный	284	295	11
Волго-Вятский	244	250	6
Западная Сибирь	260	267	7

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 269, л. 138.

Более всего скота реализовали колхозы Украинской ССР — на 49 тыс. т больше, чем вырастили сами. В абсолютных показателях разница внушительная, но при этом доля такого скота невелика — около 4%. В колхозах Белоруссии у населения было куплено почти 12%, Узбекистана — 25, Грузии — 13, Азербайджана — 15, Молдавии — 14%. В РСФСР эти показатели не превышали 4%.

Финансовое положение колхозов в 1958–1960 гг. почти не изменилось и не позволяло вести расширенное воспроизводство (см. табл. 6).

Динамика роста денежных доходов выражена слабо — лишь около 1%. Если учитывать сопоставимый круг колхозов, то их доходы за три года выросли на 9%. В 1960 г. большую часть таковых они получили от реализации продукции сельского хозяйства — почти 94%, среди которых доминировали доходы от земледелия (58%).

³¹ Там же, л. 138.

Денежные доходы колхозов СССР в 1958–1960 гг.

	1958	1959	1960
Общая сумма денежных доходов, млн руб.	13 195	13 684	13 313
в том числе по сопоставимому кругу колхозов:	12 033	12 875	13 313
из них поступило от реализации продуктов сельского хозяйства — всего	11 327	12 145	12 478
в том числе от земледелия	6 970	6 752	7 182
от животноводства	4 357	5 393	5 296
Доходов на 1 колхозный двор, руб.	702	742	779
Доходов на 100 га с/х угодий, тыс. руб.	4,22	4,45	4,66

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 269, л. 138.

Материальное положение колхозников реформа изменила мало. За три года в расчёте на один двор их доходы выросли на 10%. При этом следует обратить внимание на то, что учёт вёлся по всем колхозам, в том числе и экономически слабым, впоследствии преобразованным в совхозы. Если исключить из подсчётов эту категорию, то рост в расчёте на один двор окажется значительно ниже.

Колхозам не хватало средств для ведения хозяйства (см. табл. 7).

Распределение денежных доходов по сопоставимому кругу колхозов СССР в 1958–1960 гг. (млн руб.)

	1958	1959	1960
Всего денежных доходов	12 033	12 875	13 313
Всего денежных расходов и отчислений	12 225	13 321	13 905
в том числе:			
в неделимые фонды	2 774	3 142	3 236
в оборотные фонды	364	318	310
на культурно-бытовые нужды, пенсионное обеспечение	162	235	334
текущие производственные и общехозяйственные расходы	3 172	3 414	3 269
из них за счёт кредитов и задолженности	192	446	592
уплата подоходного налога и страховых платежей	1 186	1 553	1 624
на оплату труда колхозников	4 760	4 869	4 946
из них за счёт неделимых фондов	193	210	174

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 269, л. 140–141.

Производственные и общехозяйственные расходы и отчисления колхозов превышали их доходы. При этом расходы, покрывавшиеся за счёт кредитов и задолженности, росли год от года как в абсолютных, так и относительных значениях. Если в 1958 г. они составили 192 млн руб., или 6% текущих расходов, то в 1959 г. — 446 млн (13%), а в 1960 г. — 592 млн (16%).

Постановление Совета министров СССР от 18 апреля 1958 г. рекомендовало увеличить фонд собственных оборотных средств колхозов до размеров, необходимых для обеспечения нормальной производственной деятельности: создания постоянных запасов нефтепродуктов, запасных частей, ремонтных и других материалов, связанных с использованием техники, а также покрытия затрат по выполнению механизированных работ под урожай будущих лет. За два года эти отчисления уменьшились на 15%.

В 1960 г. на одного работающего приходилось 356 руб. оборотных средств колхозов. Для оценки соразмерности данного показателя следует сравнить его с соответствующим показателем совхозов. В 1958 г. норматив на одного среднесписочного работника составлял 1267 руб. Если считать достигнутый совхозами показатель условно оптимальным, то в 1960 г. на одного колхозника должно было выделяться средств больше в 3,6 (!) раза³².

Неудовлетворительное финансовое положение колхозов отразилось в снижении затрат на капиталовложения (см. табл. 8).

Таблица 8

**Капиталовложения колхозов СССР в 1958–1960 гг.
(по сопоставимому кругу колхозов) (млн руб.)**

	1958	1959	1960
Всего денежных затрат на капиталовложения	4384	4130	3993
в том числе на новое строительство	958	1162	1119
на приобретение тракторов, комбайнов и других машин и двигателей	2334	971	734
на капитальный ремонт тракторов, комбайнов и других машин	180	445	483
на формирование основного стада	455	901	1013
Долевое участие в межколхозных и государственных предприятиях	65	98	139

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 269, л. 142.

Сокращение капиталовложений составило 391 млн руб. (9%). После покупки машин и тракторов предстояло сформировать соответствующую внутрихозяйственную инфраструктуру, поэтому расходы на новое строительство постоянно росли. В 1960 г. они составили 28% общего объёма вложений. Расходы на приобретение тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин в сравнении с 1958 г., когда в основном проходила реорганизация МТС, снизились. Однако тревожным симптомом стало сокращение вложений на покупку новой техники в 1960 г. в сравнении с 1959 г.

³² Там же, д. 348, л. 72.

О самодостаточности колхозов не могло быть и речи. В начале 1961 г. Хрущёв провёл серию зональных совещаний с работниками сельского хозяйства — в Воронеже, Москве, Свердловске, Новосибирске, Акмолинске, Алма-Ате — и мог прочувствовать тревоги селян. В записке в Президиум ЦК КПСС от 31 марта 1961 г. он указал: «При существующем уровне технического оснащения совхозов и колхозов невозможно в короткие сроки провести уборку урожая на очень больших площадях и одновременно поднять зябь. В результате уборка хлебов затягивается до зимы, солома не убирается и зябь не пашется. А весной спешно сжигают солому, начинают пахоту и тут же сеют. О какой же культуре земледелия может идти речь при таком положении?»³³. Приобретение колхозами большого количества уже бывшей в эксплуатации сельскохозяйственной техники, а также высокие амортизационные нагрузки в полевой сезон обусловили ускоренный рост средств на капитальный ремонт. Они увеличились почти втрое и в 1960 г. составили 12% общих капиталовложений.

Реформа кардинально изменила жизнь колхозов и колхозников. Однако её эффект оказался далёким от ожидаемого: прорыва в увеличении продовольствия не произошло. По большому счёту не улучшилось и материальное положение. На оплату труда в 1958 г. пришлось 4760 млн руб., а в 1960 г. — 4946 млн, т.е. прирост составил 186 млн руб., или 4%. При этом налоговые вычеты и прочие платежи выросли на 37%. Поражает стремление руководства СССР «заморозить» уровень жизни колхозников и одновременно увеличить поступления от колхозов. Выглядит это в высшей мере аморально и безнравственно. При анализе доходов колхозников следует обратить внимание на тот факт, что оплата их труда должна была производиться деньгами и продуктами. В 1960 г. в СССР лишь 7756 колхозов (18%) оплачивали труд только деньгами. Поэтому представляется важным определить соотношение двух форм оплаты и общие доходы колхозников в пересчёте на деньги (см. табл. 9).

Таблица 9

**Выдача колхозникам СССР денег и продуктов в 1958–1960 гг.
(по сопоставимому кругу колхозов)**

	1958	1959	1960
Всего выдано деньгами и продуктами (млн руб.)	8 113	7 535	7 264
из них деньгами	4 743	4 812	4 993
продуктами*	3 370	2 723	2 271
Выдано в расчёте на 1 колхозный двор денег и продуктов (руб.)	477	442	425
в том числе денег	276	277	292
Выдано в расчёте на 1 среднегодового работающего колхозника:			
денег и продуктов (руб.)	358	338	327
в том числе денег (руб.)	209	215	225

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 269, л. 145.

* Натуральная выдача, оценённая по государственным розничным ценам.

³³ Хрущёв Н. С. Строительство коммунизма... Т. 5. С. 320.

Итак, доля денег в оплате труда увеличилась с 4743 до 4993 млн руб., или с 59 до 68%. Но в то же время динамика выдачи денег и продуктов оказалась отрицательной: в 1960 г. выдано 849 млн руб. — почти на 12%, меньше, чем в 1958 г. Причём денежная оплата труда за это время выросла на 250 млн (5%), а продуктами — сократилась на 1099 млн (33%). Такие же тенденции прослеживаются и в том случае, если рассматривать совокупные выплаты в расчёте на один колхозный двор или на одного среднегодового работника. За три года выплаты на двор уменьшились с 477 до 425 руб., или на 11%, при этом их денежная часть увеличилась с 57 до 69%. Совокупная среднегодовая оплата труда колхозника сократилась с 358 до 327 руб. (9%).

Финансовое положение колхозов усугубляли долги, составившие в 1960 г. 6205 млн руб. Большая их часть приходилась на задолженность государству по банковским ссудам на капиталовложения — 2841 млн (46%). Вторая часть (1601 млн, или 26%) — невыплаты колхозникам за труд. Если учесть, что всего на оплату труда деньгами и продуктами в 1960 г. было выдано 7264 млн руб., то на невыплаты пришлось 22% этой суммы.

Оплата труда в расчёте на один день работы различалась как по союзным республикам в целом, так и внутри них (см. табл. 10).

Таблица 10

**Оплата труда колхозников по союзным республикам СССР
в 1960 г. (руб.)**

	Выдачи денег и продуктов за 1 день работы	Процент колхозов со средней выдачей на один день работы				
		до 0,5 руб.	от 0,51 до 1 руб.	от 1 до 2 руб.	от 2 до 3 руб.	свыше 3 руб.
СССР	1,36	6,9	33,8	48,9	9,0	1,4
РСФСР	1,42	5,7	33,4	50,0	9,9	1,0
Украинская ССР	1,20	4,4	38,9	53,2	3,2	0,3
Белорусская ССР	0,86	15,8	55,1	28,1	0,9	0,1
Узбекская ССР	1,51	1,1	14,0	76,6	7,3	1,0
Казахская ССР	2,06	1,8	12,3	51,8	25,1	9,0
Грузинская ССР	1,57	23,3	33,4	29,3	9,3	4,7
Азербайджанская ССР	1,53	9,4	20,7	52,7	14,3	2,9
Литовская ССР	1,00	20,6	48,7	28,5	2,0	0,2
Молдавская ССР	1,40	2,5	19,9	67,1	10,0	0,5
Латвийская ССР	1,47	2,5	21,0	62,7	13,1	0,7
Киргизская ССР	1,69	3,6	21,4	49,4	21,4	4,2
Таджикская ССР	1,17	2,8	38,7	50,0	8,5	—
Армянская ССР	1,63	4,5	22,6	54,0	14,3	4,6
Туркменская ССР	1,80	3,0	16,5	53,8	19,2	7,5
Эстонская ССР	2,08	—	3,5	41,5	51,4	3,6

В половине колхозов страны оплата рабочего дня колхозника составляла 1–2 руб., только один колхоз из 10 имел возможность выплачивать больше. В 3027 колхозах СССР (7% от общего числа) оплата трудового дня работника носила «символический характер» – менее 50 коп.

Стремясь показать успехи своей политики, Хрущёв в качестве отправной точки часто брал данные 1953 г. Но не всегда сравнения оказывались в пользу реформатора. В данном случае это касается доходов колхозников от общественного хозяйства. В 1953 г. оплата трудодня (по всем колхозам СССР³⁴) деньгами составляла 1 руб. 88 коп., а в дополнение натурой – 1,6 кг зерна и 0,24 кг картофеля³⁵. Отсюда можно сделать вывод, что после реформы 1958 г. доходы колхозников сократились даже в сравнении с 1953 г.

До сих пор продолжается полемика: оказалась ли реформа 1958 г. разорительной для колхозов? Ранее уже рассматривалось изменение макроэкономических показателей колхозов за первые три пореформенных года: по ряду важнейших позиций динамика оказалась отрицательной. В период проведения реформы возможны экономические издержки. Вопрос заключается в том, какова их цена и кто их несёт. При этом в первую очередь следует учитывать интересы трудящихся. Рассмотрим оплату труда в колхозах РСФСР накануне реформы и спустя три года (см. табл. 11).

Таблица 11

**Оплата труда колхозников РСФСР деньгами и продуктами
в 1957–1960 гг.**

	1957		1960	
Выдано деньгами и продуктами: в среднем в расчёте на трудодень (человеко-день), руб.	5,79*		1,42	
до 2	3 569	1,1	18 252	88,9
от 2 до 4	15 655	36,0	2 250	10,9
от 4 до 7	15 626	36,0	28	0,1
от 7 до 10	5 911	13,6	–	–
от 10 до 20	2 609	6,0	–	–
свыше 20	88	0,2	–	–
Всего	43 458	100	20 530	100

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 168, л. 170; д. 348, л. 85.

* Средняя денежная оценка трудодня, включая натуральную выдачу, оценённую по государственным розничным расценкам, и денежную оплату для колхозников (без работников тракторных бригад).

Очевидно, что реформа нанесла сильный удар по материальному положению колхозников. Средний размер выдачи на один трудодень (без учёта ра-

³⁴ В колхозах РСФСР оплата человеко-дня всегда была ниже средней по СССР. В 1954 г. она составила (продуктами и деньгами) 86 коп. (РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 348, л. 83).

³⁵ Там же, д. 38, л. 140, 146.

ботников тракторных бригад) в 1957 г. оказался в четыре раза больше, чем в 1960 г., при том что за 1958–1960 гг. число колхозов сократилось более чем вдвое. При сохранении экономически слабых колхозов показатели 1960 г. могли бы ухудшиться ещё больше.

В 1957 г. средняя стоимость трудодня в денежном выражении составила 2 руб. 97 коп. и в 2,1 раза превысила выдачу продуктами и деньгами на один человеко-день в 1960 г. Следует обратить внимание, что 1957 г. для колхозов РСФСР был не особенно успешным. Годом ранее средняя денежная оценка трудодня была выше на 49 коп. В 1957 г. в колхозах 38 областей, краёв и автономных республик РСФСР размер оплаты трудодня сократился. Министр сельского хозяйства республики Бенедиктов в записке «Об оплате труда в колхозах РСФСР в 1957 г.», направленной в бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет министров РСФСР, отметил: «При некоторых успехах в деле улучшения оплаты труда колхозников в отдельных районах, в большинстве районов республики оплата труда колхозников снизилась и во многих колхозах продолжает оставаться на низком уровне»³⁶. Однако даже уровень оплаты труда в колхозах 1957 г. в 1960 г. выглядел недостижимым.

О значительном снижении оплаты трудодня свидетельствует группировка колхозов по размерам её выдачи. В 1957 г. в РСФСР только чуть более 1% колхозов выдавали на трудодень натурой и деньгами до 2 руб. Остальные в экономическом плане были более успешны и обеспечивали лучшее стимулирование труда. Через три года колхозов с аналогичной выдачей продуктами и деньгами на один человеко-день оказалось почти 90%, т.е. такие хозяйства стали доминировать. От 2 до 4 руб. на трудодень в 1957 г. выдавали 36% колхозов, а в 1960 г. – 11%. В 1957 г. 36% колхозов обеспечили выдачу колхозникам от 4 до 7 руб., а в 1960 г. – всего 0,1%. В 1957 г. почти 20% колхозов выплатили от 7 до свыше 20 руб. В 1960 г. таких колхозов уже не осталось. Таким образом, в 1957 г. почти 99% колхозов РСФСР выдавали более 2 руб. Через три года положение изменилось «с точностью до наоборот»: почти 90% колхозов выплачивали до 2 руб.

Наибольшее количество колхозов с низким уровнем доходов от общественного хозяйства (менее 1 руб. на трудодень) в 1960 г. насчитывалось в районах Северо-Запада, Нечернозёмного центра и Волго-Вятском. Более половины таких колхозов – в Псковской обл., в Марийской, Чувашской и Удмуртской АССР (более 60%). В Ивановской, Смоленской, Калужской, Горьковской и Рязанской областях они составляли от 60 до 51% общей численности колхозов. В Мордовской АССР, Калининской, Брянской, Ярославской, Архангельской, Новгородской, Калининградской, Тульской областях – от 49 до 40%³⁷ (см. табл. 12).

Эти данные показывают, насколько снизился годовой доход трудоспособного колхозника после реорганизации МТС. В 1957 г. он составлял (в среднем по РСФСР) 1 245 руб., а в 1960 г. – 296 руб., т.е. сократился в 4,2 (!) раза. В 1957 г. наивысший показатель отмечен в Алтайском крае – 3 309 руб. В числе регионов с самыми низкими доходами – Липецкая и Рязанская области (соответственно 568 и 605 руб.). В 1960 г. таких «высот» не достиг ни один сельскохозяйственный район. В той же Рязанской обл. доходы колхозников уменьшились в 3 раза³⁸.

³⁶ Там же, д. 168, л. 170.

³⁷ Там же, д. 348, л. 85–86.

³⁸ Там же, д. 168, л. 174.

**Годовой доход трудоспособного колхозника в РСФСР в 1960 г.
от общественного хозяйства (руб.)**

В среднем по РСФСР	296
в том числе по районам:	
Северо-Западный	269
Центральный	241
Волго-Вятский	190
Центрально-Чернозёмный	246
Поволжский	321
Северо-Кавказский	387
Уральский	320
Западно-Сибирский	402
Восточно-Сибирский	387
Дальневосточный	470

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 46, д. 348, л. 86.

Серьёзный ущерб материальной заинтересованности колхозников в общественном производстве и их потреблению нанесло неправильное применение денежной формы распределения по труду. В 1958 г. её применяли 16 колхозов РСФСР, а в 1960 г. — 4593, или 22,4% от общего числа. Многие руководители колхозов рассматривали денежную оплату как универсальное средство подъёма хозяйств и чрезмерно увлеклись её внедрением. В частности, в Вологодской обл. она действовала в 228 колхозах из 346, в Калининградской — в 74 из 117, в Ленинградской — в 32 из 90, в Костромской — в 177 из 206, в Кировской — в 250 из 337, в Оренбургской — в 303 из 397, и т.д.³⁹ Однако вследствие нерегулярности доходов и низкого их уровня колхозники часто оставались и без денег, и без натуральных выдач. Установление денежных расценок за работу вне зависимости от результата приводило к конфликтам внутри коллектива. Нередко при переходе на денежную оплату расход превышал фактические доходы и способствовал росту задолженности государству по краткосрочным кредитам.

Таким образом, в результате проведения реформы 1958 г. правительство попыталось выстроить новую экономическую модель взаимоотношений с колхозами, в основе которой лежала идея предоставления предприятиям большей самостоятельности и снижения бремени государственных расходов. Однако, возглавив партию и правительство, Хрущёв так и не сумел обуздать свой импульсивный характер, многие решения принимал необдуманно, плохо представляя их последствия. Бенедиктов, много лет проработавший на высших государственных постах, говорил о нём как о руководителе, который разбирался в вопросах сельского хозяйства, особенно земледелия, приближаясь по запасу

³⁹ Там же, д. 348, л. 87.

знаний и компетентности к уровню хорошего агронома. В то же время он подметил такую черту его характера: «Увлекаясь какой-либо, обычно здоровой в своей основе идеей, Никита Сергеевич буквально загорался стремлением как можно быстрее воплотить её в жизнь, спешил, шёл напролом, теряя всякое представление о реальной действительности. В результате некоторые его действия имели губительные, просто катастрофические последствия»⁴⁰. Прежнюю производственную систему «МТС—колхозы» ликвидировали, но создание новой оказалось сложным процессом. После приобретения колхозами техники их производственные расходы стали значительно превышать доходы. Значительная часть хозяйств оказалась неспособной к ведению самостоятельной деятельности в новых условиях. Предполагалось, что реорганизация колхозов, их преобразование в совхозы поддержит сельское хозяйство и обеспечит производство продовольствия. Однако подобные чрезвычайные мероприятия не могли скрыть глубину противоречий проводимой политики. Для стимулирования колхозного производства требовались иные решения.

⁴⁰ *Бенедиктов И.А.* О Сталине и Хрущёве. С. 46.

Тульское «рязанское дело»: руководство области в борьбе за «большое мясо» 1959–1960 гг.

Игорь Кометчиков

The Tula's «Ryazan affair»: regional leadership in the struggle for the «Big Meat» (1959–1960)

Igor Kometchikov
(*Kaluga State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S0869568722040227, EDN: JBMVTY

С середины 1950-х гг. в рамках «строительства основ коммунистического общества» руководство СССР настойчиво пыталось создать в стране продовольственное изобилие. После распахки целины и повсеместного внедрения посевов кукурузы прозвучал призыв к форсированному производству мясопродуктов. «Тут агитировать нельзя в этом вопросе без реального подкрепления... А вот мы и поагитируем: дадим мясо, дадим молоко, дадим сливочное масло», — заявил Н.С. Хрущёв в мае 1957 г. на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в Ленинграде, «объявив войну» США по продуктивности животноводства¹. В «бои за мясо» вступали колхозы, совхозы, районы и регионы. Немалая литература посвящена попытке руководства Рязанской обл. обеспечить выполнение трёх годовых планов продажи мяса государству. Большинство авторов указывают на главных организаторов всесоюзной кампании — Хрущёва и его окружение, а основные причины провала «рязанского чуда» находят в волюнтаризме партийного лидера и в личных качествах первого секретаря обкома КПСС А.Н. Ларионова — авантюризме² и карьеризме³. Такой подход, сводящий подоплёку «рязанского дела» к субъективному, человеческому фактору в политике, не позволяет понять, почему в разгар

© 2022 г. И.В. Кометчиков

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х — 1960-е гг.)».

¹ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва / Отв. сост. М.Ю. Прокуменщиков. Т. 2. М., 2009. С. 99.

² *Хоскинг Дж.* История Советского Союза. 1917–1991 гг. / Пер. с англ. П. Куценкова. М., 1994. С. 369–371; *Бэффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв. 1941–1964 гг. / Пер. с итал. И.Б. Левина, С.К. Дубинина, В.Н. Дахина. М., 1994. С. 491–492; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945–1991. М., 1998. С. 192–198; *Таубман У.* Хрущёв / Пер. с англ. Л.Н. Холмогоровой. М., 2008. С. 413–414; *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в середине 50-х — середине 60-х годов. М., 2006. С. 235–236; *Сушков А.В.* Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг. Личности и власть. Екатеринбург, 2009. С. 168–185; *Агарёв А.Ф.* Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области 1937–1970 гг. Документы, события, факты. Рязань, 2010. С. 161–395; *Агарёв А.Ф.* Секретарь обкома Ларионов. Неизвестные штрихи к портрету незаурядной личности. Рязань, 2015. С. 157–158.

³ *Сушков А.В.* Высшее руководство СССР и «рязанское дело» (1959–1961 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С. 72–73. Однако сам Хрущёв упоминал о сделанном Ларионову за несколько лет до этого предложении перейти на ответственную работу в Москву: *Хрущёв Н.С.* Речи во время пребывания в Рязани в связи с вручением Рязанской области ордена Ленина 12–13 февраля 1959 г. Рязань, 1959. С. 15–16.

десталинизации, децентрализации управления экономикой, перевода колхозов на новые условия хозяйствования главным рычагом выполнения обязательств оставался административный нажим, характерный для сталинской эпохи.

Ответ на этот вопрос может дать рассмотрение других подобных дел, одно из которых — «тульское дело»: попытка руководства Тульской обл. обеспечить выполнение двух годовых планов по мясу в 1959 г. и трёх — в 1960 г. Его изучение представляется актуальным не только потому, что данная область также являлась «застрельщиком» всесоюзного соревнования. Сравнение поведения руководителей двух областей позволяет лучше понять их логику и последствия для карьер управленцев.

Борьба за «большое мясо» отразилась в постановлениях Президиума ЦК КПСС, бюро ЦК по РСФСР, материалах январского (1961) пленума ЦК, совещания в ЦК руководящих партийных и советских работников по вопросам сельского хозяйства 20 февраля 1961 г., материалах пленумов, областных активов и бюро Тульского обкома за 1959–1961 гг., делопроизводстве партийных и советских структур власти, статистике, письмах населения во власть, мемуарах и других источниках.

Продуктивным подходом к проблеме представляется применение теории форм капитала, обоснованной П. Бурдьё, Дж. Колманом, Р. Патнэмом и др. В ней в качестве основных выделяются экономический, социальный, человеческий, политический, административный, культурный и символический капиталы при ведущей роли первого. Каждый из них рассматривается как накапливаемый хозяйственный ресурс, включённый в воспроизводство и накопление стоимости путём взаимной конвертации⁴. На основе положений этой теории можно сопоставить объёмы ресурсов, использовавшихся для решения проблемы резкого увеличения производства продуктов животноводства.

Призыв «догнать и перегнать» США застал сельское хозяйство Нечернозёмного Центра в состоянии перехода к индустриальным методам производства. Несмотря на ускорение капитализации по сравнению с предшествующим периодом⁵, средств для существенного подъёма урожайности основных сельскохозяйственных культур и продуктивности скота не хватало⁶. В 1958 г. прошла реформа МТС, их технику продали колхозам, многие из которых из-за этого попали в сложное финансовое положение⁷. К началу 1960-х гг. тракторов в сельском хозяйстве страны насчитывалось в несколько раз меньше, чем в передовых странах Запада. РСФСР вообще оказалась на последнем месте среди республик СССР по объёму машинного парка. Играло роль и то, что значительная часть техники направлялась на целину⁸. Хотя в Тульской обл. за 1960–1965 гг. количество условных 15-сильных тракторов в колхозах возросло с 5,5 до 7,4 тыс., нагрузка пашни на один трактор составляла в 1960 г. 116 га (в Канаде — 78, США — 41, Англии — 16). Количество же зерноуборочных комбайнов и грузовых автомашин осталось на прежнем уровне⁹.

⁴ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Т. 3. 2002. № 4. С. 21–23.

⁵ Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 41–45.

⁶ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства... С. 233.

⁷ Томилин В.Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М., 2021. С. 232–265.

⁸ Там же. С. 288, 289, 291.

⁹ Народное хозяйство Тульской области. Статистический сборник (далее — Народное хозяйство...) / Отв. ред. В.М. Кучеров. Тула, 1967. С. 175; Томилин В.Н. Государство и колхозы... С. 291.

Сходная динамика наблюдалась и в совхозах области, даже несмотря на то что за этот период их количество выросло с 95 до 137¹⁰. Многие виды работ оставались слабо или вовсе не механизированными. Это сдерживало рост товарности производства (особенно в животноводстве), повышало себестоимость продукции. К 1958 г. все совхозы электрифицировали, в то время как доля электрифицированных колхозов составляла лишь 48% (в 1960 г. она повысилась до 79%). К декабрю 1959 г. подачу воды для крупного рогатого скота механизировали на 28% в колхозах и на 50% в совхозах; раздачу кормов в коровниках колхозов и совхозов — на 42%, в свинарниках — на 13%; процесс доения коров — на 14% в колхозах и 21% в совхозах¹¹. Заместитель председателя облисполкома, начальник управления сельского хозяйства и заготовок М. Гордиенко заявлял: «На одном энтузиазме потребного количества продуктов мы не произведём. Нам нужны машины. А их нет. Нам нужны доильные агрегаты для механизации животноводческих ферм, для комплексной механизации труда в животноводстве. Их нет. Нам нужна землеройная и погрузочная техника. Её нет. В период уборки урожая нам нужно иметь 5 тыс. автомашин при расширении площади кукурузы и свёклы, а мы имеем полторы тысячи... Разве это не влияет на развитие сельского хозяйства?»¹².

Руководство области многократно направляло в Министерство сельского хозяйства РСФСР просьбы выделить ресурсы для дооснащения животноводства, но тщетно. Так, в августе 1959 г. министр С.В. Кальченко ответил обкому, что из запрошенных дополнительно 17,7 млн руб. на строительство животноводческих и других объектов в совхозах будет выделено лишь 5 млн, при этом просил обеспечить эти стройки стройматериалами из местных ресурсов. В марте 1960 г. министерство отказалось выделить материалы для электрификации 20 колхозов, преобразованных в совхозы, по причине их отсутствия. Не поддержали и просьбу о перечислении средств на расширение холодильника в Туле¹³.

Гордиенко ходатайствовал перед обкомом о принятии двухлетнего плана комплексной механизации ферм колхозов и совхозов «по примеру Московской области», организации централизованного изготовления на местных предприятиях оборудования для сельского хозяйства, шефстве предприятий над колхозами и совхозами. Лишь часть поголовья скота размещалась в животноводческих помещениях из сборного железобетона, хотя только в 1960 г. планировалось поставить на откорм более 1 млн животных, не считая основного стада¹⁴. Принятое бюро обкома 21 марта 1960 г. постановление ориентировало руководителей производства и районные партийно-советские власти на поиск ресурсов для выполнения годовых обязательств за счёт шефской помощи, а не централизованно выделяемых средств¹⁵. Делать это приходилось, отвлекая ресурсы от основной деятельности и зачастую нарушая закон¹⁶. Таким образом, многие колхозы и совхозы Тульской и других областей Нечерноземья не имели производственной инфраструктуры для резкого увеличения производства продуктов, на котором настаивало руководство страны.

¹⁰ Народное хозяйство... / Отв. ред. В.М. Кучеров. С. 181.

¹¹ Государственный архив Тульской области (далее — ГА ТО), ф. П-177, оп. 29, д. 69, л. 117.

¹² Там же, оп. 31, д. 15, л. 153–154.

¹³ Там же, оп. 29, д. 69, л. 74; д. 70, л. 280; оп. 30, д. 84, л. 279.

¹⁴ Там же, оп. 30, д. 40, л. 116–117; оп. 36, д. 22, л. 8.

¹⁵ Там же, оп. 29, д. 69, л. 118; оп. 30, д. 84, л. 237–240.

¹⁶ Там же, оп. 31, д. 15, л. 100.

Нехватка экономического капитала в колхозно-совхозном секторе обусловила первостепенное внимание власти к политико-идеологической и административной составляющим «мясной эпопеи». Понятие «политический капитал» охватывает партии и общественные движения, готовые к совершению коллективных действий, а также признанные лидерские структуры. Его носители могут организовывать коллективные действия и представлять интересы других социальных групп¹⁷. Эвфемизмами политического капитала в советском политическом лексиконе выступали термины «высокий уровень партийно-политической работы», «правильная расстановка кадров», «правильный стиль руководства» и т.п., обозначавшие способность структур КПСС добиваться поставленных целей. На селе под этим понимались прежде всего высокая плотность сети первичных организаций, охватывающих все звенья производства, их состав, позволявший выдвигать и распределять кадры, способные «дать план», содействовать его выполнению посредством пропаганды и агитации, умение местного аппарата всё это использовать. Ярким примером административного капитала можно считать «институт уполномоченных» – практику мобилизаций верхушки партийно-советского актива, наделявшейся чрезвычайными полномочиями для проведения «хозяйственно-политических» кампаний. В условиях советской системы, на фоне материально-технических проблем, этой сфере капитала отводилась важная – компенсаторная роль.

К началу «мясной эпопеи» партийное руководство основательно потрудились над приведением сети первичных парторганизаций, структуры и практики функционирования районного звена власти в соответствие с индустриальным обликом колхозно-совхозного производства. В 1959–1960 гг. большинство сельских коммунистов Нечерноземья состояли в производственных парторганизациях, имевшихся во всех колхозах, совхозах и ремонтно-технических станциях¹⁸. Должности руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства включили в номенклатуру райкомов и обкомов, на них выдвигались более соответствовавшие новым условиям кадры. Аппарат райкомов и райисполкомов «укрепили» путём мобилизации части служащих регионального аппарата на посты секретарей райкомов по зонам МТС (существовали с сентября 1953 по 1957 г.)¹⁹.

В то же время руководство Тульской обл., очевидно, не питая иллюзий по поводу «организационно-хозяйственного укрепления» колхозов, провело укрупнение экономически слабых хозяйств с сильными, чтобы иметь «меньше возни с отстающими». Для того же создавались огромные совхозы – путём присоединения к ним как можно большего числа колхозов. Только за 1958–1961 гг. число колхозов сократилось в 2,8 раза, а совхозов – увеличилось почти на треть. В результате из 95 совхозов 6 имели площадь более 20 тыс., 20 – от 15 до 20 тыс. га. Из-за непрерывных реорганизаций большинство хозяйств не имели освоенных севооборотов, из-за неурегулированности вопроса с оплатой

¹⁷ Радаев В.В. Понятие капитала... С. 28.

¹⁸ РГАНИ, ф. 77, оп. 1, д. 23, л. 162–177; д. 24, л. 152–167.

¹⁹ Кометчиков И.В. Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х – начале 1960-х гг.: замысел и результаты // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2. С. 183–191; Кометчиков И.В. Номенклатура РК КПСС в механизме управления селом Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. // Учёные записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. С. 22–30.

труда их покидали специалисты²⁰. Процессы укрупнения колхозов и их преобразования в совхозы шли и в других регионах Нечерноземья²¹. Путём совхозизации местные власти сигнализировали центру о дефиците капиталовложений, фактически стремились переложить на него решение проблемы. В Москве это прекрасно понимали: 16 февраля 1961 г. Президиум ЦК КПСС признал массовое преобразование колхозов в совхозы вредным²².

Как следствие, едва ли не единственным доступным способом придать аграрной сфере требуемый динамизм оставалось социалистическое соревнование в форме создания «маяков» — образцово-показательных хозяйств или территорий. Одним из таковых определили Рязанскую обл., ранее добившуюся высоких показателей производства молока. Ход «рязанского дела» подробно изучен, однако стоит остановиться на его ключевых моментах для сравнения с аналогичной кампанией в Тульской обл.

В декабре 1958 г. на пленуме ЦК КПСС, посвящённом увеличению производства сельскохозяйственной продукции, Хрущёв призвал в кратчайшие сроки достичь уровня США, особенно по производству мяса. Делать это рекомендовалось за счёт организации нагула и откорма скота (в первую очередь свиней и птицы), получения разовых опоросов, покупки телят у колхозников для дорастивания²³. 3 января 1959 г. совещание работников сельского хозяйства и руководителей районов в Рязани выступило за взятие на предстоящий год обязательств в объёме трёх годовых планов — 150 тыс. т мяса. На 1960 г. объём возрастал до 180–200 тыс. т²⁴. Эту инициативу накануне привёз заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК по РСФСР В.П. Мыларшиков. Он навязал её первому секретарю обкома Ларионову, хотя 30 декабря 1958 г. на областной отчётно-выборной конференции тот предлагал продать государству лишь 75 тыс. т — полтора плана²⁵. Рекордные обязательства, согласованные с Хрущёвым, опубликовали в «Правде» как призыв к работникам сельского хозяйства включиться в «соревнование» с США²⁶. 12–13 февраля Хрущёв приколот к знамени Рязанской обл. орден Ленина.

Борьба за рекорд вылилась в напористую хозяйственно-политическую кампанию. Создали «мясную» комиссию во главе с секретарём обкома В.П. Зениным, которая координировала закупки скота, передачу его на передержку и т.д.²⁷ Аналогичные «штабы» действовали и в районах. Велась и колоссальная работа по мобилизации населения. Отсутствие ресурсов обусловило масштабные фальсификации, которые длительное время покрывались региональным и центральным руководством. Из сельхозотдела ЦК в обком пересылались

²⁰ ГА ТО, ф. П-177, оп. 31, д. 15, л. 125–128; Народное хозяйство... / Отв. ред. В.М. Кучеров. С. 80.

²¹ Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Статистический ежегодник. М., 1961. С. 311, 326.

²² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы. Постановления. Т. 3. / Под ред. А.А. Фурсенко. М., 2008. С. 151.

²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. М., 1986. С. 283–285.

²⁴ ГА ТО, ф. П-177, оп. 31, д. 15, л. 26.

²⁵ Агарёв А.Ф. Трагическая авантюра... С. 163–165; Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты 1953–1964 гг. / Отв. сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прозуменщиков. М., 2009. С. 266, 285.

²⁶ Агарёв А.Ф. Трагическая авантюра... С. 161–190; Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 304.

²⁷ Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 283, 284, 292–293.

«сигналы» о махинациях. Ларионов настаивал на розыске их авторов, требуя этого даже от начальника областного управления КГБ. Составлялись опровержения, «клеветников» прорабатывали на бюро райкомов, активах, исключали из партии и снимали с работы. Первый секретарь добивался сворачивания работы приезжавших в область ревизоров²⁸.

Но размах махинаций всё же заставил провести разбирательство. Комиссия ЦК в конце 1960 г. установила, что из 150 тыс. т мяса государству сдано лишь 100,6 тыс.; 31,2 тыс. т маловесного скота включили в выполнение обязательств при его оставлении на передержку, ещё 16,8 тыс. приписали. Более того, из сданных 100,6 тыс. т колхозы и совхозы произвели около 60 тыс. т. Остальное закупили у населения области и за её пределами на 234 млн руб. кредитов Госбанка и средств сельхозпредприятий. Выполнение третьего плана оказалось полностью приписано. К концу года область не смогла выполнить план ни по одному виду заготовок, а её сельское хозяйство оказалось в тяжёлом положении²⁹.

Обсуждение ситуации в бюро ЦК по РСФСР 2–3 декабря 1960 г. превратилось в допрос «рязанцев». Выяснилось, что махинации с отчётностью начались значительно раньше 1959 г. Руководство обкома долгие годы практиковало «голый нажим, администрирование, шантаж», и даже после вскрытия приписок искажения данных сохранялись³⁰. Итогом разбирательств стало наказание практически всего руководства области, работавшего при Ларионове (сам он покончил с собой вскоре после того, как узнал о решении ЦК снять его с поста). 4 января 1961 г. бюро ЦК «за обман партии и государства» исключило из партии второго секретаря обкома К.Ф. Чачина, секретаря обкома В.П. Зенина, начальника управления мясомолочной промышленности Рязанского совнархоза Г.П. Швальба. Строгий выговор получил председатель облисполкома И.В. Бобков, выговор – секретарь обкома С.Г. Якимов. Действия начальника УКГБ С.Г. Олейника по установлению авторов обличительных писем осудили как «неправильные». Все названные снимались с постов, ставился вопрос о лишении ряда областных руководителей наград за «большое мясо». ЦК обязало бюро обкома наказать «отдельных» работников партийных, советских и хозяйственных органов за обман государства. «Обиженные» Ларионовым потоком шли жаловаться к сменившему его К.Н. Гришину³¹, который 30 января 1961 г. сообщил в бюро ЦК о ещё одной «чистке рядов»³².

В какой степени борьба за «большое мясо» в Тульской обл. повторяла «рязанское дело»? Для тамошних селян соревнование с соседями было не в новинку: на рубеже 1950–1960-х гг. лишь возродили опыт конца 1930-х гг., когда области, сопоставимые по почвенно-климатическим условиям, площади сельхозугодий, уровню аграрного развития, соперничали за право стать «маяком». Так, 27 марта 1939 г. бюро Тульского обкома приняло постановление о пропаганде договора социалистического соревнования имени XVIII съезда ВКП(б) между областями³³. В договоре устанавливались обязательства по приросту поголовья скота,

²⁸ Агарёв А. Ф. Трагическая авантюра... С. 233–238, 258–268; Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 267–268, 270, 275–276, 281–282, 287–289, 295–297.

²⁹ Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 262–271.

³⁰ Там же. С. 263–264, 274–275, 289.

³¹ Агарёв А. Ф. Трагическая авантюра... С. 290, 294–295.

³² Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 307–310; Агарёв А. Ф. Трагическая авантюра... С. 365–366.

³³ ГА ТО, ф. П-177, оп. 4, д. 15, л. 163–164.

улучшению его породности, кормовой базы, условий содержания, продуктивности³⁴. Проверка выполнения договора, проведённая представителями Рязанской обл. 5–9 сентября 1939 г., выявила невыполнение обязательств по развитию общественного животноводства и ряду других показателей³⁵.

Соревнование 1959 г. начиналось с большей помпой. 17 февраля на торжественном заседании обкома и облисполкома совместно с передовиками сельского хозяйства Хрущёв передал тульским партийному и советскому руководителям – А.И. Хворостухину и А.М. Горбачёву – орден Ленина. Область награждалась «за успехи, достигнутые в увеличении производства и сдачи государству продуктов сельского хозяйства» в 1953–1958 гг. Хворостухин назвал награду «большим авансом». Труженики же села взяли обязательство в текущем году удвоить производство мяса и увеличить производство других продуктов³⁶. Пребывание Хрущёва в Туле сопровождалось переброской из районов в областной центр дополнительного количества сливочного масла для создания видимости его изобилия. По городу пошла поговорка: «Бери масла пуд, пока Никита тут»³⁷.

В результате по итогам года государству продали мяса на 32% больше, чем в 1958 г., молока – на 10%. Досрочно выполнили план закупок зерна, мяса и шерсти. На 26% выросло поголовье крупного рогатого скота, на 22% – свиней, на 30% – птицы. Однако на областном партактиве 4 января 1960 г. Хворостухин признал, что соцобязательства по продаже мяса выполнены лишь на 73%, молока – на 86%. «Мы серьёзно отстали от соседней Рязанской области», – заявил он, возложив ответственность за это на обком, облисполком, большинство горкомов и райкомов, райисполкомы, так как с обязательствами по продаже мяса справились только три района области, а молока и яиц – по одному. Вывод делался такой: «В 1960 году мы должны взять более высокие обязательства и выполнить их». Условия для этого, считал Хворостухин, «не хуже рязанских»³⁸. Рецепт успеха, по его утверждению, крылся в резервах производства и умелой организаторской работе³⁹. По сути, это означало опору на местные материальные ресурсы, а также политический и административный капитал.

Позже Хрущёв объявил решение о продаже государству трёх годовых планов мяса личной инициативой первого секретаря обкома⁴⁰. Было ли это обвинение обоснованным или инициатива имела иную подоплёку? В конце 1950-х – начале 1960-х гг. Тульская обл. являлась одним из самых динамично развивающихся индустриальных регионов Нечерноземья. Промышленные предприятия вводились в строй не только в областном центре, но и в районах. Быстро росло население Алексина, Богородицка, Донского, Ефремова, Новомосковска, Щёкино, Узловой. За 1956–1961 гг. численность городского населения увеличилась на 146 тыс. человек⁴¹.

³⁴ Там же, д. 91, л. 18–31.

³⁵ Там же, д. 57а, л. 47–52.

³⁶ Там же, оп. 36, д. 22, л. 2, 3, 8–11.

³⁷ Там же, оп. 31, д. 99, л. 5 об.

³⁸ Подсчитано по: Там же, оп. 30, д. 17, л. 25–26, 28, 32, 38, 43, 49, 63; д. 40, л. 14.

³⁹ Там же, д. 17, л. 64; д. 40, л. 11.

⁴⁰ Там же, оп. 31, д. 15, л. 26–28.

⁴¹ Народное хозяйство... / Под ред. П.М. Дёмина. Тула, 1958. С. 9; Народное хозяйство... / Под ред. А.А. Серёгина. Тула, 1973. С. 6.

Это заставляло областное руководство серьёзно думать об увеличении производства сельхозпродукции и в отсутствие руководящих установок центра. По мнению секретаря облисполкома В.М. Полетаева, для снабжения растущего городского населения ежегодно требовалось 75 тыс. т мясопродуктов, а для того чтобы и «совхозный народ кормить» — ещё 25 тыс. Потребности в цельном молоке он оценил в 200 тыс., в сливочном масле — в 15 тыс. т. С учётом того что на 1961 г. объём заготовок скота утвердили в размере 54 тыс. т (в пересчёте на мясо это составляло 27 тыс.), выполнение плана могло дать лишь треть необходимого. Поэтому Полетаев предложил ходатайствовать перед Советом министров РСФСР о выделении области дотации этими продуктами. В 100 тыс. т мяса определял потребности населения на 1960 г. Гордиенко⁴².

Ещё более откровенным в выкладках оказался председатель областного управления планирования И. Степановский. Состояние сельхозпроизводства он оценил как запущенное. Потребности населения в муке и хлебе оно обеспечивало на 50%, в мясе и овощах — на 30%, в молоке — на 25%, яйцах — на 0,4%, картофеле — на 57%. Самообеспечения можно было добиться, выйдя к концу семилетки на уровень производства 1135 тыс. т молока, 310 тыс. т мяса (в убойном весе), 1032 тыс. т зерна, ликвидировав накопившееся за 1959–1960 гг. отставание по валовому сбору всех продуктов полеводства⁴³.

Решение о принятии обязательств по продаже государству мяса всеми категориями хозяйств в размере трёх годовых планов (147 тыс. т) областной партком принял 4 января 1960 г.⁴⁴ 13 января состоялось совещание работников сельского хозяйства области, на котором решение поддержали штатные ораторы — председатели колхозов и совхозов, передовики сельского хозяйства, — подавая его в выступлениях как уже просчитанное и одобренное⁴⁵. Позже первый секретарь Дедиловского райкома вспоминал: «Собрали секретарей райкомов, четыре человека предложили три плана, некоторые предложили два с половиной плана, а на следующий день в этом здании собрали областное совещание и сказали: “Три плана. Кто за — поднимите руки. Кто против? Нет. Задача ясна”. Так было дело. А ведь против, конечно, неудобно было и опасно любому и каждому поднимать руки»⁴⁶. Участникам совещания вручили брошюру, содержащую рекордные показатели производства и продажи государству мяса, молока, яиц, роста урожайности основных сельхозкультур по районам. Достичь их планировалось в основном за счёт резкого увеличения сдачи скота после нагула и откорма (100 тыс. овец, 180 тыс. голов крупного рогатого скота, 800 тыс. свиней, 10 млн голов птицы)⁴⁷. 25 февраля бюро обкома ознакомило активистов с не предназначенной для печати запиской отдела пропаганды и агитации бюро ЦК по РСФСР «Об опыте организаторской и партийно-политической работы Рязанской областной партийной организации на селе». Документ нацеливал на применение позитивных внеэкономических стимулов, апробированных рязанским партруководством⁴⁸.

⁴² ГА ТО, ф. П-177, оп. 30, д. 10, л. 36, 83–84.

⁴³ Там же, оп. 31, д. 15, л. 122–125.

⁴⁴ Там же, оп. 30, д. 17, л. 13.

⁴⁵ Там же, д. 40, л. 31–39, 64–68, 78–80, 110.

⁴⁶ Там же, оп. 31, д. 15, л. 95.

⁴⁷ Там же, оп. 30, д. 40, л. 116–117.

⁴⁸ Там же, д. 24, л. 145; д. 40, л. 40–59 об.

Контролировать выполнение обязательств поручили секретарю обкома С.Т. Тимофееву, ставшему во главе созданной 12 февраля комиссии. В неё вошли 22 человека, в том числе заместитель председателя совнархоза И.Л. Давыдов, председатель облплана Степановский, работники аппаратов обкома и облисполкома, руководители заготовительных организаций, начальник отделения Московской железной дороги, представители районного партийно-советского руководства. Комиссии поручалось «оперативно руководить вопросами заготовок... принимать практические меры к улучшению работы мясокомбинатов и заготовительных пунктов»⁴⁹. Судя по выступлениям Тимофеева, решениям бюро обкома и переписке с другими инстанциями⁵⁰, комиссия готовила материалы для руководства обкома и, видимо, могла вносить предложения по поощрениям и наказаниям.

Как и на Рязанщине, выполнение решений комиссии возлагалось прежде всего на руководство районов, а также уполномоченных обкома и райкомов. Уже 11 января членов бюро и заведующих отделами обкома, членов облисполкома закрепили за районами «в целях оказания более конкретной практической помощи... в деле выполнения социалистических обязательств». Так, Хворостухин отвечал за Чернский район, второй секретарь обкома О.А. Чуканов — за Щёкинский, Тимофеев — за Арсеньевский, Горбачёв — за Воловский, Полетаев — за Одоевский⁵¹. Забегая вперёд, отмечу, что многие из этих районов не обеспечили не только рекордных поставок мяса, но и планов производства сельхозпродуктов⁵².

«Мясная комиссия», районное руководство и уполномоченные компенсировали нехватку экономического капитала административным нажимом. Рабочие шахты № 67 Богородицкого района писали сменившему Хворостухина на посту первого секретаря И.Х. Юнаку, что по распоряжению первого секретаря райкома объёмы работ на колхозных полях оказались разделены между предприятиями и организациями района: «На словах мы — свободный народ, на деле выходит мы — крепостные: не пойдёшь в выходной в колхоз — сократят с шахты и некуда пожаловаться». В районе «всех рабочих и даже школьников обкладывали налогом на мясо, чтобы выполнить три плана», а первый секретарь получил «героя» «за приписки и рабский труд», который ввёл ещё в 1948 г., заступив на пост⁵³. Из совхоза «Новомедвенский» Ленинского района жаловались Хрущёву: руководители, «чтобы выполнить обязательство и сдать 3 плана по мясу, шли на всякие обманы, скупали свиней весом по 120 кг в Пензе, Башкирии, уток взрослых в Воронеже и сдавали государству». В результате совхоз дал огромный убыток. Его руководство получило строгие выговоры, однако через неделю директора выдвинули кандидатом в депутаты областного совета⁵⁴.

В погоне за рекордом запретили торговлю мясом на рынках многих городов и районов, оказалась парализована кооперативная торговля. С октября мясопродукты и вовсе пропали из магазинов: в расчёте на появление к концу года большого количества мяса оказались уже израсходованы фонды четвёртого квартала. Население Тулы добывало продовольствие в Москве. В декабре

⁴⁹ Там же, д. 24, л. 51–52, 141–144.

⁵⁰ Там же, оп. 29, д. 70, л. 280; оп. 30, д. 8, л. 286–298; д. 9, л. 131–141.

⁵¹ Там же, оп. 30, д. 24, л. 15–16.

⁵² Там же, оп. 31, д. 15, л. 50–52.

⁵³ Там же, д. 82, л. 184–185.

⁵⁴ Там же, д. 97, л. 37–38, 51 об.

1960 г. в Комиссию советского контроля Совета министров РСФСР писали: «На базаре мясо 25–27 руб. кг, свинина 22–28 руб. кг, баранина тоже 28–30 руб. кг. По радио и газеты сообщили, что колхозники и совхозы выполнили три годовых плана мяса, свинины и молока... а всё нет ничего, вот так придётся поехать к тов. Хрущёву в Москву и написать несколько писем, как живут в г. Туле рабочие»⁵⁵.

Руководство области обязало горкомы и райкомы, райисполкомы активизировать продажу населением государству продуктов животноводства и скота, но это не спасало ситуацию. На мясо часто сдавался маловесный скот, что подрывало экономику колхозов и совхозов и не могло улучшить снабжение. Бюро обкома дважды — в 1959 и в начале 1961 г. — указывало на недопустимость этого. Почти всё сданное мясо по качеству не годилось для реализации в розничной торговле или закладки в госрезерв и направлялось в промышленную переработку и в общепит⁵⁶.

Не обошлось и без приписок, хотя, судя по официальной документации, объём их не превысил нескольких сотен тонн. Руководители двух районов и низовые начальники получили выговоры, а секретарь Богородицкого райкома — предупреждение⁵⁷. Выборочная проверка учёта численности коров в марте 1961 г. выявила случаи сокрытия сотен голов скота, занижения падежа, завышения удоев. Решение бюро обкома от 22 мая, требовавшее покончить с этим, не предусматривало тем не менее для виновных никаких наказаний⁵⁸. Их не последовало и после того, как в июле стало известно о приписках в других районах⁵⁹. Как и в Рязанской обл., существовала отчётность для себя и «наверх». Бюро обкома осудило эту практику только 6 октября, сделав исключение для декадной отчётности колхозов облисполкому о производстве молока и откорме скота⁶⁰.

Письма в центральные инстанции, проливавшие свет на реалии борьбы за «большое мясо», воспринимались как угроза. Они наносили удар по престижу власти, а при смещении с поста того или иного руководителя могли испортить репутацию, ведь при переводе на новое место социальные связи зачастую приходилось выстраивать заново. При Узловском горкоме в начале 1960 г. создали «штаб-тройку» во главе с первым секретарём, который руководил выполнением соцобязательств. По словам автора писем в ЦК КПСС, «штаб присвоил себе методы работы особо грозные, как в период ликвидации кулачества как класса». Председателям колхозов предлагалось подписывать заранее подготовленные задания по сдаче мяса. Первый секретарь распорядился приостановить на квартал торговлю на рынках мясомолочными продуктами, что вынудило население райцентра ходить за продуктами по окрестным деревням. Начальнику отделения КГБ предложили найти жалобщика, которого затем стали травить. Обком признал большую часть сообщённого «измышлениями» и принял сторону горкома, при котором предприятия и колхозы «перевыполняли планы и обязательства»⁶¹.

⁵⁵ Там же, оп. 30, д. 85, л. 231.

⁵⁶ Там же, оп. 29, д. 23, л. 18–20, 207–210; д. 70, л. 264; оп. 30, д. 10, л. 9; оп. 31, д. 15, л. 57; д. 20, л. 135–138; Народное хозяйство... / Отв. ред. В.М. Кучеров. С. 169, 170.

⁵⁷ ГА ТО, ф. П-177, оп. 31, д. 20, л. 317–319, 321–323.

⁵⁸ Там же, д. 23, л. 196–202.

⁵⁹ Там же, д. 25, л. 93–99.

⁶⁰ Там же, д. 26, л. 79–80.

⁶¹ Там же, ф. П-515, оп. 1, д. 161, л. 9–11, 195.

Тульское руководство, как и рязанское, пыталось скомпрометировать ре- визоров, устанавливавших факты бесхозяйственности и некомпетентного ру- ководства животноводством. Их обвиняли в антипартийной линии, добились смещения двух командированных Минсельхозом РСФСР, просили «таких лю- дей больше не направлять в область». Гордиенко, знавший о непосильности принятых обязательств, уклонялся от общения с ними⁶².

Кампанейский характер борьбы за «большое мясо» выявился в конце года, когда стало понятно, что не выполнены обязательства не только по мясу, ко- торого получили лишь 62,5 тыс. т (42% от положенного), но также по молоку (88%) и яйцам (62%). Не выполнили планы сдачи хлеба, картофеля, свёклы, сена, овощей, шерсти. На 1 ноября остались не убранными 20 тыс. га зерно- вых, 104 тыс. т сахарной свёклы⁶³. Колхозные финансы пришли в расстрой- ство. В 1960 г. эти хозяйства заработали лишь 42,5 млн руб., в то время как, например, в 1963 г. — 50,2 млн, в 1965 г. — 81,1 млн. В погоне за рекордами многие сдавали на мясо основное поголовье, что отражалось на размерах не- делимых фондов: по сравнению с 1959 г. они сократились почти на треть⁶⁴. По итогам года на счета капиталовложений колхозы смогли привлечь лишь 63,2% запланированной суммы (впрочем, среди областей Нечерноземья только кол- хозы Московской обл. перечислили всю положенную сумму). Остаток средств неделимых фондов на 1 января 1961 г. составил 400 тыс. руб., тогда как на 1 января 1960 г. — 500 тыс. Для сравнения, в середине 1950-х гг. он колебался в пределах 2,5–9 млн руб.⁶⁵ Даже в 1962 г. 61% хозяйств имел просроченную задолженность по краткосрочным ссудам на производственные затраты, у 64% отсутствовали средства на текущих счетах и счетах неделимых фондов⁶⁶. Что касается совхозов, то состояние их животноводства привело в 1960 г. к убыт- кам в 11,5 млн руб. С учётом 2,7 млн руб. прибыли от реализации продукции земледелия совхозы завершили год, не досчитавшись 9 млн руб.⁶⁷

Однако для московского руководства на первом месте, как представля- ется, находился не экономический, а политический резонанс. «Оргвыводы» из провала принятых обязательств грозили парализовать управление целыми макрорегионами. Поэтому в ЦК подходили к карьерам высокопоставленных «очковтирателей» деликатно. Хотя при обсуждении массовых нарушений при заготовке скота в РСФСР на заседании Президиума ЦК 11 октября 1960 г. часть его членов сочла, что обтекаемые призывы пресекать очковтирательство и наказывать виновных слишком либеральны, соответствующее постановление бюро ЦК по РСФСР от 1 ноября ими и ограничилось⁶⁸.

Почему же верхушку руководства Рязанской обл. сместили, а многие орга- низаторы борьбы за рекорд в Тульской обл. сохранили посты? Во-первых, здесь не выявили сопоставимых приписок. Основную вину за срыв обязательств

⁶² Там же, ф. П-177, оп. 29, д. 69, л. 87–98.

⁶³ Там же, оп. 30, д. 10, л. 27, 41, 52

⁶⁴ Народное хозяйство... / Отв. ред. В.М. Кучеров. С. 87, 176.

⁶⁵ РГАЭ, ф. 2324, оп. 27, д. 2416, л. 198, 199, 200; ф. 7480, оп. 5, д. 312, л. 59; д. 319, л. 39; д. 330, л. 36.

⁶⁶ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 2324, оп. 27, д. 2813, л. 42; Народное хозяйство... / Отв. ред. В.М. Кучеров. С. 80.

⁶⁷ Народное хозяйство РСФСР... С. 184.

⁶⁸ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. / Под ред. А.А. Фурсенко. М., 2004. С. 443–444, 1076; Регио- нальная политика Н.С. Хрущёва... С. 251–254.

Хрущёв возложил на главу областной организации КПСС. Обвинения, прозвучавшие в его адрес на январском (1961) пленуме ЦК, 30 января пересказал партактиву новый первый секретарь Чуканов. Речь шла о том, что Хворостухину якобы не давал покоя «ореол славы рязанских руководителей», хотя Хрущёв и предупреждал его «всё серьёзно просчитать». Он корил Хворостухина за нежелание уйти в отставку, называл «болтуном», из-за которых партию не будут уважать, упрекал за то, что тот так и не понял «всей глубины своей ответственности и политического банкротства — сидит, развалился и всё улыбается... Для Вас хорошо, что Вы ушли из Тулы, а то как бы Вы объяснили народу, почему имеются перебои в мясе, молоке. Ведь перебои в суп не положишь вместо мяса». Бывший первый секретарь якобы «ходил по организациям и говорил: “за что на меня напали, посылают послом в Монголию. Молотов был оппозиционер — его послали в Монголию, а я-то в оппозиции не состоял”»⁶⁹.

Собственную вину Чуканов видел в том, что на посту второго секретаря «не разглядел» исчезновение у Хворостухина «чувства объективности» и допустил срыв шефской помощи селу. Горбачёв руководил сельским хозяйством плохо, ему и его заместителю Гордиенко «нужно было поправить тов. Хворостухина. Ведь все расчёты по мясу им-то были наиболее ясны». Вина Гордиенко состояла также в неправильной кадровой политике в области сельского хозяйства и бездеятельности в вопросах механизации животноводства (последнее, как показано выше, не соответствовало действительности)⁷⁰. Секретарь обкома Г.Н. Игошев недостаточно контролировал облисполком и управление сельского хозяйства, должен был «принципиально поставить вопрос против безрассудных социалистических обязательств». Глава «мясной комиссии» Тимофеев фактически оказался выведен из-под критики, так как, неся «определённую ответственность за заготовки», не мог контролировать ни роста поголовья скота, ни увеличения его кормовой базы. Создание комиссии признали неправильным. Секретарь обкома В.Г. Мочалов, отвечавший за идеологию, «ослабил контроль за состоянием массово-политической работы на селе».

Критикуемые признали свою вину⁷¹. При очередных перевыборах бюро обкома за Игошевым оставили руководство сельхозотделом, за Мочаловым — отделами пропаганды и агитации, науки и школ⁷². Гордиенко, полагавшего, что невыполнение обязательств произошло как из-за плохой организации сельхозпроизводства (в чём он признавал вину и собственную, и руководства области), так и вследствие недостаточной обеспеченности села капиталовложениями (в чём, по его словам, повинны Госплан и Минсельхоз РСФСР), сняли с поста и.о. председателя облисполкома (на котором он сменил Горбачёва)⁷³. До октября 1961 г. он оставался членом бюро обкома, затем его переместили на должность начальника областного управления совхозов⁷⁴ — явное понижение в региональной иерархии. Сменившего его на посту заместителя председателя облисполкома С.Т. Тимофеева сняли с должности 18 июня 1964 г. за необеспечение руководства производством сельхозпродуктов, безынициативность и попытку самовыдвижения на пост председателя сельского облисполкома при

⁶⁹ ГА ТО, ф. П-177, оп. 31, д. 15, л. 26–28.

⁷⁰ Там же, л. 29–31.

⁷¹ Там же, л. 31–33, 227.

⁷² Там же, д. 26, л. 210.

⁷³ Там же, д. 15, л. 151–154.

⁷⁴ Там же, оп. 30, д. 85, л. 219; оп. 31, д. 15, л. 30; д. 22, л. 78, д. 26, л. 32.

реорганизации партийных и советских органов по решению ноябрьского (1962) пленума ЦК КПСС⁷⁵.

Жена секретаря облисполкома Полетаева, информированная о взаимоотношениях руководителей области, в письме Хрущёву сообщала: «Бывший председатель Тульского облисполкома Горбачёв пять лет руководил областью. Под сенью его широкой длани оставался не убраным хлеб на полях, погибал от бескормицы скот. Совхозы области давали многомиллионные убытки. Брались дутые обязательства, и в правительство шли лживые сводки... Бюро Тульского обкома КПСС и исполком областного Совета, членом которого являлся и мой муж, проявили о Горбачёве отеческие внимание и заботу, не так давно освободив его “по болезни”, оставив ему персональную дачу, и тоже бесплатно, разрешив ему покупку второй машины, всячески создавая ему славу незаменимого человека, незаслуженно обиженного работника». Тимофеева, ведавшего заготовками, понуждавшего районы сдавать маловесный скот и подорвавшего снабжение населения, «обком партии тихо, не вызывая шума, перевёл в облисполком на должность первого зама, доверив ему те же проваленные в обкоме партии заготовки, торговлю и проч.». Ни Горбачёв, ни Тимофеев, ни другие руководители не сделали, по её словам, правильных выводов: «5 апреля с.г. (1961 г. – *И.К.*) на открытом партсобрании Тульского облисполкома был выбран председателем партсобрания всё тот же пресловутый Горбачёв, он разразился страстной речью, в которой недвусмысленно сказал, что, мол, мы работали, не покладая рук, и мы не виноваты, что нас подвела Москва. На следующий день о его речи говорила вся Тула с ненужными комментариями»⁷⁶.

Тульский партхозактив оказался единодушен в оценке ситуации и наказаний для объявленных виноватыми. Так, Д.И. Кондрашов, в начале 1960-х гг. работавший секретарём Новомосковского горкома, а позднее – горисполкома, назвав Хворостухина одним из ближайших соратников Хрущёва в борьбе с «антипартийной группой», считает его, а также других секретарей обкомов КПСС «жертвами хрущёвской авантюры за три года догнать и перегнать США по производству мяса и молока»⁷⁷. Рязанские партийцы аналогично восприняли смещение и смерть Ларионова⁷⁸. Ответственность однозначно возлагалась на «первых», подчинённые же представлялись как не более чем исполнители. В этой связи характерно, что не привели к массовым отставкам среди тульского руководства ни разносы, которые Хрущёв устраивал Чуканову на партийных форумах в январе и феврале 1961 г., ни негодование от заросших сорняками полей, увиденных главой партии из окна поезда во время проезда по территории области летом того же года. Последнее лишь привело к немедленной замене Чуканова Юнаком, переведённым в Тулу с поста первого секретаря Днепропетровского обкома Компартии Украины⁷⁹. Большинство же секретарей горкомов и райкомов, председателей райисполкомов усидело в креслах. Работу многих из них, критиковавшуюся в письмах населения, обком оценивал позитивно. Оказалось «укреплено» руководство лишь двух районов, а секре-

⁷⁵ Там же, ф. П-163, оп. 1, д. 64, л. 203–207.

⁷⁶ Там же, ф. П-177, оп. 31, д. 104, л. 296 об.–297 об.

⁷⁷ *Кондрашов Д.И.* От прошлого – к будущему. О времени и о себе. М., 2018. С. 115–116.

⁷⁸ *Мазаев А.В.* Всё в памяти моей... Воспоминания секретаря обкома по селу. Рязань, 2011. С. 109; *Агарёв А.Ф.* Трагическая авантюра... С. 293–294.

⁷⁹ *Кондрашов Д.И.* От прошлого – к будущему... С. 115, 122; *Агарёв А.Ф.* Трагическая авантюра... С. 403–405.

тари Заокского райкома получили предупреждения за промахи в управлении сельским хозяйством. Работа шести райкомов и Сталиногорского горкома по управлению народным хозяйством вообще и сельским в частности оценивалась как удовлетворительная⁸⁰. Фактически в начале 1960-х гг. начала стихийно оформляться установка на «бережное отношение к кадрам», ставшая вскоре одним из главных лозунгов правления Л.И. Брежнева.

Таким образом, сравнение организации борьбы чиновничества «за большое мясо» в Тульской и Рязанской областях показывает, что в обоих случаях инициатива создания «маяков» производства мяса исходила от верховной власти. Местное руководство применяло при выполнении этой задачи чрезвычайные меры, несмотря на явно недостаточные ресурсы, и противодействовало попыткам дискредитировать эти усилия. Однако последствия «рязанского дела» для местных управленцев выглядят аномалией. В Тульской обл. не отмечено столь же массовых увольнений ответственных лиц, инициированных центром, местное руководство на это не пошло. Такой политический итог «мясной эпопеи» можно считать типичным для ряда областей Нечерноземья. В 1960–1961 гг. здесь лишились постов десять первых секретарей обкомов КПСС и шесть председателей облисполкомов (многие – за неудовлетворительное руководство сельским хозяйством, приписки и очковничество)⁸¹. Однако состав руководства большинства районов сохранил стабильность⁸². Более того, руководители, проявившие себя волевыми организаторами, в недалёком будущем возглавили парткомы укрупнённых колхозно-совхозных управлений и промышленных зон, созданные при разделении партийных организаций по производственному признаку⁸³.

⁸⁰ ГА ТО, ф. П-177, оп. 31, д. 22, л. 273; д. 83, л. 83, 285, 325; д. 85, л. 85; д. 92, л. 106; д. 101, л. 161–162; д. 102, л. 278; д. 103, л. 227–228; оп. 32, д. 72, л. 47; д. 93, л. 144; д. 94, л. 44; д. 98, л. 19.

⁸¹ Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 646, 660, 662, 672, 673, 685, 687, 689, 703, 707, 725, 727.

⁸² Государственный архив Орловской области, ф. П-52, оп. 323, д. 1875, л. 167–167 об., 180–180 об.; Тверской центр документов новейшей истории, ф. П-147, оп. 6, д. 692, л. 14–14 об., 17–17 об.; Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области, ф. П-272, оп. 227, д. 629, л. 9–9 об., 12–12 об.; Государственный архив документов новейшей истории Калужской области, ф. П-55, оп. 9, д. 951, л. 51, 52.

⁸³ КПСС в резолюциях... Т. 10. М., 1986. С. 288–293; Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени... Т. 2. С. 672–684.

Нэнси Шилдс Коллманн

**Рец. на: Очерки истории уголовно-исправительной системы /
Под ред. С.С. Выхоря, А.В. Сумина. Иваново: ПресСто, 2019. 468 с.***

*Nancy Shields Kollmann
(Stanford University, USA)*

Rec. ad op.: Ocherki istorii ugovovno-ispravitel'noy sistemy. Ivanovo, 2019

DOI: 10.31857/S0869568722040239, EDN: JVBQMPD

История русских уголовно-исполнительных норм и практик представляет большой интерес для исследователей, особенно ранние её этапы, недостаточно разработанные в историографии. Поэтому выход коллективной монографии, посвящённой системе исполнения уголовных наказаний в России, начиная с домонгольского периода и заканчивая серединой XIX в., является весьма актуальным. В предисловии к изданию начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России А.П. Скиба предложил рассматривать его в контексте текущих проблем, связанных с модернизацией уголовного права и практики в России.

К счастью, авторам книги не пришлось связывать свои работы с проблемами сегодняшнего дня. Они позволили истории говорить самой за себя. Авторский коллектив, представленный сотрудниками воронежских и других региональных вузов, а также московских университетов и исследовательских институтов, несомненно, сформировался под влиянием идей декана исторического факультета Воронежского государственного университета В.Н. Глазьева. Его работы, в том числе новаторская монография

«Власть и общество на юге России в XVII веке»¹, доказали ценность использования местных архивных дел для раскрытия фактического функционирования «автократического» государства. Авторы монографии также поставили цель продемонстрировать ценность местных архивных источников. Действительно, в книге опубликовано более 50 документов о заключении, ссылке и побегах из тюрем. Для написания очерков привлекались материалы областных архивов Воронежа, Липецка и Нижнего Новгорода, а также РГАДА, РГИА, ЦГА Москвы и СПБ ИИ РАН.

Приоритетное внимание в монографии уделено двум темам: применению смертной казни (от Киевской Руси до XVIII в.) и практике лишения свободы. Часть очерков представляют собой своего рода краткие микроистории, т.е. развёрнутые рассказы, в других общая тема подкреплена авторскими аргументами и приводится множество кратких примеров из судебных дел и других документов. Из книги становится ясным, что «тюремная» система Русского государства радикально отличалась от современной. «Лишение свободы», как правило, являлось не наказанием, назначаемым су-

* Книга издана при финансовой поддержке Воронежского института ФСИН России.

Перевод рецензии: Мурсалимов Константин Александрович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербург; Марков Александр Сергеевич, Воронеж.

дом, а временным заключением. Дело в том, что законы о грабежах 1550-х гг. и Соборное уложение 1649 г. предусматривали тюремное заключение за тяжкие преступления в дополнение к телесным наказаниям, но я обнаружила, что суды пренебрегали тюрьмой и немедленно назначали телесные наказания, а в XVII в. — ссылку².

Заключение использовалось в основном во время судебных процессов, но применялось и для других целей. Так, М.В. Моисеев напомнил, что в XVI и XVII вв. дипломатической неприкосновенности не существовало (с. 220–228). В его подробном обзоре, а также в исследованиях А.В. Белякова и А.В. Топычканова показано, как ссылка и тюрьма использовались в качестве инструмента дипломатических переговоров. А.В. Морохин и А.В. Сироткин, рассказывая о содержании в Кирилло-Белозерском монастыре нижегородского митрополита Исая в 1708–1720 гг., подчеркнули, что длительное заключение назначалось судом в качестве наказания по делам, связанным с моральным испулением (с. 272–276).

Монастыри часто использовались как тюрьмы, поскольку они обеспечивали более жёсткий и строгий контроль. На это обратил внимание Морохин в исследовании о деле нижегородских старообрядцев. В качестве альтернативы элиту часто отправляли в монастырские «тюрьмы», поскольку они считались «самыми суровыми по сравнению с другими местами заключения» (с. 342). Так, сибирский царевич Аблай бен Ишим и митрополит Исая содержались в тюрьме Кирилло-Белозерского монастыря. Учитывая неэффективность судебной системы, многие люди томились в местах заключения годами, как показано в реестре тюрем Белгорода за 1676 г., обнаруженном О.В. Скобелкиным (с. 338–341).

Как правило, в уголовной практике и законодательстве Русского государства под «лишением свободы» понималось заключение под стражу на время судебного разбирательства подсудимых, истцов и даже свидетелей, если они не были отпущены на поруки. Такая мера пресечения применялась достаточно широко и отнюдь не сводилась к помещению подследственных в специально построенных для этого сооружениях, на что обратил внимание А.В. Сумин в подробном обзоре мест заключения и их персонала (с. 175–186). Местным воеводам или губным старостам следовало построить тюрьмы — одну для правонарушений («опальную») и одну для тяжких преступлений («разбойную»), а в идеале также и с отдельными помещениями для мужчин и женщин. Как отметил Д.В. Лисейцев, в Москве в большинстве канцелярий, например, в Разрядном приказе, было выделено несколько комнат для содержания людей с охраной («за сторожем», «за решеткой», «казенка») (с. 187–195). Для некоторых канцелярий потребность в тюрьмах была значительной. Так, А.Г. Гуськов рассказал, как в XVII в. Посольский приказ в силу своей широкой географической юрисдикции возвёл специально спроектированное тюремное здание и нанял многочисленный персонал, иногда пополнявшийся московскими стрельцами (с. 196–211). Однако, по наблюдениям Е.В. Акельева, к середине XVII в. многие мелкие канцелярские «тюрьмы» объединились в Большую московскую тюрьму (с. 289–307).

Достичь цели «лишения свободы» в Российском государстве, таким образом, оказывалось сложно. В провинции было непросто содержать даже одну тюрьму. В.Н. Глазев подробно описал, как некоторые крестьяне Воронежа отказывались участвовать в строительстве такого учреждения;

деревянная тюрьма, построенная в 1628 г., к 1635 г. уже находилась в руинах, и крестьянская община согласилась лишь отремонтировать её, но не перестраивать (с. 308–319). Спустя сто лет подобная история имела место и в Ельце, где, как показал Д.А. Ляпин, в качестве тюрем приходилось использовать амбары, поскольку общины отказывались строить помещения для заключённых (с. 320–330).

Воеводы и губные старосты испытывали проблемы не только со строительством тюрем, но и с контролем над ними. Очерк А.Е. Барышниковой о каширской темнице представляет собой весьма интересное исследование о повседневных проблемах, связанных с набором кадров и управлением местной тюрьмой (с. 331–337). Крестьянские общины ежегодно предоставляли персонал для охраны, а дворянство выбирало из своих рядов начальника тюрьмы («дворского»). Однако часто общины не могли обеспечить достаточного числа охранников, и С.С. Выхорь привёл несколько примеров, когда в Москве и в уездах приходилось привлекать к этому занятию стрельцов (с. 209–211). Разумеется, такая тюремная охрана оказывалась очень ненадёжной: когда охранники бывали пьяны или подкуплены, совершить побег не составляло особого труда.

Большой проблемой оказывался и поиск палачей³. В отличие, например, от Германии раннего Нового времени и ряда других государств, где это была наследственная профессия, в России палачей также выбирала община, однако никто не хотел соглашаться выполнять такого рода обязанности. В годы правления Петра I к ней принуждали бродяг или преступников. Н.А. Комолов привёл уникальный источник — список палачей Екатеринбургского наместничества 1835 г., в котором указаны их возраст, семейное положение и другие личные дан-

ные. Практически все перечисленные в списке взялись за работу, чтобы избежать телесных наказаний, и отработали на удивление долго (с. 116–127).

Общины изо всех сил отбивались и от продовольственного обеспечения заключённых. О.И. Куприянова показала, что за содержание в тюрьме обвиняемого должника в XVIII в. отвечал его кредитор, но, как правило, обеспечивать ежедневное содержание арестантов должно было государство. Еды обычно не хватало, поэтому семьям разрешалось приносить провизию, а заключённых выводили на улицу для сбора милостыни (с. 212–219). Это не добавляло порядка в учреждениях, где и без того отсутствовала строгая дисциплина. Топычканов продемонстрировал, как окружение посла в Галиче жило на постоялом дворе, ходило по округе с ножами и покупало меха на рынке (с. 258–271); Акельев описал, как охранники и заключённые вместе пили в кабаках возле Большой московской тюрьмы (с. 289–307).

Одно из больших преимуществ использования локальных источников — получение самых неожиданных данных, которые нельзя увидеть сквозь призму формального законодательства. Глазьев, Сумин и Ляпин отметили, что тюремные сообщества самоорганизовывались, выбирая заключённых, находящихся под стражей дольше всего, старостами и собирая средства на общие нужды. По мнению Ляпина, старосты часто улаживали споры между арестантами, чтобы лишний раз не привлекать внимание чиновников (с. 320–330). Барышникова продемонстрировала сотрудничество губных старост четырёх городов — Кашир, Серпухова, Коломны и Зарайска (с. 331–337), тогда как Глазьев показал напряжённость между воеводами и губными старостами в Воронеже (с. 308–319).

М.Н. Фурсов, определяя местонахождение крупных тюрем Москвы, использовал археологические находки кандалов (иллюстрации 3–20). Судя по его комментарию о том, что каждый набор изготовлен индивидуально, а не стандартизирован, кузнецы, как правило, создавали предметы на заказ (с. 277–288). Увлекательная статья А.И. Папкова о волнах миграции украинцев на восток, спасающихся от потрясений эпохи, которую украинская историография называет «Руиной», показывает, насколько сложно было интегрировать этих независимо мыслящих «черкасов» в русскую службу. После их неоднократных побегов местные власти обнаружили, что далёкая ссылка оказалась лучшей альтернативой для этой части населения, чем тюрьма (с. 348–362). Иногда источники раскрывают удивительные подробности. Папков, например, подробно описал культурный конфликт, связанный с обязанностью жены присоединиться к мужу в изгнании, а в очерке Белякова приводится история о том, как царевич Аблай, находившийся в ссылке на Белоозере, получил от своей супруги косу и отправил ей взамен свою (с. 252).

Очерки рецензируемой коллективной монографии затрагивают и другие важные проблемы. Так, П.В. Лукин убедительно показал, что в Киевской Руси смертной казни как таковой не существовало, хотя некоторые своды законов допускали процессуальное убийство виновного семьёй жертвы. Казнь как приговор, налагаемый государством, фигурирует в сборниках законов городских общин, связанных с балтийским торговым миром (Псков и Двина), начиная с конца XIV в., и окончательно такая мера наказания закрепились в Судебнике 1497 г. (с. 14–51). Интересны и статьи об этимологии термина «тюрьма». А.В. Сумин и В.В. Тишин согласны с тем, что

это слово произошло не из немецкого и не из турецкого языков. Но, как отметил Сумин, этот термин мог быть принесён итальянцем, прибывшим в Москву (также можно упомянуть диаспору греков, живших в Италии) во времена Ивана III (с. 128–174).

Разница между убийствами в Киевской Руси и «смертной казнью» заключается в государственном аппарате, который Д. Кайзер назвал «триадным» соблюдением государственных интересов. Судебный аппарат государства должен был включать писаный закон, суды и должностных лиц для надзора за судебным процессом и наказанием. Всё это возникло во времена Ивана III и является характерной чертой раннего Нового времени. Однако нельзя сказать, что до появления «триадного» государства преступников не казнили. В частности, о казнях при дворе монгольского хана рассказал Ю.В. Селезнёв. Он описал ритуальные аспекты монгольского суда – казни безлунными ночами, убийства без пролития крови и др. (с. 51–88).

Часть очерков посвящены истории XVIII в. Так, Акельев продемонстрировал, что вид и вопли голодных заключённых, просящих милостыню в окровавленных после пыток рубашках, были «нормальным» зрелищем в Москве примерно до 1740-х гг. В 1750-х гг. дворцовое ведомство приказало перенести Большую московскую тюрьму, расположенную у кремлёвских стен, на окраину города. Новый тюремный ансамбль было велено построить без окон на улицу; персонал, включая палача с его инструментами (кнут, батоги, кандалы, штампы для клеймения), следовало скрывать от общества (с. 289–307).

Исследование Е.Н. Марасиновой о «моратории» императрицы Елизаветы на смертную казнь связывает Россию с тенденциями, имевшими место в европейских государствах, в частно-

сти, с появлением гуманистических ценностей. Марасинова не говорит о том, что российский «мораторий» на казни был вдохновлён только «цивилизованными ценностями». На Елизавету могли повлиять её религиозные сомнения, или она могла понять, что запрет являлся хорошим решением для элиты, которая только что посадила её на трон. Но Сенат действовал «прагматично». Когда он, наконец, отреагировал на приказ императрицы прекратить «естественные» казни, они заменили континуум наказаний от символического лишения статуса и чести для элиты («политическая смерть» по терминологии Марасиновой) до клеймения, ссылки и каторжных работ для простолюдинов (с. 89–127).

Очерк Марасиновой, как и многие иные в рецензируемой коллективной монографии, примечателен и в другом смысле. Все они показывают, что «отмена» смертной казни, по сути, не была процессом. Это решение продвигалось медленно — от желаний императрицы в 1740-х гг. к скупым ответам Сената десять лет спустя, без публичных заявлений, без окончательных определений и с полной непоследовательностью терминологии. Марасинова демонстрирует хаос уголовно-правового законодательства на самом вершине, в то время как большинство других авторов обращают внимание на аналогичный беспорядок в исполнении законов на местах, в московских тюрьмах или провинциальных приказных избах.

Но представленная монография показывает, что претворить в жизнь такое «автократическое» единообразие было сложно, будь то в приказной избе или во взаимоотношениях между Сенатом и императрицей. Это не означает, что Россия не являлась «автократией», скорее, «автократия» оказалась более сложной и динамичной, нежели предполагает этот термин. Исследования, подобные рецензируемому, ставят под сомнение общепринятое мнение и предоставляют основанные на фактах картины более сложной и открытой исторической реальности.

Изучение смертной казни и тюрем в России раннего Нового времени может не иметь прямого отношения к интересам Федеральной службы исполнения наказаний России, оно даёт мало прямых моделей для современной пенитенциарной системы. Однако рецензируемое издание заложило прочную основу для более тонкого понимания российской судебной системы и исторического прошлого.

Примечания

¹ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

² Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / [Пер. с англ. П.И. Прудовского и др.]. М., 2016.

³ Schrader A.M. Languages of the lash: corporal punishment and identity in Imperial Russia. DeKalb (Ill.), 2002.

Николай Никитин

Рец. на: Служилые люди Сибири конца XVI – XVIII века: библиографический словарь / Сост. И.П. Каменецкий, Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с.

Nikolay Nikitin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Sluzhilye liudi Sibiri kontsa XVI – XVIII veka: biobibliograficheskiy slovar'. Moscow; Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722040240, EDN: JBTUDO

Сибиреведам хорошо известны многочисленные печатные труды Д.Я. Резуна (1945–2012), который внёс огромный вклад в изучение прошлого зауральских земель. Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник и заведующий сектором феодализма Института истории Сибирского отделения РАН Дмитрий Яковлевич Резун зарекомендовал себя как глубокий исследователь комплексных проблем истории городов, торговли и купечества Сибири XVII–XIX вв. На закате дней важное место в его творчестве заняло сравнительное изучение русской колонизации Сибири и западноевропейской – Америки. Резун проявлял интерес и к ещё одной теме – истории служилого населения Сибири.

К 1980-м гг. произошли серьёзные сдвиги в подходе к «главному вопросу сибиреведения» – о роли различных социальных сил в присоединении к России зауральских территорий и первом этапе их освоения. Вместо доминировавшей в историографии с 1950-х гг. концепции, отводившей главную роль в этом процессе крестьянству (как «главной производительной силе феодального общества») и вольнонародной колонизации, в литературе всё более утверждалась точка зрения, согласно которой в продвижении российских пределов на восток

определяющей (или, по крайней мере, не меньшей, чем «простого народа») была роль государства, а главной и самой значимой фигурой в Сибири вплоть до конца XVII в. являлся служилый человек¹. Основывалось это мнение на большом объёме архивного материала, постоянно вводимого исследователями в научный оборот, и Д.Я. Резун с конца 1980-х гг. активно включился в его изучение и пополнение.

В первую очередь его заинтересовал ряд выдающихся представителей сибирского «служилого мира», оставивших яркий след в истории региона. Собранные о них сведения Резуну удалось мастерски обобщить в одной из книг². В рамках этой темы его более всего привлекли «экзотические» группы сибирского служилого населения – заброшенные волею судеб за Урал поляки, «литва», немцы и прочие выходцы из Западной Европы, которым он посвятил несколько отдельных работ³. Но они были лишь «видимой частью айсберга» того материала о служилых людях, которым располагал к концу жизни исследователь. Как выяснилось, он поставил перед собой амбициозную задачу: собрать, систематизировать и опубликовать содержащиеся в работах историков, документальных публикациях и архивных фондах сведения биогра-

фического характера о *всех* служилых людях Сибири XVII в.

Задача эта, конечно, оказалась неподъёмной для одного человека, но частично свои намерения Резуну реализовать удалось. В начале 2000-х гг. в разных изданиях вышли фрагменты составляемого им «Именного и биографического словаря» сибирских служилых людей⁴, однако основная масса уже собранного для этого словаря материала так и осталась в личном архиве историка и увидела свет уже после его кончины, в 2020 г., благодаря титаническим усилиям его учеников, прежде всего И.П. Каменецкого.

Книга объёмом 124 печатных листа содержит сведения о 20 тыс. представителей служилого сословия Сибири — с именами, биографическими данными и ссылками на источники, и уже сам объём этого издания производит впечатление и вызывает уважение к проделанной Резуном и его учениками работе. Содержание тоже не разочарует читателя: перед ним во всём разнообразии предстанет «служилый мир» Сибири, в который входили казаки и стрельцы, пушкарки и затинщики, дети боярские и дворяне — те социальные группы российского общества, которые, по выражению выдающегося историка-архивиста Н.Н. Оглоблина, вынесли «на своих плечах всё дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти»⁵.

Подробную информацию о человеке того времени редко можно найти в сколь-нибудь компактном виде, и Резун собирал материал буквально по крупицам, используя, помимо работ историков, разнообразные источники — как опубликованные, так и архивные: «именные книги» сибирских гарнизонов, дозорные, переписные и таможенные книги, «актовый материал». По собственному опыту знаю, с какими трудностями на этом пути

сталкивается исследователь, и первая из них — слабое развитие канцелярских формальностей в Московском государстве XVII в.⁶, выражающееся, в частности, в поразительном разном в написании и сочетании имён, прозвищ и фамилий одних и тех же людей, не позволяющем в ряде случаев произвести их убедительную идентификацию. Но Резун, судя по его картотеке, с этой проблемой в основном справился, и в результате мы имеем возможность ознакомиться с целой галереей интереснейших личностей, представлявших различные типы «покорителей» и «преобразователей» Сибири.

Материал этот, конечно, не равноценен и не равнозначен. Об одних лицах в «Словаре» содержатся сведения самого широкого спектра (о происхождении, местах проживания, социальном статусе, службе и карьерном росте, жалованье, хозяйственных занятиях и жизненных коллизиях, которые могли бы лечь в основу остросюжетного романа), а о других информация крайне скудна — лишь имя да «чин». Но в своей совокупности приведённые в картотеке Резуна данные интересны не только специалистам по ономастике, любителям занимательного чтения или генеалогических изысканий, но и исследователям важных проблем сибиреведения.

Остановлюсь лишь на одной из них, не самой сложной, но часто в последнее время обсуждаемой — об этническом составе сибирских гарнизонов. Общим местом в сибиреведении давно является мнение о полиэтничности сибирского «служилого мира», и оно имеет под собой основания. Определение «на государеву службу» всякого рода «иноземцев» было обычной практикой московского правительства, а Сибирь по причине своей отдалённости являлась удобным местом ссылки пленных, захваченных в пер-

манентных русско-польских и русско-шведских войнах. Ссылали за Урал и тех «иноземцев», которые, находясь на русской службе, попадали в опалу. Кроме того, в Сибири нередко верстали в стрельцы и казаки выходцев из народов Волго-Уральского региона, захваченных русской переселенческой волной, а также крестившихся представителей аборигенного населения.

Эти известные факты с недавних пор стали трактоваться некоторыми сибиреведами (включая Резуна) весьма оригинально. В их работах бездоказательно приводятся порой невероятные цифры численности за Уралом выходцев из Речи Посполитой и других западноевропейских стран — до 40–60% личного состава гарнизонов⁷, и делается заключение, что эти «иноземцы» оказали столь сильное влияние на менталитет русскоязычных жителей Сибири, что придали ему черты приверженности «ориентирам либерализма и гражданского общества» и тем самым содействовали превращению сибиряков в особый субэтнос⁸. Не берусь судить о том, насколько «либеральны» по своим взглядам были польско-литовские шляхтичи, их челядь, запорожские казаки и западноевропейские наёмники, оказавшиеся волею судеб на сибирской службе, и какое влияние они могли оказать на местное население (а оно, конечно, не ограничивалось служилыми людьми — к концу XVII в. большинство осевших за Уралом переселенцев составляли уже крестьяне), но численность выходцев из «западного порубежья» была Резуном и его единомышленниками явно завышена, о чём свидетельствуют и данные рецензируемого библиографического словаря.

На первый взгляд, «иноземцев» в нём действительно много — чувствуется увлечение Резуна прежде всего «иноземной» частью сибирского

воинского контингента. Но их «удельный вес» в общей массе персонажей его картотеки всё же не так велик, как можно было бы предположить, руководствуясь вышеприведёнными цифрами. Этническая принадлежность в «Словаре» указывается сравнительно редко, гораздо чаще о ней можно судить по фамилиям и прозвищам топонимического или этнического характера — «Немчин», «Поляк», «Устюжанин», «Москвитин». Об исчерпывающе полной картине при их систематизации говорить, конечно, не приходится: «иноземцы» в Сибири могли носить типично русские и этнически нейтральные фамилии и прозвища, многие сохраняли свои польские и даже немецкие (как правило искажённые на русский лад) фамилии, не имеющие «топонимического» и «этнического» звучания. У абсолютного большинства русских оно чаще всего отсутствовало, а кого-то из них могли называть «поляком» или, допустим, «турком» лишь потому, что они побывали в Польше или Турции. Тем не менее полагаю, что приблизительную картину этнического многообразия сибирских гарнизонов фамилии и прозвища «этно-топонимического» характера отразить могут.

В «Словаре» Резуна, по моим подсчётам, Черкашенов и Черкашениновых значится 65 человек, Немчинов, Немчиновых и Немцовых — 46, Литвинов и Литвиновых — 36, Венгерских, Венгриновых и Венгреных — 21, Угренинов и Угрениновых — 13, Поляков и Поляковых — 10, Могилевцев — 4. Присовокупим к ним на всякий случай одного Русина и 12 Русиновых, которые могут быть связаны происхождением с одноимённой этнической группой Закарпатья. К выходцам с Запада можно условно отнести Иноземцев и Иноземцевых (10 человек). Итого в совокупности 243 человека, т.е. 1,2% от всех указан-

ных в «Словаре» лиц (20 тыс.). Сама по себе эта цифра, конечно, мало что означает: она приобретает смысл лишь при сравнениях.

Поэтому приведу данные о прозвищах и фамилиях, производных от названий городов и земель европейской части России. В «Словаре» 77 человек названы Казанцами и Казанцевыми, 68 — Устюжанами, 64 — Вяткиными и Вятчанами, 62 — Колмогорцами и Колмогоровыми, 51 — Вычегжанами и Вычегжаниновыми, 48 — Москвитиновыми, 38 — Астраханцами и Астраханцевыми, по 31 — Усольцами, Вязиными и Вязмитиновыми, 29 — Каргопольцами и Каргополами, по 28 — Ярославцами, Мезенцами и Мезенцевыми, 26 — Вологжанами, 23 — Новгородцами и Новгородцевыми, 22 — Пинежанами, 19 — Тулениными и Тулениновыми, 18 — Тверитиновыми и Тверскими, по 17 — Вилегжанами и Галичанами, 16 — Костромитиновыми и Костромиными, 15 — Терскими, по 12 — Пустозерцами, Сысольцами и Сысолетинами, по 10 — Донскими, Кашинцами, Кашинцевыми и Тотменинами, по 9 — Калугиными, Муромцевыми, Суздальцами и Суздальцевыми, по 8 — Нижегородцами и Свяженцами, 7 — Поморцами, 6 — Хлыновскими, по 5 — Кайгородцами, Кайгородовыми и Кологривовыми, 4 — Арзамасцами и Арзамасовцами. По трое служилых были связаны фамилиями с городами Переславль, Темников и Чёрный Яр, по двое — с Псковом, Звенигородом и Заонежьем. Итого получается 867 человек, а это 4,3% от общего количества приведённых в «Словаре» Резуна персон.

Таким образом, соотношение служилых условно «западного» и «русского» происхождения выглядит как один к четырём, т.е. противоречит вышеуказанному мнению о численности лиц «польско-литовского» происхождения в сибирских гарнизонах.

Просмотр «Словаря» сквозь «призму ономастики» лишний раз подтверждает давний вывод историков о русском, преимущественно поморском и поволжском, происхождении большинства служилых людей Сибири.

Но, как отмечалось, служилые с нерусскими корнями были представлены в Сибири и другими (не «западными») народами, и сведения о них в рецензируемом «Словаре» не менее любопытны. В нём оказалось 50 человек с «южными» фамилиями и прозвищами, из них 21 — Гречаниновы, 20 — Волошанины и 9 — Турчаниновы. Помимо них упоминаются 193 человека с фамилиями и прозвищами хоть и не русского, но вполне «российского» звучания. Из них 64 человека — Зыряне и Зыряновы, 34 — Пермяковы и Пермитиновы, 18 — Татары и Татариновы, 10 — Калмаки и Калмаковы, 1 Мордвин, 1 Мордовцев, 2 Тунгуса и, наконец, 63 имели прозвище Новокрещен, а так обычно называли выходцев из сибирских аборигенов. Всего, таким образом, получается тоже 243 человека, но их крайне трудно причислить к представителям западной цивилизации.

Публикаторы картотеки Резуна вполне отдавали себе отчёт в том, что она не охватывает всего служилого населения Сибири XVII — начала XVIII в. Каждый, кто целенаправленно занимался теми же сюжетами, может этот список существенно дополнить. Досадно, что в нём не оказалось некоторых лиц, хорошо известных составителю (например, «иноземца» Саввы Француженина, которому он посвятил несколько страниц своей книги⁹).

Работу над «Словарём» прервала кончина автора, и её незавершённость, несмотря на все усилия его учеников, местами всё же ощущается. Не все имена из рукописной картотеки Резуна им удалось разобрать

и правильно прочитать. В «Словаре» немало лиц с неоправданно краткими «персональными данными». Например, на с. 576 читаем: «Михин Елешка Юрьев — енисейский стрелец с окладом 5 руб. (1637)». И о нём, и о многих других служилых, столь же кратко обозначенных в «Словаре», в «именных книгах» соответствующих городов можно без особого труда найти сведения как минимум ещё о хлебном и соляном жалованье, и не только за один год. Резун наверняка сделал бы это.

О том же свидетельствует наличие в его картотеке случайных лиц. И если некоторых из них (например, подьячего Ивана Беседнова или сторожа приказной избы Якунку Ворохобина) условно ещё можно отнести к служилым людям, то признать таковыми «жену казака» Феклицу или «казачьего сына» Андрея Грошевского — затруднительно. И тем более непонятно присутствие в «Словаре» персон, обозначенных лишь как «верхотурский житель» или «томский житель» (с. 523).

Вряд ли оправданно считать представителями разных фамилий Микифоровых и Никифоровых, Микитиных и Никитиных, Анисимовых и Онисимовых, Каргаполовых и Каргополовых и т.п. Явные родственники в одних случаях сгруппированы в «Словаре» в соответствующие кланы (например, Паламошные), а в других (например, Грозины) — перечислены отдельно друг от друга. В биобиблиографических словарях желательнее единообразие в подаче материала.

Эти и им подобные недоработки, конечно же, не умаляют значения рецензируемого издания для исторической науки. Представленный в нём материал достаточно репрезентативен, чтобы содействовать формированию верных представлений о месте и роли служилого населения в исторических судьбах Си-

бири. И не только её. Достаточно сказать, что из «Словаря» любознательный читатель может узнать малоизвестные подробности родословной столь значимых для истории нашей страны личностей, как выдающийся учёный-энциклопедист Д.И. Менделеев (с. 554), художник В.И. Суриков (с. 812) или авиаконструктор А.Н. Туполев (с. 864), ведь они являлись далёкими потомками сибирских служилых людей¹⁰.

И поскольку «мечтать не вредно», хочется надеяться, что на рецензируемом издании работа по сбору и систематизации биографических данных о сибирских служилых людях не закончится, и «Словарь» Д.Я. Резуна станет основой для будущей электронной базы таких сведений, созданной коллективными усилиями историков-сибиреведов. Да и о других категориях сибирского населения не лишне проявить соответствующую заботу, тем более что и здесь определённый задел уже есть. Стараниями Резуна и его коллег в 1990-х гг. была издана «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири», содержащая в том числе и биографические данные о сибирских купцах и предпринимателях¹¹. Так что у нас есть основания ожидать появления новых биобиблиографических словарей, охватывающих самые разные категории населения России.

Примечания

¹ *Никитин Н.И.* Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специализированного изучения // *Российская история.* 2014. № 3. С. 72–90.

² *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.

³ *Раев Д.В., Резун Д.Я.* «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // *Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.* Екатеринбург, 1993. С. 37–45; *Раев Д.В., Резун Д.Я.* О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. // *Сибирский плавильный*

котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 13–21; Резун Д.Я. Выходцы из стран Западной и Центральной Европы на русскую казачью службу в Сибири в XVII в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Материалы научной конференции. Новосибирск, 1996. С. 83–86.

⁴ Резун Д.Я. Именной и биографический словарь «немцев» в Сибири XVII в. // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 67–77; Резун Д.Я. Именной биографический словарь служилых людей // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 3. Новосибирск, 2000. С. 142–146; Вып. 5. Новосибирск, 2003. С. 184–194; Вып. 6. Новосибирск, 2004. С. 85–95 (в 1, 2 и 4-м выпусках аналогичные списки на основе картотеки Резуна составили его ученики И.Р. Соколовский и З.В. Башкатова).

⁵ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. М., 1900. С. 104.

⁶ Оглоблин Н.Н. Обзорение историко-географических материалов XVII – начала XVIII в., заключающихся в книгах Разрядного приказа. М., 1984. С. 26.

⁷ Цифру в 40% называет Л.В. Дмитриева (Дмитриева Л.В. Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI – начала XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Гер-

цена. Общественные и гуманитарные науки (философия). Т. 5. № 10. СПб., 2005. С. 301). Резун, утверждая, что «по некоторым данным», число «служилых польского происхождения... в XVII в. достигало 5–6 тыс. человек (Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 82), увеличивает эту долю фактически до 50–60%, ибо общая численность сибирских гарнизонов к концу XVII в. составляла около 10 тыс. человек.

⁸ Шерстова Л.И. Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 25–27; Аняньев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.В., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск, 2006. С. 192–193.

⁹ Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 209–211.

¹⁰ Относительно А.Н. Туполева в «Словаре» Резуна таких указаний нет, но соответствующие доказательства приводятся другими исследователями (см., например: Бондарев Е. Сибирские корни авиаконструктора А.Н. Туполева // Отчёт Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». 2018. Тобольск, 2019. С. 473–487).

¹¹ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4 т. Новосибирск, 1994–1999.

Виктория Марасанова

Региональная власть в личном измерении*

Victoria Marasanova

(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia)

Regional power in the personal dimension

DOI: 10.31857/S0869568722040252, EDN: JBTWZF

В отечественной исторической науке за последние десятилетия сложились устойчивые традиции изучения института губернаторства и бюрократии Российской империи. Своё развитие они получили и в монографии А.С. Кравчука, освещающей дея-

тельность тех, кто руководил Таврической губ. в первой половине XIX в. Губернаторы являлись центральным звеном местного управления и решали множество текущих задач политического, экономического, социального, культурного и военного характера.

* Кравчук А.С. Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 243 с.

В условиях пограничья и важного стратегического положения Крымского полуострова, где базировался Черноморский флот, роль губернаторов приобретала особое значение. Им также приходилось заниматься включением Тавриды в общеимперские структуры, что было весьма непросто в условиях хозяйственной разрухи в регионе и его недостаточного финансирования. Удалённость от центра империи, неравномерное заселение, транспортные проблемы и т.п. требовали от администраторов постоянных усилий и незаурядных способностей.

Монография Кравчука подготовлена на основе материалов как местных (прежде всего Государственный архив Республики Крым), так и центральных архивохранилищ (РГИА, Отдел рукописей РНБ). Особенно значимым представляется привлечение множества документов из Государственного архива Одесской области. Использование мемуаров, записок путешественников и эпистолярия позволило более точно воссоздать картину происходивших событий и выявить неформальные методы властвования, скрытые в официальной делопроизводственной переписке.

В книге анализируется специфика административных преобразований в губернии, которая организовывалась «на особых условиях» (с. 33–34) вследствие разделения Новороссийской губ. на три отдельных административных единицы. На практике устройство Тавриды мало чем отличалось от прочих губерний, разве что губернское правление носило название «правительства». Однако положение таврических губернаторов было своеобразным: по ряду дел они подчинялись херсонскому военному губернатору. Кроме того, их власть не распространялась на Севастополь как базу Черноморского флота, градоначальства (Керчь-Еникальское и Феодосийское)

и иностранных колонистов, которыми заведовала Новороссийская контора опекунов (с. 53–56). Всё это накладывало отпечаток на действия «хозяина» губернии и вело к неразберихе и конфликтам с другими структурами и должностными лицами.

В двух главах прослеживаются биографии и индивидуальные особенности деятельности таврических гражданских губернаторов. Сквозь эту призму раскрыты основные сюжеты истории региона в первой половине XIX в.: развитие логистики (строительство дорог, почтовых станций, создание портовой инфраструктуры) и хозяйства (в особенности садоводства и виноделия), способы борьбы с эпидемиями оспы и чумы. Автору удалось выявить личностные взаимоотношения в среде местной бюрократии, часто определявшие успехи и неудачи её начинаний.

Особенно интересны переплетения судеб отдельных администраторов. Так, деятельный Д.Б. Мертваго, попав в опалу после воцарения Александра I, всю жизнь стремился восстановить свою репутацию «честного чиновника» (с. 73). Именно он стабилизировал ситуацию на полуострове после создания губернии, возглавлял Комиссию по разрешению земельных споров, вместе с П.С. Палласом основал Крымское виноградное училище, занимался формированием крымско-татарских конных полков во время войн с Наполеоном, выступил с инициативой создания духовного правления для мусульман Крыма (с. 85).

Совершенно другим типом бюрократа был А.М. Бороздин, получивший прекрасное образование и за годы, проведённые во главе края, ставший одним из крупнейших крымских землевладельцев (с. 105). На его долю пришлась борьба с чумой в Феодосии, которую сложно назвать успешной. Также он подготовил целый ряд

проектов развития Крыма, многие из которых оказались совершенно оторваны от реальности и потому не получили поддержку в Петербурге. Тогда губернатор попытался реализовать часть из них на собственные средства в своих имениях (с. 95). При этом длительное время Бороздин лишь номинально считался руководителем края, на деле же всем распоряжался вице-губернатор А.И. Шостак (с. 92).

На протяжении всей монографии автор справедливо указывает на то, что деятельность чиновников, стоявших во главе Таврической губ., определялась не только политикой правительства, но и личными мотивами. К тому же при Александре I местные губернаторы являлись достаточно самостоятельными фигурами, а не только «техническими» исполнителями воли монарха и министерств. В частности, они неоднократно составляли собственные проекты развития региона и выступали с различными инициативами.

Важнейшей заботой для начальства Таврической губ. оставалось взаимодействие с военным губернатором (позже — генерал-губернатором), от которого и зависела степень самостоятельности губернской администрации. Так, после назначения новороссийским генерал-губернатором кн. М.С. Воронцова ситуация в крае существенно изменилась. Ему удалось замкнуть всю местную административную систему на себя, хотя формально губернские органы по-прежнему подчинялись министерствам. По словам Кравчука, «генерал-губернатор не только контролировал управление регионом в целом, но в некоторых случаях подменял деятельность местных органов власти» (с. 136). Теперь «решение любых, даже мелких дел согласовывалось с канцелярией генерал-губернатора и с самим М.С. Воронцовым». Подобный подход часто лишал

губернаторов инициативы и превращал их «в молчаливых исполнителей воли Воронцова» (с. 157). Постепенно ключевые должности в Новороссии стали занимать его ставленники (с. 187–188). Весьма показательно, в частности, столкновение кн. Воронцова с губернатором М.М. Муромцовым, назначенным по протекции Е.Ф. Канкринина. Для Крыма он был человеком «со стороны», что вскоре привело к конфликтам как с князем, так и с местной бюрократией. В результате Муромцову пришлось уйти в отставку (с. 166–167). Не менее сложными были отношения кн. Воронцова с губернатором А.И. Казначеевым. Уважаемый местными элитами чиновник попал в немилость к генерал-губернатору из-за частного земельного спора, не связанного со службой, и, опасаясь «козней» со стороны князя, покинул свой пост.

В пятой главе рассмотрены «ключевые аспекты хозяйственного развития» Таврической губ. в первой половине XIX в. При беглом взгляде эта часть несколько выпадает из общей «конструкции» монографии. Однако собранные в ней сведения позволяют очертить общий ход освоения полуострова, оценить успехи и неудачи местной администрации. Автор убедительно разоблачает миф о том, что регион активно развивался на протяжении всего рассматриваемого периода. Привлечённые им архивные документы свидетельствуют, что в действительности заметные успехи наблюдались лишь со второй четверти XIX в. и во многом были связаны со стабилизацией внешнеполитической ситуации и деятельностью кн. Воронцова.

Исследование удачно дополняют иллюстрации и приложения, позволяющие передать картину прошлого более красочно и наглядно. Именной указатель заметно облегчает работу с текстом и поиск необходимой ин-

формации. Конечно, монография не лишена отдельных недостатков. Так, автор несколько раз упоминает «о высоком уровне социальной напряжённости в регионе», однако не всегда можно понять, каковы были её причины. Если особенности взаимодействия губернаторов с вышестоящим начальством и градоначальниками

показаны достаточно обстоятельно, то их неформальные отношения с подчинёнными остались «в тени». Впрочем, возможно, они просто не получили отражения в источниках. Подобные недостатки, разумеется, не снижают высокого уровня и значимости проделанного А.С. Кравчуком труда.

Андрей Минаков

Рец. на: В.Ф. Романов. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.) / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб.: Нестор-История, 2019. 712 с.

Andrey Minakov

(Moscow Pedagogical State University, Russia)

Rec. ad op.: V.F. Romanov. Starorezhimniy chinovnik (iz lichnykh vospominaniy ot shkoly do emigratsii. 1874–1920 gg.). Saint Petersburg, 2019

DOI: 10.31857/S0869568722040264, EDN: JBWVBW

Владимир Фёдорович Романов до недавнего времени был известен в основном исследователям чиновного мира России конца XIX – начала XX в. Несмотря на сравнительно скромное положение в бюрократической иерархии, он оставил довольно объёмные и содержательные воспоминания, которые теперь опубликованы и наверняка обретут множество новых читателей. Чем же интересны его мемуары?

Сам автор видел в них «материал для характеристики качеств и быта русского служилого класса» (с. 23). Он достаточно традиционно перебирал в памяти эпизоды своего детства, учёбы, описывал места службы и встречи с примечательными фигурами, заостря внимание на тех эпизодах прожитой жизни, которые были ему интересны. При этом, освещая разные периоды, он вновь и вновь возвращался к социокультурным особенностям

своих современников, к оценке самодержавной системы управления и её готовности к радикальной трансформации общественных отношений и чрезвычайным вызовам времени.

Карьера Романова продвигалась без каких-либо взлётов. Несколько лет он менял ведомства, занимая малозначимые должности делопроизводителя и чиновника по особым поручениям и время от времени заседа в бесконечных межведомственных совещаниях. В начале Первой мировой войны, став товарищем председателя Комитета Российского общества Красного Креста (РОКК) на Юго-Западном фронте, он переехал в Киев и, как оказалось, надолго. Накануне Февральской революции статский советник Романов уже не без основания считал себя знатоком сильных и слабых сторон административной машины, неплохо разбирался в типах управленцев, из первых уст

знал о ситуации на фронте. В 1918 г., после установления в Киеве власти П.П. Скоропадского, Романов совмещал деятельность в Красном Кресте с обязанностями товарища державного секретаря (заведовавшего делопроизводством правительства), а затем — сенатора Украинской державы. Падение гетмана вынудило Владимира Фёдоровича перейти при петлюровцах и большевиках на «подпольное существование», а в марте 1920 г. он эмигрировал из Новороссийска в Королевство СХС, где занял пост уполномоченного по устройству русских беженцев (впоследствии состоял там председателем Белградского отдела и членом окружного совета Русской беженской организации). 26 апреля 1929 г. Романов скончался в Белграде (с. 17).

Работая над текстом в начале 1920-х гг., мемуарист не скрывал своих монархических убеждений. Ещё в студенческие годы у него «начало развиваться обожание молодого императора в духе описанного Толстым преклонения молодого графа Ростова перед Александром I» (с. 91). К концу обучения он «был уже консервативных политических убеждений» и собирался поступать на службу в МВД (с. 91). Но со временем эти чувства и взгляды сменились отчуждением. «Я, как почти все русские интеллигенты, — признавался Романов, — несколько лет подряд находился под гипнозом кошмарных слов и понятий: “Распутин”, “безответственные влияния”, “сепаратный мир” и т.п.» (с. 396). В эмиграции, когда «причины царской трагедии воспринимались уже в шекспировских тонах, «старорежимный чиновник» писал: «Между царём и русской интеллигенцией, как я упоминал выше, воздвигалась стена, прекращалось взаимное понимание по мере того, как царь замыкался в себе и своей семье, не доверяя искренно-

сти и честности интеллигенции и всё более и более проникаясь мыслью, что настоящим носителем заповедей Бога и душевной чистоты является простой русский мужик... Перейдя поэтому психологически на сторону простонародья, он должен был в отношении интеллигенции оказаться на таком же расстоянии, как последняя от народа» (с. 396—397). А поскольку «между нами и мужиком была пропасть», то, «перестав понимать царя как первого гражданина империи, мы начали оскорблять его как человека-семьянина», и «это ещё более должно было сделать его замкнутым, далёким от нас». Романову хорошо запомнилась последняя встреча с императором в 1916 г. в киевском Софийском соборе: «С ледяным, без всякой обычной приветливости взглядом прошёл царь с наследником, на ходу слегка кивая головой. Мы и он были тогда чужими, не понимающими друг друга, как будто бы сотня “барин” встречала не доверяющего им “селяка”» (с. 397).

В книге можно найти зачастую неожиданные характеристики таких представителей высшего чиновничества, как Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, П.А. Столыпин, кн. М.И. Хилков, А.Н. Куломзин, В.И. Гурко, Б.Е. Ивановичий и др. В Сипягине автор видел «тип богатого барина-помещика» и «ретрограда», «не подготовленного ни к какой деловой работе». И даже его «манеры, некоторая величавость и ласковость их, не могли укрыть от наблюдательного глаза, что перед ним не деловой и не умный человек» (с. 114, 151). Противоположное впечатление производил Плеве (под началом которого, впрочем, Романов не служил), казавшийся «человеком государственной складки ума»: «мужественный, сильный волей и умный человек», «с очень большими знаниями и опытом чиновник» (с. 151—152). С восхищением отзывался мемуарист

о Столыпине, отмечая не только его организаторские и ораторские способности, но и редкое обаяние: «Это был человек, которому нельзя было не верить, даже при мимолётном знакомстве с ним. В каждом слове С[толыпина] выражалась искренность, нравственная порядочность и воля» (с. 141, 257, 275). Гурко изображён Романовым как «властный», но «умный, смелый и любящий риск» чиновник (с. 136, 153). «Выдающийся бюрократ» Куломзин — как самодур (с. 143), известный специалист по делам инородцев, будущий якутский и енисейский губернатор И.И. Крафт — как любитель женщин и «весёлых походов» (с. 138).

Множество командировок, особенно в период службы в Главном управлении землеустройства и земледелия в 1906—1914 г., давали Романову обильную пищу для размышлений о разнообразных аспектах правительственной политики на местах, в частности, в Приамурье. Там он с сожалением констатировал, что «колониационного плана не было, была разрозненная деятельность ведомств, ибо побережье рассматривалось не как колония величайшей ценности и значения, а как обыкновенный захолустный уезд» (с. 271). Анализируя увиденное на Дальнем Востоке, Романов обоснованно критиковал сложившуюся практику, при которой в окраинные губернии, «где не было должного общественного контроля в виде выборных земских и дворянских учреждений, назначались наименее опытные администраторы». Между тем «в деловом отношении, в смысле разнообразия и ответственного значения действительно крупных культурно-колониационных задач, губернаторство в Забайкалье или Приамурье, например, требовало гораздо больших инициативы, знаний и опыта, чем где-нибудь в Москве, Киеве»

(с. 228). Огорчало его и то, что Департамент общих дел МВД являлся «фактическим вершителем судеб нашей администрации — губернаторов и вице-губернаторов», которые полностью зависели от министерства (с. 112).

Тяжёлым испытанием для Романова стала Первая мировая война. «Я ненавижу войну, — признавался он, — как проявление самых грубых, звериных инстинктов человека, как позорное несчастье — болезнь человечества» (с. 316). В первые военные месяцы в стране наблюдался «несомненный подъём патриотического чувства, было несомненное единение народа с царём, как с его высшим на земле представителем, был искренний порыв и желание победы над врагом» (с. 316). Однако, посещая фронтную зону по делам Красного Креста, мемуарист вскоре «обнаружил в себе отсутствие храбрости, так как оставаться внешне спокойным в момент опасности — это ещё... не значит быть храбрым» (с. 341). Во всяком случае, «с чувством большой, как всегда, чисто животной радости» он «уезжал из района пушек и пулемётов, затем аэропланов, приближаясь к местам, где тогда не было ещё орудий смерти» (с. 347). Так или иначе, во второй половине февраля 1917 г. Романов «наполнял душу уверенными мечтами, что скоро, самое большее через год, конец войне, без сомнения победной, так как наша армия снабжена во всех отношениях образцово, а немцы выдыхаются, и начнётся мирная тихая жизнь с неизбежным спокойным прогрессом во всех направлениях» (с. 368). Вместе с тем неудовлетворённость «в своём служебном самолюбии» и критическая оценка «неудачных... шагов правительства» к концу войны сформировали у него «настроение или убеждение, заставлявшее желать политического переворота как надежды на нечто лучшее» (с. 281).

Главу, повествующую о событиях 1917–1920 гг., Романов назвал «Смутное время». Для автора оно превратилось в личную душевную драму. Свержение монархии обмануло его ожидания: «Если бы мы, русская интеллигенция, ясно сознавали, могли бы предвидеть, кто восторжествует, какие идеалы будут поставлены через несколько дней после переворота, то большинство из нас предпочло бы потерпеть, чем торопиться с этим переворотом» (с. 371). Жителей Киева терзала перманентная смена власти. Петлюровский режим запомнился Романову тем, «как много было случаев, когда мирные человеческие крестьяне, от которых нельзя было ожидать никакого зла, внезапно зверели, жгли, резали, грабили, убивали помещиков, не плохих, а самых преданных народу, как только среди них появлялись “идейные руководители” из утопистов или каторжан» (с. 425). При большевиках манифестация классовой ненависти, кровавые репрессии, «жизнь под вечным страхом быть ограбленным, полное отсутствие порядка в городе, грубость и цинизм “товарищей” — всё это заставило даже патриотически настроенных людей ожидать с нетерпением немцев, как единственного якоря спасения» (с. 408). При этом «сначала многие возмущались произвольными зверствами большевиков... но когда стало совершенно очевидно, что мы имеем дело с небольшой сравнительно группой психически больных людей и массой окружавших их уголовных преступников, возмущение заменилось простым чувством осторожности, мерами, которые принимаются против укусов бешеной собаки, ядовитой змеи» (с. 436).

Впрочем, и к перспективе обновления страны Добровольческой армией Романов относился скептически, хотя и симпатизировал её честным и патриотично настроенным лидерам.

«Я чувствовал, — отмечал он, — что в лице Деникина Россия имеет безупречно чистого, честного гражданина. Его речи по образности и силе их напоминали столыпинские. Но какая же программа, кто исполнители её? Ни того ни другого уловить нельзя было... Не монархизм, но масса монархистов, не социализм, но масса утопически-лживых писаний в прессе с обычными нападка на буржуазию, черносотенство реставраторов и т.п. Здесь были хотя и не большевики, но люди, взаимно не объединённые и друг другу не верящие» (с. 461).

Публикаторы сумели качественно передать текст нечёткой машинописной копии воспоминаний Романова, сохранившейся в ГА РФ (ф. Р-5881, оп. 2, д. 598) и датированной 1922 г.¹ Однако название её третьей части «Первая великая европейская война и смута в России» заставляет задуматься о том, когда именно и кем был подготовлен и исправлен данный «машинописный экземпляр». В «Археографическом экскурсе» указано, что «в тексте употребляются *i*, *яти*» (с. 20). Но из этой фразы не вполне понятно, выполнен ли он в соответствии с дореформенной орфографией или имеет только отмеченные её черты.

Публикация снабжена обширным научно-справочным аппаратом, состоящим из вводной статьи С.В. Куликова, посвящённой биографии В.Ф. Романова, «археографического экскурса» Д.Н. Шилова, аннотированного именного указателя и шести включённых в виде приложений документов. Добротные комментарии, к сожалению, не всегда раскрывают источник сообщаемых сведений и порою носят дискуссионный характер. Так, слова Романова о надеждах на либеральный курс Николая II сопровождает спорный и, по сути, излишний комментарий (с. 101), в котором говорится о либеральных убеждени-

ях последнего российского императора. В нём, в частности, приведено свидетельство кн. В.А. Оболенского о том, что «многие верили в либерализм молодого монарха и надеялись, что настал конец беспросветной реакции царствования Александра III». На этом цитата обрывается, хотя далее князь пишет о том, что «через месяц всем этим иллюзиям настал конец после знаменитой речи о “бессмысленных мечтаниях”, произнесённой молодым монархом на приёме депутатов от земства и дворянства»².

В других случаях комментарии отсутствуют там, где они были бы полезны для понимания описываемых мемуаристом событий. Романов вспоминал, к примеру, про известие «об остановке добровольческих войск у Орла и затем о начавшемся совершенно неожиданно и непонятно для нас отступлении их» (с. 460). Речь шла о стратегическом поражении Добровольческой армии в Орловско-Кромском сражении 11 октября — 18 ноября 1919 г., но в примечаниях об этом ничего не сказано³.

В именном указателе биографические справки выстроены с нарушением принципа единообразия. Бросается в глаза диспропорция в объёме приводимых сведений: если о единожды упомянутом финансовом деятеле С.М. Гутнике можно узнать немало деталей, то о кн. В.П. Мещерском или Г.Е. Распутине сказано совсем мало (с. 653, 669). А.Н. Апухтин или А.Н. Майков обозначены исключительно как «поэты», хотя оба длительное время находились на государственной службе (с. 599, 650). Структура аннотаций также неоднородна. Например, во многих из них отмечены обстоятельства кончины («умер в эмиграции», «расстрелян большевиками», «убит матросами» и т.п.), но в других

случаях они опущены, даже когда хорошо известны. У большинства певцов указан их вокальный диапазон, однако для Л.В. Собинова (лирический тенор) и Ф.И. Шаляпина (высокий бас) почему-то сделано исключение (с. 680, 699).

К сожалению, в указателе встречаются и фактические неточности. Так, вел. кн. Михаил Александрович был канонизирован в 1981 г. не Русской Православной Церковью (с. 654), а РПЦЗ⁴. В справках о Витте и Гутнике Императорский Новороссийский университет назван «одесским» (с. 607, 621). Ошибочно утверждение, будто Плеве окончил юридический факультет не в Московском, а в Петербургском университете (с. 664)⁵.

Тем не менее всё это не снижает ценности научного издания воспоминаний В.Ф. Романова, которые принадлежат к числу наиболее крупных мемуарных памятников, рельефно отображающих внутренний мир среднего чиновничества, до сих пор ещё мало изученного. Это хороший источник для исследователей самого широкого круга проблем политического, социально-экономического и культурного развития России, как поздней имперской эпохи, так и первых послереволюционных лет.

Примечания

¹ Этот труд взяли на себя А.В. Дыдыкин, Н.С. Петросян и Д.Н. Шилов при участии С.В. Куликова.

² *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 131.

³ Подробнее см.: *Минаков С.Т.* Орловско-Кромское сражение 1919 г. Орёл, 2009. С. 86–88.

⁴ *Кузьмин Ю.А.* Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. СПб., 2011. С. 259.

⁵ *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 135, 575.

Фёдор Гайда

Рец. на: Ю.С. Дюшен. Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 гг. / Науч. ред. Г.К. Гагкуев. М.: Изд. центр «Воевода», 2020. 392 с.

Fyodor Gayda

*(Lomonosov Moscow State University, Russia;
Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)*

Rec. ad op.: Yu.S. Diushen. Dnevnik petrogradskogo chinovnika. 1917–1918 gg. Moscow, 2020

DOI: 10.31857/S0869568722040276, EDN: JBZIDA

Сын адмирала С.П. Дюшена Юрий (Георгий) Сергеевич Дюшен (1883 — после 1929 г.) принадлежал к числу тех представителей высших слоёв русского общества, для которых, как и для большинства людей, революция стала своего рода театральным представлением, вызывавшим сперва эйфорию, а затем недоумение и усталость, усугублявшуюся голодом, холодом и иными материальными трудностями и политическими осложнениями. Он родился в Петербурге, окончил гимназию (с серебряной медалью) и Императорское Училище правоведения, служил в Министерстве финансов, в 1915 г. исполнял обязанности секретаря министра. Будучи членом правления ряда банков и акционерных обществ, имея несколько иностранных орденов и чин камер-юнкера (с 1908 г.), Юрий Сергеевич вращался в высшем свете, посещал салон гр. М.Э. Клейнмихель (с. 29), но уже в 1917 г. оказался на скромной должности переводчика и бухгалтера в Русском торгово-промышленном обществе, с 1919 г. работал завхозом и переводчиком в различных организациях, в частности, в 1921–1923 гг. — в Американской администрации помощи. Не отличаясь крепким здоровьем, Дюшен не был женат и после смерти отца, скончавшегося в 1918 г., жил вдвоём с матерью; эмигрировать, по-видимо-

му, не собирался, хотя с 1921 г. подвергался арестам. В 1927 г. его выслали на 3 года в Сибирь, но о том, что произошло с ним в дальнейшем, ничего не известно (с. 12–13, 340–346).

В 1917–1918 гг. Дюшен являлся информатором британской военной миссии, а также активно общался с сотрудниками шведского, датского и норвежского посольств (с. 337–340). В сентябре 1918 г., когда начался красный террор, он передал свой дневник представителю британского Красного Креста Р.Э. Кименсу, после чего этот документ попал в университетскую библиотеку Осло (с. 335, 337–338)¹. Поскольку рукопись была анонимной, первоначально её фрагменты, появлявшиеся в печати с 1986 г., публиковались без имени автора или под иными фамилиями. Только в 2016 г. дневник, наконец, удалось надёжно атрибутировать (с. 9–12), а теперь вышло и первое полное издание всего текста. Его сопровождает внушительный научный аппарат: примечания и аннотированный именной указатель занимают почти половину книги (с. 217–391).

Нет никаких оснований считать, что Дюшен вёл дневник до 1917 г. Похоже, решение взяться за него было связано именно с нарастанием катастрофических событий, касавшихся уже каждого обывателя. Так, в первой

Материал подготовлен при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

записи, сделанной 16 сентября 1917 г., говорилось про заявление А.Ф. Керенского о приближении германского флота к Петрограду (с. 27). При этом свою работу и обстоятельства личной жизни Дюшен освещал сравнительно мало, фиксируя преимущественно общеполитические происшествия, сведения о которых черпались в основном из газет и городских слухов. Излагались они достаточно небрежно, с повторами. Например, декреты о мире и земле в октябре 1917 г. были пересказаны дважды (с. 48, 51–53), как и ходившие в начале сентября 1918 г. толки о том, будто «всё семейство» Л.И. Каннегиссера после убийства М.С. Урицкого было расстреляно (с. 213–214). Автор неверно указывал дни недели, путал бывшего министра путей сообщения и заместителя председателя Временного правительства радикального демократа Н.В. Некрасова и министра почт и телеграфов меньшевика А.М. Никитина (с. 33).

Сперва Дюшен как-то фиксировал практически каждый день. При этом иногда записи делались им сразу за несколько суток. В частности, 29 ноября он писал: «Почти целую неделю, с 24-го, не делал заметок, т[ак] к[ак] был занят переездом на новую квартиру; на казённой оставаться было невозможно, ежеминутно могли появиться красногвардейцы и вышвырнуть меня вместе с пожитками на улицу» (с. 102). Однако на предыдущих листах указано: «27 ноября 1917. Вторник» (с. 100), «Среда. 29 ноября» (с. 101). Имеется запись и за 28 ноября, без указания дня недели (это был как раз вторник) (с. 103). Причём архивная нумерация двойных листов, которыми пользовался Дюшен, тут сбилась, и два из них, помеченные 28 и 29 ноября, вклинились в текст, датированный 30 ноября. К сожалению, при публикации эта путаница не устранена и не оговорена, что может озадачить читателя

(с. 102–105). С апреля 1918 г. в дневнике встречается всё больше пропусков. Так, Юрий Сергеевич ничего не писал со 2 по 17 апреля, с 10 мая по 1 июня, с 7 июня по 3 июля, с 11 июля по 1 августа и между 1 и 14 августа (с. 186–201). Последние строки относятся к 4 сентября (с. 216).

При советской власти сотрудники Дюшена, состоявшие в РКП(б), отмечали его высокую работоспособность и политическую лояльность (с. 342–344). По-видимому, он держался весьма осторожно и публично «монархические взгляды» не проповедовал, более откровенно высказываясь на страницах дневника. По мнению Ю.С. Пыльцына, Дюшен, близкий по взглядам к правому крылу кадетской партии, вовсе не был «убеждённым монархистом», оставаясь «в меру аполитичным» (с. 21–23). Вместе с тем он не скрывал презрения к Временному правительству и персонально к Керенскому, на которых возлагалась ответственность за безвластие (с. 27) и продовольственные проблемы (с. 34). С неприязнью Дюшен отзывался и о социалистах, советах и, в целом, о любых демократических процедурах (с. 32). Ему казалось, что «Россия захлебнулась в потоке слов всяких съездов», в том числе и проводившихся «общественными деятелями» во главе с М.В. Родзянко и кадетской партией (с. 36). «Я с невыразимой злобой думаю о деятельности в течение девяти месяцев Временного правительства, — признавался Юрий Сергеевич 9 декабря. — Это было сплошное глумление над истинной свободой» (с. 119). Поэтому в большевистском перевороте 26 октября он видел «просто военный заговор», которому следовало противопоставить демократическую реорганизацию правительства и переговоры о мире (с. 49). Подобные рецепты, похоже, выписывались из газет.

В то же время в ноябре 1917 г. Дюшен полагал, что хотя «выступление большевиков ускорило катастрофу, но истинной причиной была причина уже не партийного и не государственного характера, а стихийного». Поэтому «то, что теперь происходит, неминуемо должно было случиться, и случиться именно теперь, перед наступлением зимы и вне зависимости от того, кто находится у власти» (с. 72). «Теперешние бедствия» автор дневника считал «результатом ошибок многих лет» и объяснял «отсутствием образования, а главное — дисциплины и добросовестности у русских людей» (с. 75).

Наблюдая за нараставшей анархией, Дюшен нередко с симпатией отзывался о немцах с присущим им порядком. Характерно, что кайзер всегда представлялся ему умным человеком (с. 65). 8 декабря, услышав от знакомого американского дипломата о скором вступлении германских войск в Петроград, Юрий Сергеевич отметил: «Что вместо товарищей у нас скоро будут шуцманы, я решительно ничего не имею, но против разрыва с союзниками протестую» (с. 112). Впрочем, его отношение к Антанте также постепенно менялось. Ещё 10 ноября он характеризовал «приказ... о заключении немедленного перемирия для начатия мирных переговоров» как «позорище земли русской» (с. 75), а уже 18 февраля² (3 марта) жаловался на «союзников»: «Из-за их упорства, нежелания начать переговоры с Германией, увеличиваются наши страдания, наша гибель. Ведь с января стало совершенно очевидным, что пока продолжается на Западном фронте война, до тех пор продолжится наша разруха: немцы заняты борьбой, и им не до введения у нас порядка, но не в кавычках, как пишут большевистские газеты, но разумного порядка. Мне решительно всё равно, какое будет правительство, какую политику оно будет вести,

лишь бы можно было спокойно жить и работать» (с. 149). «Мне совестно сознаться, — записал Дюшен 1 мая 1918 г., — но во мне всё более и более усиливается недружелюбное чувство (конечно, в политич[еском] отношении) к англичанам, особенно со времени их быстрого и неожиданного отъезда из Петрограда. Нельзя забывать, что они — те дрожжи, на которых поднялась русская революция, результаты которой налицо» (с. 192). В августе 1918 г. он всё ещё не мог забыть про «радость англичан в начале революции» (с. 205).

И настоящее, и будущее Дюшен видел в мрачных тонах. «Размеры теперешней катастрофы нельзя охватить разумом, — сетовал он 9 ноября 1917 г. — Когда подумаешь, что от великого Государства, от великой Российской империи остались одни лохмотья — жутко становится на душе. Прежняя жизнь отошла в вечность» (с. 75). Десять дней спустя он прогнозировал распад страны «на Север и Юг», после чего «Юг не даст хлеба для дальнейшего “углубления” революции на Севере», и начнутся «голод всеобщий» и «жесткая безработица», появятся «банды голодных, безработных, озлобленных и неудовлетворённых пресловутой свободой товарищей». А дальше — «в виде апофеоза — повсеместные жидовские погромы, которые, конечно, несмотря на всю их привлекательность для души, нельзя приветствовать разумом. В этом апофеозе выльется вся безграничная злоба, которая во всех накопилась, без различия сословий и партий, и после бури наконец наступит успокоение страстей. Так мне представляется ход событий. Отдельные части России будут “самоопределяться”, дондеже это им самим не омерзет и пока они не сольются снова в русском море, возглавленном монархией» (с. 92).

Подобные ожидания лишь усиливались повседневными наблюдения-

ми и толками: «По городу блуждают немецкие офицеры, снабжённые разрешениями большевистского правительства. Попадают на улицах и немецкие солдаты. Нет никаких сомнений, что всё восстание организовано немцами и на немецкие деньги, хотя, быть может, и при благосклонном участии черносотенцев. О связи между большевиками и черносотенцами много разговоров» (с. 97). 8 декабря казалось, что ждать остаётся недолго: «Всё становится определённое, что скоро на престоле будет Алексей Николаевич» (с. 112). 11 января 1918 г. Дюшен радовался: «Как хорошо, что Учредилка разогнана». Этим устранялось «перманентное зло, называемое эсеровским Учредительным собранием», которым «на углубление революции был бы надет тормоз благоразумия, и никогда не докатилась бы революция с её завоеваниями до “революционного дна”» (с. 138). В марте в дневник старательно переписывались верноподданнические стихотворения (с. 164–165). При этом, сочувствуя представителям придворных и аристократических кругов (с. 29, 35), Дюшен критично относился к «охранке» (с. 31) и «тёмным силам» (с. 144) и довольно безучастно писал о царской семье (с. 109).

Вместе с тем Дюшен готов был приветствовать те действия большевиков, которые считал рациональными. Так, он одобрил захват Киева и Харькова, поскольку «украинцы ещё зловреднее» (с. 120)³. Реформа календаря оценивалась им как «первое умное опровержение СНК» (с. 148).

К апрелю надежды Дюшена заметно изменились: «В воздухе чувствуется уже весна, а на душе — осень. Впрочем, это не совсем так: настроение постепенно улучшается, на горизонте начинают замечаться светлые лучи. Советская власть окончательно укрепилась и, быть может, поэтому стано-

вится разумнее. Я вспоминаю, что ещё три месяца тому назад я был уверен, что контрреволюции все обречены на провал; большевистское настроение охватило всех, весь народ-богоносец, а против него политически бороться нельзя. Единственный выход — время; надо терпеливо ждать, когда большевизм сам собой утихнет, во что-ниб[удь] эволюционируется и, наконец, разум, а не политическая партия начнёт управлять людьми» (с. 186). Но пока приходилось довольствоваться тем, что «Известия ЦИК» «заговорили о дисциплине (хотя и революционной) пролетариата» (с. 187). В августе, повторяя, что «пока страна не переболеет от охватившего её всеобщего безумия и полной распущенности (а вовсе не свободы), до тех пор у нас будет продолжаться полный кавардак, кто бы ни был у власти», Дюшен вновь ищет симптомы поворота к лучшему: «Только за последнее время проявляются признаки отрезвления, после того как революция углубилась до деревни, до восстановления бедноты против кулаков и богатеев; тут-то она и завязнет... Социализм социализмом, но своего добра, своей собственности никто добровольно не отдаст» (с. 208). Впрочем, вскоре после ареста отца, взятого в заложники, в обстановке красного террора, Юрий Сергеевич перестал заполнять листки дневника своими размышлениями. Вынужденное ожидание «отрезвления» затягивалось.

В целом, дневник Ю.С. Дюшена является исключительно ценным источником для понимания настроений и положения служащих, принадлежавших прежде к элите российского чиновничества и маргинализированных в революционное время. Он словно бы переносит читателя в атмосферу, которой дышали герои булгаковской «Белой гвардии». Собственно его текст и обрывается незадолго до того, как начинается развитие событий в романе.

Примечания

¹ Оцифрованную рукопись дневника см. на сайте: https://www.nb.no/items/URN:NBN:no-nb_digimanus_74083 (с. 13).

² В книге ошибочно напечатано: «17 февраля» (с. 148).

³ В августе 1918 г. Дюшен отметил, что «серьёзные люди предсказывают большие беспорядки на Украине», где «вовсе не всё так безмятежно, как многие теперь себе рисуют», и «ослабление немцев — гибель [П.П.] Скоропадскому» (с. 206).

Александр Пученков

Ленин — великий сказочник?*

Aleksandr Puchenkov
(Saint Petersburg State University, Russia)

Is Lenin a great storyteller?

DOI: 10.31857/S0869568722040288, EDN: JCAIUI

Монография С.Л. Фирсова посвящена одной из самых ярких и противоречивых фигур в мировой истории — В.И. Ульянову (Ленину), о котором уже более ста лет спорят, пытаясь понять, демонизировать, идеализировать, карнавализовать. При этом отделить реальные факты его биографии от мифа, ставшего основой представлений не только обывателей, но и многих профессиональных историков, — задача чрезвычайно трудная и даже почти невыполнимая: с 1917 г. до настоящего времени легенда о Ленине остаётся интереснее и *живее* собственно исторического деятеля, который, вероятно, был бы чрезвычайно раздосадован появлением не только огромного количества связанных с ним небылиц и произведений «житийного» рода, но и иных научных сочинений, выходящих как в нашей стране, так и за рубежом. О Ленине, как констатирует Фирсов, «не только писали, но и много пишут сегодня. Появляются объёмные монографии, в которых предпринимают-

ся небезуспешные попытки открыть лик “подлинного Ильича”, работы о его частной жизни, о его слабостях и увлечениях, о его родословной и много ещё о чём... Ленин вызывает интерес, волнует, раздражает, восхищает. “Историческая давность” над ним не властна. По этой причине жив и ленинский миф» (с. 9).

В этой неисчерпаемой лениниане глубокая и серьёзная книга профессора Фирсова стоит несколько особняком. Историк специально оговаривает в предисловии, что его труд «не есть биография Ленина» (с. 7), а попытка исследовать именно возникновение ленинского мифа: того, как он складывался, жил и трансформировался «как на официальном, так и на неофициальном (“народном”) уровне», с той оговоркой, что «в советский период Ленин был персонажем не прошлого, а “настоящего” и “будущего”» (с. 9). Создатель большевистской партии и Советского государства изображался мифотворцами как идеальный правитель, гениальный интеллектуал,

* *Фирсов С.Л.* Ленин: сотворение мифа. СПб.: Вита Нова, 2019. 544 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

творческое наследие которого неисчерпаемо и способно дать ответ на любой вопрос политики и идеологии. Его образ был прочно связан с коммунистической «религией»: «Миф о Ленине-“герое” позволял описывать былое таким образом, чтобы выходить на вопрос о настоящем, существующем ради светлого будущего. Если в мифе форма тождественна содержанию, то в ленинском мифе — тем более. Он должен был назидать, просвещать и укреплять нового “верующего”, для которого понятие “коммунизм” и персона Ленина, сохранявшаяся нетленно в мавзолее, существовали “в неотчётливом разделении” того, что корректно назвать “существом и его именем”. Ленинский миф родился не на пустом месте, он был подготовлен всем ходом развития русской радикальной интеллигенции, которая издавна имела собственные святцы с именами героических борцов» (с. 12). В советское время Ленин воспринимался миллионами людей как безусловный моральный авторитет и пример для подражания, однако и после распада СССР «десакрализация образа вождя не остановила распространения ленинского мифа, ленинской сказки». Напротив, как утверждает учёный, «“Сказка” стала “былью”, соединившись с ней в неразрывное целое» (с. 14–15).

В первой главе исследователь пытается показать героя будущего мифа «без грима» и понять, «каким видели и каким описывали Ленина его современники» (с. 21–95). Это представляется вполне оправданным и не нарушает логику книги, поскольку формировавшаяся легенда не могла обойтись без «преданий», связанных с очевидцами, соратниками и ближайшими учениками.

До 1917 г. «Ленин пленял людей не внешностью, а убеждённой в собственной правоте, “бешеной”

энергией и способностью целиком отдаваться делу... его поступки действительно определялись его характером — бескомпромиссным, жёстким, волевым. Его дела, мысли и идеи были завязаны в единый узел и определялись поставленной в юности целью. Если верно утверждение о том, что стремления человека формируют его судьбу и служат его меркой, то ленинские стремления следует признать важнейшим фактором его развития не только как политического деятеля, но и как человека. Единственной любовью Ленина была революция, он мечтал о коренных изменениях и глобальных потрясениях. Несмотря на то что он, как и все люди, жил в “настоящем”, это “настоящее” он более всего и ненавидел. Его характер закалялся и укреплялся в этой ненависти (и этой ненавистью), вероятно, получив идейную “огранку” тогда, когда произошла семейная трагедия — был казнён старший брат» (с. 37). Примечательно, что уже в молодости Ленин воспринимался единомышленниками как человек, панибратство с которым, по сути, невозможно: «Особо доверительных отношений (отношений близкой дружбы) у Ленина почти ни с кем не было, хотя с начала 1890-х годов около него была “целая политическая свита”. В течение жизни он был в хороших отношениях не менее чем с сотней лиц, но на “ты” почти ни с кем не переходил... То же самое касалось и соратников по совместной революционной деятельности» (с. 42).

Затем «в течение нескольких месяцев 1917 года Ленин превратился в фигуру европейского масштаба, его имя для многих стало нарицательным (в зависимости от политических убеждений воспринимаясь либо положительно, либо отрицательно). С тех пор и до настоящего времени он “жив”, поскольку его имя вызывает определённые чувства, рождает

эмоции». При этом, полагает автор, произошло своеобразное поглощение Ульянова политиком Лениным, в результате которого «политический “грим” закрывает от исследователя истинное лицо вождя и с течением времени начинает восприниматься как неотъемлемая часть ленинского облика» (с. 65).

Вторая глава «На пути к мифу, или о пользе чтения биографий вождя» (с. 96–226) посвящена анализу официальных жизнеописаний, выходявших массовыми тиражами в СССР. Уже при Сталине в них излагалось своеобразное «житие» учителя, оставившего после себя «заветы». Соответственно «И.В. Сталин и выступал в роли “хранителя заветов”, объяснял их важность, советовал помнить и знать их. Биография Ленина должна была стать оружием такого познания, но оружием, которое проверил и одобрил к применению новый вождь. Поэтому задача создания “канонически правильного” образа Ильича становилась задачей государственной, а её скорейшее выполнение — насущной потребностью сталинской идеологической машины» (с. 194). Тогда же утвердилась нехитрая схема советской истории, закреплённая в формуле «Сталин — это Ленин сегодня». Да и после XX съезда и развенчания «культы личности» ситуация не изменилась: непогрешимый Ленин и созданные им партия и учение оставались главными столпами советской власти, а биография вождя мирового пролетариата являлась важнейшим элементом не только коммунистической доктрины, но и воспитания новых поколений вплоть до последних лет существования СССР. Её коррективна была невозможна, как и «ревизия» ленинских идей. По словам Фирсова, «это был религиозный подход к ленинизму» (с. 224).

Анализируя наиболее позднюю по времени написания «классическую»

двухтомную биографию Владимира Ильича, опубликованную в 1985 г. и весьма характерную для советской ленинианы, исследователь констатирует, что в ней «Ленин-человек полностью нивелирован, зато хорошо просматривается вождь и учитель. Потенциальный читатель, знакомясь с материалом этих глав, мог узнать только об общественно-политической деятельности Ленина — о том, как он борется против своих оппонентов, как и о чём пишет книги (и что это за книги), для чего и почему издаёт газеты и журналы, борется за укрепление социал-демократической партии, участвует в её съездах и совещаниях. Места для полноценного разговора о Ленине-человеке не оставалось» (с. 223–224). Тем самым, «забалтывая вопрос о будущем ленинизма фразами о его вечной актуальности, составители “Биографии” окончательно закрывали от взоров собственных читателей “реального” Ленина. Пророк не может быть близок простому смертному, на то он и пророк. Ленин же был больше, он был новым “богом”, утверждавшим веру в то, чего никто из смертных никогда не видел — в коммунизм. Вера — любимое дитя чуда, без которого существовать она не может. В “Биографии” Ленина утверждалась истинность его “благой вести”... Мечта сливалась с именем Ленина, “растворяя” его в себе самой, превращая в легенду» (с. 225).

Будучи известным специалистом по истории Церкви, Фирсов не мог не уделить внимание и «истории мифа о “ленинской религиозности”» (с. 250–280). Подробно рассматривая отношение Ульянова к религии, автор, в частности, указывает на то, что этот воинствующий атеист, безбожник и богоборец, будто бы ещё в гимназии выбросивший свой нательный крестик в выгребную яму, уже в зрелом возрасте как минимум дважды прини-

мал участие в церковных таинствах: в 1893 г. стал крестным отцом дочери ссыльного А.А. Шухта, а в 1898 г. — венчался с Н.К. Крупской. Впрочем, «в дальнейшем никаких отношений с религиозной жизнью он не имел» (с. 254—255). В последние месяцы перед смертью, тяжело переживая унижительную для него физическую недееспособность, Ленин, несомненно, искал утешения вовсе не в вере, а скорее в отчаянной надежде когда-нибудь вернуться к политической деятельности. Как полагает Фирсов, «Ленин вполне серьёзно думал о том, что жизнь заканчивается тогда, когда умяляются до минимума силы, позволяющие вести революционную борьбу, — “жизнь” и “борьба” были для него синонимами» (с. 256). Мёртвый же Ленин стал «вечно живым» олицетворением могущества созданных им учения, партии и государства.

В целом, «парадоксы восприятия “вечно живого”» и размышления про «обожествление смертью» занимают в книге едва ли не центральное место: различные аспекты данной темы рассматриваются в двух из пяти главах монографии (с. 227—314, 380—493). Впрочем, помимо этого читатели узнают немало интересного о Ленине как герое анекдотов (с. 336—356), о его изображениях «в уголовных татуировках» (с. 356—367) и «на советских деньгах и марках» (с. 368—379). Но, разумеется, сам автор видит в данных разделах лишь «наброски к теме» (с. 315), нуждающейся в дальнейшей детальной разработке.

«Вместо заключения» автор почему-то предложил читателям «базальные рассуждения о силе мифа» (с. 494—495) и «Post Scriptum, или Слово о “пасхальных яйцах” для Ильича», где говорится уже про «пасхальный поход П.Н. Грудинина и Г.А. Зюганова к Мавзолею» (с. 495—497). Видимо, полноценный рассказ о мифе

не мог обойтись без той или иной его актуализации. Фирсов уверен в том, что «история, рано или поздно, превращается в миф. Только исследователи прошлого пытаются “очистить” от него “то, что было на самом деле”». Их усилия оцениваются не всегда позитивно, потому что человек любит сказку, любит жить в сказке, мечтать о “сказочной жизни”. В этом смысле Ленин — великий сказочник, ибо сумел не только поверить в себя, в своё дело, в свой “миф”, но, главное, передать эту веру, “заразить” ею других. Многие ли могут похвастаться таким успехом? Многие ли могут сказать, что на их предложение сделать “сказку — былью” откликнутся не то что страны — континенты?» (с. 494).

С.Л. Фирсов взялся за большое и трудоёмкое дело: «ленинский миф» давно нуждался в специальном изучении. Для критического осмысления советского прошлого необходимо отделить созданный политическими наследниками и биографами-мифотворцами образ «В.И. Ленина» от реального исторического деятеля, неизменно подписывавшегося «В.И. Ульянов (Ленин)» или пользовавшегося псевдонимом «Н. Ленин», но не смешивавшего с ним собственное имя, подмена которого — первый шаг к мифологизации. В конечном счёте это — долг памяти перед незаурядным человеком, сколь бы спорной и неоднозначной ни была его роль в истории России. Судьба же легенды о «В.И. Ленине», ставшей самостоятельным фактором партийной, государственной, общественной и культурной жизни в СССР, пожалуй, ещё более сложна и многообразна, чем подлинный путь профессионального революционера, ставшего первым председателем Совнаркома. Книга С.Л. Фирсова охватывает лишь небольшую часть этого айсберга, но она открывает широкую перспективу для дальнейшей работы.

Анатолий Кононенко

Рец. на: Е.А. Осокина. Золото для индустриализации: Торгсин. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

*Anatoly Kononenko
(Tyumen State University, Russia)*

Rec. ad op.: E.A. Osokina. Zoloto dlia industrializatsii: Torgsin. Moscow, 2022

DOI: 10.31857/S086956872204029X, EDN: JCCTZI

После окончания семилетнего системного кризиса российской государственности (1914–1921) перед новой властью стояли масштабные задачи превращения отсталой, разрушенной Гражданской войной страны в мощную индустриальную державу. Купирование последствий антропологической катастрофы началось с переходом к нэпу, с его мероприятиями в области сельского хозяйства, легитимацией торговли, выдачей патентов и лицензий, созданием товарных и валютных бирж, введением в обращение советского червонца. Однако все эти меры смогли лишь снять остроту продовольственного снабжения в городах и сёлах. Учитывая структурные издержки («ножницы цен», хлебозаготовительный кризис, неурожайные годы), вряд ли стоит рассматривать потенциал нэпа как базис для индустриализации советской России.

Взяв курс на беспрецедентную модернизацию, сталинское руководство изначально оказалось в крайне сложных условиях нарушения техногуманитарного равновесия. Недружественное внешнее окружение, отсутствие средств для создания и обновления производственных мощностей, снижение мировых цен на зерно, лес и нефть заставляли правительство проявлять изобретательность и изворотливость в деле получения валюты для закупки станков, технологий, приглашения специалистов. В этих целях в конце 1920-х – 1930-е гг. происхо-

дили консолидация остатков золотой казны Российской империи и организация гражданских предприятий золотодобывающей промышленности, в добыче золота была задействована система ГУЛАГ. Кроме того, в 1937 г. Советский Союз принял на хранение золото Испанской республики. К 1953 г. суммарный золотой запас СССР составил более 2 тыс. т (с. 120). Важнейшую роль в изъятии золота и иных ценностей у населения играли магазины Торгсина (Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами), о котором повествует рецензируемая монография. Она является дополненным продолжением прежних трудов профессора Е.А. Осокиной¹.

В основу монографии легли документы фонда Правления «Всесоюзного объединения “Торгсин”» в Российском государственном архиве экономики (приказы, циркуляры, переписка, протоколы, сообщения с периферии), а также материалы контор Ленинграда, Смоленска, Ташкента. Это позволило автору показать работу центрального аппарата, выявить специфику и особенности территориальных подразделений. Учитывая пересечение партийных, правительственных, ведомственных интересов, Осокина привлекла материалы ЦК ВКП(б), СНК, Наркомата внешней торговли, Госбанка, хранящиеся в фондах ГА РФ, РГАСПИ, Центрального государственного архива Московской области. Лишь фрагментарно исполь-

зованы документы Экономического управления ОГПУ, но зато автор обращается к аналитическим докладом американского посольства в Москве из Национального архива США (Вашингтон). Также привлечены кино- и видеодокументы, в том числе интервью с жертвами голода 1932–1933 гг. Проработав над темой в течение многих десятилетий, автор демонстрирует глубокое знание проблемы: обращается к выводам и суждениям предшественников, критически оценивает их позиции, основательно ориентируется в историографии вопроса.

Первоначально созданный для снабжения иностранных моряков в советских портах, в июне 1931 г. Торгсин открыл двери всем советским гражданам, которые могли приобрести товары за золотые монеты царской чеканки номиналом 5 и 10 руб., в счёт переводов валюты из-за границы, а затем – в обмен на бытовое золото. Со временем Торгсин стал принимать от населения серебро, платину, бриллианты, а также произведения искусства. В 1932–1935 гг. в его магазины было сдано почти 100 т чистого золота (с. 10). Вопреки известному сюжету из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», основными продуктами, приобретаемыми покупателями в Торгсине, являлись не ветчина, икра и севрюга, а ржаная мука грубого помола, крупы, подсолнечное масло и сахар. Осокина отмечает, что Торгсин выполнил «важную социальную миссию, дав миллионам людей возможность выжить в голодные годы первых пятилеток. Его главными покупателями оказались вовсе не иностранцы, как утверждало название, а советские граждане, которые отдали свои последние сбережения на промышленное развитие страны» (с. 11).

По подсчётам Осокиной, Торгсин способствовал покрытию пятой части, а в отдельные годы – трети

расходов СССР на импорт промышленного оборудования, технологий и сырья. Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнения, так как ранее советские историки уже пытались доказать, что главным источником индустриализации был рост внутрипромышленных накоплений, а их зарубежные коллеги утверждали, что модернизация происходила за счёт перекачивания средств из сельского хозяйства (продажа зерна на экспорт).

Скупая ценности у населения дешевле их реальной стоимости, «пролетарское государство продавало продукты и товары своим соотечественникам в несколько раз дороже экспортной цены, по которой торговало этими товарами за границей» (с. 11). В итоге за каждые три с половиной золотых рубля покупатель получал товаров на один рубль (с. 473). Между голодной смертью и невыгодной уступкой государству семейных драгоценностей население выбирало второй вариант. В связи с этим невольно задумываешься о цикличности исторического процесса, когда приватизация государственных предприятий СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., названная в публицистической литературе «грабительской», стала своеобразным ответным ходом последнего поколения советских людей, наученных горьким опытом предков.

Обслуживая иностранных туристов и моряков, за весь 1931 г. Торгсин собрал 7 млн руб., а приступив к скупке золота у советских граждан, только за первый квартал 1932 г. вырубил более 7,5 млн руб. (с. 63). Ещё более впечатляющие результаты были получены в «голодном» 1933 г. Всего, по подсчётам Осокиной, в стране появилось около 1,5 тыс. отделений Торгсина, причём не только в областных, но и в окружных центрах.

Автор монографии обращает внимание на то, что конечным продук-

том, приобретаемым государством, были не драгоценные металлы (золото, серебро и платина), а доллары США, британские фунты стерлингов и другая валюта. Именно поэтому все денежные переводы из-за рубежа не доходили до конкретного получателя, оставаясь в Государственном банке. Взамен государство выдавало гражданину краткосрочные бумажные обязательства на приобретение товаров и продуктов в Торгсине, но основная часть суммы выплачивалась в рублях. Затем появились товарные ордера, которые заменили именные или заборные книжки. Обменять торгсиновские «деньги» обратно на золото и валюту было нельзя. Особенность проекта заключалась в том, что Советское государство получило валюту, купив золото у населения за товары сомнительного качества.

Осокина подробно характеризует различные тонкости и детали, связанные с золотым оборотом. По её данным, только в германские банки Советский Союз вывез более 260 т, в то время как промышленная добыча золота в стране в 1931–1933 гг. составила лишь 121 т, а Торгсин обеспечил почти 90 т в 1931–1934 гг. (с. 118). Вероятно, большая часть золотых запасов у населения иссякла в самом тяжёлом 1933 г. Золотой лом, чекан, оценка драгметаллов, их вес, переплавка в слитки, мировая и закупочная стоимость в СССР, денежные переводы родственникам из-за рубежа — вот только некоторые из вопросов, получивших освещение в рецензируемой монографии.

Определённый интерес вызывает соотношение закупочной и мировой цены на золото. По подсчётам Осокиной, люди недополучали 89 коп. за каждый сданный в Торгсин грамм золота, чему находилось вполне логичное объяснение — государство должно всегда иметь свою выгоду. Расхожде-

ние в закупочной и продажной стоимости принесло в бюджет около 15 млн долларов США, потраченных на иностранное оборудование для строительства гигантов советской индустрии. За время своей деятельности Торгсин получил из-за границы в переводах валюты почти на 47 млн руб., что, к примеру, позволило обеспечить оборудование цехов Магнитогорского металлургического комбината (с. 272).

В книге также обращается внимание на приобретение менее ликвидных серебра, бриллиантов и платины, описан варварский характер скупки антиквариата. Основным интерес вызывали произведения искусства и предметы роскоши и интерьера XVII–XVIII вв., в меньшей степени — ценности XIX — начала XX в. (с. 200, 236). Автор усматривает в этом невысокий уровень компетентности и профессионализма приёмщиков Торгсина.

Подробно Осокина останавливается на биографиях людей, возглавлявших Торгсин. В основном это были бывшие сотрудники ОГПУ или лица, поддерживавшие с ним тесную связь. Значительную часть их составляли евреи, связавшие свою жизнь с революцией ещё в дооктябрьский период (с. 401). Некоторые из руководителей Торгсина родились в семьях, занимавшихся предпринимательством и торговлей с XIX в. Хотя при решении кадровых вопросов политическое кредо оценивалось выше профессионализма, в данном случае руководство страны шло на компромисс.

Осокина отмечает, что если Торгсин действовал в сравнительно цивилизованных рамках того времени, то ОГПУ практиковало откровенный грабёж населения, аресты покупателей и экспроприацию их материальных ценностей, причём делалось это «по наводке» Торгсина. «Даже покупка хлеба в магазине могла стать рискованным приключением и обернуться

слежкой, обыском, конфискацией имущества и даже арестом. Советская повседневность имела авантюрный характер», — констатирует автор (с. 355).

Основные выводы и суждения Осокиной созвучны с идеями, высказанными «постревизионистами», по мнению которых советский опыт представлял собой органичную часть глобального процесса развития современного государства, особенностью которого были прагматизм, движение к прогрессу, стремление построить индустриальное и технологически развитое общество². Для достижения в том числе и этих целей Торгсин добыл ценностей на 287 млн руб., что было эквивалентом 222,7 т чистого золота или 200 млн долларов США. Бытовое золото, серебро и платина составили почти 70% всей скупки, а с учётом иностранной валюты, сданной как иностранцами, так и советскими гражданами (учёт вёлся не по группам покупателей, а по видам поступивших ценностей), вклад превышал 80% (с. 470). При этом Торгсин, сдавая все ценности в Госбанк, работал на государство и как торговое предприятие был убыточным (с. 478).

К достоинствам рецензируемой работы следует отнести попытку взглянуть на проблему не только со стороны государственных структур, объяснив их мотивацию, но и проанализировать поступки и логику действий населения. Повседневная жизнь представляет собой сложное и многогранное взаимодействие государственных институтов и конкретных людей, отстаивающих свои интересы. Это видно и по тому, как развивались экономические отношения в СССР в 1930-е гг. Население чутко прислушивалось к любому повороту во внутренней политике, мгновенно и по-своему отзывалось на изменения во внешнеполитической обстановке, на каждый слух о приближении войны, оперативно реагируя на открытие

колхозных рынков и коммерческих магазинов, не говоря уже об активизации «чёрного рынка». По мере улучшения продовольственного снабжения люди всё чаще начали ходить в магазины Торгсина за «деликатесами и модными новинками», играли и выигрывали на разнице цен в разных видах советской торговли. Держателю золота и валюты выгоднее было приобрести «продовольственные товары, реализовать их по существующим ценам на рынке и на вырученные червонцы купить товары в коммерческом магазине» (с. 302). Пока государство «подгоняло Торгсин под индустриализацию, люди приспособивали его для себя» (с. 521). Первый и единственный раз в истории СССР его граждане могли легально использовать иностранную валюту и золото в качестве средства платежа.

Осокина отмечает, что презрение И.В. Сталина и его окружения к благородному металлу и валюте вряд ли являлось показным. Как профессиональные революционеры они с неприязнью относились к таким категориям, как «товар», «рынок», «прибавочная стоимость», это были «понятия из другого, обречённого и побждённого, с их точки зрения, мира» (с. 59). Торгсин руководство страны оценивало как рассадник обывательщины, мещанства, пережиток капитализма, временно необходимый как один из способов выкачивания средств из населения для индустриализации. В целом, Торгсин с полным правом можно отнести к ключевым советским социально-экономическим институтам предвоенного десятилетия. Тем не менее проработал он всего пять лет и был упряднён в 1936 г., когда надобность в нём стала уже не столь острой. Стоит также отметить, что подавляющее большинство руководителей Торгсина погибли в период репрессий 1937—1938 гг.

Создание золотодобывающей промышленности в СССР во второй половине 1930-х гг. сняло остроту проблемы поступления валютных резервов. Преодоление сельскохозяйственного кризиса, отмена карточной системы, формирование государственно-кооперативной торговли, открытие колхозных рынков способствовали ликвидации Торгсина. Важную роль в прекращении его деятельности сыграла идейно-политическая мотивация, а также социально-экономические факторы, такие как оформление советского общества потребления. Однако неспособность руководства страны создать полноценную

и бездефицитную систему снабжения товарами в конечном итоге привела к отказу населения от советского типа социализма (с. 539).

Примечания

¹ *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2009; *Осокина Е.А.* Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина. М., 2019.

² *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994; *Kotkin S.* Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; *Журавлёв С.В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирование одежды в СССР, 1917–1991. М., 2013.

Наши авторы

Алмазов Михаил Григорьевич, кандидат исторических наук, преподаватель исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Андреев Дмитрий Александрович, доктор исторических наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Артёмов Евгений Тимофеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Белюсова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Воронин Всеволод Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Коллманн Нэнси Шилдс, профессор департамента истории Стэнфордского университета (США)

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Кононенко Анатолий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета

Кравчук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова (Симферополь)

Кружинов Валерий Михайлович, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета

Лукоянов Игорь Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Кампус в Санкт-Петербурге)

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН

Марасанова Виктория Михайловна, доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Мелентьев Фёдор Ильич, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории региональной истории России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный специалист Государственного архива Российской Федерации

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, директор Дирекции изучения истории МПГУ, профессор Московского педагогического государственного университета

Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ружицкая Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Саломатина Софья Александровна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Сокова Зинаида Николаевна, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета

Стафёрова Елена Львовна, кандидат исторических наук

Стрекалов Илья Николаевич, кандидат исторических наук

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского

Усачёв Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

Черников Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Липецкого государственного технического университета

Чжан Гуансян, доктор исторических наук, профессор Института Северо-Восточной Азии, научно-исследовательского центра по вопросам Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета (Чанчунь, КНР)

Шевырёв Александр Павлович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

Институты и общности

- А.С. Усачёв*
Епископат и военно-служилая знать в России XVI в. 3

Русское чиновничество XVIII в.

- С.В. Черников*
Служебные назначения представителей правящей элиты России 1725–1762 гг. . . . 18
- А.С. Кравчук*
Кадровое обеспечение органов управления Таврической области в 1784–1796 гг. . . . 31

Лица и взгляды

- И.В. Ружицкая*
«Великий реформатор» или «гениальный бюрократ»: М.М. Сперанский
в общественном мнении начала 1860-х гг. 38

Мнение историка

- А.П. Шевырёв. Оттепель 1855–1857 гг.: от николаевского времени
к эпохе Великих реформ 46**
- В.Е. Воронин: «Оттепель» или династический кризис? Александр II и великий князь
Константин Николаевич в 1855 г. 60*
- Ф.И. Мелентьев: Оттепель и воспитание наследника престола 67*
- Е.Л. Стафёрова: Пролог Великих реформ (штрихи к портрету бюрократов-
реформаторов 1860-х гг.) 73*
- А.В. Мамонов: Несостоявшийся идеолог «оттепели» М.П. Позен 81*

Война и гласность

- И.К. Богомолов*
Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны 96

Профессия и сообщество

- Чжан Гуансян*
Аграрная политика самодержавия на рубеже XIX–XX вв. в советской
и российской историографии 1960–2010-х гг. 118

Диалог о книге

- А.В. Островский. Россия. Самодержавие. Революция.**
- И.В. Лукоянов: Революция 1905 г. в трактовке А.В. Островского 128*
- Д.А. Андреев: Самодержавие перед поворотом к конституции 135*
- О.В. Белоусова: Родственные отношения внутри элиты Российской империи –
недооценённый фактор или ложный след? 140*

<i>С.А. Саломатина: История финансов и банков в современных дискуссиях о Российской империи</i>	145
<i>М.Г. Алмазов: Действия московской власти в 1905 г. в интерпретации А.В. Островского</i>	151
<i>И.Н. Стрекалов: Новейшая попытка пересмотра истории Первой русской революции</i>	158

История власти

<i>В.М. Кружинов, З.Н. Сокова</i> Дискуссия о профсоюзах на Урале	161
<i>М.А. Фельдман</i> Рождённый в годы нэпа. Первый пятилетний план: жизнь и судьба	172
<i>Е.Т. Артёмов</i> Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н.С. Хрущёва	186
<i>В.Н. Томилин</i> Была ли разорительна для колхозов реформа 1958 г.?	199
<i>И.В. Кометчиков</i> Тульское «рязанское дело»: руководство области в борьбе за «большое мясо» 1959–1960 гг.	218

Обзоры и рецензии

<i>Н.Ш. Коллманн</i> — Очерки истории уголовно-исправительной системы	232
<i>Н.И. Никитин</i> — Служилые люди Сибири конца XVI — XVIII века: библиографический словарь	237
<i>В.М. Марасанова</i> — Региональная власть в личном измерении	242
<i>А.С. Минаков</i> — В.Ф. Романов. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.)	245
<i>Ф.А. Гайда</i> — Ю.С. Дюшен. Дневник петроградского чиновника. 1917–1918 гг.	250
<i>А.С. Пученков</i> — Ленин — великий сказочник?	254
<i>А.А. Кононенко</i> — Е.А. Осокина. Золото для индустриализации: Торгсин	258
Наши авторы	263

CONTENTS

Institutions and communities

- A.S. Usachev (Russian State University for the Humanities, Moscow;
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia)*
Episcopate and military service nobility in Russia of the 16th century 3

Russian officialdom of the 18th century

- S.V. Chernikov (Lipetsk State Technical University, Russia)*
Service appointments of the Russian ruling elite officials (1725–1762) 18
- A.S. Kravchuk (Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
Simferopol, Russia)*
Staffing Support in Taurida Oblast (1784–1796) 31

Persons and views

- I.V. Ruzhitskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«Great Reformer» or «Brilliant Bureaucrat»: MM. Speransky in public opinion
in the early 1860s 38

The historian's opinion

- A.P. Shevyrev (Lomonosov Moscow State University, Russia). The Thaw of 1855–1857:
From the Epoch of Nicholas I to the Epoch of Great Reforms** 46
- V.E. Voronin (Moscow State Pedagogical University, Russia): «Thaw» or dynastic crisis?
Alexander II and Grand Duke Konstantin Nikolayevich in 1855* 60
- F.I. Melentev (State Archives of the Russian Federation, Moscow; HSE University,
Moscow, Russia): The Thaw and education of the Heir to the Throne* 67
- E.L. Staferova (Moscow, Russia): Prologue of the Great Reforms (touches to the portrait
of reform bureaucrats of the 1860s)* 73
- A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
The failed ideologist of the «thaw» M.P. Posen* 81

War and Glasnost

- I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy
of Sciences, Moscow)*
The State Duma and Censorship Policy in Imperial Russia during the First World War . . . 96

Profession and the community

- Zhang Guangxiang (Northeast Asian Research Center of Jilin University, Northeast Asia
Research Institute of Jilin University, Changchun, China)*
Soviet and Russian historiography of agrarian policy in late imperial Russia (1960–2010's) . . . 118

Discussing recent books

- A.V. Ostrovskiy. Russia. Autocracy. Revolution.**
- I.V. Lukoianov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences):
A.V. Ostrovskii's interpretation of the revolution 1905* 128

<i>D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): Russian autocracy before the turn to the constitution</i>	135
<i>O.V. Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia): Family relations within the elite of the Russian Empire – an underestimated factor or a false trail?</i>	140
<i>S.A. Salomatina (Lomonosov Moscow State University, Russia): Contemporary Discussions on Finance and Banking of the Russian Empire</i>	145
<i>M.G. Almazov (Lomonosov Moscow State University, Russia): A.V. Ostrovskii on the actions of the Moscow authorities in 1905</i>	151
<i>I.N. Strekalov (Moscow, Russia): The latest attempt to revise the history of the First Russian Revolution</i>	158

History of power

<i>V.M. Kruzhinov, Z.N. Sokova (both – University of Tyumen, Russia)</i> The Discussion about Trade Unions in the Urals	161
<i>M.A. Feldman (Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia)</i> Born during the NEP years. The first five-year plan: life and destiny	172
<i>E.T. Artemov (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)</i> Failed acceleration: military-strategic factor in Khrushchev's economic policy	186
<i>V.N. Tomilin (Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Russia)</i> Was the 1958 reform ruinous for the collective farms?	199
<i>I.V. Kometchikov (Kaluga State University, Russia)</i> The Tula's «Ryazan affair»: regional leadership in the struggle for the «Big Meat» (1959–1960)	218

Reviews

<i>N.Sh. Kollmann (Stanford University, USA)</i> Rec. ad op.: Ocherki istorii ugolovno-ispravitel'noy sistemy	232
<i>N.I. Nikitin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: Sluzhilye liudi Sibiri kontsa XVI – XVIII veka: biobibliograficheskiy slovar'	237
<i>V.M. Marasanova (P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia)</i> Regional power in the personal dimension	242
<i>A.S. Minakov (Moscow Pedagogical State University, Russia)</i> Rec. ad op.: V.F. Romanov. Starorezhimniy chinovnik (iz lichnykh vospominaniy ot shkoly do emigratsii. 1874–1920 gg.)	245
<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow, Russia)</i> Rec. ad op.: Yu.S. Diushen. Dnevnik petrogradskogo chinovnika. 1917–1918 gg.	250
<i>A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia)</i> Is Lenin a great storyteller?	254
<i>A.A. Kononenko (Tyumen State University, Russia)</i> Rec. ad op.: E.A. Osokina. Zoloto dlia industrializatsii: Torgsin	258
Contributors to this issue	263